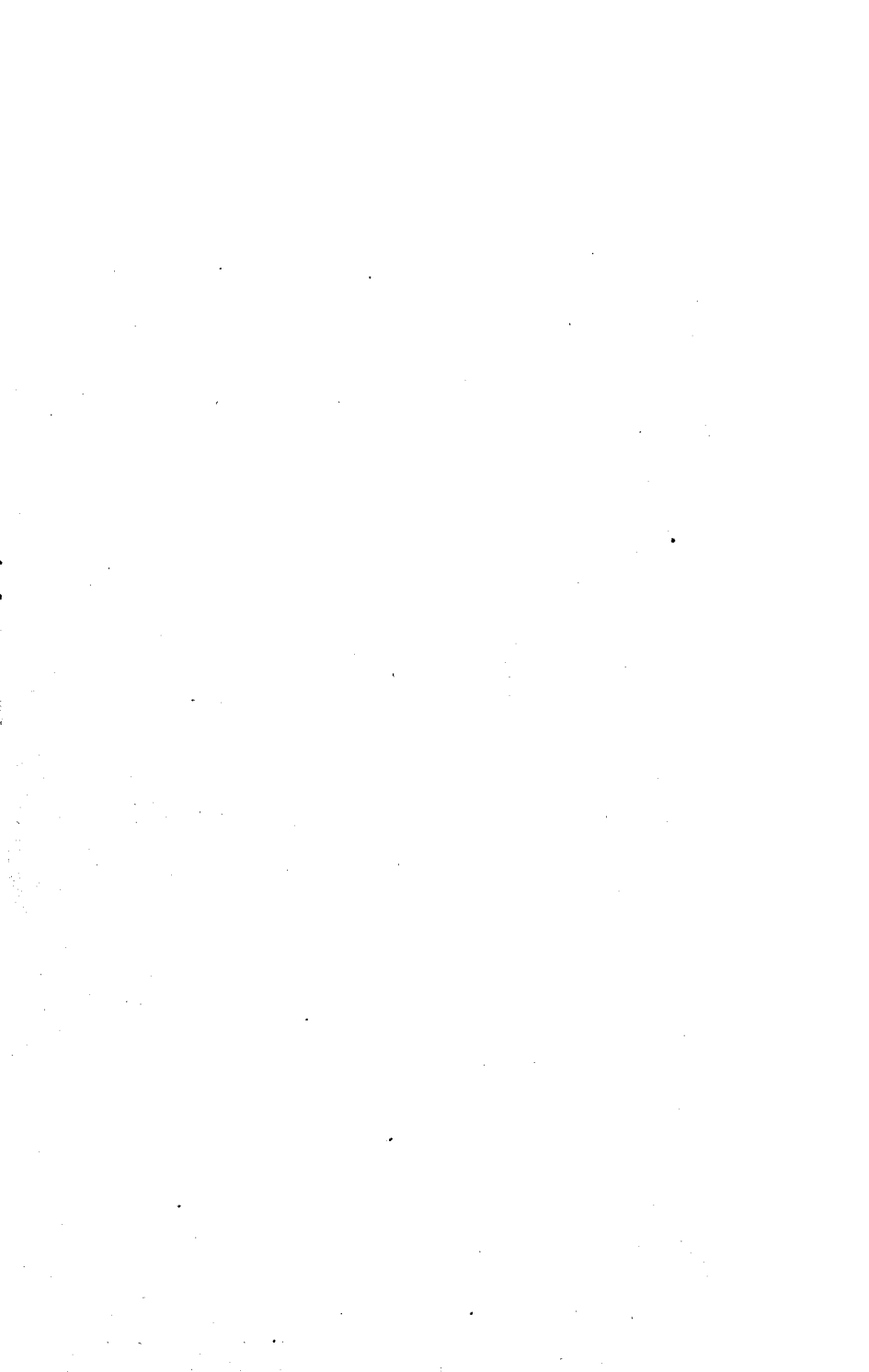

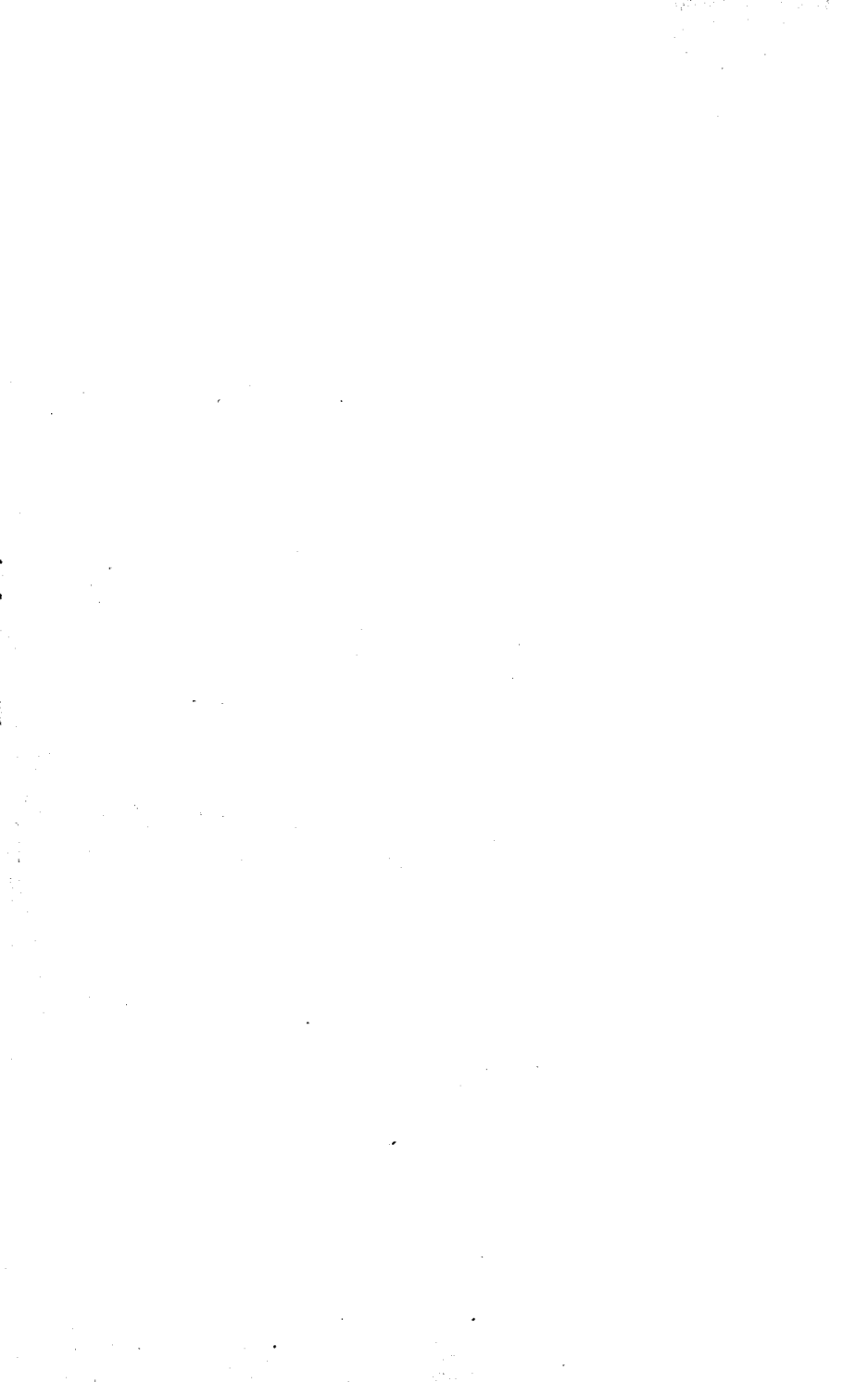
БЕРЕГА СМЕРТИ

БЕРЕГА СМЕРТИ

**СБОРНИК
ФАНТАСТИЧЕСКИХ
РОМАНОВ
БЕРЕГА СМЕРТИ**

**РИПОЛ
Джокер
1992**

ББК 84.7 США
Б 35

Серия «ДЖОКЕР»

Сборник фантастических романов

Издательство выражает благодарность Майклу Муркоку
за предоставленные права на издание
повести «Берега смерти».

Автор и составитель серии
Андронкин Кирилл Юрьевич

Главный художник
Атрошенко Сергей Петрович

Главный редактор
Молчанова Ирина Давидовна

Редакторы
Лебедева Я.Л.
Рудакова С.М.
Федякин С.

Художники
Хромов А.А.
Атрошенко С.П.

Корректоры
Зубина К.И.
Рохлина Н.А.

Технический редактор
Дырын Ш.Ш.

Под одной обложкой собрались три очень знаменитых, но
очень разных автора: блестящий сюжетчик Майкл Муркок,
великий выдумщик Роджер Желязны и тонкий психолог и
юморист Пирс Энтони. Объединяет их главное: неисчерпае-
мая фантазия и умение увлечь читателя с первых же строчек
своих произведений.

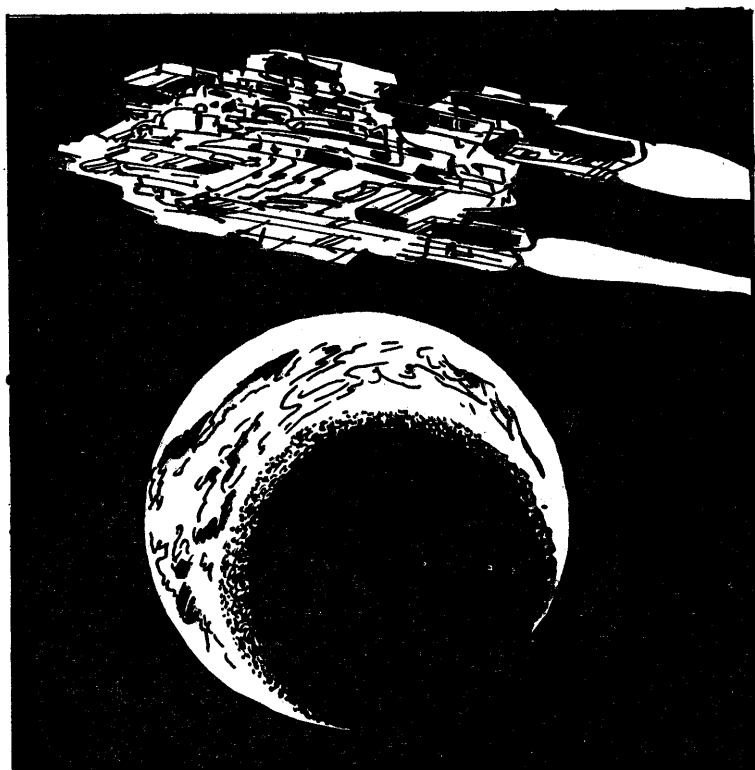
Б 4703040100-022 без объявл.
070219-92

ISBN 5-87012-022-8

- Издание осуществлено с разрешения ЛИА «БАЗИАТ»
- © РИПОЛ, Джокер, 1992
 - The Shores of Death
 - © 1978 by Mickael Moorcock
 - © Перевод Л.Ворошиловой, В.Курганова, Г.Палагуты, 1992
 - © Обложка С.Атрошенко, 1992
 - © Внутреннее оформление А.Хромова, 1992
 - © Составление серии К.Андронкина, 1992

МАЙКЛ МУРКОК

БЕРЕГА СМЕРТИ

ПРОЛОГ

Однажды она сказала отцу, что беременна, и он, не задумываясь, ответил:

— Мы должны избавиться от ребенка.

Но почти тут же в его больном воображении возникла новая идея, и он, обняв свою дочь за плечи, прошептал:

— Все-таки, дорогая, пожалуй было бы несправедливо — отнимать чью-то жизнь, когда она столь редка в нашей части мира. Давай посмотрим, выживет ли ребенок? Пусть решит природа...

Они жили в сумеречной зоне в уродливо-гротескной башне, выстроенной несколько столетий назад из стали и оргстекла архитектором-неонатуралистом. Асимметричные очертания постройки напоминали чудовищное мертвое растение. День за днем башню обдувала красная пыль, а редкие пятна коричневого лишайника покрывали ее основание.

Башня отбрасывала огромную черную тень на скалистую равнину, и эта тень никогда не двигалась, потому что вот уже в течение многих поколений Земля не вращалась вокруг своей оси. Космические пришельцы навсегда остановили вращение планеты, безжалостно нарушив ход развития земной цивилизации, разграбили Землю, они захватили все, что им требовалось, и отправились дальше в своем безумном, нескончаемом движении по Вселенной.

Но один из них все-таки остался — птицеподобное, двуногое существо — он-то и поведал людям о том, что его народ упрямо ищет края Вселенной, чтобы низвергнуть себя вместе с кораблями в забытые абсолютной пустоты. Речи инопланетянина были туманны, и понять удалось лишь одно: его народ был гоним какой-то тысячелетней виной. Вот и все, что успели выяснить до того, как инопланетянин покончил с собой.

Узнав об этом, немногие, выжившие после набега, с почерпнутой обреченных восприняли свою судьбу, осознавая всю незначительность собственного горя в сравнении с грандиозным безумием космических путешественников.

И вот теперь Земля вращалась вокруг Солнца с вечным днем на одном полушарии и с вечной ночью на другом и разделявшими их сумеречной и рассветной зонами.

В результате колоссальных экологических потрясений в психике людей возникло множество самых разных изменений. Некоторые были на удивление удачны, другие — нет. В малонаселенной сумеречной зоне, где проживали Валта Марка и его дочь, обитатели полностью замкнулись в себе, крайне редко покидая свои башни-крепости и посвящая все свободное время эксцент-

ричным хобби, развлечениям и экспериментам, характерным для мрачных, болезненно-самовлюбленных натур.

В этой сумеречной зоне дети почти не рождались — настолько деградировали ее обитатели, и со временем стало едва ли не традицией в случае зачатия уничтожать эмбрион. Решение Валты Марка, оставить жить своего ребенка от кровесмесительного союза, — было решением человека, у которого уже давно притупились умственные способности и эмоции. Убедив свою дочь не прерывать беременность, он с болезненным интересом стал ожидать родов.

И вот в сезон ветров, в 345-м году после набега, у Валты Марка и его чахлой дочери Бетильды родился сын. Несчастливая мать, немного поболев, скончалась.

Плод противоестественного союза — Кловис Марка оказался удивительно крепким ребенком, он цеплялся за жизнь со всей страстностью дикого побега и со временем вырос в сильного и здорового юношу. Он расцвел, несмотря на разочарованное равнодушие отца, который ожидал рождения какого-нибудь экзотического уродца, втайне надеясь, что это будет девочка. С ней он рассчитывал и дальше продолжить свои отвратительные эксперименты. Вероятно, поэтому, когда Кловис подрос, Валта Марка окончательно потерял к нему интерес.

У Кловиса было хрупкое телосложение, как и у его матери, но в отличие от Бетильды в нем чувствовалась воля к жизни, подкрепленная, возможно, подсознательным пониманием обстоятельств, приведших его в этот мир. Пожалуй, воля к жизни с самого рождения была наиболее примечательной чертой его характера.

Кловис оказался умным, способным мальчиком и, несмотря на равнодушие отца к его воспитанию, сумел стать независимой, самостоятельной личностью. Когда ему исполнилось всего двенадцать лет, его отец умер. Кловис кремировал тело, запер родовую башню и двинулся в путь, на поиски дневной зоны, куда он вот уже несколько лет мечтал попасть.

Здесь Кловис Марка нашел мир, совершенно непохожий на тот, который знал. Общество практически достигло совершенства. Оно развивалось энергично, без насилия и сохраняло стабильность без малейшего признака застоя. В основе этого общества лежало множество факторов, главным из которых была малочисленность населения, обслуживаемого самым высокоразвитым производством и имеющего разумную административную систему. Процветали все виды искусств, царила всеобщая грамотность, и люди склонялись к философскому восприятию мира. Кловису дневной мир показался раем. Его тепло приняли и охотно позаботились о нем. Очень

быстро Кловис не только принял мировоззрение дневных обитателей, но и привык к их образу жизни, словно всегда и был одним из них.

Он заинтересовался административной стороной нового общества и решил попробовать себя на этом поприще. Начав с победы на выборах в местный комитет, Кловис затем стал членом Верховного Совета и наконец занял должность Верховного Администратора — Председателя Совета. Им восхищались буквально все и уважали за умение разобраться в ситуации, принять правильное решение в критический момент, за глубокое понимание процессов, управляющих как отдельной личностью, так и обществом в целом. Все соглашались, что он был лучшим Председателем Совета, когда-либо жившим на Земле.

Всеми уважаемый Кловис Марка был знаменит своими философскими эссе, стоицизмом, бескорыстным служением людям, добротой и мудростью. Многие могли бы сравниться с ним в большинстве качеств, но никто столь счастливо не соединял их в себе. Кловис Марка был удивительным человеком, едва ли не обожествляемым любимцем всего мира.

Он занимал свой пост пятый год, когда ученые объявили о грозящей миру катастрофе.

Вот уже в течение многих десятилетий у дневных обитателей не рождались дети. Об этом не задумывались, так как продолжительность жизни достигла трехсот лет. Предполагалось, что люди не спешат осложнять себе жизнь. В конце концов, медики забили тревогу, и обнаружилось, что подавляющее большинство населения все-таки пыталось иметь детей, но безрезультатно.

К этому времени физика и биология оказались науками, которые в последние двести лет практически не развивались. Ими занимались лишь постольку, поскольку это требовалось для сохранения комфортных условий жизни.

А между тем рост якобы безвредного омега-излучения был зарегистрирован еще в прошлом столетии. Считалось, будто это излучение является побочным эффектом тех загадочных сил, которыми воспользовались космические путешественники, чтобы остановить вращение планеты. Оно благотворно повлияло на многие виды растений: Землю теперь покрывали цветочные леса, исчезли сорняки. Кроме того, считалось, что омега-излучение каким-то образом связано с увеличением продолжительности жизни.

Однако исследования показали, что именно это излучение самым непосредственным образом повлияло на детородные функции. Одним словом, все мужчины и женщины этого общества оказались стерильны.

Сначала никто не воспринял это, как катастрофу. По сумеречным зонам были разосланы эмиссары в поисках людей, способных воспроизводить потомство. Но независимо от того,

повлияло на обитателей этих зон излучение или нет, они полностью утратили половую потенцию. Валта Марка оказался последним отцом, а Кловис Марка — последним ребенком сумеречной зоны.

Даже на ночное полушарие отправили несколько экспедиций, однако, как было давно известно, там никто не жил.

Значит, космос?

Несколько тысячелетий назад, ценой многих жизней и огромных затрат, Марс и Ганимед, спутник Юпитера, были трансформированы в подобие Земли. Колонии снабжали Землю сырьем для производства пищи и полезными ископаемыми. После разрушительного набега необходимость в них отпала, поскольку население планеты резко сократилось. Теперь на Марсе и Ганимеде оставались маленькие группы для создания запасов сырья на крайний случай. Эти отряды менялись каждые три месяца — максимальный промежуток времени, который человек мог прожить вдали от Земли и не потерять рассудок.

Именно поэтому все космические экспедиции к далеким звездам прекратились вскоре после того, как был освоен ближайший космос. Феномену находились и психологические причины, и физиологические, и полумистические, но факт оставался фактом — люди, отлученные от Земли больше чем на три месяца, сходили с ума от ужаса, который всплывал откуда-то из глубин мозга и не поддавался никакому контролю. Термин — космофобия был создан для обозначения неопысчимо-тягостного состояния, возникающего при расставании с родной планетой. Можно было при помощи разных ухищрений облегчить течение болезни, но не предотвратить ее.

И все же сохранялась надежда, что люди, работавшие на Марсе и Ганимеде по несколько месяцев каждый год, получили не такую большую дозу облучения, как те, кто Землю не покидал.

Надежда оказалась напрасной. Тогда вспомнили о давних, едва ли заслуживавших доверия слухах о том, что вскоре после прилета инопланетян на Титане, спутнике Сатурна, была основана колония. Колонисты будто бы сумели приспособиться к новым условиям жизни, правда, превратившись в немислимых уродов. Полулюди, получудовища, казалось, хоть как-то могли исправить положение. Отчаяние людей дошло до того, что к Титану была послана добровольная экспедиция. Она так и не вернулась.

Приходилось смотреть суровой правде в глаза: пришельцы-грабители, возможно, не сознавая этого, уничтожили человечество. Через двести лет на Земле умрет последний человек — таков был предполагаемый срок жизни самой молодой представительницы человечества. Ее звали Фастина Кахмин.

Когда пришло осознание неизбежности гибели, общество дневной стороны точно сошло с ума, и начался непрерывный,

нескончаемый душераздирающий праздник. Это были своего рода поминки, поминки, которые справляли по себе обреченные на смерть.

Кловис Марка вышел в отставку и исчез.

Внезапный шок от осознания того, что ни у него лично, ни у всего человечества нет будущего, пробудил дремавшее подсознание Кловиса. Им двигал тот самый инстинкт, который помог ему выжить при рождении и в детстве. В нем вновь проснулась неутолимая жажда жизни.

А поминки все продолжались, и признаки подавляемой истерии постепенно стали проявляться в моде, в искусстве, даже в темах бесед. Время от времени люди вспоминали о Кловисе Марке и удивлялись: куда же он исчез и, главное, зачем? И хотя все уже привыкли к примерам ранее не свойственных им иррациональных поступков, все-таки поражало, что Кловис Марка, их полубожество, так быстро надломился. Правда, ходили слухи, что он пытается найти путь к спасению, и люди уверяли друг друга, будто так оно и есть. Мысль о том, что Марка жертвует собой ради общества, в какой-то степени утешала их. В то же время все прекрасно понимали: ни малейшей надежды у них нет.

Кловис Марка отсутствовал почти целый год, а потом неожиданно вернулся.

Его возвращение ознаменовалось очередным празднеством, может быть, более бурным и экспрессивным, чем предыдущие. Вот и все.

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава 1

ЕСТЬ ЧЕГО БОЯТЬСЯ

Это был восхитительный праздник. Шумная, пестрая толпа окружала Кловиса, поражала разнообразием ярких, карнавальных костюмов. Впрочем, иногда его внимание привлекали странные бесполое фигуры в темных безобразных хламидах и темных масках, бритые головы которых, казалось, никого не удивляли. Кроме того, Кловис заметил, что в царившем вокруг веселье прорывались изредка истерические нотки.

— «Им просто необходимо забыться!» — подумал он.

Псевдокварцевые стены зала были полупрозрачны и расцвечены, словно радуга, а колонны, арки и галереи разбивали про-

странство на отдельные уютные уголки, куда проникала музыка, так соответствовавшая настроению веселящейся толпы.

Кловис попытался расслабиться. Официант — человекоподобный робот, разъезжавший на замаскированных колесах, притормозил рядом с ним, предлагая напитки. Кловис Марка протянул руку, взял бокал и вдруг увидел своего преследователя. Загадочное лицо этого человека скрывалось в тени, однако Марка сразу узнал его из-за странной скошенной посадки головы.

Марка рассеянно отпил из бокала, размышляя: не стоит ли подойти и потребовать объяснений, однако его удерживал безотчетный страх.

Решив, что поддаваться этому чувству нелепо, Марка нахмурился, поднялся и присоединился к толпе гостей. Обладая высоким ростом, он легко мог видеть поверх голов неподвижную фигуру своего преследователя у противоположной стены.

Почти машинально Марка двинулся вперед. Все вокруг вдруг показалось ему нереальным. Он едва сознавал, что его то и дело толкают, а общий шум казался таким отдаленным, что почти не воспринимался.

Кловис слишком долго откладывал эту встречу. У него была возможность поговорить с этим человеком еще на Марсе и Ганиমেде, да и на Земле им уже пришлось столкнуться несколько раз, но почему-то, при каждой новой встрече, он отступал перед своим иррациональным нежеланием признать, что этот человек существует и его постоянное присутствие — не случайность.

Он знал только его имя — мистер Тейк. Это имя он выудил из списка пассажиров корабля, на котором они вместе летели на Марс. А устаревшая форма обращения, которую этот человек предпочитал употреблять, была еще одной странностью, свойственной обитателям сумеречной зоны. Кроме того, вероятно, «мистер Тейк» — только псевдоним.

Подавив страх, Марка стал продвигаться еще быстрее.

Над головой, громко хохоча, левитировал какой-то толстяк. Кловису никогда раньше не доводилось слышать подобного смеха. В нем сквозили нотки неуверенности и истерии. Толстяк повернул к ближайшей галерее, откуда свесились хохотававшие мужчины и женщины, пытаясь поймать его. Сам летун так заливался, что едва мог управлять своим полетом. В его руке была бутылка, и когда толстяка занесло, словно пьяного гигантского шмеля, она перевернулась, и ее содержимое — золотистое вино — дождем хлынуло на головы танцующих. Несколько капель попало Кловису в глаза. Он остановился, вытер лицо и потерял из виду мистера Тейка.

Пристально осматривая бурлящий зал, Марка, наконец, сумел заметить удалявшегося Тейка. Толпа, словно пеняща-

яся струя перед носом корабля, раздавалась в разные стороны, пропуская его. Марка остановился, пожав плечами. Он явно испытывал облегчение от того, что этот человек покидает зал.

И тут Тейк обернулся. Тощий, бледный, с выцветшими глазами и припухшими веками, он по-прежнему держал голову слегка склоненной на бок. На этот раз он смотрел прямо на Кловиса.

Марка снова пожал плечами и тут же почувствовал, что кто — то тронул его за руку. Старый друг — Нарво Велюзи, человек, взявший на себя заботу о Кловисе, когда много лет назад он, еще совсем мальчик, прибыл на дневную сторону Земли. Нарво Велюзи исполнилось недавно двести девяносто лет. Возраст приближал этого человека к последней черте. Однако лицо его оставалось молодым. Голубые глаза не утратили прежней живости, а волосы даже не поседели. Когда он заговорил, его голос звучал мягко, но в нем чувствовалось скрытое напряжение.

— Тебе нравится сегодняшний вечер, Кловис?

Марке стало неуютно от того, что Велюзи все еще держал его за руку. Никогда раньше Кловис не задумывался о возрасте друга, но сейчас именно эта мысль в первую очередь пришла ему в голову. Однако он заставил себя улыбнуться:

— Прекрасно, Нарво. Я рад, что ты здесь и...

— Не вижу, чтобы ты особенно веселился. Вероятно, я поторопился. Мне надо было дать тебе как следует отдохнуть, прежде чем устраивать вечер. В конце концов, ты только сегодня вернулся.

— Нет, нет, все хорошо. Просто замечательно оказаться снова среди друзей! — он посмотрел в сторону, куда двигался Тейк, но тот уже исчез. — Ты приглашал человека, называющего себя мистером Тейком?

Велюзи покачал головой:

— Ты надеялся встретить его здесь? Тогда он должен быть. О вечере знали все.

— Он уже был здесь и куда-то пропал.

— Мне все же кажется, что ты себя неважно чувствуешь, Кловис.

Марка с трудом улыбнулся:

— Наверное, я немного устал, но я еще побуду, как-то невежливо уходить так рано.

— Ничего подобного. Пошли. Дом для тебя готов. Если ты...

— Нет, я останусь. Так ты ничего не слышал об этом мистере Тейке? Он странный человек.

— Не помню. А почему тебя это так интересует?

— Я видел его раньше и не только на Земле. На Марсе и Ганимеде тоже. Он словно преследует меня.

Велюзи вытянул губы трубочкой. Марка знал: его старый

друг слишком вежлив, чтобы прямо поинтересоваться, где он был и почему так долго отсутствовал. Велюзи, очевидно, надеялся услышать больше, и Марка неудобно было молчать, но он давно уже решил не делиться своими мыслями ни с кем.

— Завтра мы сможем узнать, кто такой Тейк и где он находится, — сказал Велюзи с улыбкой.

Он опять взял Марка под руку. И снова это вызвало в Кловисе раздражение, но он позволил Велюзи повести его к ближайшему гравифильту.

— Идем, Кловис, идем. Подбодрись. Давай заглянем к моим друзьям? Думаю, ты почти всех знаешь.

Гравифильт представлял собой округлую шахту, пронизывающую дом сверху донизу. В основании находился генератор, а кнопки у входа в лифт задавали направление движению. Внутри проема был поручень, взявшись за который, можно было остановиться. Овладение антигравитацией изменило лицо цивилизации столь же значительно, как когда-то овладение атомной энергией.

Они поднялись на самый верх. На галерее было несколько человек, лежавших в шезлонгах и тихо разговаривавших друг с другом. Многих Кловис действительно знал. Он вежливо поприветствовал всех и опустился в шезлонг рядом с Велюзи. В нескольких мужчинах и женщинах Марка узнал бывших членов Совета, очень многие последовали его примеру и оставили свои посты. Административными делами занимались теперь считанные единицы.

Марка удивился, увидев здесь Бранда Каллакса — Старосту Ганимеда, увлеченно беседовавшего с Андросом Алмером, бывшим контролером общественных коммуникаций. У Каллакса сейчас должна была начаться трехмесячная вахта на Ганимеде. Так почему же он оказался здесь?

Мирона Пелва, рыжеволосая, начинающая полнеть женщина, сладко улыбнулась Марка. Она никогда не была толстухой, но, к сожалению, перестала следить за собой после ошеломляющей новости прошлого года.

— Ну, как космос?

Совершенно очевидно, ее точно так же, как и Велюзи, мучило любопытство.

— Отвратительно, — улыбнулся Марка.

— Не удивительно, с космофобией не шутят, — она сочувственно покачала головой, и ее воздушная прическа заколыхалась. — Целый год! И ты все это время провел в космосе?

— Не все.

— Кто-то говорил, будто ты побывал в сумеречной зоне? — сказал незнакомец с узким лицом, скрытым полупрозрачной золотистой маской.

Это маскарадное новшество, очевидно, вошло в моду с тех пор, как Марка покинул дневную сторону.

— «Весьма симптоматично для подавленной истерии, которая сейчас охватила обитателей дневного мира» — подумал он.

Кловис решил, что манеры за этот год отнюдь не улучшились. Велюзи переменил тему разговора:

— Ты еще не видел новый роман Карлиона, Кви́ро? — спросил он человека в золотистой маске. — Это изумительно, Кловис. Производит сильное впечатление.

Марка почувствовал себя уютней, когда беседа перешла на общие темы. Немного погодя он поднялся и подошел к Бранду Каллаксу и Андросу Алмеру. Казалось, они о чем-то серьезно спорили, но при его приближении разговор прервался.

— Присаживайся, Кловис, — пригласил его Андрос. — Совет распался после твоей отставки, да и, как видно, в нем уже нет необходимости. Мы с Брандом обсуждаем его предложение об отправке еще одной экспедиции на Титан. Что ты об этом думаешь?

Марка пожал плечами:

— Еще несколько ненужных смертей. И кроме того, кто же согласится пойти добровольцем?

Бранд Каллакс, приземистый и плотный, был одет в красный костюм и сапоги на низких каблуках. Его голову украшал оранжевый тюрбан. Говорили, будто родился он в космосе и, без сомнения, лучше других переносит космофобию.

— Я пойду добровольцем, — сказал Каллакс.

— Это долгое путешествие, — заметил Марка.

Андрос Алмер скорчил гримасу. У него было смуглое, загорелое лицо, слегка раскосые глаза, выступающие скулы и полные губы. Выражение лица его всегда было подчеркнуто надменным.

— Бессмысленное путешествие, — заявил он.

— Но ты же согласился, что сдаваться нельзя, — прогудел Каллакс. — И что ты предлагаешь?

— Все, что угодно. Но незачем рисковать жизнью или раскусом ради космического путешествия к планете, которая едва ли обитаема. Погоня за призраком надежды бессмысленна!

Алмер перевел дух и собрался продолжить, но заговорил Бранд Каллакс:

— Я же сказал тебе: большая экспедиция действительно высадилась на Титан. Я сам лично обогнул планету и видел останки кораблей. Я видел следы какого-то поселения!

— Ты видел все это с огромного расстояния! — возразил Алмер. — К тому же у тебя нет никакой уверенности в том, что это действительно были корабли и здания. Твои глаза могли тебя обмануть. Может, ты видел только то, что хотел видеть! Почему ты не приземлился?

Марка внимательно прислушивался к их разговору.

— У меня было слишком мало топлива, и начиналась космофобия, — вспыхнул Каллак.

— Итак, единственное доказательство — это наблюдения, которые ты сделал. — Алмер развел руками. — Хрупкое свидетельство, согласишься. И все же ты возвращаешься на Землю и просишь о постройке специального корабля для спасения «ущелевших». Но подумай, даже если там были корабли и здания, с чего ты взял, что на Титане можно выжить?

— Можно, — упрямо повторил Каллак. — Я же однажды провел девять месяцев вдали от Земли.

— Так то ведь девять месяцев, к тому же ты — не типичен. А эта группа на Титане, как предполагается, находится там около четырехсот лет!

Каллак повернулся к Кловису Марка:

— Ведь это возможно, Кловис?

Марка покачал головой:

— Вероятность слишком мала. Правильно ли я понял: ты хочешь построить корабль, способный доставить тебя на Титан и привезти обратно людей, которые, ты думаешь, там живут?

— Потомков первых поселенцев, — заметил Каллак. — Это шанс, достойный любого риска. Когда комплектовалась экспедиция, меня здесь просто не было, а то бы я пошел добровольцем. Уж я бы наверняка добрался до Титана.

— Возможно, — согласился Алмер. — И все-таки, мне кажется, мы должны сконцентрировать свои усилия на чем-то более позитивном. Например, создавать искусственные гены.

— Это уже однажды пытались сделать. Но успеха добиться не удалось, — Каллак подлил себе вина.

Марка ясно ощутил глубокую неприязнь между Алмером и Каллаксом, хотя, казалось, причин для этого не было. Во всяком случае, видимых. Если Каллак так хочет лететь к Титану, то, в конце концов, разве это не его личное дело?

Он уже собрался было высказаться по этому поводу, когда все вдруг оглянулись. Шум внизу внезапно стих.

Марка подошел к краю галереи и перегнулся через невидимые силовые перила.

Зал пустел прямо на глазах. Только что веселившиеся люди, точно обезумев, бежали прочь.

Когда дом покинул последний гость, стало очень тихо. Всюду по полу валялся мусор, и дуновение сквозняка шевелило разноцветные бумажки.

Почти в самом центре зала, рядом с тахтой, Марка заметил неподвижно лежавшего на полу человека.

Алмер, Каллак, Велюзи и все остальные подошли к силовым перилам, а Марка уже повернулся и побежал к гравии.

лифту. Он быстро спустился, пересек зал и наклонился над лежащим.

Человек был одет по последней моде: ржавого цвета маска скрывала лицо, а подпоясанный темно-синий плащ разметался по полу.

Марка присел и пощупал пульс. Человек был мертв. Сзади послышались шаги Велюзи и Алмера.

— Что с ним? — поинтересовался Андрос.

— Мертв, — ответил Марка.

Он стянул маску. Мужчина был стар. Вероятно, смерть наступила от сердечного приступа.

Велюзи отвернулся и прокашлялся. Алмер смутился.

— Почему же они все так странно себя повели? — недоуменно спросил Марка. — Так внезапно покинуть зал... Даже не попытались помочь ему или...

— Вероятно, они решили продолжить вечеринку где-нибудь в другом месте, — предположил Велюзи. — Так обычно все и случается. Они просто сбегает куда-нибудь.

— Не понимаю, — встревоженно произнес Марка. — Ты хочешь сказать, что они вот так, запросто, бросают мертвого человека?

— Обычно так, — подтвердил Алмер. — И вины тут некого. Правильно?

— Не понимаю, — неодобрительно повторил Марка. — Что здесь вообще происходит, Андрос?

— Не догадываешься? — тихо спросил Велюзи. — Неужели ты действительно ничего не понимаешь, Кловис?

Глава 2

КОГО-ТО ПОЛЮБИТЬ

Фастина Кахмин целый год ждала Кловиса Марка, но именно в день его возвращения она спала. Она могла не спать чрезвычайно долго и так же долго потом отсыпалась. Проснувшись после трехдневного сна, Фастина получила от Андроса Алмера записку, сообщавшую о прибытии Кловиса.

Фастина Кахмин была вдовой. Ее муж был одним из добровольцев последней экспедиции на Титан. Ей было двадцать восемь, и она была самой молодой женщиной мира. Последним ребенком дневной стороны Земли, так же, как Кловис Марка был последним ребенком сумеречной зоны.

Стройная, с высокой грудью, с золотистой кожей. Ее очень украшали густые черные волосы, а голубые сияющие глаза

точно освещали маленькое, овальное, с широким ртом лицо. Она знала о предстоящей ей долгой жизни, она жила и радовалась, что в то время было чрезвычайной редкостью.

До гибели мужа она знала Кловиса Марка только как официальное лицо, но была влюблена в него уже давно. Муж любил ее, и иногда ей казалось, что именно узнав о ее чувствах к Марку, он и отправился добровольцем в эту проклятую экспедицию.

Фастина перечитала записку:

«Дорогая, мое бескорыстие не знает границ. Мы только что узнали, что Марка находится на корабле, прибывающем сегодня с Марса. Помнишь, что ты сказала мне? Надеюсь, тебе не повезет. С любовью, Андрос».

Она нежно улыбнулась. Андрос ей нравился. Когда-то он принес ей известие о возможной смерти мужа. Тогда же, зная, что весть эта ее не убьет, предложил ей переселиться к нему. Она отказалась, заявив, что вначале собирается объясниться в любви Кловису. Если он отвергнет ее, — что было вполне вероятно — она примет предложение Андроса.

Она положила записку на столик подле кровати и коснулась клавиши пульта. Стена замерцала и стала прозрачной. Снаружи был чудесный день. Солнце в вечном зените сияло над морем. Бесконечная гладь воды, абсолютно неподвижная и голубая, граничила с пустым, как всегда, пляжем. Люди давно уже жили далеко друг от друга. Комфортабельные, автономные дома и быстрый транспорт давали такую возможность. Необходимости в городах просто не было. С некоторой натяжкой городом можно было назвать те здания, в которых располагалась администрация планеты.

Фастина жила в той части земного шара, которая когда-то называлась Грецией. Теперь не существовало прежних искусственных государственных границ. Границей была сумеречная зона.

Фастина связалась с информаторием и спросила, где сейчас находится Кловис Марка. На экране появилась надпись: «Кловис Марка находился полчаса назад в Юго-Западном Цветочном лесу».

Она надела свое лучшее платье. Ярко-алая ткань была практически невесома и пенилась вокруг нее, как облачко. Гравелифтом она поднялась на крышу дома, где стоял скутер. Позолоченный корпус машины был похож на фантастическую птицу с распростертыми крыльями, в кабине, выложенной темно-красными мягкими подушками, с комфортом могли разместиться четыре человека.

Она откинулась на подушки и свистнула в ультразвуковой свисток. Машина сказочной птицей взмыла над пляжем и морем и грациозно поплыла на юго-запад к Цветочному лесу.

Немного погодя Фастина уже брела по тропинкам Цветочного леса, надеясь встретить Кловиса Марка. Она шла широким, свободным шагом, задумчиво улыбаясь и вдыхая ароматы гигантских цветов, нависавших над ней. Повсюду вздымались к небу их стволы, отливающие зеленым и коричневым. Аромат цветов был столь густ и сладок, что вскоре она пришла в состояние приятной эйфории. В умилении глядела она на листья, лепесточки, светлое небо и яркое солнце. Под ногами шуршали лепестки: огромные бледно-лиловые, маленькие лилово-фиолетово-розовые, бледно-желтые, коричневато-красные. Лепестки желтые, алые, сиреневые, багровые, лепестки светло-синего цвета, оранжевого... Кроме того, присутствовали все оттенки зеленого, особенно там, где цветочные деревья поднимались высоко или приникали к самой земле.

Фастина свернула на тропинку, засыпанную лепестками светло-вишневого цвета. Здесь было прохладно, и хотя, подобно всем, она уже привыкла к полуденной жаре своего мира, она приветствовала эту тенистую прохладу.

Так и не встретив Кловиса Марка, она совершенно неожиданно увидела Андроса Алмера и тут же поняла: встреча была не случайной.

Алмер, наконец, подчинился моде. На нем были вуалевая маска, придававшая лицу голубоватый оттенок, плиссированная рубашка темно-синего цвета, черные в обтяжку брюки дудочкой и свободный темный плащ, забранный на талии широким поясом. Он приостановился, подобрал один из упавших вишневых цветков и с улыбкой предложил его Фастине.

Она улыбнулась в ответ и приняла дар:

— Привет, Андрос. Ты не видел Кловиса?

— А! — воскликнул он жизнерадостно. — Будь я тщеславен, я был бы оскорблен до...

Она рассмеялась:

— Я надеюсь, что ты хоть чуточку тщеславен, Андрос. Разве не писал Аллодий: тщеславие служит основой для разнообразия в человеке, в то время как смирение предполагает только скуку. Не хотелось бы мне, чтобы ты был скучен.

— Ты меня все равно ненавидишь, — произнес он, шутливо нахмурив брови. — И кроме того, если ты говоришь правду, Кловис не должен привлекать тебя — ведь отсутствие в нем тщеславия известно всем. Одни достоинства и никаких недостатков. Ходячее совершенство, что может быть однообразнее, Фастина? Еще не поздно передумать. Он наскучит тебе до смерти.

— Я вижу, ты не совсем подчинился моде, — весело заметила она. — Ты еще способен произнести вслух это слово...

— Смерть — это все, чего я хочу, если мы не будем вместе, Фастина.

— Не умирай, это смутит всех остальных. В конце концов, ведь это наш долг — оставаться в живых, правда? Просто на всякий случай.

— Просто на всякий случай, если вдруг совершится чудо, мир начнет вращаться и за одну ночь так перетасует наши гены, что мы внезапно окажемся родителями тройняшек? — Андрос засмеялся, но в этом смехе звучала нотка горечи. — Это лучшая из всех надежд, конечно. Есть еще более несусветная. Бранд Каллакс считает, что на Титане живут люди, сохранившие способность размножаться. Единственная беда — сила притяжения там великовата, и выглядят они, словно ходячие оладьи. Есть идея еще лучше: взять и покончить с собой в одном мощном взрыве. Как ты помнишь, взрывопоклонники даже предлагали заняться созданием бомбы, достаточно большой, чтобы взорвать все к чертовой матери.

— Зачем же все взрывать?

— Они считают, что творения рук человеческих не имеют права на существование. Они, кстати, покончили и с сексом — какой может быть секс без потомства, как они говорят? Что за нелепость!

— Бедняжки. Вот уж не думала, что люди способны так сильно измениться.

— Это страх, — сказал он. — И они вправе бояться. Тебе еще повезло, похоже, ты совсем ни о чем не волнуешься.

— Нет, почему же. Но я просто не могу поверить в это полностью.

— Если бы ты была на Совете, когда мы вдруг осознали всю правду, ты бы поверила.

Андрос одернул плащ, потерял маску.

— Посмотри — мне нравится эта мода, но ведь ясно, что кроется за ней. Должно быть, я так же перепуган, как и любой другой. Я еще не начал выбривать себе голову или носить эту темную хламиду с плотной маской, но не удивлюсь, обнаружив через несколько месяцев, что и эта гамма мне по душе. Разум здесь не при чем, только эмоции. Да, кстати, хочешь пойти на собрание?

— Собрание?

— Ты, должно быть, еще более рассеянна, чем я предполагал. Именно из-за собрания Кловис здесь. Все заинтересованные обсуждают сейчас на Большой Поляне Цветочного леса идею Бранда Каллакса. Они должны решить: предоставлять Бранду материалы для постройки звездолета или нет. Лично я надеюсь, что его под смехи выведут с трибуны, — последнее было высказано с такой горячностью, что Фастина даже взглянула на всегда уравновешенного Андроса с удивлением.

— И когда начинаются дебаты? — поинтересовалась она.

— Они уже начались. Ну что ж, пошли?

Андрос вывистел мелодию, и вскоре его машина, пробившись сквозь густую листву цветочных деревьев, зависла в футе над землей, изящная, яркая, сверкающая вычурными украшениями. Андрос помог Фастине сесть и сам прилег не противоположное сидение. Он засвистел, машина поднялась в знойное небо. Сквозь прозрачный пол можно было любоваться яркими цветами, достигавшими в диаметре двадцати футов.

И Фастина, и Андрос молчали, созерцая проплывавшее под ними цветочное море, пока скутер не оказался среди сотен таких же машин, паривших над Большой Поляной. На мгновение Фастине показалось, что Андрос необычайно взволнован, но она отогнала эту мысль, приписав ее своему предвзятому восприятию этого человека.

— Я вижу, у тебя нет гравипояса, — заметил Андрос, подал ей тонкий жгут и сам опоясался под мышками. Они ступили за борт и медленно поплыли над заполненными рядами сидений, пока не нашли свободные места.

Прямо перед ними на центральной трибуне выступал Бранд Каллакс, на нем, видимо, еще со вчерашнего вечера оставались камзол и тюрбан. Не обращая внимания на Бранда Каллакса, Фастина оглядывалась по сторонам до тех пор, пока не убедилась, что Марка тоже здесь. Он сидел, сложив руки, одетый в простую белую рубашку с высоким воротничком и черные брюки. Темные очки защищали его глаза от яркого света. Возле Кловиса в первом ряду горбился, укутавшись в рыжеватую тогу и вытянув ноги в черных сапогах на высоких каблуках, старик Нарво Велюзи. Его квадратное лицо было обращено к Каллаксу.

Фастине показалось, что Каллакс уже несколько охрип, хотя говорил он энергично и напористо.

— Через двести лет от человечества не останется ничего, кроме высохших костей, разрушенных зданий и мертвых механизмов. Что может быть лучше, чем попытаться предотвратить это? Создается такое впечатление, что каждый на Земле ушел в себя. Такой апатии я не ожидал. Вы хотите умереть? Судя по тому, что мне довелось увидеть за последние несколько дней, это самое последнее в перечне ваших желаний. И кроме того, я всего лишь образно выражаюсь, говоря, что собираюсь рисковать своей жизнью на Титане. Я знаю, какая там гравитация, помню о космофобии и понимаю, что среднему человеку не выдержать такой экспедиции, но я-то приучен к космосу, я могу терпеть космофобию гораздо дольше, чем нужно пробыть на Титане, чтобы убедиться до конца — никакой надежды нет. Я только прошу материалы, которые нам ни для чего не потребуются. Что со всеми

вами происходит? Почему бы просто не позволить мне заняться постройкой звездолета? Я же единственный, кто может пострадать, — Каллакс вытер подбородок и помолчал, дожидаясь реакции. Реакции не последовало. — Нельзя останавливать попыток, — продолжил он. — Упорство — ценное качество человека. Мы пережили набег, мы переживем и эту напасть.

— Это последствие набега. Нам только казалось, что мы его пережили. — воскликнул Алмер. Микрофоны усилили его голос, и слова разнеслись по поляне.

Нарво Велюзи резко встал и принялся высматривать председательствующего, сидевшего за Каллаксом. Председатель, белокурый мужчина с песочного цвета усами, встретившись с ним взглядом, кивнул, и Велюзи поднялся на трибуну, сменив Каллакса.

— Мне кажется, я могу объяснить Бранду Каллаксу, почему мы против этой экспедиции, — произнес Велюзи. — Мы уже настолько перепуганы, что боимся надеяться. Мы всегда были рациональны, и наше общество, пожалуй, по-прежнему является наиболее совершенным в истории, но все же мы ощущаем, как оно понемногу утасает, и здесь наша логика бессильна. То, что произошло с нами, затронуло глубины психики — наши инстинкты, если на то пошло. Мы уже больше не бессмертны, как биологический вид, хотя всегда были уверены в этом, наше поведение стало теперь иррациональным, и я опасюсь, что ситуация станет еще хуже, несмотря на все попытки предотвратить крах. Мне лично кажется, что Бранду Каллаксу надо позволить поступать, как он хочет, но я разделяю общее мнение, что свои силы он потратит впустую.

Спокойные, размеренные слова Велюзи произвели впечатление на слушателей. Фастина видела, что многие участники собрания кивают головой в знак согласия. Раздался чей-то голос:

— А нельзя ли послушать, что по этому поводу думает Кловис Марка?

Велюзи взглянул на Марка, но тот продолжал сидеть и лишь с места сказал:

— Мне нечего добавить к тому, что высказал Нарво Велюзи. Простите.

Казалось, все были разочарованы.

Велюзи продолжил:

— У меня не осталось иллюзий, надеяться глупо, и если наша судьба — умереть, так давайте попытаемся сделать это с достоинством.

Где-то истерично рассмеялась женщина. Все заметили, как она взмыла вверх на своем гравипоясе, за ней последовало

еще несколько человек. На свои машины вернулась и группа бесполох, безликих людей в темных одеяниях. Аэроскутеры развернулись и умчались прочь в знойное небо.

Бранд Каллакс снова появился на трибуне:

— И умереть лучше, сражаясь! Даете мне звездолет?

Председательствующий перестал оглаживать песочные усы и поднялся:

— Кто согласен? — спросил он толпу.

Поднялись руки. Председательствующий сосчитал.

— Кто против?

Андрос рядом с Фастиной поднял руку.

Председательствующий снова сосчитал.

— Бранд Каллакс, необходимые тебе ресурсы в твоём распоряжении, — объявил он официально.

Каллакс кивнул в знак благодарности, коснулся гравипояса и взмыл вверх.

Фастина увидела, что Кловис Марка встал, явно намереваясь покинуть собрание. Он что-то говорил, показывая в воздух, где парил белый скутер. Нарво Велюзи кивнул, очевидно, они решили отправиться на этой машине. Фастина импульсивно нажала кнопку на гравипоясе и взлетела, направляясь к белому скутеру. Андрос что-то прокричал ей вслед, но за ней не последовал.

Она добралась до скутера раньше Марка и Велюзи.

Кловис был не первым, кому она предлагала жениться на ней. Однако сердце ее учащенно забилося, когда он и Велюзи показались из-за крыла. Кловис узнал ее и улыбнулся.

— Привет, Фастина.

— Привет. Рада тебя видеть. Ну, как себя чувствуешь после своей загадочной отлучки?

— Сегодня ему лучше, — заметил Велюзи, усаживаясь и поднимая свисток к губам. — Тебе надо было видеть, каким он был вчера, Фастина!

Марка действительно чувствовал себя лучше, хорошо выспавшись за время, называемое здесь ночью. К нему вернулась былая уверенность. Он сел рядом с Фастиной и легонько поцеловал ее в лоб. Они никогда не были любовниками, но она всегда кокетничала с ним, и он поддерживал эту игру.

Отложив свисток, Велюзи спросил:

— Ты хочешь проехаться с нами, Фастина?

— Да нет, — сказала она. — Я хотела увидеть Кловиса. Если ты занят, я подожду...

— Все в порядке, — сказал Марка. — Я рад тебя видеть. Заглядывай на ленч ко мне. Мы будем к твоим услугам.

Она покосилась на него, гадая, насколько ему интересна. Она видела, что Кловис тянется к ней, но также знала: он не

из той породы мужчин, которые запросто заводят любовную интрижку.

Скутер летел над лесом, время от времени проносясь мимо одиноких домов. Сейчас, когда не было необходимости в городах, обслуживание поддерживалось колоссальной подземной компьютеризированной сетью коммунального хозяйства. Дома были мобильны, и всякий мог передвинуть свое обиталище в любое место по собственному желанию. В настоящий момент дом Марка располагался недалеко от озера Танганьика. Африка, Европа, Индия, часть России и Южной Америки располагались под палящими лучами дневного солнца. Северная Америка, Китай, Япония, Австралия оказались в зоне вечной ночи.

Вскоре впереди показалось озеро, похожее на лист голубой стали, окаймленный лесами и холмами. Иногда попадались пасущиеся стада животных. Пока человечество сокращалось в количестве, животные преумножались.

— «Возможно потому, что их жизненный цикл оказался короче, им удалось адаптироваться к омега-излучению. В этом есть определенная ирония,» — думал Марка, пока их скутер планировал над мозаичной крышей его дома. — «Если бы продолжительность жизни человека не возросла, люди, пожалуй, тоже бы адаптировались, но теперь слишком поздно предпринимать что-либо».

Когда скутер приземлился, Кловис помог Фастине выбраться. Она улыбнулась, вдыхая густой насыщенный влагой воздух. Африка располагалась в центре дневной зоны, и растительность здесь была еще более буйной и пышной, чем где-либо. Фастина взглянула на Кловиса и собралась было восхититься природой, но осеклась. Ее остановил странный взгляд Кловиса — пронзительный, всепонимающий, проникающий в душу.

На мгновение он представился ей древним шаманом, таинственным, всезнающим и даже зловещим. Почувствовав ее волнение, Кловис мягко улыбнулся и жестом пригласил ее пройти к гравелифту в центре крыши. Может, решила она, он вглядывался не в ее душу, а в свою собственную. И вдруг почувствовала глубоко спрятанное, но отчаянное беспокойство, съедающее Кловиса.

Опускаясь в шахту лифта, Фастина ощущала себя так, словно судьба ее была решена бесповоротно. Хорошо это или плохо, определить она не могла.

— «Странное у меня настроение, — думала Фастина, — и состояние. И мысль я нелогично, в этом нет сомнения. Должно быть — любовь»...

Позже они собрались на балконе, с которого открывался

чудесный вид на озеро, пили аперитив, непринужденно болтали. Гигантская стая розовых фламинго вдруг взмыла в небо. Тишина, царившая в лесу, нарушалась только далеким ревом какого-то зверя. Пронзительное чувство неизбежной утраты охватило всех троих.

— Когда мы исчезнем, по крайней мере, останется все это, — заметил Велюзи, облакачиваясь на невидимый силовой парпет. — Когда люди еще интересовались абстрактными теориями, некоторые утверждали, что человечество — всего лишь уродство, ошибка природы. Нет нам места на Земле. Возможно, они были правы.

Фастина улыбнулась:

— Теперь это не имеет значения.

— Только не для нас, — ответил Велюзи. — Даже сейчас находятся люди, считающие, что пришельцы были ниспосланы свыше, — ну, знаете, как верили в древние времена. Тогда существовали религии, требовавшие уничтожения человека для восстановления биологического равновесия.

— Ты говоришь о чудаках, бреющих головы? — спросил Марка.

— Да, о них, — вздохнул Велюзи. — Мы не меняемся. Совсем недавно нам нечего было бояться. Нас было мало, и у нас было все, что мы хотели. Мир был прекрасен — мы жили в настоящем раю, хотя и не осознавали этого.

— Знаю, — пробормотал Марка.

— Да, я полагаю, ты знаешь, — продолжил Велюзи. — Я помню, поселившись у нас, ты не уставал удивляться, насколько совершенно наше общество по сравнению с тем, которое ты знал. Лично я никогда не мог понять, почему некоторые предпочитают жить в сумерках...

— Ну, а сейчас? — спросила Фастина.

— Отчасти, да. Бедняги с бритыми головами уже живут в своего рода сумерках — сумерках разума. Если у человека такой настрой, то полагаю, ему захочется жить там, где подобное настроение более уместно. Вот, что я хотел сказать. В мире без страха человеческие добродетели процветают и доминируют. У нас не было насилия вот уже целое столетие. Пришельцы каким-то образом сумели поставить нас на место, заставили осознать нашу ограниченность, побудили нас развивать свои лучшие черты, но теперь страх вернулся. Верно? Примитивные религии обязаны своим появлением страху. Страх создавал тоталитарные общества, провоцировал войны и большую часть сексуальных извращений, так же, как и множество извращений умственных. Извращенные философские теории, демагогические политические системы, ханжеские религиозные убеждения и даже загубленные таланты —

все это страх. Вы только подумайте о несчастных, всю свою жизнь пытавшихся принудить свой художественный дар выразить чьи-то представления о том, как должен выглядеть мир, — Велюзи взмахнул своим бокалом. — Похоже, что мы вновь вернулись в исходную точку, и ничего с этим поделать нельзя. Ну, когда по — настоящему иррациональная личность прислушивалась к доводам рассудка? Я не пессимист, но у меня такое ощущение, что мы вступаем в новую эпоху темных веков, которые закончатся только тогда, когда последний человек на Земле умрет. И это может произойти гораздо скорее, чем мы думаем...

— Ну, ты прямо как какой-нибудь древний пророк, Нарво, — Марка осушил остатки аперитива одним глотком. — Апокалипсис не за горами, да?

Глава 3

ЧТО-ТО СПРЯТАТЬ

Они пообедали в роскошной столовой. Комната была невелика, стены украшены абстрактными фресками, смутно напоминавшими искусство майя, слегка мрачноватыми, но прекрасными.

После еды Нарво Велюзи поднялся и принялся прощаться, он догадался о цели визита Фастины.

— Увидимся завтра, Кловис, и я расскажу тебе о своем собственном безрассудном проекте, — он нарочито весело помахал рукой и скрылся в лифте.

— Интересно, что за проект? — пробормотал Марка, глядя вслед. — Надеюсь, ничего грандиозного.

Фастина подлила вина в бокалы:

— Безрассудность не в характере Нарво, верно? Как ты думаешь, он прав? Его рассуждения звучали так зловеще и так логично.

Марка выпрямился на стуле:

— Мы не очень-то изменились за тысячи лет, Фастина. У нас те же самые инстинкты, те же самые амбиции. Возможно, те же самые страхи. С недавних пор меня тоже иногда охватывает беспричинный страх.

— Но ты же был в космосе. Это совсем другое дело.

— Этот страх не имеет ничего общего ни с космосом, ни с чем-нибудь еще — он во мне. Мне кажется, он всегда преследовал меня.

— И поэтому ты так внезапно исчез?

Кловис рассмеялся:

— Ты все же пытаешься вызвать меня не откровенностью. Я поклялся никому не говорить, почему я покинул Землю и что я искал...

Внимательно посмотрев на нее, он покачал головой:

— Это не связано с женщиной, Фастина. Мне не надо было отправляться на поиски — самая чудесная женщина, которую я когда-либо знал, сидит как раз напротив, — произнес он полусутоливо, и она уставилась на него, стараясь понять: комплимент это или нечто большее. Какое-то мгновение он выдерживал ее взгляд, потом опустил глаза к бокалу, затем взял бутылку и налил ей и себе вина.

— Но это нечто, — продолжил он задумчиво, — и нечто, в чем я нуждаюсь. И я даже не уверен, что у него это нечто есть.

— Это нечестно, Кловис, — сказала она. — Ты заинтриговываешь меня все больше и больше.

— Прости, Фастина, мне кажется, не будет вреда, если я даже назову тебе его имя. Это Орlando Шарвис.

Он пристально посмотрел на нее, словно пытаясь определить: знает она этого человека или нет.

— Нет, — ответила она. — Не помню. Я не знаю этого имени и не стану к тебе приставать, Кловис. Мне жаль, если я показалась тебе чересчур любопытной. Ты вернулся, и это главное.

Он вытер губы, кивнул:

— Да, но ненадолго.

Она перегнулась через стол и, не скрывая волнения, спросила:

— Не собираешься ли ты снова исчезнуть?

— В этом может возникнуть необходимость, — он легко коснулся ее руки. — Не думай об этом, Фастина. Мои собственные чувства не ясны мне самому. Может быть, я очнусь вскоре и забуду обо всем этом.

Фастина сжала его руку и посмотрела ему прямо в глаза.

— Жизнью надо наслаждаться, — сказала она с запинкой, — разве не так?

Не отпуская ее руки, Кловис поднялся, обогнул стол и сел рядом с ней, притянув ее к себе:

— Может быть, ты права, — сказал он. Голос его дрожал.

Внезапно он поцеловал ее, и она отозвалась.

Они встали, спустились к гравелифту и поднялись наверх. У входа в спальню Кловис ухватился за поручень, потянув Фастину за собой. Они вошли в полутемную комнату, и она с удивлением увидела расплывчатый силуэт человека со странно склоненной головой.

В мире без преступлений не нужны были замки и сигнализация. Любой мог легко проникнуть в чужой дом, однако

никому это не приходило в голову. Этот человек совершил преступление — он вторгся в частную жизнь. Но не это шокировало Марка, а то, что он сразу же узнал преступника. Кловис замер, все еще держа Фастину за руку.

— Что вам здесь надо, мистер Тейк? — спросил он.

Человек не шелохнулся.

Едва ли не впервые за всю свою жизнь Кловис Марка позволил гневу взять над собой верх, он отпустил руку Фастины и бросился через спальню к темному силуэту.

— На этот раз уж вы объяснитесь, — крикнул он, бросаясь на своего преследователя.

Тейк двигался намного быстрее, чем это возможно для нормального человека. Сначала он кинулся к гравелифту, но Фастина заслоняла собой выход из комнаты. Тогда он шагнул в сторону к стене и неожиданно заговорил мелодичным, глубоким голосом:

— Ты не сможешь меня ударить, Кловис Марка. Позволь мне уйти, я не хочу причинять тебе вреда.

— Причинять вреда? — Марка тяжело дышал. — Ты преследуешь меня несколько месяцев. Кто ты? Что тебе надо от меня?

— Мое имя Тейк.

— Неплохое имя для вора. А как твоё настоящее имя?

— Я не собирался здесь ничего красть. Я просто хотел убедиться кое в чём.

— В чём же?

— В том, что ты все-таки ищешь.

— Молчи, — Марка встревоженно взглянул на Фастину.

— Ты стыдишься? — спросил Тейк.

— Нет. Но мне не хотелось бы болтать о цели своих поисков. Надеюсь, это тебе понятно? Ситуация здесь давно уже перестала быть нормальной... Да ты хотя бы знаешь, что я ищу?

— Знаю.

Вдруг Тейк очутился рядом с Фастиной, отстранил ее и прыгнул в гравелифт. Все произошло так быстро, что Кловис и глазом не успел моргнуть.

Марка кинулся за ним. Откуда-то сверху послышался голос Тейка:

— Ты глупец, Кловис Марка. То, что ты ищешь, не стоит таких усилий.

Оказавшись на крыше, Марка успел увидеть, как скутер взмывает вверх. Его собственная машина была на Большой Поляне. Вызывать ее было бессмысленно. Скутер Тейка исчез за горами. С перекошенным от гнева лицом Кловис медленно прошел по мозаике крыши к гравелифту.

Показалась Фастина. Она была растеряна и озабочена.

— Я не смогла остановить его. Прости.

Он нежно взял ее за руку, скрывая гнев, и пожал плечами.

— Ничего, ничего.

— Тебе когда-нибудь приходилось видеть, чтобы человек двигался с такой скоростью? Как это у него получается? Ты его знаешь, да?

— Я встречал его, но разговаривал с ним сегодня впервые. Я должен выяснить, откуда он и что может знать о моих поисках.

— Ну, если он останется на дневной стороне Земли, ты запросишь информаторий, — сказала она. — Но мне он показался жителем сумерек. Было в нем что-то такое...

— Я понимаю, что ты хочешь сказать. Забудь о нем.

Он обнял Фастину и привлек ее к себе, пытаясь поцеловать. Она хотела отвернуться, но он все-таки со страстью прижался к ее губам.

— О, Кловис!

Позже, лежа в постели, он решил все же рассказать ей о цели своих поисков.

После любви ему показалось, что, по крайней мере, перед Фастиной он может не таиться. Кроме того, возможность поговорить хоть с кем-нибудь принесла бы облегчение.

Он начал рассказывать. Она слушала его, лежа в темноте.

— Отец рассказывал мне об Орландо Шарвисе — ученом, который жил перед набегом. Не было большего гения, чем он. Но Шарвис не был ученым в обычном смысле. У него было непомерно развито любопытство. Он был готов проводить эксперимент ради самого эксперимента, чтобы просто посмотреть на результат. Когда же мир остановился, он создал лабораторию в сумеречной зоне и собрал вокруг себя горстку последователей. Не все они были учеными. Выстроив по чертежам Шарвиса звездолет, они отправились на Титан.

— Экспедиция на Титан, та самая? — Фастина приподнялась на локте и заглянула ему в лицо. — Значит, она в самом деле была?

— Да. Эксперименты Шарвиса, по словам отца, позволили найти способ избежать эффекта космофобии в течение долгого времени. Шарвис верил, что они могут остаться на Титане достаточно долго, чтобы адаптироваться, к тому же адаптацию можно было искусственно ускорить. Биологические эксперименты Шарвиса уже принесли ему дурную репутацию в юности. Когда началась война — как мы сейчас ее называем, Последняя Война — между монополистическими компаниями, Шарвис был шефом исследовательского центра в одной из компаний и экспериментировал на живых плен-

никах. Ты помнишь, что именно война стала причиной радикальных перемен в нашем обществе?

— Да. Торговые монополии уничтожили друг друга, партия Пазеда вышла на сцену, упразднив денежную систему и национализировав все.

— А Шарвиса осудили, как военного преступника. Но он сумел скрыться во время первоначального хаоса. Его в конце концов могли найти, если бы не набег инопланетян. Бесчеловечные эксперименты, поставленные им во время войны, дали поразительные результаты. Он верил, что может успешно изменить хирургическим путем степень подверженности людей космофобии и ускорить адаптацию. Первичные операции были осуществлены еще на Земле, и экспедиция отправилась на Титан.

— Значит, шанс есть, что на Титане живут люди?

— Мне тоже так казалось, но их там нет.

— Откуда ты знаешь?

— Я побывал там на корабле с Ганимеда.

— Но ты бы не смог выжить, не поддавшись...

— Приятного в этом мало, но я смог выдержать достаточно долго и выяснил: колония Шарвиса действительно обосновалась там и существовала какое-то время. Однако я нашел на Титане лишь скелеты. И их трудно было назвать человеческими. Шарвис превратил своих титанцев в чудовищ. Я искал самого Шарвиса, но не обнаружил и следа. Насколько я мог судить, Шарвис покинул Титан.

— Но разве он не умер? — удивилась Фастина. — Он родился, по крайней мере, лет за сто до набега.

— Видишь ли, отец говорил, что Шарвис бессмертен и способен сделать других бессмертными.

— Однако ты провел целый год в его поисках и не нашел. Разве это не доказывает, что твой отец ошибался?

— Были и другие слухи. Мне кажется, Аллодий нашел Шарвиса.

— Аллодий?!

Аллодий, величайший артист последнего столетия, пропал приблизительно в то же время, что и Марка. Его исчезновение было совершенно необъяснимым.

— Да, я вернулся, чтобы попытаться узнать, куда же отправился Аллодий.

— А при чем здесь Тейк?

— Ничего не знаю о Тейке. Если только он не агент Шарвиса.

— Но ты не сказал мне, зачем тебе нужен Шарвис. Ты думаешь, он способен восстановить наши детородные функции?

— Может быть. А, может быть, я больший эгоист, чем ты думаешь.

Фастина поцеловала его в плечо и обняла.

— Не могу поверить, что ты эгоист, Кловис.

— Не можешь?

Она снова ощутила отчаянное беспокойство, таившееся внутри Кловиса.

— Я скажу тебе, что мне надо от Шарвиса, — начал он было, но она перегнулась и поцеловала его, ей уже не хотелось знать, что он ищет и зачем. Она боялась за себя и за него.

— Не надо, не говори, — прошептала она. — Просто люби меня, Кловис. Люби меня.

Глава 4

ЧТО-ТО ЗАБЫТЬ

Они уже собрались вставать, когда в углу спальни замерцал экран. Марка удивился: кто бы это мог быть? Он решил ответить на вызов, поскольку все равно собирался вставать, прошел к встроенному шкафу и закутался в желтый халат. Затем активировал экран. Появился улыбающийся Алмер. Как только он разглядел в полутьме спальни лежавшую в постели Фастину, выражение его лица резко изменилось.

— Так у тебя все удачно? — обратился он к ней.

Фастина улыбнулась.

— Прости, Андрос.

— Что тебе нужно, Андрос? — спросил Марка озадаченно.

— Просто хотел сообщить новость. На посадку идет звездолет, — сказал Андрос, не отводя глаз от Фастины.

— Что из этого?

— Насколько можно судить, корабль идет с Титана. Кажется, наша экспедиция возвращается.

— Невозможно.

— Не знаю. Во всяком случае, я буду встречать. Мне показалось, что тебе тоже будет интересно, Кловис. Я связался с Брандом, но он занят. Мне лично кажется, что он просто не хочет смотреть о правде в глаза. Да и Фастине не должно быть безразлично, в конце концов...

— Спасибо, Андрос, встретимся на космодроме.

Марка отключил экран.

— Твой муж может вернуться, — сказал он. — Пойдешь встречать?

— Пойду, — отозвалась она, опуская ноги на пол.

В тишине медленно садился звездолет. Он приземлился на пустынное поле космодрома, под сияющим недвижимым

солнцем. Звездолет, покрытый золотистым пластиковым сплавом, отсвечивавшим на солнце красным, был огромен. Он приземлился со слабым шорохом, почти бесшумно, словно предчувствуя, что его появление здесь огорчит многих.

Три фигуры двинулись вперед по занесенным песком плитам космодрома. Вдали справа высились частично заброшенные ангары и бледно-голубые башни управления полетами.

Голос в микронаушнике Марка сказал:

— Ну что, открывать люки?

— Да, можно приступать.

Подойдя к кораблю они увидели, как в двадцати футах над ними начал распахиваться люк. Все замерли, ожидая услышать знакомое приветствие, но не слышали ни звука.

Поднявшись на гравипоясах, они заглянули в открытый шлюз. Марка глянул на Фастину.

— Я с Андросом пройду вперед, нам уже приходилось видеть подобное, а тебе лучше остаться.

— Я пойду вместе с вами.

Запах из шлюза был отвратителен — сочетание застоявшегося вонючего воздуха и гнили.

Андрос Алмер оскалил зубы:

— Тогда пошли, — и он первым нырнул в шлюз.

На полу лежал труп.

Это была женщина, нагая, скрюченная, ее серая пористая кожа была нечиста, волосы всклокочены, щеки ввалились. Она была вся исцарапана, ее ногти, казалось, впились в правую грудь.

— Йерна Коло, — пробормотал Алмер. — Дочь Пьенса Коло. Говорил же старому дураку, чтобы не пускал ее.

Фастина отвернулась.

— Я не представляла...

— Подожди снаружи, — сказал Марка.

— Нет.

В рубке они нашли еще двоих. Мужской труп лежал на женском. По какой-то причине его тело разложилось быстрее, чем тело женщины. Она, казалось, обнимала его, и оскаленный в улыбке смерти рот придавал ей вид омерзительной радости, хотя было видно, что она просто пыталась оттолкнуть его от себя.

— Хамель Берина, — сказал опять Алмер.

Это был муж Фастины.

— Женщина — Яра Феретц? — слабо поинтересовалась она. — Яра Феретц?

— Да. Яре всегда нравился Хамель. Это, наверное, и была

причина, по которой она вызвалась отправиться в экспедицию.

Останки других членов экипажа тоже были здесь, но в каком виде! Некоторые из костей были надгрызаны, некоторые расколоты. Чей-то череп был разбит вдребезги.

С бесстрастным лицом Андрос заглянул в кухню.

— Тут припасов еще, по крайней мере, на шесть месяцев, — сказал он. — Были предусмотрены все возможные варианты и экстраординарные случаи. Им только и нужно было взломать печати на концентраторах.

— Но они этого не сделали, да? — надтреснутым голосом спросила Фастина.

— Казалось бы, у них должен был сохраниться инстинкт выживания, — пробормотал Марка.

— Разве это не помешательство, Кловис? — прочистив горло, сказал Андрос. — Смотри, вот почему мы потеряли с ними контакт.

Он указал на разбитые видеоустановки, их защитные кожухи были сорваны. Все, что могло ломаться, было разгромлено. Механизмы сплющены, бумаги порваны в клочья, осколки микродискета разбросаны повсюду.

Андрос покачал головой.

— Тесты, время, потраченное на тренировку, меры предосторожности... какая чушь! — он вздохнул.

Марка подобрал кусок информационной ленты и принялся накручивать ее на палец.

— Они были интеллигентными людьми, — продолжал Андрос. — Знали, что их ждет и как с этим бороться, они были мужественны, инициативны, с потрясающими самообладанием. И все же за шесть месяцев превратились в безумное зверье. Да вы только взгляните на них! Они деградировали даже больше, чем можно было предполагать.

Он взглянул на стену. И указал на рисунки, сделанные, похоже, засохшей кровью:

— Кажется, это началось довольно быстро, — он пнул кучу грязных лохмотьев. — Титан! Мы не можем выжить в космосе несколько месяцев, что там говорить о столетиях! Этих людей принесли в жертву ни за что.

Марка вздохнул:

— Мы можем оживить женщину — Яру — минут на десять. Она более-менее сохранилась.

Андрос потер лицо.

— Стоит ли, Кловис?

— Пожалуй, нет, — устало отозвался Марка. — Вряд ли они смогли добраться до рекордеров.

— Но в этом, по-моему, и необходимости нет.

Марка покачал головой и обнял Фастину за плечи:

— Пошли отсюда.

Когда они покинули шлюз и полетели к ангарам, голос в микронаушнике Марка запросил инструкции.

— Уничтожить звездолет, — бросил Марка. — И никому не сообщать. Настроение у всех и так подавленное.

Они забрались в машину Алмера на краю космодрома.

На корабле была встроенная система автоматического уничтожения, которую можно было запустить только с базы. Все звездолеты были оборудованы подобным устройством не случай, если космофобия возьмет верх, как на этом судне.

Позади них золотистый корабль начал оползать вниз, потом полыхнула яркая вспышка и хлестнул удар взрыва. Звездолет превратился в пар.

Лицо Фастины было бледным, как мел.

— Как ты думаешь, Каллакс переменит свое решение? — спросил Марка Алмер.

Тот только усмехнулся:

— Каллакс? Только не после того, как мы уничтожили доказательства. Он просто нам не поверит.

— Считаешь, надо было сохранить звездолет, чтобы продемонстрировать ему?

— Сомневаюсь, чтобы он позволил нам его продемонстрировать, — отозвался Алмер. — Насколько я понимаю, Каллак не прислушивается к доводам рассудка.

— Прямо как будто у тебя личная неприязнь к Бранду, — заметил Марка. — Словно ты его ненавидишь.

— Я ненавижу всех, — яростно сказал Андрос. — Я ненавижу то, чем мы стали.

Марка растянулся на сидении, пытаясь забыть о картинах, увиденных на звездолете. Но они не оставляли его. Перекошенные лица, скрюченные тела, грязь, обломки, кости.

— «Мир может обойтись без *me mento mori*», — подумал он. Именно поэтому он и приказал уничтожить звездолет. Если на празднике все разбежались прочь от умершего, какую реакцию могло вызвать подобное зрелище?

Фастина сидела с напряженно выпрямленной спиной, глядявывая куда-то вдаль. Марка знал, что утешать ее сейчас бесполезно, она в состоянии шока.

— Ну, что сейчас? — спросил его Алмер. — Доставить вас обоих в твой дом, Кловис? — его голос прозвучал надломленно.

— Нет, спасибо, Андрос. Доставь нас на Большую Поляну. Там мой скутер.

Глава 5

ЧТО-ТО ЗЛОВЕЩЕЕ

Четыре дня спустя Кловис Марка оставил Фастину дома и отправился повидаться с Тарном Йолуфом из бюро централизованной информации.

Фастина оправилась от шока, но временами все еще впадала в меланхолическое настроение. Она никак не могла полностью избавиться от воспоминаний о своем мертвом муже, и под конец Марка решил оставить ее одну, чтобы она могла отоспаться пару дней. Он надеялся, что сон пойдет ей на пользу, избавит от тягостных мыслей и чувства вины.

Трупы на корабле убедили Кловиса Марка в безуспешности его поисков легендарного Орlando Шарвиса. Без сомнения, он тоже погиб на Титане.

Выстроенное на краю Цветочного леса здание центра всеобщей информации на два этажа поднималось над землей и на пятьдесят этажей уходило под землю. Огромный, обставленный компьютерами офис Тарна Йолуфа выходил окнами на залитый солнечным светом лес и лужайку, примыкавшую к дому.

Йолуф сидел за столом в окружении экранов и пультов. Это был высокий, изящный человек средних лет, с белокурыми волосами, анемичным лицом и бледно-голубыми глазами. На его бесцветном лице полные красные губы казались словно нарисованными. Он был одет в лиловую рубашку с высоким воротничком и зеленые лосины.

Марка сказал, что хотел бы узнать местонахождение Тейка. Йолуф тотчас же занялся поиском. Он нажимал на кнопки, крутил верньеры, но после целого часа непрерывной работы так ничего и не обнаружил.

— Я попытаюсь по секторам, Кловис, — сказал он. Голос у него был неожиданно писклявым. — Но в последнее время не все они действуют.

Позже он откинулся на спинку кресла и развел руками:

— Никаких следов, Кловис.

Марка пожал плечами. После того, как он принял решение, вопрос о Тейке его уже интересовал не так сильно.

— Прости, что побеспокоил тебя, Тарн. Этот человек действует мне на нервы. Вот и все. Как я сказал, похоже, что он следует за мной по пятам уже долгое время. Совсем недавно я наткнулся на него в моем собственном доме...

— Да ты что! — изумился Йолуф. — Без приглашения?

— Да. Мне казалось, если я найду его и предупрежу, чтобы

он такого больше не делал, этого будет достаточно, и он оставит меня в покое.

— Ты упомянул, что его реакции невероятно быстры. Такое описание практически ни к кому не подходит. Я тебе сказать ничего не могу, Кловис. Возможно, он из сумеречной зоны, но в наших архивах перечислены все уцелевшие, и он среди них не значится.

Марка кивнул.

— Все равно спасибо, Тарн.

Йолуф пожевал нижнюю губу:

— погоди минутку, Кловис. Есть еще один шанс.

— Это не так уж и важно...

— Нет, я все-таки хочу убедиться до конца. — Тарн повернулся к одному из пультов и принялся нажимать клавиши. — Знаешь, что нам надо? Паспортную систему, как в старину. К черту свободу личности! Ну как я могу руководить информационным центром без какой-либо приличной системы контроля?

Марка улыбнулся и сел в кресло напротив Йолуфа.

— Бедный ты, бедный бюрократ.

— Наше общество не стало бы идеальным без помощи бюрократов, Кловис, — шутливо погрозил пальцем Йолуф. — Именно слуги общества помогли превратить государство из тоталитарного в истинно демократическое. Ты недооцениваешь бюрократическую систему. Можешь по-прежнему считать, что решение администрации о самороспуске было хорошей идеей, — я же так не думаю.

— Это все произошло само собой, — добродушно отозвался Марка. — У нас не осталось будущего, и мы предложили любому желающему оставить свой пост. Большинство по-прежнему еще работает. Вот ты, например.

— Это не одно и то же, Кловис. Где же так гладко крутившаяся еще вчера административная машина? Распалась на части! На части без связей и без работающего мотора. Если б машина работала по-прежнему гладко, ты думаешь, долго бы пришлось отыскивать твоего таинственного приятеля?

— Положим, нет, — признал Марка, наблюдая за Йолуфом, склонившимся над пультом. — Ты считаешь, что надо бы сформировать чрезвычайный комитет?

— Я не принимаю решений такого порядка. Это твоя обязанность. Мне ведь даже невооруженным глазом видно, как распадается наша цивилизация день за днем. Нам нужно более твердое правительство, а не его полное отсутствие.

— Ну, ты действительно начинаешь повторять лозунги старых времен. Что хорошего может принести более твердое правительство?

— Но ты же сам использовал слово «чрезвычайный», Кловис? Чем комитет лучше? Ах да, вот и Марс...

На одном из экранов замигал огонек. Вскоре на нем появилось лицо. Цвета были не настроены, и лицо человека казалось грязно-зеленым.

Йолуф показал на экран:

— Вот тебе другой пример, видишь, какой цвет. Мы не можем найти механика, который бы починил аппаратуру. С такой скоростью уже через несколько месяцев воцарится хаос. Когда начинают разрушаться коммуникации — это признак начала конца. Мы будем мертвы быстрее, чем нам кажется.

Прогудел сигнал, и Йолуф щелкнул тумблером.

— Да, слушаю.

Человек на экране уже говорил:...

— никакой информации в отношении человека по имени мистер Тейк. Ни один звездолет не регистрировал пассажира с таким именем. Мы, правда, проверяли не везде, некоторые из старых шахтных разработок достаточно глубоки, чтобы спрятать небольшой звездолет...

Йолуф выдохнул с досадой:

— Продолжайте собирать информацию, — и прервал контакт. Он покачал головой. — Еще год назад я был почти вездесущим, насколько это касалось общественной стороны деятельности людей. А теперь кругом одни загадки. Нас спрашивали о твоём местонахождении, и половину времени мы тратили на то, что теряли тебя из виду. Нас продолжают спрашивать об Аллодии, а мы не в состоянии его найти. А теперь этот Тейк. Ты видишь перед собой конченного человека, Кловис. Человека, который перешел от всезнания к полному неведению. И все это произошло за какие-то двенадцать месяцев. Нет, я просто схожу с ума.

— Не так ли со всеми нами? — улыбнулся Марка. — А что случилось с Аллодием?

— Я ж тебе сказал, мы не знаем. Мы нашли только его скутер. В сумеречной зоне, сектор 119.

— Знаю, возле моря, не так ли?

— Да, Южноамериканский континент.

— Ты считаешь, он покончил с собой? — Марка был почти уверен сейчас, что именно это и случилось с великим артистом. Уже было два-три случая самоубийств как раз среди служителей Мельпомены.

— Мне так кажется, — отозвался Йолуф. — Но не все так думают. Я пытаюсь искать, используя все средства, находящиеся в моем распоряжении, а надо заметить, это не так уж много в наши дни...

— Ладно, ладно, — сказал Марка, поднимаясь. — Делай все, что в твоих силах.

Йолуф пожал плечами:

— Какой смысл?

— Никакого, пожалуй, но если услышишь что-нибудь о Тейке, сообщи мне, ладно?

— Если буду знать, где ты находишься, — с горечью отозвался Йолуф, отворачиваясь к своим приборам.

На пути к Нарво Велюзи Марка издалека заметил столб дыма. Он пересекал огромную травянистую равнину, покрывавшую регион, известный когда-то, как Северная Франция. Легкий ветерок шелестел в траве. Несколько белых облачков плыли в бездонном голубом небе вокруг гравискутера. Как всегда, солнце неподвижно висело над головой. Здесь оно находилось в положении четырех часов дня.

Дым валил густыми черными клубами. Это было нечто необычайное. Из любопытства Кловис направился туда. Вскоре он увидел, что горело здание, обыкновенный дом, точнее говоря, горело не само здание, а его содержимое. Марка спикировал, ожидая, что, может быть, придется оказать помощь. С другой стороны здания он увидел горстку людей, молча взиравших на пожар. Их было человек восемь, все одеты в темные хламиды, подобно древним монахам. Головы обриты, лица скрыты за масками из темной материи.

Сомнений почти не было, дом был подожжен намеренно.

Маски повернулись к Марка. Он перегнулся через борт скутера и крикнул:

— Что-нибудь случилось? Нужна ли помощь?

Один из них прокричал в ответ:

— Ты можешь помочь очистить Вселенную от зла, лишь присоединившись к нам, брат.

Марка был изумлен, слово «зло» было архаическим термином, редко употребляемым в последние столетия.

— А что же вы делаете?

— Мы избавляем мир от творений человечества, — отозвался другой.

— Кто вы? — Марка с трудом верилось, что эти люди живут на дневной стороне Земли. В свое время можно было найти в сумеречной зоне массу странных культов, но это было понятно. В конце концов, секты распадались по мере того, как обитатели сумеречной зоны уходили в себя.

— Мы — виновные! — прокричал кто-то еще.

Содрогнувшись, Марка бросил свой гравискутер вверх и понесся прочь. Только раз он оглянулся на дым. Ему показалось, что это первый сигнальный огонь наступающего апокалипсиса, по поводу которого он недавно шутил.

Кловис знал, что если вовремя не пресечь безумные наст-

роения, этот пожар станет одним из многих. Его собственная жизнь в сумеречной зоне дала ему знание темных сторон человеческой натуры, он он, право, не ожидал встретиться с чем-то подобным в залитом солнцем мире.

Как можно остановить распространение этого культа? Современным людям не было известно никаких методов — вот уже столетия общество жило без насилия. Предпринять попытку сформировать более твердое правительство, как полусутливо предложил Йолуф, было бы шагом назад, да и просто невысмыслено для людей, воспитанных в уважении свободы личности. Однако назревала ситуация, которую могло бы решить только общество, организованное по старым принципам.

— «Сомнения нет, — подумал он, пролетая над лесами вдоль Рейна. — Нарво прав. Страх порождает страх, а насилие рождает ответное насилие».

С трудом справившись с охватившим его отчаянием, он приземлился на крышу дома своего старого друга.

Никто больше, чем он, не мог оценить общественного и природного рая дневной стороны Земли. Никто так не ценил это общество и не понимал, насколько оно идеально.

Теперь, казалось, мир, который он любил, был обречен умереть в агонии. Страх снова вернулся в людские души, а с ним и древние ужасы, древние отклонения в психике, суеверия, религиозные извращения. Все это было ему знакомо. Он читал об этом в учебниках, он знал, насколько трудно рассудку справиться со страхом. Он знал, что очень быстро культ подобного рода способен преумножиться и овладеть умами, а потом распасться и превратиться в несколько конфликтующих сект. И общество, не способное преодолеть распространение этой заразы, было, очевидно, легко уязвимым.

Его рай грозил обернуться адом, и он не мог придумать, как остановить этот процесс еще в зародыше.

Глава 6

ЕСТЬ НА ЧТО НАДЕЯТЬСЯ

— Они называют себя Братством вины, — сказал Нарво Велюзи, доливая бокал Марка. — Вначале они решили отказаться от сексуальных взаимоотношений, потому что это стало бессмысленным. Ну, ты можешь догадаться, что за этим последовало. Маски и все остальное должны были скрыть пол человека. До сих пор эти несчастные безумцы были безвредны, потому что ничего серьезного не предприни-

мали. Недавний пожар, должно быть, первый, иначе мы бы уже знали. Я думаю дом должен принадлежать кому-то из них. Это странный синдром, Марка. Но мы могли бы предвидеть нечто подобное, если бы не были столь потрясены мыслью о нашем безнадежном будущем.

— Что ты хочешь сказать? — взяв бокал, Марка заметил, что рука его дрожит. Он подошел к окну, за которым вниз по холму сбежал сосновый лес.

— Ну, отрицая природные инстинкты в себе, они утверждают, что все, что неприродно, является злом, — ты прав, Марка ты не ослышался, именно это слово они используют, — и таким образом, все, созданное руками человека, по их мнению, является злом.

Марка покачал головой:

— Не вижу в этом никакого смысла, Нарво. — Он отпил из бокала. — Я понимаю, что подобные культы никогда не имели смысла, но я не это хотел сказать. Я не могу понять, как прекрасно отлаженное общество так быстро может деградировать. Даже в прошлом такие трансформации происходили достаточно медленно.

Нарво подошел к окну и встал рядом с ним.

— Ты прав, но в прошлом существовали различные средства контроля подобных нарушений. Словно рак, они разъедали тело общества, но обычно их вовремя отсекали тем или иным способом. Временами они вырывались из-под контроля, и тогда возникало изуверское христианство средних веков и появился столь же отвратительный культ черной магии. Позже, когда религиозные вожди перестали доминировать, настало сумасшествие нацизма, а еще позже пришла меритократия. И каждый раз человеческое общество умудрялось через насилие и борьбу очиститься и уничтожить раковую опухоль. Но теперь, Кловис, просто не будет времени предпринять что-либо.

— Ты уверен?

— Единственное, что могло бы нам помочь, — улыбнулся иронически Нарво, — это спасение от катастрофы. Если наши отравленные гены будут оживлены, мы сможем ничего не бояться: история повторяется всегда, человечество справится и с этой раковой опухолью.

— Но хоть что-то можно сделать, Нарво? Разве нельзя найти какую-нибудь цель, к которой могут стремиться люди? Пусть даже...? — Марка прервал сам себя и с несчастным видом посмотрел на Нарво.

— Ты хотел сказать, даже если ради этого придется лгать? — спросил тихо Велюзи. — Может, и есть такая цель, но ты же видишь, что происходит. Ложь, может быть, и остановит процесс деградации, но ненадолго. А мы, Кловис?

Что будет с нами? Мы захотим достичь все большей и большей личной власти, чтобы суметь держать под контролем общество, чтобы утаить правду от большинства. Ты понимаешь? Это неизбежно.

Марка отшвырнул бокал. Он покатился по освещенному солнцем полу и остановился у стены. — Но разве мы не можем отвлечь их внимание? Разве не можем апеллировать к их лучшим чувствам? Наконец, этика...

— Этика — просто система выживания, — сказал Велюзи. — Что может значить этика, когда у людей нет будущего?

Марка спрятал лицо в ладони и затряс головой. Велюзи подошел к стене, подобрал бокал, наполнил и предложил Марку. Тот молча взял.

— Кловис, я уже говорил, что у меня есть план, план столь же иррациональный, как безумная затея Бранда Каллакса. Но он может сработать.

— Что это?

— Это нелепый план, он кажется смехотворным даже мне, но... Я хочу построить большой передатчик, самый большой передатчик, когда-либо существовавший. А потом я хочу отправить сообщение.

— Сообщение? Кому? Что за сообщение? — Марка удивленно уставился на него.

— Просто сообщение, посланное в открытый космос. Оно, безусловно, достигнет когда-нибудь других планет нашей галактики, других галактик. Мы знаем, что разум существует. Космические пришельцы тому свидетельство. Это должно быть сообщение, которое переживет нас самих, когда мы уже давно сгинем. Своего рода памятник. Просто сказать всей Вселенной, что мы однажды жили. Слушатели, может быть, даже и не поймут нашего сообщения...

Велюзи прошел к креслу и уселся.

— Мы просто передадим: мы здесь.

— И все?

— Все.

Марка пожал плечами:

— Но нас же...

— Я знаю, но кто-нибудь может проследовать к источнику сообщения, ведь передатчик будет работать и после того, как мы умрем. Другие носители разума найдут нас, обнаружат наши записи, и мы сможем жить дальше в их умах и книгах. Понимаешь, Кловис? — Велюзи смотрел на него чуть ли не умоляюще.

Кловис кивнул.

— Да, Нарво. Но какой в этом смысл? Я хочу сказать, как ты сможешь убедить остальных в необходимости передатчика?

— Я хочу попытаться сделать это завтра на Большой Пол-

яне. Понимаешь, наше сообщение может быть принято самыми разными существами, возможно, кто-то из них будет подобен нам. В сообщении прозвучит наша гордость тем, что мы жили, прозвучит наша благодарность биологическому случаю, который дал нам способность мыслить, — Велюзи вздохнул, глядя на Марка. — Я знаю, это звучит патетично. Но это все, что пришло мне в голову.

— Я и этого не смог придумать, — сказал Марка, кладя руку на плечо старика. Он увидел, что Нарво Велюзи тихо плачет. — Я буду с тобой завтра. Я поддержу тебя. Работа над строительством передатчика займет сотни людей. Это тоже своего рода терапия, — Марка заставил себя улыбнуться старому другу.

— Это будет своего рода бессмертие, — сказал Велюзи, уже не скрывая своих слез. — Правда, Кловис?

— Да, — повторил Марка. — Своего рода бессмертие.

Глава 7

КУДА-ТОИДТИ

Фастина сидела на постели и ела.

— И Нарво убедил их всех? — спросила она с набитым ртом.

— Большинство. Очевидно, я не так хорошо разбираюсь в человеческой природе, как мне казалось. Все сейчас спорят, где разместить передатчик, и все такое, — он присел на край кровати. — Как ты себя чувствуешь?

Она улыбнулась ему:

— Чудесно. А ты? Ты отказался от поисков Шарвиса?

— Похоже, в этом нет смысла.

Фастина положила вилку, взяла его за руку.

— Я рада, Кловис. У нас с тобой еще два столетия впереди. Мы должны быть благодарны судьбе.

Он улыбнулся:

— Ты считаешь, мы сможем остаться вместе надолго?

— Самые тяжелые — это первые сто лет, — рассмеялась она. — Во всяком случае, ты очень загадочен, и я уверена, тебя и за сотню лет не узнаешь. Я тоже не так проста, как может показаться, — она передала ему поднос. — Я в таком настроении, что мне хочется развлечься. Куда мы поедем?

— Куда угодно, — сказал он.

Лежа бок о бок под горячим солнцем, они позволили скутеру отплыть в море. Южная Атлантика сверкала гладью до самого горизонта.

Они лениво перебрасывались словами, держась за руки. Он рассказал ей о своем детстве, о своем папаше-интраверте, о матери, которая была его сестрой по крови, без злости и смущения, потому что те времена уже казались ему далекими и нереальными. Сумеречная зона теперь представлялась ему такой же странной, какой всегда была для нее. Он сказал ей, что Велюзи в тот год, когда он вышел к солнцу, жил в Кашмире и приютил его, падающего с ног от усталости и истощения.

Велюзи и его жена полюбили его. Вероятно, он их немного забавлял. Они усыновили его и обучили всему, что знали сами. Правда. Кловис был уже несколько подготовлен чтением книг. Велюзи был тогда исполняющим обязанности Председателя Совета и был вполне способен привить Кловису Марка идеи и правила гуманного общества дневной стороны. Он подталкивал ученика заняться политикой.

— Я и сам хотел. Меня так восхищал ваш мир, понимаешь?

Скутер плыл, разрезая волны. Они подняли откидной верх, поели.

Время шло, но они не замечали его течения. Их переполняли чувства. Такое полное удовлетворение от общения они могли получить лишь вдали от людей. Оба были опытны в любви и хотели, чтобы счастье длилось как можно дольше. Часов они с собой не взяли, зато еды было достаточно.

Спокойное величие Атлантического океана привело их в мечтательное настроение, разговоры почти прекратились, они лишь обменивались улыбками и старались держаться рядом, словно боясь, что, расставшись на миг, потеряют друга навсегда. Так и продолжалось их плавание в мире и спокойствии — сильных ветров не было, ночи стояли теплые... Однажды они заметили кита, это был огромный голубой кит, почти сто двадцать футов длиной, самое большое животное, когда-либо жившее на Земле. Он плыл очень быстро, и из воды временами показывалось его тело. Они последовали за ним. Вскоре кит нырнул глубоко в океан. После этого им повстречалась стая дельфинов, весело гонявшихся друг за другом. Потом морские птицы закружились над ними. Солнце уже далеко склонилось к горизонту позади них, стало прохладнее.

Скутер вдруг понесло неожиданным течением к острову, заросшему лесом. С его берегов в воду сбегали желтые осыпи песка. Небо за островом было темно-оранжевым, и они поняли, что оказались почти в сумеречной зоне. Но остров был так красив, что они решили остаться. Они бегали по песку, подбирая ракушки и обломки кораллов, а потом заснули прямо на песке.

Когда они проснулись, казалось, похолодало. В зарослях позади них зашевелилось какое-то животное. Они сбежали

вниз к своему скутеру и закутались в плащи. Потом поднялись в воздух и быстро полетели навстречу солнцу.

Когда потеплело, Марка с Фастиной вновь опустились на голубую гладь океана, но вся их прежняя радость от пребывания на водных просторах исчезла, и вскоре они полетели домой, обратно в Африку, к его дому, возле озера Танганьика.

Но даже здесь они продолжали игнорировать всякие попытки связаться с ними и проводили все время либо в постели, либо гуляя по берегам озера рука об руку.

Однажды Фастина вздохнула.

— Если бы только у нас могли быть дети, — сказала она, босой ногой шлепая по воде и глядя на поросшие деревьями холмы, которые темными силуэтами вырисовывались на фоне яркого неба. — Здесь так красиво.

Марка решил навеститься к Нарво Велюзи и узнать, как продвигается работа над передатчиком. Уже миновал месяц.

Он полетел в Европу на скутере, напоминающем золотистую птицу с раскинутыми крыльями. — «Время, — думалось ему, — ничего не значит для Фастины в ее бесплодии».

Тем не менее, казалось, они связаны друг с другом надолго. Быть может, до самой смерти. Как была выкована эта цепь, он не понимал, но это случилось, и теперь никто из них не мог долго прожить друг без друга. Может, счастья уже не будет, останется только боль, но это теперь не имело значения.

Марка не мог объяснить, почему он это знал. Любовь, как он понимал ее, не была похожа на то, что происходило между ними. В его отношении к ней было все: и неожиданная ненависть, и гнев, и меланхоличная горечь, и непереносимая тоска по ее телу. Все это так не походило на любовь! Он, пожалуй, теперь понимал, что такое безумное чувство могло бы подвигнуть любовников на самоубийство.

Это измучило его, вот почему он хотел остаться один и ощутить радость иного общения.

Когда он достиг предельной скорости, силовой экран автоматически запеленал в кокон его скутер. Напряжение стало постепенно отпускать его, и он, наконец, увидел впереди полосу Рейна и дом Велюзи.

Глава 8

СЧЕМ-ТО БОРОТЬСЯ

Гигантский механизм выглядел, словно колоссальная скульптура из голубого металла и золотой проволоки. Он вздымался над Черным морем на высоту сотен футов.

Золотая проволока вибрировала на ветру. Основание механизма, все еще окруженного строительными лесами, достигало полумили в диаметре. Полосы серебра, треугольники меди, квадраты золота — абстрактная живопись в металле. Наверху стояли две крошечные фигурки.

— Еще многое предстоит сделать, — сказал Велюзи Кловису Марка. — Мы еще даже не начинали подводить энергию.

Марка знал, что передатчик можно было построить маленьким, поместить в какую-нибудь комнату, но в то же время он прекрасно понимал, почему Велюзи предпочел строить механизм именно таким. Передатчик был виден не только тем, кто занимался им. Кроме того, он был просто прекрасен, что в каком-то смысле дополняло простоту задуманного сообщения.

— Это впечатляет, Нарво, — сказал Кловис.

— Спасибо. Строительство действительно подбодрило многих, — Нарво улыбнулся. — Работа идет быстрее, чем я ожидал. Может, даже придется специально изобрести какие-нибудь трудности.

Черный скутер начал заворачивать к ним. Вскоре он поравнялся с платформой, в нем стоял человек в свободном черном плаще с откинутым капюшоном.

— Можно присоединиться?

Марка узнал Андроса Алмера.

— Привет, Андрос, — сказал он.

Тот кивнул, подошел к перилам и поглядел на передатчик. Далеко-далеко внизу, как муравьи, сновали крошечные фигурки.

Марка теперь разглядел, что Алмер носит маску из черной вуали, закрывающую лоб и глаза. Маска была окаймлена алым, темно-синие перчатки на его руках — тоже.

— «Мы здесь», да?! — голос Алмера был сух. — Может, «мы были здесь» оказалось бы лучшим сообщением, Нарво?

Велюзи смущенно посмотрел на Марка.

— Андрос считает, что для передатчика можно найти лучшее применение, Кловис.

Алмер повернулся, взмахнув плащом, и поднял руку в перчатке.

— Я не собираюсь вмешиваться, Нарво, это твой проект, просто показалось, что было бы лучше включить в сообщение больше информации, дать представление о том, кем мы были и где нас искать.

— Но тогда нарушится весь замысел, — нахмурился Кловис. — Разве не так, Андрос?

— Просто мне кажется это бессмысленным, Кловис, вот и все, — тон Алмера стал ледяным. — Выстроить такую ма-

хицу и так мало ее использовать, — Алмер пожал плечами. — Интересно, какие еще проекты подобного рода могут возникнуть в ближайшем будущем.

— Ты о чем? — спросил Велюзи, приглаживая рукой начинающие сесть волосы. — Какие другие проекты?

— Я признаюсь, что эта стройка не так бессмысленна, как звездолет Каллакса. По крайней мере, у нее есть четкая, понятная цель.

— Полет на Титан — тоже цель, — прервал Марка. — Да и Бранд занят. Кстати, как продвигается его дело?

— Быстро. Скоро Каллакс отправится на свой Титан, и мы его больше не увидим, если только он не вернется в таком же состоянии, как и участники первой экспедиции. — Алмер двинулся к скутеру. — Передай мой привет Фастине, Кловис, — бросил он через плечо. — Меня ждут мои люди.

— Твои кто? — изумленно переспросил Марка. До сих пор ему приходилось встречать это выражение лишь в исторических драмах.

Андрос не отозвался, сел в скутер и умчался прочь.

— Что он сказал, Нарво?

— Его люди, — тихо повторил Нарво, стараясь не встречаться с Марка глазами.

— Его! Люди!

Представление о людях, принадлежащих кому-то, было еще более архаично, чем термин «зло», который он слышал месяцем раньше.

— Он что, шутит, Нарво? Чем он занимается?

Голос Велюзи был чересчур спокоен:

— Братство вины сожгло уже несколько домов, пока ты отсутствовал. Понятно, сожжены не сами жароустойчивые дома, но все, что только может гореть внутри. И последние два дома, которые они подожгли, не принадлежали членам Братства. Одна из жертв сильно обгорела, пытаясь потушить огонь в своем доме. Некоторые, особенно Андрос, требуют принятия решительных мер.

— Они сформировались в группу, выступающую против Братства?

Велюзи кивнул.

— «Опричники» — вот как они себя называют. Андрос стал их лидером. Его, похоже, восхищает сама идея, Кловис.

— Я вижу, ты оказался прав, — вздохнул Марка. — Это должно было случиться рано или поздно, но мне трудно поверить, что такой человек, как Андрос, вдруг оказался способным увлечься подобной идеей...

— Он повторяет старые истины, Кловис: суровые времена требуют суровых мер.

— Так. Теперь у нас две раковые опухоли, о которых ты говорил, — пробормотал Марка.

— Ну, в прошлом одна опухоль помогала уничтожить другую. Однако, как я тебе уже сказал, лично я сомневаюсь, что у нас осталось на это время, — Велюзи коснулся гравипояса. — Слушай, давай спустимся вниз. Передатчик ты видел. Как насчет обеда у меня?

Спускаясь вниз, Марка сказал:

— Пожалуй, взгляну-ка я сейчас на звездолет Бранда, если ты не возражаешь, Нарво.

— Прекрасно, это всего лишь в паре сотен миль отсюда.

Они решили воспользоваться скутером Фастины и после того, как Велюзи поговорил со строителями, отправились к горам Турции, где возводился звездолет.

Летя над морем, Велюзи повернулся к Марка и сказал:

— Это вопрос не рассудка или знания, понимаешь, Кловис, это вопрос темперамента и силы воли. Андрос сдался. Бранд в своем роде тоже сдался. В прошлом человеком управляли подсознательные инстинкты. Рассудок укротил инстинкт, вот и все. Андрос знает, что с ним происходит, но, похоже, ему уже все равно. Мне кажется, это из-за Фастины...

— Она сказала мне, что он ухаживал за ней, но я не думал, что это так серьезно.

— Достаточно серьезно, как видишь. А вот и горы.

В широкой долине можно было различить очертания звездолета Каллакса. Корпус был почти завершен, и люди занимались внутренней отделкой.

Они нашли Бранда, распорядившегося установкой компактной двигательной системы, в одном из отсеков звездолета. Кловиса поразило осунувшееся и мрачное лицо Бранда, но тот приветствовал посетителей достаточно радушно.

— А, Нарво, Кловис! Все в полном порядке. Когда мы закончим, это будет лучший в мире звездолет. Нам удалось создать отличную имитацию земных пейзажей, это поможет преодолеть космофобию. И скорость не в пример выше, а значит, мне удастся больше времени провести на Титане, если... — тут они все посторонились, чтобы пропустить нагруженных оборудованием роботов, — если на Титане есть люди, я их найду.

Марка мог бы сказать Бранду правду, но он решил, что это будет подло — разрушить его мечту. Даже если он погибнет, пусть гибнет, сохранив свою мечту.

Каллакс заглянул в двигательный отсек, что-то сверил по чертежу, зажатому в руке, затем выпрямился и погладил голубоватую переборку.

— Люди работают с большим энтузиазмом, — сказал

Каллакс. — Добровольцев, желающих помочь, оказалось больше, чем нужно. Я собираюсь назвать звездолет «Орландо Шарвис» в честь руководителя колонии на Титане.

Вздрыгнув при звуке этого имени, Марка спокойно возразил:

— Шарвис не такой уж герой, как тебе может показаться. Разве не он проводил биологические эксперименты на людях?

— Может быть, так и надо было, — сказал Каллакс. — Кроме того, все зависит от точки зрения. У Шарвиса хватало мужества и была цель. Что касается остального, то меня это не заботит.

Марка прошелся по кораблю. Здесь было довольно прохладно, и, выходя, он зябко повел плечами. Дверь шлюза не была еще установлена. Кловис сощурился от яркого солнечного света и достал из кармана темные очки. У подножия гор неподвижно стояла горстка людей, пристально рассматривающих звездолет.

— Кто это там? — спросил он Каллакса.

Бранд подошел ближе:

— А, это люди из Братства. Они торчат там уже несколько дней. Ничего не делают, а только глазекют. Но боюсь, что-то они замышляют. Я уже слышал, что они жгут дома. К чести Андроса Алмера, он отреагировал быстро и защищает нас.

— А что, они как-то показали, что хотят напасть? — раздался позади голос Велюзи.

— Нет, но вы все знаете, что они думают о технике. Мой звездолет наверняка должен привлечь их внимание.

— Пожалуй, ты прав, — Марка коснулся гравипояса и спланировал на землю, остальные последовали за ним.

— Я слышал, что Мирона Пелва и Киро Бени тоже присоединились к ним, — сообщил Велюзи, упомянув двух бывших членов Совета.

— Невероятно, — сказал Каллакс. — Порядочные, интеллигентные люди.

Обритые, запахнутые в робы, мужчины и женщины в масках упорно смотрели на строительную площадку. Раньше они носили одежду любых темных тонов, теперь же все были в коричневом.

— Я слышал — они даже секут друг друга, — сказал Каллакс и повел гостей к своей временке. — Видимо, самоистязание частично облегчает груз испытываемой вины. Может быть, я глуп, но, честно признаться, не вижу, в чем и кто виноват. Хотя до тех пор, пока они не мешают мне, пусть торчат там, сколько им захочется.

— Опасаешься, что они могут что-то предпринять? — спросил Марка, когда они подошли к временке.

Комната, куда они вошли, была по-спартански проста. Гости сели на табуреты, а Каллакс принялся колдовать над автоматической кухней в углу.

— Опасаюсь, — запоздало согласился он. — Но оружия у них пока нет, только огонь. Но если вдруг понадобится оружие, им придется его производить, но Андрос уже взял под контроль все необходимые для этого материалы. Я думаю, все обойдется.

Марка повернулся к Велюзи.

— По какому праву Андрос распоряжается? Были ли выборы?

— Более-менее, — ответил Велюзи. — Большинство согласилось предоставить ему временные полномочия.

— Ясно, — Марка взял тарелку, которую подал Каллакс.

— Есть единственный способ противодействовать этому, Марка, — сказал Велюзи, приступая к еде. — Ты должен восстановить прежний Совет, пока не стало слишком поздно.

— И сколько нас осталось, — саркастическим тоном спросил Марка, — если некоторые присоединились к Братству, а Андрос норовит все сделать в одиночку, на что мы можем рассчитывать?

— Можно устроить перевыборы или кооперировать новых членов, — предложил Велюзи.

Марка из вежливости кивнул. Ему не хотелось признавать перед старым другом, что его душа уже не лежала к политике, что, несмотря на угрозу Братства и Опричнины, он был слишком занят своими личными делами, чтобы всерьез думать о возвращении на пост Председателя Совета.

— Ты по-прежнему наиболее уважаемый человек на планете, Кловис, — сказал Велюзи. — Большинство с охотой последует за тобой. Это дало бы нам шанс положить конец амбициям Алмера, пока не стало слишком поздно.

— А ты уверен, что люди поддержат меня, Нарво? — спросил Марка. — И осталось ли время, чтобы остановить Алмера?

— Попробуй и узнаешь, — вставил Бранд Каллакс. Он перегнулся через столик, размахивая ложкой. — Лично я считаю, что Алмер необходим для борьбы с Братством. Но нам надо уже сейчас подумать, кто сможет вовремя остановить Алмера, и лучше действовать быстро.

— Но это же значит — ограничивать свободу людей, — Марка озадаченно покачал головой. — Я не могу. Моя совесть...

— Из двух зол выбирают меньшее, — усмехнулся Велюзи. — У Алмера, очевидно, появился аппетит к власти, скоро он захочет большего. Это же очевидно.

— Мне надо об этом серьезно подумать, — сказал Марка, стремясь выиграть время.

— Принимай решение быстрее, — предупредил Каллак. — Вернувшись с Титана с хорошими вестями, я хотел бы найти здесь хоть кого-нибудь в живых.

Марка и Велюзи вскоре оставили Бранда. Маленькая горстка членов Братства все еще стояла, внимательно наблюдая за кипевшей вокруг звездолета деятельностью.

КНИГА ВТОРАЯ

Глава 1 ЛЮДИ ДЕЙСТВИЯ

Марка вскоре обнаружил, что не может больше вынести разлуки с Фастиной, и решил вернуться домой, погостив у Велюзи только три дня. Дополнительной причиной, побудившей его оставить дом Велюзи, были печальные глаза Нарво, ожидавшего от него решения.

Он забрался в скутер.

— Я решу, что делать, когда прибуду домой, — пообещал он Велюзи.

Дома он застал спящую Фастину. Сопrotивляясь желанию немедленно разбудить ее, он принялся бродить по дому, потом вышел к озеру. Он ходил, размышляя, и пытался утвердиться в уже принятом решении: избираться на пост Председателя. Он понимал, что должен был бы согласиться с Велюзи, раз тот так негативно воспринимает происходящее, но чувствовал, что остается таким же эгоистичным и иррациональным, как те, кого презирал, словно в воздухе был разлит какой-то яд, уничтожающий убеждения.

И все же он не мог вновь предстать перед Велюзи и отказать ему в помощи. Может быть, выступить в качестве номинального Председателя и дать возможность Велюзи заняться этой работой? Бесполезно — все очень скоро сообразят, что он уклоняется от выполнения своих обязанностей.

Всю жизнь он принимал верные этические решения, вплоть до того момента, когда стало ясно, что человечество стерильно. Вначале он в отчаянье кинулся разыскивать Орландо Шарвиса, косвенно повлияв этим на общее настроение людей, теперь всячески стремится уклониться от ответствен-

ности, не хочет даже попытаться исправить ситуацию, пока еще возможно. Что движет им? Какое подсознательное побуждение, затаившееся, возможно, с детства или унаследованное от полубезумного отца?

Страх помогает раскрываться темным сторонам человеческой психики. Не пробудил ли этот страх какую-то часть его души, до сих пор дремавшую?

Марка сел на валун и уставился на гладь озера.

Может, лучше все же согласиться с предложением Нарво? Организация новой администрации помогла бы отвлечься. Он уже поддался одному эгоистичному порыву, и, по всей видимости, пользы это ни ему, ни кому-нибудь другому не принесло.

Он решил подождать пару дней, а потом связаться с Нарво и сообщить, что согласен возглавить новое правительство. По дороге домой он чувствовал себя значительно лучше.

Приготовив ужин, он поднялся в спальню. Фастина все еще спала с легкой улыбкой на губах. Марка позавидовал ей.

Он выкупался и принялся неприкаянно слоняться по дому, подыскивая себе занятие. Ничто его не увлекало.

Позже он лег рядом с Фастиной. Она пошевелилась, он обнял ее, с наслаждением прикасаясь к нежной коже, и вскоре заснул.

Когда он проснулся, Фастины не было. Через несколько минут она появилась и принесла прохладительный напиток.

Он нежно поцеловал ее. Они любили друг друга так бережно и осторожно, как если бы каждый был из хрупкого, драгоценного стекла.

Несколько часов спустя на балконе за завтраком он рассказал ей, чем занимался, что видел. Ее, похоже, несколько не удивило сообщение о том, как изменился Алмер.

— Андрос предвидел это, — сказала она. — Мне кажется, он всегда симпатизировал такой идее. Он всегда считался только с собой.

Идея Велюзи о формировании нового правительства под председательством Кловиса ее не порадовала.

Она нахмурилась.

— Это, наверное, хорошая мысль. Было бы полезно иметь какую-то золотую середину между опричниками Андроса и Братством, но ты будешь слишком занят, правда, Кловис? Тебе, конечно, надо принять предложение Нарво, но самой мне этого очень не хочется.

— И я не хочу. Все во мне бунтует против этого. Я предпочел бы просто жить здесь или передвинуть дом куда-нибудь, где меня трудно будет найти.

— Сбежать? Это так непохоже на тебя, Кловис.

— В первый раз я сбежал, Фастина, когда был ребенком, второй — год назад. Почему я не могу сбежать и в третий раз? Мне кажется, это на меня похоже.

— Похоже на всех нас, — сказала она. — Иногда. Что ты собираешься делать, Кловис? Что влечет тебя сильнее?

— В том-то и беда, я прямо раздираюсь между желанием держаться от всего в стороне и мучительным ощущением неисполненного долга. О, есть всякие оправдания, я могу сказать, например, что мы, в конце концов, все равно умрем, я могу изобразить возмущение идиотскими выходками нашего общества. Может, я так и сделаю, если ситуация станет хуже для меня лично. Но если сохранять верность собственным идеалам, я должен присоединиться к Нарво и сформировать проклятое правительство. Кстати, это вопрос личного интереса. Чем больше власти получит Андрос, тем больше у него будет соблазна ее применить, а у меня создалось впечатление, что он не так уж хорошо ко мне относится.

— Ты знаешь, почему...

— Знаю, — он угрюмо уставился на пролетающую мимо гигантскую стаю фламинго. В мире вечного дня начинавший-ся разгул насилия и ненависти казался немыслимым.

— Не знаю, что тебе посоветовать, — тихо сказала Фастина.

— И не надо. Это мои проблемы. Я ведь уже решил: пожду день, два, успокоюсь, а потом повидаяюсь с Нарво.

Марка ушел с балкона в комнату.

— Мне не хочется оставаться дома, — крикнул он оттуда. — Чем бы нам заняться?

Она подошла к нему и предложила:

— Полетели ко мне? Там что-нибудь придумаем. Хорошо?

Кловис вздохнул.

— Хорошо. Прекрасная идея. Ты очень добра ко мне, Фастина, но поверь, я не нуждаюсь в сочувствии.

— Пошли, — заторопилась она. — Скутер ждет.

Он обнял ее.

— Не волнуйся, — сказал он. — Я просто немного расстроен, вот и все.

Она поцеловала его в подбородок и потянула за руку к гравелифту. Он последовал за ней послушно, как усталый ребенок.

В доме Фастины в Греции он провел больше времени, чем намеривался. Целыми днями он гулял по берегу моря, ни о чем особенно не думая. Со дня на день, откладывая визит к Нарво, он дремал или спал очень много и мало разговаривал

с Фастиной, она же всегда оказывалась рядом, когда он чувствовал голод или хотел любви. И хотя ее тревожило его состояние — отстраненный взгляд, безучастное лицо, — она терпеливо переносила все.

Однажды, вернувшись с побережья, Кловис застал подружку встревоженной.

— Тебя разыскивал Нарво, он спрашивал, здесь ли ты, и я сказала, что здесь. Он просил тебя обязательно связаться с ним, как можно скорее, — взволнованно сообщила она.

Он равнодушно кивнул.

— Так ты свяжешься с ним? — настойчиво повторила Фастина.

— Да, пожалуй.

Кловис медленно приблизился к экрану и назвал имя Велюзи. Лицо Нарво появилось почти тотчас же.

— Я ожидал, что ты появишься раньше, Кловис. Что-нибудь случилось?

— Нет, я хотел с тобой поговорить, но... — Марка прокашлялся. — Ты просил, чтобы я с тобой связался, зачем? Фастина сказала, что это важно.

— Произошла драка, Кловис. Между опричниками Алмера и членами Братства. Прямо сейчас, возле моего дома, — Нарво заметно нервничал.

— Что? — Марка подобрался. — Как это случилось?

— Они пытались поджечь мой дом. Я спал. Проснулся, когда они уже бегали с пылающими факелами. Я пытался уговорить их уйти, но меня никто... мне угрожали, боюсь, я запаниковал и... и вызвал Алмера. Ты можешь прилететь, Кловис?

Марка кивнул:

— Да, конечно. Сейчас же.

Огонь уже был потушен, но запах паленого чувствовался даже в гравелифте. Подлетая, Кловис видел, как на склоне холма дрались члены Братства в коричневых одеяниях с людьми в черном. В покрое их одежд, впрочем, большой разницы не было.

Марка нашел Нарво в жилой комнате. Старик дрожал. Он сидел в кресле и следил за побоищем через прозрачную стену. Он выглядел хуже, чем когда-либо. Его одежда была перепачкана и порвана. Руки грязны и кровоточили.

Потрясенный, Марка присел возле кресла и заглянул в лицо друга.

— Нарво?!

Велюзи находился в состоянии шока. Он слегка повернул голову и попытался улыбнуться.

В комнате царил разгром: мебель перевернута, занавеси сожжены, ковры набухли от воды. Кловису еще не приходилось видеть подобного вандализма. Он успокаивающе похлопал Велюзи по руке и подошел ближе к стене, чтобы лучше видеть сражение.

Люди там катались по земле, нанося друг другу удары, некоторые размахивали дубинками из обломанных ветвей. Марка был потрясен. Он тронул клавишу, и стена потеряла прозрачность. В полутьме он подтянул стул к креслу Велюзи и сел рядом, стараясь утешить старика, затем принес из кухни прохладительный напиток и сунул бокал ему в руку. Велюзи медленно поднес его к губам и немного отпил. Он протяжно, устало вздохнул.

— Ах, Кловис, — пробормотал он. — Я винил тебя за апатичность, но сейчас у меня такое ощущение, словно нет никакого смысла пытаться что-либо делать. Ты знал уже, наверное, что все слишком поздно.

— Ничего подобного, я просто хотел разобраться с моей собственной совестью, вот и все. Позже, когда ты почувствуешь себя лучше, мы отправимся на Большую Поляну и объявим о нашем намерении воссоздать Совет.

Сзади послышался шум, и высокая фигура в черном шагнула из гравелифта. Человек тяжело дышал, он был одет в точности, как Алмер, разве что без алых окантовок на одежде, и сапоги сплошь черные. Он подошел к бару и, не спросив, налил себе бокал, осушил его одним махом и со стуком поставил.

— Мы разделились с ними, — сказал он хрипло. — Я рад, что вы вовремя вызвали нас. Это был первый случай, когда нам, наконец, удалось взять их за бока.

— Чем все кончилось? — спросил Марка, не так уж и желая об этом знать.

— Мы поймали парочку этих маньяков и теперь упрячем их в такое место, где они не смогут никому мешать.

Марка уже не удивлялся архаичным понятиям. Не за горами уже время, когда такие слова, как «арест», «тюрьма», вновь войдут в обиход. Он боялся этого энергичного человека в маске. Однако пришелец и его товарищи носили униформу, а это говорило о неуверенности в себе.

— Раненые были? — спросил Велюзи.

— Только один из них. Его уже больше нет с нами.

— Где же он?

— Он... Его уже нет с нами, — человек в маске налил себе еще бокал.

— Не хочешь ли ты сказать, что он мертв? — Марка поднялся. — Вы убили его?

— Ну, если ты настаиваешь, то да, он мертв, Никто не

собирался отнимать у него жизнь. Это произошло случайно. Но раз уж так вышло, это дает нам преимущество и, кстати, послужит предупреждением всем остальным...

— Или побудит их мстить, — сказал Марка с презрением. — Что произошло с тобой? Послушай, вспомни, ты же культурный человек. Куда все это делось?

— Нынешняя ситуация уникальна, и ты это прекрасно знаешь, — ответил опричник с вызовом.

— Только в одном отношении, но...

— Поглядим. Должен признаться, что ожидал большей благодарности, направляясь сюда. Мы, вероятно, спасли жизнь твоего друга? — мужчина был намеренно груб.

Марка еще никогда не приходилось сталкиваться с подобной демонстрацией плохих манер. Он просто не знал, как реагировать на невежливость.

— Это Нарво Велюзи... — начал было он.

— Я прекрасно знаю, кто он, а ты — Кловис Марка. Кажется, я должен питать к вам уважение. Так оно и было когда-то, но что сделали вы, чтобы помочь в нынешней ситуации? Велюзи увлекся бесполезным проектом дурацкого передатчика, а ты так вообще от всего отстранился. Ну, хорошо, я согласен признать, что вы люди мира и просвещения. Ну и что? Пользы-то от вас?.. Сейчас нужны люди действия. Такие, как наш лидер.

— Андрос Алмер?

— Мы не пользуемся именами. Мы распрощались с нашим прошлым до тех пор, пока Братство не будет взято под контроль. Для руководителей вы чересчур информированы. Может быть, все развивается слишком стремительно для вас... А может быть, вы просто не привыкли к людям, принимающим молниеносные решения.

— Поспешные решения, быть может? — спросил холодно Марка.

Мужчина в маске хрипло хохотнул.

— Главное — решения, — он махнул рукой в перчатке. — Смотрите на нас с ваших высот, если хотите. Но именно наше решение и наши действия избавили Нарво Велюзи от крупных неприятностей. Вы должны быть благодарны нам, раз мы обеспечиваем вашу безопасность и даем вам возможность философствовать в тишине и уюте.

— Я прибыл сюда по поводу реорганизации административного аппарата, — сердито заметил Марка. — Мы собираемся созвать на Большой Поляне собрание и кооптировать в Совет новых членов.

— Очень благородно, но я бы сказал, что вы опоздали, — Мужчина накинул капюшон и скрылся в гравелифте.

— Скажи Алмеру, что он будет нам нужен там! — крикнул Марка вслед и подумал, что ему следовало бы оставаться более нейтральным. Не было никакой необходимости сердить Алмера или его опричников. Самым лучшим было бы заполнить Алмера в Совет и, конечно, какого-нибудь члена Братства. Только присутствие в Совете всех частей общества может решить проблему.

Тут Марка иронически улыбнулся.

Когда в прошлом подобные попытки примирения увенчивались успехом?

Глава 2

ЛЮДИМУДРОСТИ

Собрание еще не успело начаться, а Марка уже понял: все усилия бесполезны. Черных опричников и коричневых членов Братства в аудитории было больше, чем обычных людей. До этого момента Кловис не осознавал, как быстро способны разрастаться подобные группировки.

Над головами в черных скутерах зависли опричники Алмера. Сам Алмер сидел на возвышении вместе с Нарво Велюзи и Марка. Он откинулся на спинку стула — руки сложены на груди, ноги скрещены. Само воплощение надменности и самодовольства. Капюшон его черного плаща был откинут, но маску Алмер не снял.

Осмотревшись, Марка заметил, что мода на маски не прошла, распространилась еще больше: вряд ли во всей аудитории набралось бы человек двадцать без масок.

Велюзи уже давно пришел в себя. Несмотря на то, что руки его были покрыты ссадинами и плечи по-прежнему понуро опущены, чувствовал он себя бодро. Оглядев собравшихся, он встал и начал собрание.

— Как вы уже знаете, — медленно начал он. — Кловис Марка согласился возглавить новую администрацию, создаваемую специально для решения всех тех проблем, которые возникли с момента роспуска прежнего Совета.

— «Он говорит очень осторожно, — подумал Марка, — Подбирая слова так, чтобы никого не задеть».

— Новая администрация, — продолжал Велюзи, — займется обеспечением безопасности и, возможно, определит цель дальнейшего развития нашего общества...

Он продолжал говорить в том же духе дальше, но Марка почувствовал, что дипломатический подход Велюзи не про-

извел никакого впечатления не слушателей. Братство вины составляли убежденные фанатики, считающие себя вправе поступать по-своему. Опричники же откровенно презирали позицию, занятую Велюзи. Что же касается прочих, то им стоило только поглядеть вокруг, чтобы понять: любые попытки примирения враждующих группировок обречены на провал.

— Итак, нам требуются добровольцы, — закончил Велюзи. — Предпочтительно те, кто раньше участвовал в работе Совета. Желающие, поднимите руки.

Все члены Братства подняли руки. Их примеру последовали опричники. Еще двое тоже подняли руки, огляделись и опустили их. Марка понял, каким фарсом обернулась привычная ранее демократическая процедура.

Идея сформировать новую администрацию на рациональной основе была обречена на провал с самого начала. Теперь это стало очевидно. Может быть, он потому так долго колебался, что подсознательно предвидел неудачу?

Велюзи явно растерялся.

— Может быть, если вы снимете маски... — начал он.

Марка встал. Ему показалось, он слышал, как рядом хихикнул Алмер.

— Нам хотелось бы иметь сбалансированное представительство в Совете, — произнес он, стараясь говорить уверенно. — Нельзя ли побольше добровольцев вызвать из... — он изобразил улыбку, — из людей, не входящих во фракции.

Рук никто не поднял.

Внезапно сверху донесся крик. Все подняли головы. Человек в черном падал с высоты. Он с глухим стуком упал рядом с возвышением. Марка бросился к упавшему, но тот был уже мертв. Марка начал снимать маску, чтобы увидеть лицо.

Человек, казалось, упал со скутера. На нем был гравипояс, но он не был включен. Марка услышал крик. В небе, паря на гравипоясе, медленно плыл человек в коричневом. Было очевидно, что он подкрался к опричнику сзади и вытолкнул его из скутера прежде, чем тот успел включить гравипояс.

Опричники взмывали в воздух, пускаясь в погоню. Другие дрались с членами Братства на земле.

Марка все еще возился с маской убитого, когда кто-то коснулся его плеча. Он оглянулся.

— Не снимай маску, — сказал Алмер ледяным тоном. — Ты разве не знаешь, что одна из причин, по которой мы их носим, это то, что мы не будем знать, кто мертв, а кто еще жив?

Марка выпрямился.

— Это же суеверие, Андрос!

— Да? А нам кажется, что это практично, — в голосе Алмера прозвучали нотки торжества. — Мы — группа практичных людей. Это было прекрасное решение, Кловис, сформировать правительство, но, как видишь, в этом уже нет необходимости. Я советую тебе и Нарво отправиться домой и ни во что не вмешиваться. Мы сами присмотрим за порядком.

Марка оглянулся: вокруг кипела настоящая битва. В воздухе с лязгом и треском столкнулись два скутера. Из них вывалились люди и принялись драться прямо в воздухе.

— Как видишь, здесь слишком много насилия для такого человека, как ты, Кловис, — сказал Алмер снисходительно. — Возникает новый порядок. Порядок, способный справиться с подобными явлениями. Я бы предпочел, чтобы ты оказался подальше от этого неприятного зрелища...

Кловиса охватил гнев. Ему хотелось ударить Алмера.

— Ты создал эту критическую ситуацию, Андрос, и ничего не делаешь, чтобы ее разрядить. Твои парни убили члена Братства, теперь член Братства убил одного из твоих парней. Дальше будет все хуже и хуже.

— Посмотрим.

Когда Нарво Велюзи и Кловис Марка поднимались вверх к своему скутеру, до них донесся голос из толпы:

— Труссы!

Растерянные и ошеломленные, они летели к дому Фастинны на побережье, торопясь убраться подальше от шума схватки на Большой Поляне.

— Да, видимо, мы ничего не можем поделать, — заговорил Велюзи после долгого молчания.

Марка кивнул.

— Что теперь делать, Нарво?

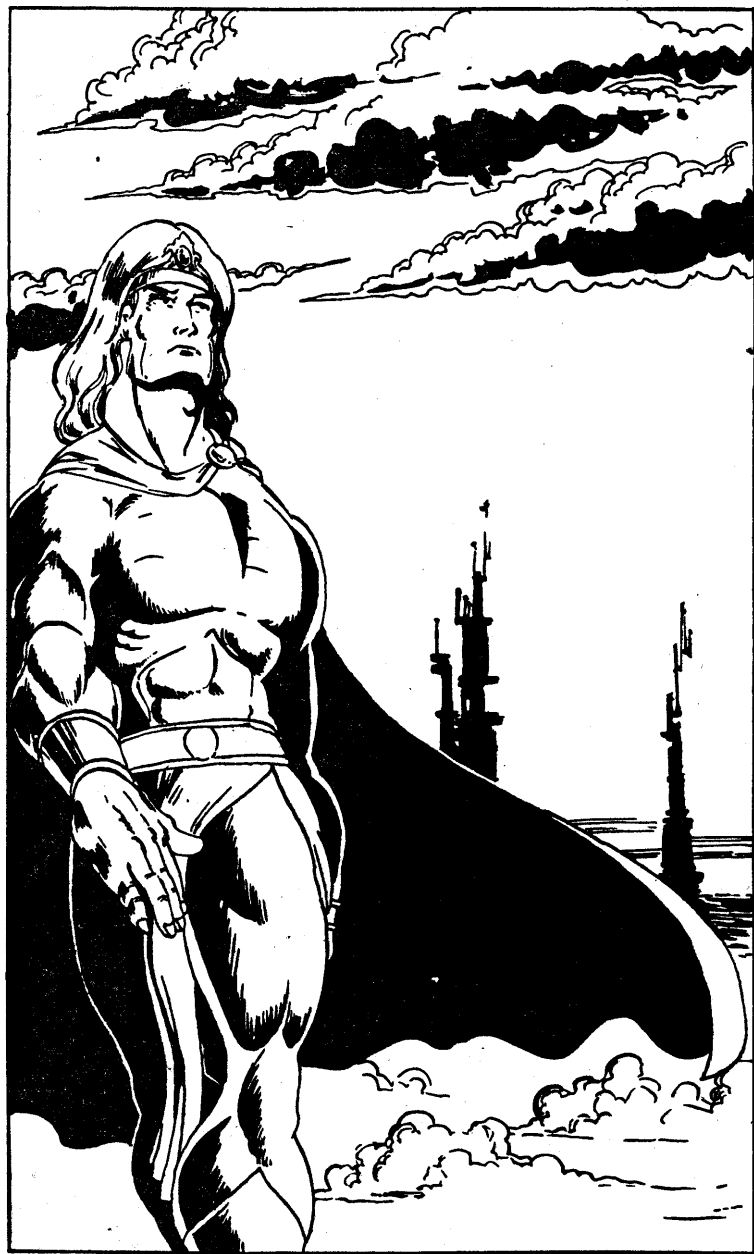
— Не знаю. Побудем пока в стороне. Что еще нам остается?

— Все будет зависеть от событий, — сказал Марка. — Сколько, по-твоему, Алмер будет сражаться только с членами Братства? Когда он начнет арестовывать других якобы по подозрению в тайном пособничестве? А возможно, Братство одержит верх. И уничтожит Алмера и его опричников. В конечном счете, никакой разницы.

— По крайней мере, Алмер высказывается в пользу порядка, — сказал Велюзи.

— Да, пока, — согласился Марка. — Но что будет дальше?

— Не знаю, — Велюзи потерял интерес к разговору, его голос был полон отчаянья.

— Возможно, нам следует принять совет Алмера и устроиться, — сказал Марка. — Это уже не наш мир, Нарво. Он становится неузнаваемым. Пусть уж они сами разбираются со своими проблемами.

Велюзи кивнул.

Немного погодя старик сказал:

— Мы можем игнорировать их, Кловис. Это нетрудно, но будут ли они игнорировать нас?

Спустя месяц, лежа на белом песке, наполовину погрузившись в теплое море, Кловис Марка услышал чьи-то быстрые шаги.

Это была Фастина. Он с улыбкой протянул ей руку, но она покачала головой:

— Новости, Кловис. Нарво сказал, что тебе будет интересно.

Она побежала обратно, а он, не спеша, последовал за ней.

Велюзи скорчился, пристально вглядываясь в экран. С недавнего времени по каналам общей связи начали передавать новости. Прежде экраны для подобных вещей не использовались, так как работало центральное бюро информации, где каждый мог получить необходимую справку. Теперь же информация подвергалась цензуре и передавалась в регулярных часовых выпусках, контролируемых опричниками Алмера.

На экране была Большая Поляна. Ее теперь окружала силовая стена почти в милю высотой.

На возвышающейся платформе стояли три члена Братства, они были раздеты догола. Двое мужчин и женщина. Их тела потемнели от грязи, а на коже хорошо заметны свежие следы побоев. Было видно, что они едва стоят на ногах от усталости и истощения. Платформу окружали опричники в черном и с длинными мечами в руках. На возвышении сидел человек, в котором можно было узнать Алмера по алой окантовке на маске и перчатках.

Теперь его уже не звали Алмером. Его звали просто Лидер.

— Я признаю вас виновными в соучастии в убийстве, — говорил Алмер. — И приговариваю к смерти в назидание всем остальным.

— Не может быть, — Марка с изумлением оглянулся на своих друзей. — Уже дошло до этого.

— Я же сказал, что процесс будет быстрым, — бесстрастно отозвался Велюзи. — В обществе, утратившем способность противостоять насилию, такие, как Алмер, достигают многого.

Марка увидел, что кольцо опричников повернулось лицом

к платформе, подняв мечи. Осужденные упали на колени, не пытаясь ни протестовать, ни сопротивляться.

Мечи опустились, поднялись и снова упали, разбрызгивая сверкавшую на солнце кровь.

Затем опричники отступили прочь. Осужденные были изрублены на куски.

Марка едва не стошнило, он не мог заставить себя шевельнуться, чтобы отключить экран и, как зачарованный, смотрел на то, как Алмер вздернул голову, спустился с возвышения и встал рядом с окровавленными трупами.

Какое-то время он смотрел на них, потом небрежным жестом запахнул плащ и пошел к специально расчищенному месту, где стоял его черный скутер, охраняемый четырьмя опричниками.

Аудитория, как теперь видел Марка, была заполнена до отказа.

Глава 3

ЛЮДИ СОВЕСТИ

После этого они уже новостей не смотрели. Они передвинули дом из Греции в глубокие джунгли Цейлона и остановились близ древнего города Анурадхапуры. Огромные купола его храмов были построены за пять веков до христианской эры. Миновали тысячелетия, город пережил войны, землетрясения, но сдался надвигавшимся джунглям. Новоявленные отшельники поставили дом за храмом и постарались замаскировать деревьями так, чтобы он стал невидим с воздуха.

Шли месяцы, и они в этом далеком, затерянном в джунглях городе нашли относительное счастье — счастье отрешенности и покоя. Здесь солнце вечно клонилось к закату. Обезьяны и пестрые птицы сновали в ветвях деревьев и по окутаным лианами камням зданий. Джунгли и город, казалось, слились в единое целое.

Время от времени Нарво Велюзи летал к Черному морю, чтобы приглядеть за продолжением работ над передатчиком. Там сформировалась целая колония из тех, кто не хотел иметь ничего общего с Алмером или Братством. Он привозил с собой необходимые припасы, однажды даже специально связался с Брандом Каллаксом. Братство не беспокоило Бранда после прихода Алмера к власти, и он расточал похвалы системе опричников.

Однажды во время пикника на траве подле древнего храма они заметили чей-то скутер. Прятаться было поздно, их явно уже заметили, но тут Велюзи узнал машину.

— Это Бранд. Он спросил, где мы находимся, и мне пришлось сказать. Он обещал, что сохранит наше местонахождение в тайне.

Они знали, что если кто-то действительно захочет их отыскать, то это в конце концов будет сделано, но надеялись, что старый трюизм «с глаз долой — из сердца вон» окажется справедливым.

Бранд медленно опускал свой скутер, пока, наконец, не завис рядом с ними.

— Я пытался связаться с вами, — сказал он, — но не смог. Тогда я решил явиться сюда, чтобы попрощаться.

Бранд еще больше похудел с тех пор, как Марка видел его в последний раз, но был в хорошем расположении духа.

— Значит, звездолет готов? — спросил Марка.

— Да, мы стартуем завтра. Я вернусь через шесть месяцев, конечно...

— Конечно, — сказал Марка....

— и не удивлюсь, если привезу с собой парочку здоровых титанцев.

Велюзи, не знавший, что Марка уже побывал на Титане, медленно сказал:

— А ты уверен, что сможешь выдержать путешествие в оба конца, Бранд?

Каллакс рассмеялся. — Уверен более, чем когда-либо. Вы еще вспомните мои слова, когда я вернусь.

Фастина улыбнулась.

— Это будет здорово, если тебе удастся найти титанцев, Бранд. — Губы ее вдруг задрожали, и она отвернулась, чтобы скрыть подступившие слезы, притворившись, что ей надо собрать вещи.

Каллакс ничего не заметил и ухмыльнулся:

— Я знаю.

Он опустил скутер, чтобы они смогли подняться на борт.

— Надеюсь, у вас найдется что-нибудь выпить на прощание? Показывайте дорогу.

В центральном зале, полном золотисто-зеленого света, Каллакс плюхнулся на софу и вытянул ноги.

— Знаете, я согласен со многим из того, что делает Алмер. Ему хватает силы, убежденности, и он знает, чего хочет. Кое-кому пришлось плохо, я понимаю, ну, так они этого заслуживали. Я только не понимаю, почему его раздражает проект. Я не ожидал от него такого негативного взгляда.

— Я бы сказала, что все его взгляды негативны, — заметила Фастина, прислонясь к прозрачной стене и глядя на верхушки деревьев. Это были узловатые, старые деревья, росшие здесь, вероятно, еще до набега.

— Я так не считаю, — сказал Каллак. Он оглянулся на Кловиса и Нарво, стоявших позади. — Не понимаю, почему вы прячетесь от него? Какой вред он может вам причинить? Его интересует лишь одно: как обуздать этих сумасшедших из Братства вины. Я знаю, ему пришлось предпринять кое-какие чрезвычайные меры, чтобы не допустить распространения заразы, и не оправдываю убийства, но кто-то вроде него был нам просто необходим.

— Да, — сказал Велюзи. — Ты, наверное, прав. Но лучше семь раз отмерить и один раз отрезать.

— Да не станет он строить козни против таких людей, как вы, — бывших членов Совета. Он не решится, во-первых, да ему это и не нужно, во-вторых. Я не понимаю, почему вы так тревожитесь?

— Трудно объяснить, — отозвался Марка. — Мы, вероятно, перестраховываемся, но когда человек, подобный Алмеру, сходит с ума, все, что противоречит его убеждениям, оказывается под угрозой. Могу привести исторические примеры.

— Алмер безумен? Нет, Кловис. Он носит маску, следуя моде, и... и, может быть, более жесток, чем надо, но это не безумие!

Велюзи рассмеялся. В его смехе чувствовалась натянутость.

— Не будем больше спорить. Лучше выпьем за успех твоего предприятия, Бранд.

После отлета Каллакса все трое сидели в комнате и молча смотрели, как обезьяны играют в развалинах храма. Животные верещали, пищали, сбрасывали друг друга с камней, прыгая с одного этажа на другой. Постепенно и Нарво, и Кловис, и даже Фастина расслабились и развеселились.

— Пожалуй, завтра я подсоединю экран к источнику питания, — сказал Марка. — Поглядим хотя бы, как стартует Бранд. Боюсь, он уже не вернется.

— Шанс все-таки есть, — отозвался Велюзи.

— Не думаю, — Марка встал. — Обнаружив, что на Титане нет колонии, он вряд ли захочет вернуться. Мне кажется, он знает, что никаких шансов нет и просто летит туда, чтобы умереть.

— Так же легко он может умереть и здесь, — вставила Фастина.

— Не в этом дело. Он хочет умереть, сражаясь. Трудно за это его винить.

На следующий день они собрались у экрана, чтобы понаблюдать за стартом звездолета. В официальных новостях Алмера упоминаний об этом событии не было, но изображение

звездолета передавали обыкновенные видеокамеры, и их было достаточно, чтобы показать и горную долину, и огромный космический корабль на взлетной площадке.

Без всяких комментариев, без какого-либо отсчета двигатель звездолета начал работать, корпус задрожал, и корабль медленно стал подниматься в воздух. Они молча следили, как «Орландо Шарвис» набирает высоту, и дружно ахнули, когда раздался взрыв.

Корпус развалился, утопая в голубых и оранжевых вспышках, куски корабля расшвыряло в разные стороны, и они начали падать на землю, в то время как антигравитационный двигатель продолжил свой бессмысленный полет в небо. Наконец, донесся грохот взрыва, и изображение на экране задрожало.

— Саботаж, — прошептала Фастина.

— Но кто? — потрясенно спросил Велюзи. — Кто мог убить его?

На экране появилось лицо опричника.

— Мы только что получили сообщение: звездолет «Орландо Шарвис» взорвался, — сказал он. — Мы подозреваем, что за этот взрыв несут ответственность члены всем известного Братства вины или их тайные сторонники. Бранд Каллакс — герой нашего времени, отправлявшийся в одиночку на поиски уцелевшей колонии на Титане...

— Слишком быстро, — сказал Марка. — Как ты думаешь, Нарво?

Старик кивнул.

— Они этого ждали. Они знали, что это случится. Не удивлюсь, если они сами подложили бомбу. Не стоит забывать — Алмер не хотел, чтобы Каллакс строил звездолет. Мне все время казалось странным, что, добившись власти, Алмер не запретил экспедицию. Я уверен, именно они уничтожили корабль.

— Э-э-э эт... виновные будут найдены и наказаны, — продолжал опричник. — Это, вероятно, самое тяжкое преступление Братства из всех, им совершенных. Будьте уверены, мы защитим вас от подобных преступлений в будущем.

— Ничего подобного уже не произойдет, — с горечью сказала Фастина. — Нечего больше взрывать. Почему Алмер это сделал?

— По нескольким причинам, — пробормотал Велюзи. — Укрепить свои позиции, заставить людей еще больше полагаться на него и наказать Бранда Каллакса за упрямство. Андрос умен и безумен одновременно. Редкое сочетание, — Велюзи сожалеюще покачал головой. — Бедняга Бранд, он хотел умереть, но не так!

— Я хочу повидаться с Алмером, — внезапно сказал Марка. Велюзи вначале не воспринял это всерьез. — Что это даст?

— У него же есть еще совесть? Должен же он как-то объяснить свои поступки?

— Он зашел слишком далеко. Его больной разум оправдает любое преступление.

— И все же я хотел бы попытаться. А, может быть, мне удастся повидаться с Йолуфом в Центральном Бюро Информации, и он даст мне возможность сказать всем правду? Это не может продолжаться...

— Ты думаешь, Алмера можно остановить? Мы пытались и потерпели неудачу. Теперь он обладает еще большей властью.

Фастина обняла Марка за плечи:

— Это будет очень опасно, Кловис. Не надо.

— Я боюсь его, Фастина, как и все мы. И все же я хочу попытаться вразумить его.

Велюзи покачал головой.

— Мы должны быть хитрее, Кловис. Единственное, что мы можем сейчас сделать, это собрать вокруг себя наших сторонников и постепенно расшатывать власть Алмера.

— А он будет продолжать убивать?

Велюзи вздохнул:

— Ну, хорошо, лети и повидайся с ним. Но будь осторожен, Кловис.

Глава 4

ЛЮДИ ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА

Штаб-квартира Алмера находилась в здании администрации, к югу от Большой Поляны Цветочного леса. По-прежнему окруженное лужайками, здание тем не менее было превращено в крепость, охраняемую вооруженными мечами опричниками. Мерцание воздуха, свидетельствующее о наличии силовой защиты, придавало элегантному, изящному строению зловещий вид.

На крыше здания развевался флаг, на котором было вышито «О», а под ним маленькими буквами: «Да здравствует порядок». «О» могло означать опричнину или что-нибудь еще. Незнакомый с подобными вещами, Кловис и не пытался угадать.

Задолго до того, как он достиг границы силовой защиты, голос, усиленный динамиками, пророкотал:

— Стоять! Запрещено приближаться к админцентру на скутере.

Марка остановил скутер и увидел, как с земли взмыли двое опричников в гравипоясах. Они опустились на борт машины и устали на него сверху вниз. Марка, нахмурившись, тоже встал:

— Я прибыл повидаться с Ан... с вашим Лидером, — сказал он. — Сообщите ему, что Кловис Марка здесь, — Марка постарался, чтобы слова его прозвучали весомо и солидно.

Оба опричника, казалось, расслабились немного, один из них заговорил в пространство, и Марка понял, что голос опричника передается крошечным передатчиком, спрятанным в ухе. Тот повторил слова Марка и принялся ждать ответа.

В напряженном ожидании прошло несколько минут. Наконец, опричник оценивающе взглянул на Кловиса и сказал:

— Все в порядке, сейчас откроют проход в поле. Будь осторожен, кокон защиты заряжен максимально.

Опричники покинули скутер и вернулись на свои посты. Марка провел свой скутер через отверстие, образовавшееся в силовой защите, и опустил его на крышу здания.

Там его ждали два других охранника. Как и первые, они были в черных плащах с капюшонами и черных сапогах, но их маски и перчатки были оторочены желтым. Видимо, это было что-то вроде армейских знаков различия. Новое доказательство продолжающегося процесса тоталитаризации общества гнетуще действовало на Марка. Он позволил им провести себя к гравилифту.

Они спустились на несколько этажей и вошли в бывший конференц-зал Большого Совета. Вместо сидений для сотен людей в огромном зале стояло теперь только одно черное кресло возле дальней непрозрачной стены. Кресло было оборудовано антигравитационным устройством и парило на высоте около фута над полом.

Стены были усеяны множеством экранов, и в подлокотнике кресла Алмера находилось устройство, с помощью которого можно было управлять работой экранов.

Алмер сидел в кресле, еще более надменный, чем прежде. Взмахом руки он отпустил охранников.

Марка и Алмер остались одни.

Кловис двинулся вперед, но не прошел и половины расстояния до Алмера, как тот остановил его.

— Больше не приближайся, Кловис.

Озадаченный, Марка остановился.

— Почему?

— У меня есть враги, никому нельзя верить! Кроме того, после сегодняшнего бессмысленного убийства Бранда Каллакса и уничтожения звездолета...

— Поэтому-то я и пришел.

— Ты что, знаешь, кого из членов Братства следует арестовать? — сардонически осведомился Алмер.

— Я знаю, что они тут ни при чем.

— Да? Тогда кто же это? — Алмер скрестил ноги и уселся в кресле поудобней. — Ты? Неужели ты пришел с повинной, Кловис?

— Андрос, виновен ты, это очевидно... твой экстренный выпуск новостей появился чересчур быстро и был слишком пространен.

— Да? Век живи, век учись. Спасибо, Кловис.

— А эта ложь, этот миф, который ты создаешь? Это ужасно, Андрос! Вы бежите от реальности, прячетесь за вашими капюшонами и масками, за бредовыми идеями, за откровенной ложью! Да послушай же меня!

— Я слушаю, — ответил Андрос с вызовом.

— Рано или поздно наступает время, когда твоя собственная система, сотканная из лжи, предаст тебя. Это часто происходило в прошлом. Тебе только кажется, что твоя ложь становится реальностью, это — только твоя реальность. Ты начинаешь действовать, исходя из сформулированных тобой же законов, которые противоречат реальности настоящей, и наступает крах. В конце концов, ты сам поймешь это! Но если ты прислушаешься ко мне и остановишься, то сможешь принять меры уже сейчас...

Алмер вдруг засмеялся:

— Благодарю тебя, Кловис. Спасибо. Какой ты все-таки добрый. Ты прибыл спасти меня от меня самого, да?

— Положим.

— Ах, Кловис, ну разве ты не видишь, что различия между моей реальностью и реальностью вообще уже не имеют значения? Нам осталось жить не так уж много. Мы можем делать все, что хотим. Я могу разыгрывать из себя короля, вы — отшельников. Мы оба с тобой прячемся от жизни, только ты — в своей отстраненности, а я — в своей причастности.

— Не понимаю...

— Понимаешь, понимаешь. Ох, уж эти прятки! Твой отказ во что-либо вмешиваться, если хочешь, ничуть не лучше того, что делаю я, а я увяз во всем этом по самое горло. Более того, Кловис, я выступаю в качестве катализатора, ясно? Я побуждаю, подталкиваю: пусть все, что должно свершиться, свершается как можно скорее! Ты, ты прячешься, а я иду навстречу! — Андрос снова захохотал.

— Ты не так безумен, как мне казалось, — тихо заметил Кловис. — Или, по крайней мере...

— Знаю, что я безумен? Ты это хотел сказать?

— Можно и так.

Алмер хмыкнул.

— Не нужно объяснять мне, что этот процесс может завершиться лишь взаимным уничтожением, но я-то следую правилам, Кловис. Я делаю все то, что должен. Я репрессирую, я ухудшаю ситуацию публичными казнями, я уничтожаю звездолет, я искажаю правду, а потом арестовываю людей по фальшивым обвинениям, — Алмер наклонился вперед, продолжая улыбаться. — Я жду не дождусь, чтобы увидеть, как далеко я могу зайти, прежде чем встречу хоть какое-то сопротивление таких людей, как ты, Кловис...

— Ты меня ждал?

— Рано или поздно ты должен был появиться. В целом, я был разочарован, я ожидал столкнуться с оппозицией раньше. Мои публичные казни неожиданно стали популярны, я не понимаю людей, недооценивал власти страха.

— И вот я здесь и явно не могу уговорить тебя остановиться.

— Я знал все, что ты скажешь, уже давно.

— Все, кроме одного. Разве нет у нас долга помочь людям вести более счастливую жизнь, чем нынешняя?

— Долг? Я не проповедник, Кловис. И не мессия. А, может быть, это ты мессия? — тон Андроса был откровенно насмешлив, и Марка вдруг понял, что совершил ошибку, явившись сюда.

— Ты самовлюбленный человек, Андрос Алмер.

— Самовлюбленный? Да ладно тебе, Кловис.

— Ты намекаешь, что это относится и ко мне..?

— А разве не так? Кловис, что касается меня, то я просто плыву по воле волн.

— И заставляешь их себе служить.

— На моем месте так поступали бы многие. Может быть, даже ты.

— Возможно.

— Ну, и что тогда?

Марка пожал плечами.

— Я зря отправился в путешествие. Если бы я остался...

— Было бы все то же самое, в этом чудесном кресле сидел бы ты, — Алмер похлопал ладонью по подлокотнику.

— Не думаю.

— Может быть, и нет. Но все было бы то же самое. Завтра или послезавтра. Ты просто не способен сразу принять очевидное, вот и все.

— Мне хочется думать, что ты неправ, Андрос, — вздохнул Марка. — Но полагаю, что, загнанный обстоятельствами, я был бы способен занять пост, который занимаешь теперь ты, Алмер. Я предвидел это и именно поэтому предпочитал не вмешиваться, пока не стало слишком поздно.

— Ну вот.

На одном из экранов уже давно мигал сигнал вызова. Алмер пробежался рукой в перчатке по кнопкам устройства. На экране возник опричник.

— Около двадцати подозреваемых арестовано, Лидер, — сказал он. — Половина является активными членами Братства, другие — сочувствующие.

— Их имена в том списке, который я тебе дал? — спросил Алмер.

— Большинство. Одного или двух не хватает.

— Отличная работа. Побystрее разыщите остальных.

Марка покачал головой.

— Насколько я понимаю, это те люди, которых ты опасешься? Ты хочешь обвинить их в уничтожении звездолета?

— Вот именно, — Алмер вновь повернулся к экрану. — А как насчет другого дела?

— Все подготовлено, Лидер.

— Превосходно.

Опричник пропал.

— Что это за другое дело? — поинтересовался Марка.

— Ты скоро об этом узнаешь, — сказал Алмер. — Ну, а теперь, Кловис, мне надо проследить за допросом подозреваемых. Если у тебя больше ничего нет...?

— Ты уверен, что никакие мои предложения тебя не интересуют?

— Безусловно. Что бы ты ни сказал, это на меня не повлияет. Прощай.

Марка повернулся и пошел к гравифильту. Внутри ждали охранники, они же проводили его на крышу.

Возвращаясь обратно на Цейлон, Кловис пытался собраться с мыслями и позволил своему скутеру медленно дрейфовать. Похоже, Алмер хотел побудить его к действиям против опричников и против самого себя. Короче, Алмер вызывал Марка на сражение, возможно, для того, чтобы проверить себя и почти наверняка для того, чтобы выиграть Фастину.

У Марка не было намерения играть в такие игры, но Алмер мог каким-то образом вынудить его к этому. Беседа позволила понять одно — Алмера можно низвести только энергичными мерами. Марка по-прежнему ужасало идея насилия, но он не мог придумать никакого другого способа.

Через полчаса после того, как Марка оставил крепость Алмера, он вдруг заметил сзади несколько скутеров. Приближались они очень быстро. Вскоре Кловис смог отчетливо разглядеть их. Пять черных скутеров, на которых в вихре развевающихся плащей стояли опричники.

Он нахмурился. Что это? Попытка Алмера заставить его занять активную позицию?

Преследователи настигли Марка и начали окружать, вынимая мечи из ножен.

— Что происходит?

— Нам приказано взять тебя под арест, Кловис Марка, — прокричал один из них. — Поверни скутер и следуй за нами.

— По какому праву?

— По подозрению в совершении диверсии.

— Что за глупости! Я месяцы не приближался к звездолету Каллакса. Даже Алмер не способен это утверждать.

— Обвинение не связано со взрывом звездолета. Речь идет о передатчике.

Теперь Марка понял, какое другое дело имел в виду Алмер.

— Вы разрушили передатчик Велюзи? — крикнул он гневно. Как это подло!

— Следуй за нами.

Марка коснулся приборной доски, скутер мгновенно окружило невидимое силовое поле. Опричники, казалось, ничего не заметили. Марка порывлся в кармане и вынул ультразвуковой свисток, стараясь припомнить необходимый код. Ему никогда прежде не приходилось им пользоваться. Один из опричников нетерпеливо взмахнул рукой. Звуки его голоса были приглушены полем.

— Мы готовы применить силу, если ты не полетишь добровольно.

Марка засвистел, и скутер метнулся вверх с такой скоростью, что он не устоял на ногах и повалился на сиденье. Защитный экран спас Кловису жизнь при входе в стратосферу, кроме того, защитный экран обеспечивал ему некоторый запас воздуха.

Кловис посмотрел вниз — преследователи поднимались гораздо медленнее, чем он.

Он огляделся: облака дали бы ему реальный шанс скрыться от опричников. Вдруг далеко на западе он увидел именно то, что нужно.

Облака плыли примерно в том же направлении, в котором летел и Марка, пока его не догнали опричники.

Он достал пульт ручного управления и пробежался по кнопкам пальцами.

Скутер спикировал, словно гигантская птица, Марка опять вдавило в сидение, он не мог повернуться и посмотреть, преследуют ли его опричники.

Вскоре скутер окутала туманная мгла облаков. Кловис сбросил скорость и свернул в сторону, используя облака в

качестве прикрытия. Теперь оставалось только ждать и надеяться, что опричники не разгадали его маневр.

Несколько часов спустя Марка знал, что все удалось как нельзя лучше. В конце концов, он был вынужден отключить силовое поле, чтобы не задохнуться, и его окружил холодный, промозглый туман.

Оказавшись в сумеречной зоне, Кловис решил, что опасность миновала, и спустился в более теплые слои атмосферы.

Вскоре пелена облаков рассеялась, и он увидел, что летит над океаном, скорее всего, над Бенгальским заливом. Он проверил приборы и взял курс на Цейлон.

Когда показался остров, Кловис стал снижаться над джунглями, пока не увидел развалины Анурадхапуры. С чувством облегчения он повел скутер по джунглям, лавируя между деревьями, чтобы приземлиться на мозаичную крышу дома.

На крыше уже было два скутера, два черных скутера. В одном из них Марка сразу узнал машину Андроса Алмера.

В панике он бросился к гравелифту. Теперь ему казалось, что арестовать его пытались лишь для того, чтобы удержать вдаль от дома, пока здесь будет Алмер. Возможно, опричники просто позволили ему от них скрыться.

У входа в жилые комнаты он услышал голоса, повис, уцепившись за поручень, и осторожно выглянул.

С Алмером было только двое, они держали за руки вырывавшуюся Фастину.

Сам Алмер стоял над Нарво Велюзи с окровавленным мечом в руке.

Страшная истина не сразу дошла до сознания Кловиса.

Алмер хихикнул и презрительно процедил сквозь зубы:

— Уж если это не заставит Марка действовать, я не знаю, что делать!

Он взглянул на Фастину, которая с отвращением отвернулась.

— Это традиционно, Фастина, — мы заберем тебя с собой, и твоему благородному принцу придется спасти свою прекрасную принцессу от злого барона, — от злобно рассмеялся. — Что за прелесть эта игра!

Марка дрожал от ярости. Не замеченный никем, он вошел в комнату и бросился на Алмера, схватив его одной рукой за горло, а другой ударил в лицо.

Андрос вскрикнул, попытался освободиться и выронил меч.

Один из опричников отпустил Фастину и бросился на Марка, вытаскивая меч, но тот развернул Алмера и закрылся им, как щитом. Однако опричник отвлек его, и Алмеру удалось вырваться.

Какое-то время они стояли, тяжело дыша. Опричники не знали, как им быть, и ели глазами Алмера, ожидая приказаний.

Марка подхватил упавший меч и неуклюже замахнулся на Алмера. Тот отскочил, и Марка обнаружил, что теперь ему противостоит другой меченосец. Не имея ни малейшего представления о фехтовании, Кловис понимал, что ему не справиться с опричником, который скользил вокруг него, делая обманные движения мечом. На лице Алмера появилась неприятная улыбка.

— Ну-ка, дай меч, — сказал он опричнику, все еще державшему Фастину. — Как драматично!

Выхватив меч, он шагнул вперед к Марку, вдруг полубернулся и весело бросил Фастине, с ужасом и отвращением смотревшей на него:

— Заключим сделку, Фастина. Кто победит в этой дуэли, предлагает тебе руку и сердце. Что скажешь?

Она молчала, понимая, что остановить безумца уже невозможно.

Марка неуклюже держал перед собой меч, отступая под натиском Алмера. Тот прыгнул и ухмыльнулся, приставив острие меча к сердцу Марка. Марка попытался защититься и взмахнул мечом. Если бы Алмер всерьез собирался его убить, это его бы не спасло. Марка еще раз взмахнул мечом, но Алмер, смеясь, увернулся.

— Ах, Кловис, ты напрасно не проявлял интереса к романтическим старым боевым искусствам! Сейчас у тебя был бы шанс.

Алмер снова сделал выпад, и опять Марка парировал слишком поздно. Смеясь, Алмер играл с ним, как кошка с мышью, шутя отражая жалкие попытки Марка ударить его. Марка понял, что Алмер в конце концов прикончит его, и опустил меч.

— Тебе придется убить меня, как ты убил Нарво, — сказал он спокойно. — Я отказываюсь играть в твои игры, Андрос.

На лице Алмера появилось выражение насмешливого разочарования.

— Кловис, Кловис, где же твое чувство юмора?

— Когда ты убьешь меня, что будет с Фастиной?

Алмер наклонил голову, сверкнув глазами в прорезях маски.

— А как обычно поступает злодей? Он унижает, насилует, а затем лишает жизни, — он хихикнул, увидев, что Марка вновь поднял меч. — Так-то лучше, Кловис. Так держать!

Нелепо размахивая мечом, Марка напал на него, и тотчас же меч вылетел из его руки, выбитый умелым приемом. Алмер больше не смеялся, лицо его было полно ненависти, и Марка понял, что сейчас все будет кончено.

Со стороны гравелифта послышался шорох. Появившийся

на пороге человек держал в руке странный шарообразный предмет с отходящей от него трубкой. Марка догадался, что это какое-то неизвестное оружие, и узнал человека. Алмер медленно опустил меч.

— Кто ты? — рявкнул один из опричников.

— Мое имя мистер Тейк. Вещица в моей руке стреляет сильнодействующим ядом. Достаточно попасть в любую часть тела — смерть наступает мгновенно. Я с огромным удовольствием пушу его в ход, если вы немедленно не освободите Кловиса Марка и эту женщину.

— Пистолет! Где ты нашел пистолет? — Алмер шагнул вперед, с детским любопытством уставившись на оружие.

— Он у меня давно. Я солдат, вернее, был им когда-то. И это только один из многих видов оружия, которое у меня есть.

Один из опричников язвительно заметил:

— Он просто сумасшедший. Даже мы еще не приступали к производству оружия. Скорее я..., — он бросился на Тейка с мечом.

Рука Тейка сделала молниеносное, почти незаметное движение. Раздалось легкое шипение, затем опричник застонал и, схватившись за грудь, рухнул на пол.

— Я же сказал — это пистолет, — заметил Тейк. — Я не испытываю жалости к тебе, Андрос Алмер, и я убью тебя весьма охотно, если ты дашь мне повод. Брось меч.

Меч лязгнул о пол. Марка и Фастина направились к гравилифту.

Алмер прорычал, глядя с ненавистью на Тейка:

— Откуда ты? Я разыщу тебя!

— С Титана, — ухмыльнулся Тейк и последовал за Марка и Фастиной.

Глава 5

ЛЮДИ МЕЧТЫ

В золотистом скутере Фастины они летели на восток. Все молчали: Тейк — потому что сосредоточил все свое внимание на приборах, а Марка и Фастина — потому что были еще ошеломлены недавними событиями.

Постепенно свет стал тускнеть. Они пересекли Бенгальский залив, вода внизу потемнела, отражая красные сполохи восходящего солнца. Скутер отбрасывал огромную черную тень на воду, небо впереди было окрашено всеми оттенками желтого, красного, фиолетового.

Марка заговорил первым.

— Куда мы направляемся?

— К тебе домой, Кловис Марка.

Впереди показалась земля, побережье Бирмы. Мрачные джунгли сумеречной зоны распростерлись под ними, время от времени они пролетали над руинами городов, затаившимися в вечном полумраке. Иногда попадались высокие башни, словно слепленные из расплавленного камня, который затем застыл, и теперь невозможно было сказать, природой они были созданы или человеком. Марка знал, что это за башни, — в одной из них он родился.

Тейк слегка изменил курс и стал снижаться. Марка узнал место, где когда-то встречались границы Бирмы, Китая и Тайланда. Теперь Тейк летел на север к стране, называвшейся раньше Монголией, и Марка, наконец, понял намерение Тейка.

— Мы летим к дому отца?

— Да.

— Зачем?

— Там вы будете в безопасности. Ты же знаешь свой дом?

— Ну, конечно! — воскликнул Марка. — Защита!

— Именно.

Все старые башни имели прекрасные защитные системы, хотя необходимости в них не было. Однако обитатели сумеречной зоны, как улитки, прятавшиеся по своим башням, принимали всевозможные меры предосторожности против постороннего вмешательства.

В башне они действительно будут в безопасности, даже в том случае, если за ними последует Алмер, ибо защитная система башни позволит отразить любое нападение.

Оставив позади горы, беглецы оказались над пустыней. Красную пыль и коричневый лишайник можно было видеть на мили вокруг. Слабый прохладный ветер веял над пустыней и, теребя ворсинки лишайника, гнал пылевую поземку. Вскоре показалась башня.

Высокая и широкая, она, хотя и строилась из стали и бронестекла, как все прочие башни, внешне напоминала вулканическое образование. Темно-зеленые и желтые цвета смешивались в окраске стен с наплывами оранжевого и голубого, а тонкие, точно замерзшие, розовые пузыри закрывали отверстия окон. В башне не было прямых линий или углов, все плыло и изгибалось, переходя из одной формы в другую, словно некая живая, внезапно застывшая материя. В ее переливах не было симметрии, даже главный вход напоминал своими очертаниями отверстие подводного грота.

Скутер приземлился. Фастина содрогнулась, оглядывая

мертвую пустыню и возвышавшуюся над ней уродливую башню, освещенную мрачным солнцем.

— Я так понимаю, что только ты можешь войти в башню, — сказал Тейк.

— Откуда ты знаешь? — спросил Марка.

— Я многое о тебе знаю, — сказал Тейк.

Марка заметил, что глубокий приятный голос Тейка всегда звучит удивительно монотонно и невыразительно.

Они подошли ко входу, защищенному пластиной из гладкого материала, похожей на тонкую мембрану, но способной противостоять любому воздействию. Только прикосновение Марка могло заставить пластину опуститься до уровня земли.

Марка коснулся теплой поверхности, и пластина тут же поехала вниз. Вход был открыт.

Все трое прошли внутрь.

Марка обнял Фастину за плечи, свободной рукой нащупал выключатель, и слабый желтый свет заполнил коридор, пробитый, казалось, в темном сплошном кристалле, пересеченном разноцветными прожилками. Сзади пластина вновь закрыла вход.

Они вошли в комнату странной формы. В дальнем углу скошенный потолок переходил в пол. Стены испускали молочно-желтый свет.

Мебель в комнате имела самые причудливые формы. Так, здесь стояло кресло, напоминающее скорчившуюся химеру с раскинутыми лапами — подлокотниками, рядом — стол, похожий на ухмыляющееся чудовище с широкой плоской спиной.

Гротескное убранство башни так контрастировало с функциональной простотой домов дневной стороны, что Фастина неуютно чувствовала себя в новой для нее обстановке. Они бродили по верхним этажам башни. Казалось, здесь поработал художник-сюрреалист: безумный, но полный вдохновения. Ни одна комната не походила на другую. Все они напоминали удивительные пещеры, разнообразные и разноцветные, хотя везде стены были сделаны из силикона или хрусталя.

Наверху Марка нашел пульт управления защитой башни, вполне соответствовавший увиденному раньше: изукрашенная панель кованой латуни и чеканного серебра и золота. Каждая кнопка была выполнена в виде фантастического животного, а приборы напоминали глаза и открытые пасти чудовищ.

Марка нашел руководство по управлению защитой, написанное рукой отца. Силовые поля, лазерная пушка, энергоразрядники и прочее вооружение составляли грозный арсенал

дома. Кловис занялся пультом управления, и вскоре компьютер отметил боевую готовность. Защита была в полном порядке.

Тейк и Фастина наблюдали за ним, стоя в дверях.

— Все башни в сумеречной зоне оборудованы подобным образом, — сказал Тейк, его голос гулко отозвался под сводами. — Если кто-то из здешних обитателей захочет противостоять Алмеру, это не составит труда. У Алмера нет ничего, сравнимого в этом, ему понадобится слишком много времени, чтобы изготовить подобное вооружение.

— Ты предлагаешь мне перенести войну на территорию дня? — спросил Марка.

— Вовсе нет, Кловис Марка. Я высказал свое мнение, только и всего.

— Почему же ты тогда освободил нас? — спросила Фастина. Она была уже не так бледна.

— Никаких причин, я просто знал, как высоко Кловис Марка ценит жизнь. Я следил за вами в Анурадхапуре, видел, как прибыли опричники, видел, как прилетел Кловис Марка, мне показалось, что вы в опасности, и я пришел на помощь.

— А почему ты следил? — спросил Марка. Он уже на злился на этого странного человека.

— У меня не было уверенности, что ты отказался от своих поисков.

— Ты говоришь об Орlando Шарвисе? — спросила Фастина.

Тейк кивнул. Его голова по-прежнему клонилась набок, словно шея не выдерживала такой тяжести.

— Что бы ты предпринял, если бы я возобновил свои поиски? — поинтересовался Марка.

— Если бы ты вышел на него, я бы тебя убил, — спокойно ответил Тейк.

— Однако ты спас наши жизни... — начала Фастина.

— Так Орlando Шарвис существует? — воскликнул Марка.

— Я спас ваши жизни, — согласился Тейк, — но я бы, не задумываясь, убил Кловиса Марка, чтобы уберечь его от худшего — от Шарвиса.

— Где же Шарвис? — Марка отошел от пульта. — На Титане? Ты упомянул, что ты с Титана...

— Да, я с Титана в некотором роде, — ответил Тейк. — Но я сказал это, чтобы смутить Алмера. Я единственный уцелевший из колонии Шарвиса.

— А где же он, Тейк?

— Сейчас? Не знаю.

— Где он живет? На ночной стороне? Именно туда направлялся Аллодий, а ведь он тоже искал Шарвиса.

— Аллодий шел по старому следу.

— Так он не нашел Шарвиса? — Марка приблизился к окну, которое выходило на сторону ночи. Багровые лучи солнца струились сквозь другие окна, окрашивая все в розовый цвет.

Тейк, казалось, о чем-то глубоко задумался.

— Аллодий, в конце концов, нашел Шарвиса, — сказал он.

— Сумел Шарвис дать ему то, что он хотел?

— Не совсем. Он дал ему то, что ему казалось, он хотел... Так же, как когда-то дал мне то, что мне казалось, я хочу. Чувство юмора у Шарвиса такое, понимаешь? Он всегда дает людям то, что им кажется, они хотят.

— Ты и Аллодий хотели то, чего хочу я? — Марка повернулся к Тейку. — Да?

— Более или менее. Мы оба хотели бессмертия, но ни я, ни Аллодий не сумели избежать последствий. К счастью, насколько я понимаю, ты вовремя опомнился.

— Значит, бессмертие возможно! — воскликнул Марка.

Фастина взглянула на Тейка.

— Тогда почему нельзя найти Шарвиса? Если люди узнают о возможности обрести бессмертие, все происходящее развеется, как дурной сон. Если каждый будет бессмертен...

— Шарвис не идеалист, — сказал с легкой иронической усмешкой Тейк. — Он не собирается быть спасителем мира. Он охотно дарует бессмертие тем, кто к нему приходит. Вот только подарок его немногие способны впоследствии оценить.

— Не понимаю, — сказала Фастина. — Почему ты не можешь сказать нам, где находится Шарвис? Мы сообщили бы остальным...

Тейк невесело рассмеялся. Смех этот напугал Фастину, и она придвинулась поближе к Кловису.

— Я не так сильно ненавижу людей, чтобы посылать их к Орландо Шарвису, и советую тебе, крепко советую никогда больше не вспоминать о Шарвисе, по-прежнему считать его мертвым. Если бы я недооценивал его власть, я показал бы тебе, что он сделал, чтобы отпугнуть тебя. Но я знаю по опыту, что даже этого зрелища недостаточно, чтобы преодолеть колдовское очарование Шарвиса. Послушайтесь же моего совета, особенно ты, Кловис Марка. Оставайтесь здесь, в безопасности. Вы влюблены друг в друга и сможете прожить до конца вашей жизни вместе. Будьте счастливы, как только можете, наслаждайтесь оставшейся вам жизнью, — голос Тейка звучал по — прежнему бесстрастно и невыразительно. Он пытался придать своим словам энергию чувств, пытался использовать выражение глаз, лица, но лицо его оставалось бесстрастной маской. Словно книга, он дышал чувством, ос-

таваясь бесчувственным, дышал эмоцией без эмоций. Очевидно, он и сам это понимал, потому что добавил: — Подумайте над моими словами, воспримите их серьезно, не уподобляйтесь мне.

Он развернулся и метнулся в коридор, Марка знал, что на сей раз Тейк от него не сбежит. Только он, хозяин, мог открыть вход.

Кловис последовал за Тейком, крича ему вслед.

Башня, старые воспоминания, разговор с Тейком, недавние события на Цейлоне — все перемешалось, перепуталось и возродило те мрачные мысли, которые Кловису удалось подавить в обществе Фастины.

Фастина с криком бросилась за ним:

— Кловис! Кловис! Я уверена, он прав. Мы останемся здесь. Пусть он уходит!

Марка догнал Тейка у входа. Тот пытался пройти сквозь пластину входа, но она не двигалась с места. Марка спросил:

— Где Шарвис, Тейк? Я достаточно разумен, чтобы он не обманул меня. Ты напрасно боишься. Я даже не хочу уже бессмертия. Но он прекрасный биолог и физик. Его знания — последний шанс как-то помочь человечеству. Может быть, он найдет способ вылечить нас.

Тейк стремительно прыгнул вперед, и рука Марка оказалась в руке Тейка.

— Не выдумывай, — сказал Тейк. — Забудь обо всем, кроме своей женщины. Сделай ее счастливой и сам будь счастлив. Оставайся в башне.

— Да! И сойти с ума, как мой отец и сестра.

— Если такое случится, это будет человеческое сумасшествие, прими его.

Тейк потащил Марка за собой. Тот попытался оказать сопротивление, но сила Тейка была просто невероятной. Он притиснул ладонь Марка к пластине, она тотчас же опустилась. Тейк отпустил Кловиса и бросился к скутеру.

— У вас пока хватит припасов, — прокричал он, взмывая вверх. — Скоро привезу еще. Я буду посещать вас по мере возможности. Я твой друг, Кловис!

Марка и подошедшая Фастина стояли у входа, следя за исчезновением скутера.

— У нас нет гравипоясов, — пробормотал Марка, когда она склонила голову на его плечо. — И он забрал наш скутер. Мы не можем вернуться, даже если захотим. Разве что пешком, а это практически невозможно. Уж я-то знаю. Мы — в ловушке!

— Он все делает для нашего же блага. Ну, пожалуйста, давай последуем его совету.

— Для нашего блага или нет, но я не шутил, Фастина. Я

добьюсь своего во что бы то ни стало! Почему я должен подчиняться приказам Тейка или кого-то еще?

— Твоя гордость, Кловис, да? Мой гордый мужчина.

Он вздохнул, следуя за ней в башню.

— Наверное, Фастина. Тебя это расстраивает?

— А тебя? — спросила она.

— Совсем недавно — да, — ответил он. — Сейчас — не знаю.

— Тогда я не против, — улыбнулась она. — Неважно, какой ты, Кловис. Мы вместе, мы в безопасности, и перед нами долгая жизнь. Разве этого тебе недостаточно?

Он глубоко вздохнул.

— Да, ты права, — сказал он. — Я ничего не могу сделать в мире, созданном Алмером. Я должен правильно оценить мое изгнание. Да. Достаточно. Ты права.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Глава 1

БАШНЯ

Но всего этого оказалось недостаточно. Со временем. Больше двух лет они прожили вместе в башне. Они никогда не выходили наружу, красная бесплодная равнина не располагала к прогулкам. Они любили друг друга, это, к счастью, не изменилось. Напротив, их чувства только усилились. Большую часть времени они проводили в гигантской постели в темно-желтой комнате. На этой постели родился отец Кловиса, здесь родилась его дочь — мать Кловиса, а потом и сам Кловис. На этот раз продолжения не последует.

Тейк, верный своему слову, время от времени посещал их, привозя еду и другие необходимые вещи. Он появлялся регулярно, примерно раз в три месяца, и Марка уже не пытался узнать у него, где находится Шарвис.

Тейк помалкивал о состоянии дел на дневной стороне. Он упомянул, правда, что Андрос Алмер получил абсолютную власть и что Братство вины практически уничтожено. Как бы между прочим, Тейк заметил, что Алмер обвинил Марка и Фастину не только в уничтожении передатчика, но и в смерти Нарво Велюзи. По словам Алмера, они погибли, спикировав в океан.

Иногда Марка читал книги отца или просматривал кассеты с историей семьи. В последних поколениях между мужчинами и женщинами установилось сильное фамильное сходство. Валта Марка и его дочь Бетильда могли показаться близнецами, так они были похожи. Кловис Марка тоже мог бы показаться близнецом каждого из них. У всех были высокие, стройные фигуры, большие глаза, густые брови, широкие скулы. Марка снова начал отождествлять себя с ними и считать, что был глупцом, покинув в детстве башню, и что единственный стоящий результат давнего решения — Фастина.

Вспомнив о ней, он обычно бросал свое занятие и отправлялся ее искать. Их привязанность друг к другу была столь сильна, что они не могли расставаться больше, чем на час.

Иногда они ссорились, но это случалось нечасто, к тому же они быстро мирились. Чаще они лежали в постели рядом и ненавидели друг друга с такой силой, что оставалось только либо убить кого-нибудь, либо немедленно заняться любовью.

Марка приготовил ловушку для Тейка. В основе ее лежал способ охоты, придуманный отцом. Дичи в этой части сумеречной зоны не было, так что устройство никогда не использовалось. Это было одно из многих бесполезных и нелепых изобретений отца, который увлекся изобретательством после смерти Бетильды.

Странной формы широкая кушетка могла захлопнуться, словно росянка, и сдавить или задушить все, что на ней окажется. Ловушка не была достаточно мощна, чтобы убить такого силача, как Тейк, но была способна удержать его и дать Кловису возможность хорошенько допросить его.

Желание Марка допросить Тейка уже не основывалось на чем-то определенном. Стремление к бессмертию как-то само собой ушло в прошлое. Кловису теперь хотелось просто поймать их тюремщика и подчинить его себе, пусть даже на короткое время.

Ловушка управлялась дистанционно, с пульта управления, который Марка постоянно носил в кармане. Он уже пытался однажды посадить Тейка на кушетку, но Тейк в тот раз спешил.

Фастина ничего не знала о ловушке. Кушетка стояла в комнате, где Кловис хранил книги и кассеты, в бывшей комнате отца.

Время шло. Снаружи все оставалось по-прежнему, пока не наступили дожди. Дожди здесь бывали не часто, но если уж начинались, то лили сутками напролет. Марка и Фастина приветствовали перемену погоды и часами сидели у окон, наблюдая, как вода смешивается с пылью и превращает ее в грязь.

И сегодня дождь лил без передышки — сплошной стеной. Именно в этот дождь опричник нашел башню.

Глава 2

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Опричник посадил свой одноместный скутер рядом со входом. Дождь падал на силовое поле, укрывавшее скутер, и сбегал по нему ручьями.

Они следили за ним из маленького оконца и видели, как он запахнулся в плащ, отключил поле и перебежал ко входу.

— Что теперь делать? — спросила Фастина Марка, который стоял, задумчиво закусив губу.

Марка придумал новый план.

— Мы должны впустить его, — сказал он, поднимаясь и торопясь ко входу. — Возможно, Алмер обнаружил где-то сведения о месте моего рождения. И выслал разведку.

— Мы не можем впустить его! Он вооружен. Он может убить нас.

— Убийца был бы более осторожен, Фастина. Я все же впущу его, — он секунду помедлил. — Ты не показывайся на глаза. Я проведу его в комнату отца. Если он не будет знать о твоём присутствии, ты сможешь помочь мне. Я хочу сказать, если он нападет.

Она молча кивнула. Глаза ее были полны тревоги.

Марка прошел по коридору к выходу и увидел опричника, безуспешно пытавшегося войти.

Марка рассмотрел черный капюшон, плащ, перчатки и маску. Маска была окаймлена голубым.

Опричник поднял пустые ладони, видимо, желая показать, что пришел с мирными намерениями. Марка коснулся ладонью пластины и она опустилась. Опричник вальяжно вошел внутрь, принес с собой запах дождя. Его рука покоилась на эфесе меча, на поясе висел пистолет.

— Странное устройство, — сказал незнакомец, показывая на вставшую на место пластину. — Ничего подобного мне еще встречать на приходилось.

Марка сказал с едва уловимой насмешкой:

— Это изобретение отца. Только члены семьи могут открыть ее или закрыть. А поскольку я последний, кто уцелел из всей семьи, то лучше помнить, что только моя живая рука может открыть ее и выпустить тебя наружу.

Опричник пожал плечами.

— Я не собираюсь причинять тебе вред, Кловис Марка. Напротив, я прибыл...

— Расскажешь в моем кабинете, — прервал его Марка.

Он провел его по извилистому хрустальному коридору и впустил в комнату отца.

— Как все здесь необычно и странно, — сказал опричник, когда Марка протянул ему бокал с вином. Он присел на кушетку, откинулся назад и жестом отказался от бокала. — Спасибо, не надо... привычка... Не принимаю еды или питья на работе. Вдруг ты захочешь меня отравить?

Марка выпил вино сам.

— А чем ты занимаешься?

— Я разведчик номер восемь с особым заданием от Лидера — отыскать тебя.

— Алмер знает, где я нахожусь? И давно?

— Лидер подозревал, что тебя можно найти здесь. Поскольку ты не представляешь для него особой угрозы, он и не беспокоился. Он был занят более важными делами.

— Какими делами? Что у вас там вообще происходит?

— Вот об этом я и хочу сказать, Кловис Марка. Комитет преуспел в установлении порядка и мира на всей дневной стороне. Надо отдать должное руководителю Комитета, нашему Лидеру, в том, что Братство вины теперь практически уничтожено или загнано в подполье. Надо признать, что на первом этапе все протекало чересчур бурно, и, оглядываясь назад, мы можем представить себе, как это все могло ужаснуть тебя...

Марка прервал подозрительно:

— Комитет? Теперь опричники называются так?

— Да. Создав законное правительство, мы решили, что старый термин уже неприемлем. — Бледные губы разведчика искривились в подобии улыбки. — Мы были вынуждены пойти на крайние меры вначале, но они принесли мир и безопасность в общество. Ты теперь не узнаешь его, Кловис Марка.

— Да, я уверен в этом, — термины и фразеология были знакомы Марка по старинным книгам. Он мог представить себе существующий теперь тоталитарный режим.

— Вместо старой системы индивидуального проживания, трудно поддающейся контролю, мы сгруппировали все дома в определенных районах. Это позволяет нам удовлетворять нужды людей с большей эффективностью, а также затрудняет деятельность преступников...

— Не продолжай, — сказал ему Марка. — Просто объясни, зачем ты прибыл.

Разведчик взглянул на свои руки и деликатно кашлянул:

— Твоему старому другу нужна помощь, — сказал он.

— Моему старому другу? Ты говоришь об Алмере? — Марка рассмеялся.

— Мне приказано передать, что он надеется на понимание

и разумную оценку ситуации с твоей стороны. Хотя ты и вредил ему в прошлом по недомыслию, он готов простить тебя и предлагает разделить с ним трудности управления новым обществом, созданным в нашем мире. Конечно, кое-кто пострадал ради того, чтобы большинство...

— Он убил моего ближайшего друга, — сказал Марка. — Он убил Бранда Каллакса, он погубил тех, кто работал над передатчиком Велюзи, — невинных, ничего не подозревавших людей. Он убивал и убивал десятки.....

— сотни, — сказал разведчик, сгорбившись. — Но все это было необходимо для общего блага.

— А теперь он подобрел, так что ли? — спросил Марка, сардонически улыбаясь. — Он убивает лишь по несколько человек, не больше? Все равно, скоро в мире останется один Андрос Алмер.

— Он понимает, что ты имеешь право злиться, — невозможно продолжил разведчик. — Но ему кажется, твое чувство долга, которое всем хорошо известно, поможет понять — теперь ему нужна твоя помощь, чтобы управлять созданным им упорядоченным обществом.

— Ничего он не создал и ничего не принес в наш мир, кроме безумия и несчастий. Наш род окончит свое существование в страхе и отчаянии — вот что он сделал!

— Это всего лишь твоя точка зрения. Позволь мне закончить, Кловис Марка.

— Хорошо.

— Руководитель Комитета обнаружил отступников в высшем эшелоне власти...

— Этого следовало ожидать.

— Предателям удалось получить поддержку в наиболее наивных слоях общества. Они воспользовались твоим именем...

— Моим именем?...

— твоим именем, чтобы убедить людей в бескорыстии своих целей, в желании вернуть мир к тому, что они зовут раем, якобы существовавшим до того, как наш Лидер восстановил порядок. Они утверждают, что ты вернулся и тайно возглавляешь группу этих отступников.

— Так, значит, они планируют низвергнуть Алмера и захватить власть?

— В них нет принципиальности нашего Лидера и его силы воли. Общество погибнет в результате войны, которую они неминуемо развяжут.

— Так чего же от меня хочет Алмер?

— Он предлагает тебе вместе с ним возглавить Комитет, если, конечно, ты вернешься и поддержишь его.

Марка ответил не сразу. Сказка была чересчур красива. Если Алмер уже оклеветал его, назвав убийцей Велюзи, то почему тогда он, Кловис, оставался популярным в народе? Он был почти уверен, что его хотят выманить из башни и уничтожить. Он по-прежнему был Алмеру опасен. И Алмер все еще стремится заполучить Фастину Кахмин.

— Значит, Алмеру нужна моя помощь, — улыбнулся он. — Прямо не верится. И как же ты поступишь, если я откажусь?

— Вернусь к Лидеру.

— А потом?

— У него есть другой план. Сообщить людям, где ты прячешься, объявив тебя врагом существующего порядка, и послать сюда войска, разрушив таким образом планы отступников. Тебе лучше принять его предложение.

— Эта башня неуязвима. Алмер потерпит фиаско, атакуя ее.

— Может быть, но мы разрабатываем очень сильное оружие. Ты не в такой уж безопасности, как тебе кажется.

— Так ты говоришь, Алмер уверен, что я здесь?

— Не совсем, — разведчик опустил руку на рукоять пистолета. — У меня задание обследовать все башни в этой зоне. Если я не вернусь через месяц, Лидер пошлет по моим следам отряд.

— Месяц?

Разведчик стиснул рукоять пистолета, глядя прямо Марка в глаза, очевидно, догадавшись, почему тот задает эти вопросы.

— Кловис Марка, в крайнем случае, я имею право убить тебя!

— Ты забываешь, что тебе не выбраться отсюда, если я умру.

Разведчик заколебался и нерешительно посмотрел в сторону двери. Марка опустил руку в карман и нажал кнопку.

Кушетка захлопнулась, как раковина, разведчик так и не успел вытащить пистолет из кобуры. Створки принялись медленно сдавливать бившегося и кричавшего человека. Разведчик не был так могуч, как Тейк, и ловушка сдавливала его все сильнее и сильнее, теперь он уже не кричал, только хрипел...

Марка отвернулся. Впервые в жизни он убивал человека.

Он закрыл уши ладонями, услышав треск костей, и содрогнулся. Слезы текли по его лицу. Но он знал, что останавливаться поздно. Разведчик был уже мертв.

Вскоре всякие звуки прекратились, наступила тишина.

Марка оглянулся на кушетку. Она аккуратно сложилась пополам, лишь по краю стекала небольшая струйка крови. Он тяжело вздохнул, оглянулся и увидел Фастину, спрятавшую лицо в ладони. Она, должно быть, слышала крики и прибежала на помощь.

Марка пересек конату, обнял плачущую женщину за плечи и повел ее прочь по запутанным переходам в их любимую желтую спальню. Он уложил ее на неприбранную постель, подошел к окну и впервые за все время открыл его.

В комнату ворвался дождь и холодный колющий воздух. Марка стоял возле окна, капли падали ему на лицо, на одежду.

Фастина продолжала тихонько всхлипывать, но Марка, задумавшись, ничего не слышал. В конце концов, Фастина заснула, а Марка продолжал стоять возле окна, подставляя лицо дождю.

Совсем промокнув, он закрыл окно, повернулся, накинул на Фастину одеяло и отправился обратно в кабинет отца.

Кушетка вошла в утилизатор достаточно легко, последний раз Марка пользовался им, сжигая тело отца.

Он закутался в плотный плащ и вышел наружу. Шлепая по тонкому слою грязи и обходя лужи, он добрался до скутера, приподнял его и потащил к башне.

С капюшона струями стекала вода, дважды Кловис поскользнулся в грязи. Но в конце концов ему удалось затащить скутер в башню и внести в кабинет отца. Кловис опустил его на то место, где раньше был кушетка, и накрыл покрывалами.

Теперь он был готов к визиту Тейка и спокойно отправился спать.

Фастина оставалась в постели с тех пор, как Марка убил разведчика. Она несколько пришла в себя и, очевидно, не винила его, решив, что разведчик пытался убить Марка. Однако она стала малоразговорчивой. Это устраивало Марка, с нетерпением ожидавшего прибытия Тейка.

Тейк появился через неделю со скутером, полным провизии. Дождь кончился, грязь затвердела и вскоре снова должна была превратиться в пыль. Она крошилась под ногами Тейка, несшего коробку с провизией ко входу башни, за ним тянулась длинная черная тень.

Марка оживленно приветствовал его.

Они вместе оттащили припасы в ближайшую комнату, и Тейк уселся на один из гротескных стульев.

Тейк заметил изменившееся настроение Марка.

— Похоже, ты доволен своей жизнью?

— Я чувствую себя не так уж плохо для заключенного, — ответил Марка. — Возможно, дождь смыл мою депрессию. Ты видел Орlando Шарвиса?

— Давно. Зато я встречался с жертвами его экспериментов. Тебе лучше оставаться здесь, мой друг.

— Хотел бы я, чтобы ты позволил мне самому решать это, — беззаботно отозвался Марка.

— Как поживает Фастина?

— В постели, спит.

— Спит? Ей везет. А ты хорошо спишь?

Этот простой вопрос был задан до странности напряженным тоном.

— Хорошо, — улыбнулся Марка. Он присел напротив Тейка. — А почему ты спрашиваешь?

— Завидую, вот и все, — голова Тейка снова начала клониться к плечу, он с видимым усилием выпрямил шею.

— «Шея у него, что ли, сломана», — подумал Марка.

— А ты что, плохо спишь, мистер Тейк?

— Я не сплю совсем, Кловис Марка. Ты очень счастливый человек. Хотел бы я быть таким заключенным, и чтобы кто-нибудь был моим тюремщиком.

— Я бы первым согласился, — улыбнулся Марка. — Что-нибудь перекусишь, выпьешь?

— Нет. Может быть, ты хочешь, чтобы я привез тебе что-нибудь особенное в следующий раз?

— Ничего не надо.

— Тогда я пошел, — Тейк встал. Марка проводил его до входа, опустил пластину и вдруг заспешил:

— Кажется, меня зовет Фастина. До свидания, мистер Тейк!

— До свидания, — Тейк направился к золотистому скутеру, которым все еще пользовался.

Марка промчался по коридорам в кабинет отца, сорвал покрывало со скутера разведчика. Обливаясь потом, он в считанные минуты дотащил машину до выхода, выглянул и успокоился, разглядев в темном небе блестящее золотистое пятнышко.

Черный скутер был оборудован локатором слежения. Марка настроил локатор и устремился вслед за скутером Тейка, оставляя позади башню и Фастину.

Ему нужен был скутер, именно поэтому он убил разведчика. Теперь он мог последовать за Тейком, куда бы тот ни полетел. Кловис был почти уверен, что Тейк приведет его к Орlando Шарвису.

Глава 3

КЛЕТКА

Скутер Тейка углублялся все дальше и дальше в ночь. Марка подозревал, что так оно и будет, поэтому не стремился держать золотой скутер в поле зрения, но лишь еще раз убедился, что сможет следить за ним с помощью локатора. Свет постепенно блек, тени удлинялись, пока все вокруг не залила темнота. Заметно похолодало. Скутер, предназначенный для использования на дневной стороне, не имел обогревателя, и Марка съежился, пытаясь согреться под плащом.. Он видел лишь нависавшие над ним массивные облака и таинственно мигающие звезды. Луну сбросили еще космические пришельцы, когда останавливали Землю. Сейчас она лежала где-то в Тихом океане.

От холода Марка не мог больше следить за приборами и совершенно не представлял себе, где находится, хотя, судя по морозу, под ним простиралось одно из ледовых полей, покрывавших Землю и океан на ночной стороне.

Им овладела апатия, восприятие действительности стало зыбким, он настолько отупел, что даже не додумался защитить себя от холода силовым полем.

Много позже, почти совсем окоченев, он заметил, что скутер снижается.

Перегнувшись через борт, Кловис увидел нескончаемую ледовую равнину, а чуть впереди мрачные очертания какой-то горной гряды. Скутер мчался прямо к ней.

Марка подумал, что скоро врежется в склон. Только тогда ему пришло в голову включить силовое поле, чтобы смягчить удар.

Удара не последовало. Вместо этого скутер нырнул в огромную пещеру.

Полет через тело горы продолжался так долго, что Марка пришлось отключить поле — ему не хватало воздуха. К его радости в тоннеле оказалось тепло. Скутер проникал все глубже и глубже в недра горы. Казалось, этому не будет конца, однако после очередного поворота впереди забрезжил слабый свет.

Марка мог теперь осмотреться. Масштабы подземного тоннеля поражали, через него мог пролететь даже звездолет.

Скутер начал замедлять ход и скоро остановился совсем, приземлившись вплотную к стене. Там, в нише, Марка увидел золотистый скутер, принадлежавший когда-то Фастинс.

Ощупав стену, Марка вдруг понял, где находится, — внутри упавшей Луны.

Он обыскал скутер, нашел гравипояс и медленно поплыл к сияющему впереди провалу.

Глаза его не сразу привыкли к яркому свету, но он сумел разглядеть, что тоннель привел его к колоссальной искусственной каверне в недрах Луны. Прикрыв глаза рукой, Марка взглянул вверх. Там пульсировал плазменный шар, явное творение рук человеческих.

Почву покрывал черно-красный мох, вдали вздымались темные громады скал. Небо казалось оранжевым.

Это был странный, неуютный мир, но создан он был человеком, и этим человеком мог быть только Орlando Шарвис.

Сколько времени ушло на то, чтобы создать эту каверну и крошечный мирок внутри? Да и зачем это нужно было Шарвису?

Марка ощутил приступ страха. Тейк исчез, и вообще место казалось совершенно безлюдным. Перед ним высился скальный массив — плато, вздымавшееся из пены черно-алого мха.

По теплоту, абсолютно неподвижному воздуху Марка поплыл в сторону скал.

Поднявшись над плато, он заметил нечто, напоминавшее невероятно сложный, непонятный огромный механизм. Внутри громадины что-то вспыхивало и сияло, мерцая. Нечто лежало в углублении посреди плато, окруженное наклоненными внутрь, отбрасывающими зубчатые тени скалами. Казалось, оно лежит в пасти какого-то огромного хищного зверя.

Только приблизившись довольно близко, Марка сообразил, что видит поселение. Городок, состоящий из домов золотых, серебряных, рубиновых, изумрудных, алмазных оттенков, утопал в своем собственном сиянии. Дома были разбросаны хаотично, казалось, они наклоняются друг к другу в надежде найти поддержку и участие.

Кое-где виднелись полосы культивируемой земли, небольшие пруды, странные машины и тонкие линии сети передач.

Очевидно, городок постепенно, без всякого плана разрастался, и было ясно, что условия жизни здесь более примитивны, чем где-либо на планете. — «Почему люди оставались жить в этом искусственном мире? У них же был выбор», — подумал Кловис.

Марка опустилсЯ на землю возле окружавших городок скал.

Теперь он заметил несколько фигурок, медленно двигавшихся между домами. Вблизи город не выглядел таким неле-

пым и неустроенным, хотя было очевидно, что домишки сооружены из частей обшивки звездолетов.

Марка осторожно двинулся к ближайшему дому.

И тут перед ним вдруг возник, точно вырос из-под земли, высокий старик с вьющимися седыми волосами, в кремовом плаще и желтых лосинах с огромным ящиком, прикрепленным к голой груди.

— Странник, добро пожаловать! — чинно произнес он, строго глядя на Марка. — Тыходишь в святое место. Центр Мироздания, Движитель Сфер. Добро пожаловать, пилигрим, — с величавым достоинством он повел рукой, показывая на дверной проем.

Марка не двинулся с места. Он узнал этот жаргон. Старик был членом Деистической Церкви Зодиака — культа, который процветал еще до набега, но потом быстро сошел на нет.

— Кто ты? — спросил Марка. — Сколько ты уже здесь?

— У меня нет имени, я хранитель Центра Мироздания и здесь уже целую вечность.

Перед Кловисом явно был сумасшедший.

— А что это за ящик у тебя на груди? — полюбопытствовал он, приглядываясь. Из ящика тянулись прямо в тело старика разноцветные длинные провода. — Зачем он?

— Ящик? У меня нет никакого ящика.

Умалишенный отошел, согнулся в три погибели и скрылся в дверном проеме.

Марка пошел дальше. Из домов доносились голоса, стоны, какие-то хрипы, и было непонятно, издавали эти звуки люди или испорченные механизмы. Кловис никого больше не встретил, пока не вышел на небольшую площадку.

Там, в тени здания, сидел мужчина. Марка подошел к нему. Мужчина смотрел прямо на Кловиса, но явно его не видел. Марка присел.

— Можешь сказать мне, что это за место?

— Райские Кущи, — ответил мужчина без всякой интонации, даже не повернувшись к Марка, и сухо, безнадежно рассмеялся.

Марка встал.

Вдали он заметил нечто, показавшееся ему вначале лишь путаницей колец и кабелей, паутиной почти семи футов высотой и двух футов в диаметре, с голубыми, серебряными и золотыми нитями в центре. Подойдя, Марка различил внутри очертания человеческой фигуры. До него донесся чистый приятный голос.

— Доброе утро, гость. Я заметил, как ты шел по полям. Какой теплый день, правда?

— Поля? — переспросил Марка. — Здесь нет полей — только мох.

Голос хихикнул:

— Ты, должно быть, немного не в себе, но ты же только что миновал их! Ты прошел мимо фермы, по дороге, через ворота, и теперь ты здесь. Мне нравятся гости.

Марка понял, что человек живет в своем иллюзорном мире, как и тот старик с ящиком. Но потом Марка вдруг догадался, что за паутина окутывает несчастного безумца: это было давнее изобретение, предназначенное для борьбы с космофобией. Человеческий разум и тело полностью контролировались устройством, имитировавшим земное окружение. Изобретение работало неплохо, но от него пришлось отказаться, потому что однажды подсоединенный, этот имитатор должен был быть подсоединен постоянно, в противном случае наступала смерть от острого психического шока. Кроме того, в результате использования устройства возникал своего рода рак, распространявшийся по спинному мозгу и приводивший к смерти более ужасной и мучительной, чем смерть от космофобии.

Человек в паутине, теперь казавшейся Кловису клеткой, приблизился, передвигаясь судорожными рывками. Изнутри высунулась рука и коснулась плеча Марка.

— Ты, — сказал ясный голос, — Ты, ты. Ты. Ты.

Последовало долгое напряженное молчание.

— Я, — произнес наконец человек, заключенный в клетку, развернулся и направился на прежнее место.

Марка двинулся дальше. Человек в клетке назвал это место Райскими Кущами, однако оно больше походило на Преисподнюю. Видимо, весь городок был населен сумасшедшими.

Кловис постучал в стену ближайшей хибары и позвал:

— Есть кто-нибудь?

После этого он, наклонив голову, вошел. Запах в помещении был ужасен. С большого квадратного матраса внезапно поднялся юноша. Лежавшая рядом с ним девушка отвернулась.

Но были ли они действительно молоды? Приглядевшись, Марка понял, что так, скорее, могли выглядеть чудом омоложенные старики.

— Убирайся, — грубо сказал мужчина.

Снаружи Марка отдышался и огляделся. Он начал понимать, что было бы гораздо разумнее покинуть городок и вернуться к скутеру.

Почему все эти люди прибыли сюда? Почему они избрали для себя столь ужасное существование?

Блуждая по неухоженным, запутанным улочкам, Кловис

встретил еще одного человека. Его череп был вскрыт так, что можно было видеть мозг, защищенный чем-то вроде силового экрана. От мозга к ящику на его спине, переплетаясь и извиваясь, как змеи, тянулись провода.

— Почему ты здесь? — спросил его Марка.

Мужчина меланхолично улыбнулся:

— Потому что я этого хотел.

— Это сделал Орландо Шарвис?

— Да.

— Наказание?

Улыбка расплылась еще шире:

— Нет, конечно. Я сам просил его. Ты понимаешь, благодаря этому я, вероятно, самый умный человек в мире, — он показал пальцем на ящик за спиной.

Внезапно улыбка сменилась выражением страха.

— Не задерживай меня, мне надо спешить.

— Куда?

— Этой штуке требуется огромное количество энергии, ее надо подзаряжать каждые двадцать минут. Или я умру, — спотыкаясь, он побрел дальше.

— Шарвис дал, Шарвис взял, — произнес за спиной чей-то саркастический голос.

Марка не узнал цитаты, но, оглянувшись, узнал говорившего.

Бледный, тонкогубый, с глазами, полными горечи, человек расправлял складки свободной черной тоги. На пальцах его было множество колец с ганимедскими гипноалександритами. Сконцентрировав на них внимание, можно было впасть в сомнамбулическое состояние.

Это был Филос Дамьяго. Он совершил последнее до набега пришельцев убийство на Земле. Он исчез сто пятьдесят лет назад. Но его лицо Марка знал по историческим фильмам. Марка невольно усмехнулся, подумав, что Дамьяго, вернувшись на дневную сторону, уже не будет единственным убийцей и потеряет свою исключительность.

— Филос Дамьяго?

— Да, верно. Как тебе мой вариант цитаты? Ты знаешь ее?

— Боюсь, что нет.

— Мало читаешь.

— Я думал, что неплохо образован, но...

— Это из Библии. Я много читал древних авторов: Шекспира, Милтона, Толстого, Хедсона. Слышал эти имена?

— Слышал и читал кое-что у каждого, насколько я помню.

— Я был литературоведом. Древняя литература была моей специальностью. Я, наверное, чересчур увлекся ею...

- Ты убил своего брата...
- Именно. Но кровь и смерть — не для меня. Боюсь, я слишком много возомнил о себе...
- Ты здесь с тех самых пор?
- Дамьяго покачал головой:
- Нет, сначала я пожил немного в сумеречной зоне и только потом прибыл сюда.
- Искал Орlando Шарвиса, да?
- Да. Как и все остальные, до меня и после.
- Не похоже, чтобы это тебя как-то изменило, в отличие от прочих.
- Дамьяго улыбнулся:
- Во всяком случае, не внешне.
- Так что же ты хотел от Шарвиса?
- Время. Я хотел, чтобы у меня было достаточно времени для изучения каждого произведения литературы, когда-либо написанного, и время, за которое я успел бы написать мою историю литературы.
- И Шарвис помог тебе?
- Да, конечно. Он прооперировал меня, я могу теперь прожить еще, по крайней мере, пятьсот лет.
- Да, времени действительно достаточно, чтобы сделать все, что ты хочешь.
- Согласен, — губы Дамьяго шевельнулись, словно он хотел добавить что-то еще.
- Так в чем же дело? — Марка почувствовал раздражение. Ему не терпелось отыскать Тейка.
- Операция повлияла на мой мозг, на оптические центры. У меня дислексия.
- Кловису стало жаль его.
- В этой ситуации ты держишься молодцом. У тебя, должно быть, могучая воля, Дамьяго.
- Дамьяго пожал плечами.
- У меня есть свои способы сохранять рассудок.. Я нашел себе новое развлечение. Ты хотел бы взглянуть?
- Дамьяго повернулся и вошел в ближайшую хибару. Марка последовал за ним. Хорошо освещенное помещение оказалось больше, чем он ожидал. В центре, на возвышении, стояла большая незаконченная композиция. Она, безусловно, производила впечатление, но какое? В качестве материала были использованы человеческие кости.
- Марка изменил свое мнение о состоянии психики Дамьяго.
- И тебе долго приходится искать материал? — спросил Марка, не зная, как выпутаться.
- Да нет, они все приходят ко мне, в конце концов. Если вдуматься, я самый ценный член этой общины. Они хотят

умереть, а мне нужны их кости. Со временем, возможно, ты тоже придешь ко мне...

— Не думаю.

— Не зарекайся. Ты же прибыл сюда в поисках Орландо, верно? И не собираешься покидать нас, увидев, что здесь творится с людьми?

— Вполне вероятно, именно так я и поступлю.

— Разумно, — Дамьяго присел на край постамента. — Тогда уходи! Прощай!

— Но я хотел бы выяснить все до конца. Мне кажется, Аллодий, замечательный поэт, артист, художник, тоже должен быть здесь, и человек по имени Тейк...

— А-а, ты уже колеблешься. Я предупреждал Аллодия и предупреждаю тебя: ничего хорошего из этого не выйдет.

— Орландо не любит посетителей?

— Напротив. Он очень рад им. Будет рад и тебе, особенно когда ты скажешь, чего хочешь. Ты ведь тоже чего-то хочешь от него?

— Может быть. Ну, вообще-то я прибыл сюда не для встречи с Шарвисом. Я даже не знаю теперь, зачем я пришел. Но раз уж я здесь, мне хотелось бы, по крайней мере, повидать Аллодия. Я хорошо его знал.

— Если ты его знал, тебе лучше с ним не встречаться.

— Где он?

Дамьяго огорченно развел руками, но все-таки показал:

— Аллодий живет направо от тех высоких утесов. Шарвиса ищи в горах: его лаборатории пронизывают горы насквозь. Добравшись до жилища Аллодия, ты увидишь высокий столб из полированного камня. Он отмечает вход в обиталище Шарвиса.

— Я же сказал, не думаю, что мне захочется теперь его видеть.

Дамьяго неопределенно кивнул:

— Твое дело.

Кловис Марка стоял на краю скалы, освещенной лучами искусственного солнца. Рядом, в кресле с высокой спинкой, сидел мертвенно-неподвижный Аллодий.

Уже второй раз Марка спрашивал:

— Аллодий, я тебе не помешал?

Тот не отвечал и даже не шевелился. Нервничая, Марка подошел ближе.

— Аллодий, я Кловис Марка, — он осторожно обогнул кресло, стоявшее на самом краю.

Аллодий продолжал отрешенно смотреть в пространство. Солнце, бывшее прямо в глаза, казалось, не мешало ему. Марка уже было подумал, не мертв ли он?

— Аллодий?

Во всем облике старика чувствовался недюжинный характер. Он был крупным мужчиной, с могучими мускулами, широкой грудью. Голову, массивную, тяжелую, украшала грива густых вьющихся волос. Его полные губы скривились в гримасе, одновременно жестокой, чувственной и сардонической. Но все это было заморожено, неподвижно, словно Аллодий превратился в статую, и только глаза жили на омертвевшем лице.

Марка наклонился, заглянул Аллодию прямо в глаза и в ужасе отпрянул, чуть не сорвавшись в пропасть. В глазах старика, так и не узнавшего его, Кловис прочитал невыразимую муку. Точно немой, ничего не понимающий зверь бился и метался в клетке черепа.

Аллодий уже явно был не способен мыслить. Он только чувствовал. Марка не мог выдержать этого взгляда, взгляда страдающего животного. Он отвернулся.

Аллодий был гением, его интеллект и творческий потенциал не имели себе равных. Он создавал величайшие произведения искусства — причудливые сочетания поэзии, прозы, живописи, скульптуры, музыки и драмы, поражавшие и восхищавшие всех без исключения. Теперь же словно что-то разрушило его сознание, оставив чувства нетронутыми. Он воспринимал окружающее, но как?

Марка решил избавить Аллодия от страданий. Он взялся за спинку кресла и принялся толкать его к краю скалы. Сзади вдруг послышался голос:

— Это не выход, Кловис Марка, — голос принадлежал Тейку.

Марка повернулся. Тейк стоял, сложив на груди руки и привычно наклонив голову.

— Почему?

— У него есть то, что хотел ты.

— Это? Я хотел вовсе не этого.

— Он — бессмертен! Попросил Орlando Шарвиса, и тот сыграл с ним шутку. Аллодий обрел бессмертие, но потерял ощущение времени.

— Шутку? — Марка едва мог говорить. — Аллодий был величайшим...

— Да, Шарвис знал, кем он был. В этом, видишь ли, и заключалась шутка.

Помолчав, Марка спросил:

— Есть ли какой-нибудь способ убить Аллодия?

— Боюсь, что он неуязвим, как и я.

— Ты тоже бессмертен, мистер Тейк? Я так и думал.

Тейк сухо рассмеялся:

— Я — бессмертен, я — супермен, мои рефлексy в десять раз быстрее, сила в десять раз больше, чем были раньше. Меня нельзя убить. Я даже не могу покончить с собой. Только Шарвис, сделавший меня таким, может меня уничтожить. А он отказывается, ведь я — его первый бессмертный. Когда-то я был солдатом и сбежал вместе с Шарвисом по окончании Последней Войны. Я был его помощником, когда он формировал свою экспедицию на Титан. К тому времени он уже провел эксперименты на мне и других. Они умерли, а я выжил. Парадокс — я готов был рискнуть жизнью ради бессмертия. После того, как он прооперировал себя, мы отправились на Титан и именно благодаря нашему отличию от других выжили.

— А другие?

— Несмотря на все новые и новые операции, они погибли один за другим. Тогда Шарвис и я вернулись на ночную сторону Земли, на Луну.

— Как вам удалось создать этот мир?

— Мы начали работу еще до отлета. Здесь был построен звездолет на Титан. У Шарвиса множество машин, они способны делать все, что угодно. А материалов здесь хватает.

— А теперь ты находишь свое бессмертие невыносимым, почему?

— Он дал мне бессмертие, но отнял мою жизнь.

— Шарвис дал, Шарвис взял, — пробормотал Марка. — Это слова Дамьяго. Знаешь Дамьяго?

— Я знаю всех. Это я присматриваю за ними. Шарвису некогда.

Марка взглянул на горы.

— Дамьяго сказал, что лаборатория Шарвиса там. Тейк, очевидно, он способен сделать все, что угодно. Даже оживить наши гены, дать надежду нашему миру... Если бы мне удалось повидаться с Шарвисом...

Тейк прыгнул, и прежде чем Марка успел что-то сообразить, столкнул его со скалы.

Падая, Марка едва ли не с радостью осознал, что сейчас погибнет: убивая, Тейк избавлял его от всякой ответственности. Но потом почти автоматически Кловис нащупал пульт гравипояса, и начал медленно планировать вниз. Еще одно нажатие, и он стал подниматься.

Тейк ждал, сложив руки на груди.

— Видишь, Кловис Марка, я не шучу. Я, скорее, убью тебя, чем позволю встретиться с Шарвисом. Ты просто не представляешь, чем это может для тебя кончиться.

Марка опустился на скалу. Под ногами он увидел камень, нагнулся и подобрал его.

— Единственное, в чем ты смог меня убедить, Тейк, так это в собственном безумии. Ну, как я теперь могу верить, что твоя оценка Шарвиса справедлива? Ты ненавидишь его за то, что он исполнил твое желание, но разве можно его винить за это?

— Вот видишь, — сказал Тейк. — Ты уже начинаешь искать Шарвису оправдания. Если ты будешь настаивать, если не вернешься со мной к башне, я лучше убью тебя. Это будет милосердным поступком.

— Я по-прежнему хочу решать сам.

— Я тебе не позволю.

Марка швырнул камень в Тейка. Тот перехватил камень на лету и двинулся к Марка, занеся руку для удара.

Марка надавил клавишу и стал подниматься в воздух, но Тейк схватил его за ногу, подтащил к земле и ударил камнем по голове. Марка ничего не почувствовал, но понял, что мертв.

Глава 4

ВОСКРЕШЕНИЕ

В последний миг жизни Кловис Марка осознал, как сильно хочет жить, и в то же время примирился с тем, что уже мертв. Однако теперь он вновь ощущал себя живым, и это бесконечно радовало его.

Он открыл глаза, но ничего не увидел. Испугавшись, он поспешил закрыть глаза. Так, может быть, он все-таки мертв? Казалось, он парит в невесомости, не чувствуя собственного тела.

Он пролежал несколько часов неподвижно, прежде чем отважился вновь открыть глаза.

Теперь прямо перед ним мигал и мерцал огромный кристалл. За кристаллом двигалась неясная тень. Он повернул голову и увидел то же кристаллическое сияние с какими-то смутными очертаниями позади. Он попытался пошевелиться, но так и не понял, удалось ему это или нет. Кловис медленно передвигался, поворачиваясь. Спустя некоторое время он убедился, что со всех сторон окружен одинаковыми кристаллами. Посмотрев вниз, он вдруг увидел свое отражение. Из рта его торчал пучок гибких трубок. С некоторым усилием он смог дотянуться до поверхности кристалла. Пальцы слегка кольнуло. Он попытался заговорить, но трубки мешали ему, и у него вырвался лишь полузадушенный стон. Осознание

того, что к нему вернулись зрение, осязание и слух, успокоило его. Он закрыл глаза и попытался поднести руку к голове. Откуда-то издали донесся тихий голос.

— А, хорошо. Скоро тебя можно будет выписать.

Марка заснул.

Проснулся он, лежа на кушетке в маленькой комнатухе. Здесь было тепло и уютно. Он огляделся и, к удивлению, обнаружил дверь на потолке, прямо над кушеткой.

Ему вдруг показалось, что за ним наблюдают. Возможно, стены прозрачны для тех, кто находится снаружи.

Кловис был одет в комбинезон из мягкого голубого материала. Ощупав голову, он обнаружил, что часть ее выбрита в том месте, куда пришелся удар камнем. Еще там был заживший шрам.

Итак, он был мертв, и кто-то воскресил его. Второе предупреждение Тейка? Едва ли. Кловис понимал, что его мозг был поврежден, и здесь, в этом затерянном мирке, провести операцию, необходимую для спасения его жизни, мог только один человек — Орlando Шарвис. Загадочный бессмертный.

В комнате зашелестел бестелесный голос. Вначале он напоминал шепот ветра в листьях деревьев, чуть позже Марка стал различать слова:

— Да, Кловис Марка, это Шарвис, Шарвис, который спас тебя. А теперь опять откинься на кушетку... спи... и скоро, уверяю тебя, Шарвис будет к твоим услугам...

Марка прилег, ничуть не удивленный тем, что Шарвис способен читать его мысли, и опять заснул.

Вновь он проснулся от того, что кушетка поднимала его к потолку, и потолок открывался, пропуская его. Он очутился в большой комнате с люминесцентными стенами. Переливавшимися всеми цветами радуги. Они давали мягкий, приглушенный свет.

— Прости, довольно мрачное освещение, — произнес знакомый шелестящий голос довольно отчетливо, — но я уже с трудом выношу прямой свет в последнее время. Как ты догадываешься, я — Орlando Шарвис. Ты ведь уже давно ищешь меня? Но теперь ты здесь.

— Да, — согласился Марка.

— Тогда мы встретились к обоюдному удовольствию. Как я сказал, я к твоим услугам...

Марка повернулся и увидел Орlando Шарвиса. Он ожидал увидеть человека, но то, что предстало перед его взором, было монстром.

Голова Орlando Шарвиса напоминала змеиную, его вытянутое, сужающееся книзу лицо было покрыто пятнами красного и розового цвета, сетчатые, как у стрекозы, глаза,

правильный нос и впалый, беззубый рот производили странное впечатление.

Тело не было змеиным, оно выглядело квадратным, тяжелым, грузным и опиралось на короткие толстые ноги. Руки были гибкими, пластичными и подвижными, как щупальца осьминога.

Огромный рост Орlando Шарвиса, почти десять футов, поразил Марка, как и его внешность вообще. Тем не менее загадочный бессмертный не вызывал ни страха, ни отвращения, наоборот, казалось, он излучал удивительное обаяние. Но не родился же он таким?

— Ты прав, — прошептал Шарвис. — Мое тело является результатом экспериментов, проводимых в течение многих лет. Я стремился не только добиться удобства, но и удовлетворить свои эстетические чувства. Да не последнюю роль сыграло и любопытство, конечно.

Шарвис читал его мысли.

— Этот эксперимент оказался довольно успешным, — продолжал Шарвис. — Хотя должен признать, что мои способности не универсальны. Вот, к примеру, — твой мозг представляет для меня в какой-то степени загадку, так много у тебя парадоксальных мыслей.

— Как ты меня нашел? — спросил Марка, слегка шепелявя.

— С помощью одного из моих изобретений. От него я получаю информацию не только о Луне, но и обо всей планете. Это приспособление величиной не больше макового зернышка. Можешь называть его микроглазом. У меня их миллионы. Я видел, что Тейк сделал с тобой, и послал за тобой робота.

— Долго я здесь?

— Больше месяца. Первая операция не удалась, ты чуть не умер. Но не волнуйся, ни при каких обстоятельствах я не вмешивался в функции твоего мозга. Если ты чувствуешь себя несколько странно: осложнения с речью, слабость, это скоро пройдет. Я горжусь тем, что мне удалось восстановить тебя в точности таким, каким ты был. Да, кстати, я ускорил рост твоих волос.

Марка коснулся затылка, обритая часть головы уже зарастала волосами.

— Как общее самочувствие? — спросил Шарвис.

— Прекрасно.

К нему постепенно возвращалась память: Аллодий, колония, рассказы Тейка о Шарвисе...

— Но я должен быть откровенным, — сказал Шарвис. — Возможно, я потеряю твое доверие, но правда мне дороже. Я

провел операцию по требованию твоего друга Аллодия, предупредив его о последствиях. Он настаивал. Каждый из тех, кого ты видел, был предупрежден о возможных побочных эффектах. И ни один не отказался, — крошечный рот улыбнулся. — Кловис Марка, я делаю для людей все, что они просят. И ни к чему не принуждаю их. Если ты судишь, о моих поступках во время Последней войны, то прошу, вспомни — я был тогда молод, самонадеян и упрям. Скромность была мне чужда. Теперь я изменился. Экспедиция на Титан и ее неудача преподали мне хороший урок.

— Ты способен дать мне бессмертие?

— Если ты этого хочешь.

— А какова цена?

— Цена? Только не твоя душа, если ты думаешь об этом. Мне кажется, ты скорее имеешь в виду свою индивидуальность, да? Уверяю, она останется нетронутой. Я к твоим услугам. И готов помочь осуществить твоё желание.

— И все же Тейк уверяет, что тобой руководит, скорее, желание посмеяться, чем альтруизм...

— Мы с Тейком знаем друг друга слишком долго, чтобы я мог судить о нем объективно. То же можно сказать и о нем. Может быть, мы ненавидим друг друга, но постарайся понять — это древняя, сентиментальная ненависть. Я вернул Тейку его свободу, я дал ему бессмертие, разве в этом есть какая-нибудь насмешка?

Шарвис как будто гипнотизировал Марка. Марка обнаружил, что ему никак не удастся мыслить с прежней ясностью. Но он решил, что это — последствия операции.

— Тебя обвиняли в прошлом во многих преступлениях... — начал было Марка.

— Преступлениях? Нет, нет, я не служил ни добру, ни злу! У меня нет времени для абстрактных размышлений. Я абсолютно нейтрален. Я — ученый. Когда требуется моя помощь, я делаю то, о чем меня просят. Вот — правда.

Марка нахмурился:

— Но добро и зло отнюдь не абстрактны. Этика просто необходима...

— У меня нет никаких принципов. Существует только желание служить науке и по мер сил тем, кто ко мне обращается. Ты веришь мне?

— Да, верю.

— Ну, и что тогда?

— Я понимаю твою точку зрения...

— Прекрасно, я не принуждаю тебя принимать подарки из моих рук, Кловис Марка. Я оживил тебя, ты здоров и можешь идти, куда хочешь...

Марка неуверенно спросил:

— Я не мог бы остаться на время? Чтобы немного подумать?

— Чувствуй себя, как дома, в моих лабораториях. Будь моим гостем.

— А если я решусь попросить...

Орlando Шарвис поднял руку:

— Сказать правду, у меня не хватит материалов, чтобы обеспечить тебя абсолютно надежным бессмертием.

— Так что же, если я попрошу тебя сделать это, ты не сможешь?

— Да нет же! Это возможно, только я не могу гарантировать тебе нормальной жизни.

— А если достать необходимые материалы?

— Такая возможность есть, — Орlando Шарвис, казалось, задумался, — судя по твоим мыслям, ты разрываешься между желанием просить бессмертия для себя и стремлением добиться «излечения» человечества в целом. Последнее — выше моих сил. Я не всемогущ, Кловис Марка. Кроме того, меня не волнует человечество. Здесь, на Луне, много людей, которые никогда не умрут.

— Уроды, — брякнул Марка, не подумав.

— Так ты опасешься прекращения существования «нормальных» людей? Так, что ли?

— Да.

— Боюсь, я не могу разделить твои чувства. И все же подумую. И еще, я должен предупредить тебя — твои враги в данный момент находятся рядом, как внутри Луны, так и на ее поверхности.

— Какие враги?

— Тейк, например. Он тебе враг, хотя и называл себя твоим другом...

— Я всегда это знал.

— Андрос Алмер со своей бандой шныряет по поверхности, разыскивая тебя. С ними твоя женщина — Фастина.

— С ней ничего не случилось?

— Ничего. Я так понял, что Алмер считает ее своим главным козырем в этой игре...

— Но я-то вовлечен в эту игру невольно. Как он нашел Луну? И почему не обнаружил твой тоннель?

— Я понимаю так, что скутеры его людей снабжены передатчиками для того, чтобы контролировать любое их передвижение. Алмер заподозрил неладное после того, как его разведчик не вернулся. Он проследил путь скутера разведчика к твоей башне и нашел там Фастину. Взяв ее в плен, он обнаружил, что скутер разведчика исчез на ночной стороне.

планеты. Снарядить экспедицию и отправиться на твои поиски было делом недолгим. Они проследили передвижения скутера до Луны, но сейчас они в растерянности! Вход в тоннель замаскирован. Устройства, которыми располагает Алмер, показывают, что твой скутер находится глубоко внутри Луны, и никто не может понять, как он туда попал, — Шарвис тихонько рассмеялся. — Алмер чертовски озадачен. Они принялись было бурить грунт, но мне удалось вывести из строя их оборудование. Скоро мне придется решать, как с ними поступить: они угрожают вторгнуться в мой мир.

— Позаботься, чтобы Фастина была в безопасности. Она ни в чем не виновата.

— Согласен. Я позабочусь об этом. Не беспокойся, я не планирую эффектного уничтожения Алмера, Кловис Марка, надеюсь, я более тонок.

— А как насчет Тейка?

— Он сейчас вне моих лабораторий. Десятый день он пытается проникнуть сюда так, чтобы я не заметил. Не знаю, чего он хочет. Я никогда не стеснял его свободы, но он очень ограниченный и подозрительный человек. Боюсь, мы его скоро увидим.

Шарвис грациозно повернулся.

— Ну, я покину тебя сейчас, с твоего позволения. У меня не один ты. Чувствуй себя, как дома, в моих лабораториях. Мне кажется, они представляют для тебя интерес.

Без гравипояса или какого бы то ни было иного устройства Шарвис поплыл к мерцающей стене, погрузился в нее и исчез.

Марка начинал верить, что Тейк был не прав, приписывая злой умысел действиям Шарвиса. Его поступки не были плохи или хороши, как он и предупреждал. Все зависело от точки зрения.

Глава 5

ИСТИНА

Обширная сеть лабораторий Орlando Шарвиса произвела на Кловиса Марка огромное впечатление. Марка приходилось видеть научные центры, но не столь грандиозные. Лаборатории Орlando Шарвиса были не только удобны, но и красивы. Огромное сооружение в недрах гор было создано Шарвисом, и Марка не сразу смог осознать это.

Лаборатории являлись только частью системы. Сооружение было в действительности дворцом невероятной красоты.

Здесь можно было найти галереи и залы, с которыми по архитектуре и дизайну не могло сравниться ничто в истории мира. Кловис Марка был поражен, он чувствовал, что чело- века, создавшего такую красоту, невозможно обвинить в злом умысле.

В одном очень большом зале он увидел несколько удиви- тельных произведений искусства, которые явно не были тво- рениями Шарвиса. Несомненно, это были работы Аллодия.

Марка отправился на поиски Шарвиса и нашел его сидев- шим в кресле в комнате, залитой мягким, приглушенным светом. Он спросил Шарвиса о работах Аллодия.

— Обычно, — сказал Шарвис, — я не прошу платы за то, что делаю, но Аллодий настоял. Он был единственным совре- менным художником, которым я восхищался. Так что я был рад принять его подарок. Я надеюсь, тебе понравилось? Мне бы очень хотелось, чтобы когда-нибудь и другие смогли это увидеть.

— Так ты не против посетителей?

— Нет, особенно если они обладают вкусом и интеллек- том. Аллодий пробыл здесь до операции несколько дней. Я надолго запомню наши увлекательные беседы.

Воспоминание о мученических глазах Аллодия всплыло в памяти Марка, и он почувствовал тревогу.

Шарвис печально улыбнулся.

— Я не могу отказать никому, Марка. Я наслаждался бы обществом Аллодия и до сих пор, но, в конце концов, мне пришлось выполнить его просьбу... Боюсь, ты тоже останешь- ся со мной недолго.

В смятении Марка покинул комнату.

Во дворце Шарвиса терялось ощущение времени. Здесь не было часов, и Марка не замечал бегу дней. Однажды, может быть, через день или два после разговора об Аллодии ученый отыскал Марка, слушавшего одно из произведений гения- страдальца.

— Может быть, тебя сердит, что я прервал тебя, — про- шептал Шарвис. — Но наш приятель Тейк, наконец, прибыл. Он выбрал простейшую дорогу и вошел через главный вход. Я рад, что он пришел, ибо я хотел бы поговорить с вами обоими. Сейчас я покину тебя, чтобы ты мог дослушать ро- ман...

Марка взглянул на покрытое пятнами лицо Шарвиса, ка- завшееся встревоженным, но по выпуклым стеклянным гла- зам ученого невозможно было понять, что тот на самом деле переживал.

— Нет, я сейчас иду, — сказал Марка, поднимаясь.

Они прошли в комнату с люминесцентными стенами, где встретились в первый раз.

Тейк уже был здесь. Он стоял в середине, и цветные тени играли на его лице. Руки его были заложены за спину.

Он поднял голову и кивнул Марка:

— Мне надо было разбить твой череп вдребезги и забрать с собой труп, — сказал он. — Прости, Кловис Марка.

Марка был растерян и зол, ведь перед ним стоял человек, который дважды пытался убить его.

— Мне кажется, ты заблуждаешься, Тейк. Я разговаривал с Орландо Шарвисом и.....

— и ты столь же доверчив, как и все остальные. Я предупреждал, что так оно и будет. Он заморочил тебя голову! Что ты ему сказал, Орландо?

Ученый развел гибкими руками:

— Я только правдиво ответил на его вопросы, Эзек.

— Правдоподобно, ты хочешь сказать. Твоя истина и моя — это совершенно разные вещи.

Марка стало жаль Тейка.

— Шарвис говорит правду, — сказал он. — Он был честен со мной. Не лгал. Не пытался побуждать меня делать то, чего я не хочу. В какой-то степени он даже пытался меня отговорить...

— В какой-то степени? — с отчаяньем в голосе отозвался Тейк. — Глупец, мне жаль времени, которое я потратил, пытаюсь спасти тебя.

— Я же сказал, у меня есть своя голова. Я не нуждаюсь в твоей опеке!

— Да нет у тебя уже своей головы, и неважно, понимаешь ты это или нет. Ты уже принадлежишь Шарвису, кретин!

— Пожалуйста, Эзек, не роняй своего достоинства, — прервал его Шарвис, выплывая вперед. — Ну, когда я пытался навязать свою волю другим? По крайней мере, со времени неудачи на Титане. Разве я обманывал тебя, Эзек? Я всегда был откровенен с тобой.

— Ты — дьявол. Ты уничтожил меня.

— В те дни я еще учился. Ты хотел того, что я мог дать тебе. Так почему теперь ты винишь меня за давние ошибки? Эти выпады не делаю тебе чести.

— Ты не был невеждой, ты был рожден со знаниями, и это превратило тебя в чудовище...

— Тейк, остановись, — Марка взял его за руку. — В том, что он говорит, есть доля истины.

— Ты ничего не знаешь и не разбираешься в том, что он сделал. И сделал не только со мной, но и со всеми, кто ког-

да-либо с ним общался. Он хитер, имеет дар убеждения и злобен до мозга костей. Не верь тому, что он тебе говорит. Он дал мне бессмертие, но лишил меня малейшей возможности ценить жизнь. Счастье и любовь мне недоступны. Единственное, что мне осталось, — страдание. Я мертв, но он отказывает мне в смерти, и все его дары таковы — с подвохом. Он притворяется, что не навязывает своей воли другим, однако ты оказываешься в его власти. У него же в душе нет ничего, кроме стремления делать всех себе подобными.

— Ты хочешь, чтобы я убил тебя, Эзек? — спросил Шарвис. — Ты действительно этого хочешь? Ты отдаешь себе отчет в том, что говоришь? Смерть. Бесповоротная. Оживить тебя я больше не смогу.

— Теперь ты пытаешься пробудить во мне надежду, — сказал Тейк, отворачиваясь. — Потом ты снова скажешь, что у тебя не хватает духу убить меня.

— Это будет зависеть..., — размышлял вслух Шарвис. — Это будет зависеть от решения Кловиса Марка, — прежде чем Марка успел спросить, о каком решении идет речь, Шарвис продолжил. — Алмер и твоя женщина, Фастина, уже здесь.

— Здесь? Каким образом?

— Алмер с Фастиной Кахмин облетал в своем скутере Луну. Я ждал этого момента. Я приоткрыл тоннель, Алмер влетел в него. После этого я тоннель закрыл, и Алмеру ничего не оставалось делать, как прибыть сюда. После этого мои роботы проводили их до лаборатории. Сейчас Алмер и Фастина ждут у входа.

— А люди Алмера по-прежнему продолжают поиски?

— Нет. Я был вынужден удалить всякие источники тепла в том районе, так что они не мертвы, просто находятся в анабиозе.

— Заморожены? — спросил Марка.

— В какой-то степени. Теперь скажи, как ты хочешь поступить с Алмером и женщиной. Ты хочешь увидеться с ними?

— Алмер может прибегнуть к насилию...

Шарвис хмыкнул:

— Сколько угодно! Но я сомневаюсь, что ему это удастся сделать!

— Я бы хотел увидеться с Фастиной, поговорить с ней. И еще я хотел бы спросить тебя...

— О чем же?

— Ты можешь дать бессмертие и ей?

— Да, смогу, с теми материалами, которые у нас есть.

— Так ты их нашел?

— Да, скорее всего.

Марка не совсем понял, что Шарвис имел в виду. Он повернулся к Тейку:

— Ты был очень мелодраматичен, Тейк. Неужели ты действительно желаешь смерти?

Тейк ответил, не поворачиваясь:

— Спроси Шарвиса, сколько раз я умолял его об этом!

Шарвис сложил губы трубочкой.

— Кто знает, — сказал он. — Может быть, сегодня сбывается мечта каждого. Пойду-ка я приведу новоприбывших.

Он вошел в стену и исчез.

Тейк повернулся к Марку.

— Опомнись, пока еще есть время, — настойчиво произнес он. — Уходи с Фастиной. Я убью Алмера, и тебе ничего больше не будет угрожать.

Марка покачал головой.

— Шарвис, конечно, не совсем нормален, — сказал он. — Но я уверен, твое суждение о нем необъективно...

— Я слишком много знаю о нем. Он мудрее любого. Он знает, как обвести вокруг пальца таких, как ты. Ничего, кроме вреда, он тебе не принесет. Если он даст тебе бессмертие, как дал мне, ты ничего не приобретешь, кроме отчаяния, вечного отчаяния! Хоть это ты понимаешь?

— А может быть, твои эмоции мертвы, потому что ты боишься их пробудить? — спросил Марка. — Ты не подумал, что вина лежит на тебе, а не на Шарвисе?

— Ты уже принял его логику, я вижу, — сказал Тейк. — Я пытался спасти тебя от вечных страданий, но ты не слушаешь. Хорошо. Я умываю руки.

— Я еще ничего не решил.

— Ты решил уже тогда, когда впервые услышал об Орландо Шарвисе. Не обманывай себя, Кловис Марка.

Из стены выступил Шарвис, за ним Алмер и побледневшая Фастина.

Алмер по-прежнему был в плаще и маске. На боку у него висел меч. Он сохранил обычный надменный вид, хотя на сей раз надменность, скорее всего, была вызвана страхом.

— Где я нахожусь? — спросил он, как только увидел Марка. — Что это за существо?

Фастина подбежала к Кловису. Отчаяние на ее лице сменилось облегчением.

— Ох, Кловис.

Он обнял ее и поцеловал. Фастина дрожала.

— Что бы ни случилось, мы теперь в безопасности, — уверил он ее. Прости, я оставил тебя так внезапно.... Но все к лучшему, ты в этом скоро убедишься.

Она взглянула на него. В ее темно-синих глазах стояли слезы.

— Ты уверен?

— Уверен.

Алмер указал пальцем на Шарвиса:

— Предупреждаю, кем бы ты ни был, — я правлю Землей, включая и ночную сторону. Под моей командой — целая армия.

Шарвис улыбнулся.

— Я тебе не причиню зла, Андрос Алмер. Судя по твоим мыслям, ты испуган и боишься собственной слабости больше, чем когда-либо. Ничего с тобой не случится. Я рад всем, кто меня посещает. Кроме того, я удовлетворяю просьбы всех желающих. Успокойся.

Алмер положил руку на эфес и повернулся к Марка.

— Он что, твой союзник?

— Он никому не союзник, — ответил ему Марка. — Дейлай, что он говорит. Успокойся.

— Этот мир внутри Луны, — сказал Алмер, подойдя к кушетке и присев, как он был создан? Я ничего не слышал о нем.

— Орландо Шарвис создал его, — сказал Марка.

Алмер взглянул на гиганта со змеиной головой и ничего не выражающими стрекозиными глазами:

— Так это ты, Орландо Шарвис, ученый? Я думал, ты мертв. Что с тобой произошло, почему ты так странно выглядишь?

Шарвис пожал плечами:

— Кловис Марка тебе объяснит. Мне надо отлучиться ненадолго.

Пока Шарвис отсутствовал, Марка объяснил все Алмеру и Фастине. Когда он закончил, Алмер сказал:

— Он нейтрален, ты говоришь? Он сделает все, о чем его ни попросишь?

— Все, что в его власти.

В тени шевельнулся Тейк.

— Ты заслуживаешь дара Шарвиса, Андрос Алмер.

— Что он хочет сказать? — спросил Алмер.

— Не обращай внимания, у него старые счеты с Шарвисом, — ответил Марка. Только сейчас он понял, что означает нейтральность Шарвиса. Если он удовлетворит просьбу Алмера, то каковы будут последствия.

Шарвис вернулся.

— Ну что ж, Эзек, — сказал он Тейку. — Слушай, что я могу сделать. Мне не хватает некоторых элементов, чтобы даровать бессмертие Кловису Марка. Чтобы получить их, я

должен буду уничтожить тебя. Как прекрасно получается: бессмертие в обмен на твою смерть. И каждый получает то, чего хочет.

— Я еще не сказал, что хочу бессмертия, — предупредил Марка. — Только если Фастина тоже хочет.

— Я обещал помочь вам обоим, — ответил Шарвис.

— Что ты скажешь, Фастина? — спросил Марка.

— А я тебе не наскучу за вечность?

— Ты согласна принять дар Шарвиса и стать бессмертной? Она поколебалась, потом прошептала:

— Да.

Шарвис глянул на Тейка.

— А ты что скажешь, Эзек? Бессмертие Марка за твою жизнь.

Тейк покачал головой:

— Одна из твоих шуточек, Орlando? Ты же знаешь, что я не пойду на это...

Марка прервал его:

— Так я и думал. Ты все болтал об ужасах бессмертия, но теперь, когда дошло до дела, держишься за жизнь двумя руками. Так-то вот.

Тейк прошел на середину и ухватил Марка за плечо:

— Тобой восхищались за твой ум, Кловис Марка, и кем ты стал? Эгоистичным глупцом. Моя мечта о смерти, вероятно, перевешивает твоё желание бессмертия. Ты совершенно упустил из виду, насколько тонок план Орlando.

— И в чем же эта тонкость?

— Он знает, что я пытался удержать тебя от поступка, который принесет тебе невероятные страдания! Знает, что я не могу позволить другому человеку страдать, как страдаю я. И вот он предлагает мне исполнение моей мечты в обмен на твою гибель! Теперь ты видишь?

— Мне кажется, ты все усложняешь, — сказал Марка холодно. — Я согласен на бессмертие и воспользуюсь им.

Тейк отошел к мерцающей стене, лицо его выражало муку:

— Ну, хорошо, — произнес он тихо, — бери свое бессмертие и надейся, что однажды Орlando Шарвис сделает тебе такое же предложение, как сейчас мне.

Спор привлек всеобщее внимание, и никто не заметил, как Андрос Алмер выхватил меч и приставил его к груди ученого.

Шарвиса это не удивило. Видимо, он прочитал мысли Алмера еще до того, как тот пересек комнату. Ученый легко вырвал меч из руки Алмера, сломал пополам и бросил обломки на пол.

— Чего ты хотел добиться? — спросил Шарвис мягко.
— Я хотел заставить тебя освободить меня.
— Зачем?
— Потому что ты союзник Марка.
— Я уже сказал тебе, я не состою ни у кого в союзниках.
Просто делаю то, о чем меня просят.
— Можешь ты повернуть Землю? — внезапно спросил Алмер.

Шарвис задумчиво улыбнулся:

— Так ты хочешь этого? О-о, ты собираешься приписать заслугу себе, создать себе репутацию всемогущего. Ты полон суеверий, Алмер, и сам об этом знаешь.

— Так ты можешь повернуть мир? Можешь?

— Тебе кажется, если я это сделаю, ты получишь абсолютную власть над миром, так?

— Да. Но тебя я оставлю в покое. Не в моих интересах раскрывать твоё местопребывание. Да и вообще вспоминать о тебе.

Орlando взглянул на Алмера и опять улыбнулся.

— А с Кловисом Марка и Фастиной Кахмин как же?

— Я не трону их, клянусь.

— Я уже какое-то время занимаюсь этим проектом, — сказал Шарвис. — Правда, оборудование еще не опробовано... Со времени набега меня интересовала техника космических пришельцев, и мне удалось разгадать часть их секретов. Пожалуй, я смогу это сделать, правда, повторяю, оборудование еще не опробовано.

— Попробуй, — возбужденно произнес Алмер. — Я дам тебе все, что ты захочешь.

Шарвис покачал головой.

— Я не прошу платы за то, что делаю. Что ж, поглядим. Но сначала я должен решить проблему Кловиса Марка, — Шарвис оглядел всех. — Тейк, ты уверен, что готов принести эту жертву?

— Это не жертва. Марка будет страдать, не я.

— А вы двое — Кловис, Фастина?

— Я готов, — сказал Марка.

Фастина, поколебавшись, кивнула.

— Тогда начнем немедленно, — сказал Шарвис решительно. — Подожди здесь, Алмер, и мы попозже обсудим твою просьбу. Можешь пока осмотреть лаборатории. Я найду тебя, когда освобожусь.

Тейк, Марка и Фастина проследовали за ним сквозь стену и сводчатый коридор.

— Я уже приготовил оборудование, — сказал он. — Сама операция продлится надолго.

Фастина ухватила за руку Марка, но ничего не сказала.

Глава 6

ПОВОРОТ

Когда Марка очнулся, у него было ощущение, что он парализован. Онемение распространилось по всему телу, но, сделав попытку пошевелиться, он обнаружил, что тело прекрасно его слушается. Кловис улыбнулся Орландо Шарвису, наклонившемуся над ним.

— Спасибо, — сказал Марка. — Все сделано?

— Да. Останки бедняги Эзека я отправил в утилизатор пару часов назад. Жаль, но был лишь один способ...

— Как Фастина?

— С ней тоже все в порядке. Ты увидишь. Ее операция прошла гораздо легче.

— А что? Со мной были трудности?

— Могут возникнуть побочные эффекты. Увидим. Пойдем к Фастине.

Фастина была в зале Аллодия. Роман разворачивал свое действие, временами слышен был голос самого Аллодия, зачитывающего прозаические части. Она выключила экран и бросилась Кловису навстречу. Ее лицо сияло радостью. Она показалась ему уже не такой прекрасной, как в их первую встречу, после его возвращения на Землю. Он не понимал, что с ним. Где же привычное удовольствие, когда он взял ее руки в свои странно онемевшие пальцы.

— Ах! — воскликнула она, — ты все тот же. Я не была уверена...

Она оглянулась на ученого.

— Орландо Шарвис сообщил тебе приятную новость?

— Какую?

— У меня могут быть дети. Он сумел изменить мои гены. Вот что он подразумевал под бессмертием! Я снова здорова. Он далеко не такой злодей, как нам его изображали.

Марка наморщил лоб:

— Но этого ведь недостаточно, если только ты одна способна рожать детей...

— С тобой тоже теперь все в порядке, — сказал ему Шарвис. — Надеюсь, вы назовете первого сына Орландо.

Марка не ощутил ожидаемых эмоций. Он попытался улыбнуться Фастине, но это оказалось невероятно трудно сделать. Ему пришлось прямо-таки заставить губы сложиться в улыбке. Она с тревогой взглянула на него:

— Что с тобой, Кловис?

— Не знаю, — его голос прозвучал совершенно безжизненно.

Позади раздался шорох одежды. Шарвис сложил на груди руки.

— Я просто чувствую себя каким-то онемевшим, вот и все, — сказал Марка. — Наверное, последствие операции. Это скоро пройдет, да, Шарвис?

— Боюсь, что нет. Это — побочный эффект, о котором я предупреждал. Я совершил ту же самую ошибку, что и с Тейком. Боюсь, теперь ты не способен к сильным эмоциям, Кловис Марка, прости.

— Ты знал, что так и случится? — обратился Марка к ученому. — Ты знал? Тейк был прав.

— Чепуха, ты привыкнешь. Я же привык.

— Так у тебя то же самое?

— Именно, вот уже несколько столетий. Но я по-прежнему еще нахожу, чему радоваться в жизни, — улыбнулся Шарвис. — Потерянное возмещается приобретенным.

— Дамьяго прав, ты даешь и отбираешь одновременно. Я должен был прислушаться к предупреждениям Тейка.

Марка ударил себя кулаком, но ничего не почувствовал, прикусил язык — боль была едва ощутима.

— И я должен жить таким? — спросил он. — Это лишает бессмертие смысла.

— Ты знал, что такая опасность существует. Тейк тебя предупреждал. Но он был слаб. Ты — силен, кроме того, у тебя будут дети.

— Но я же ничего не чувствую!

— Я сделал все, что в моих силах. Дети у тебя будут.

Марка кивнул и поглядел на Фастину.

— Я по-прежнему тебя люблю, Кловис, и останусь с тобой.

— Это мудро, — согласился Шарвис. — Если ты хочешь продолжить человеческий род, Кловис Марка, я дал вам обоим все, что вы просили.

— Наверное, — сказал Марка, — это жертва, которой я должен гордиться. Но я хотел бы чувствовать, чем жертвую...

— Не чувствующий мученик — это не мученик, — согласился Шарвис. — Если бы я мог, я бы этого избежал.

— Ты нейтрален? — спросил Марка. — Где в тебе добро, где зло?

Шарвис рассмеялся.

— Ты норовишь понять меня, словно я обычный человек, уверяя тебя, я абсолютно нейтрален.

— Ты вынуждаешь эту женщину жить с человеком, который не сможет ответить на ее любовь, который будет только жалким орудием для воспроизведения потомства.

— Я не принуждаю ее ни в коей мере, она может поступать, как хочет, но она родит тебе детей. Это ее бессмертие, хотя ее жизнь будет довольно коротка... Ты же будешь жить вечно!

— Я неуязвим? Подобно Тейку?

— Да, ведь я вживил часть Тейка в твое тело.

— Понятно, — вздохнул Марка. — Что дальше?

— Можете покинуть меня. Но если хотите, останьтесь, посмотрите, как я попытаюсь исполнить просьбу Алмера.

— Это правда? Ты действительно можешь заставить Землю вращаться?

— Мне так кажется. Ну что, пошли?

Они последовали за ним и нашли Алмера в той же самой комнате, на том же самом месте, похоже, он так никуда и не выходил.

— Почему ты не последовал моему совету? — спросил Шарвис. — Ты мог осмотреть мои лаборатории.

— Я тебе не доверяю, — буркнул Алмер. — Они бессмертны теперь? Что-то не замечаю разницы.

— Он дуется, Кловис, — заметила Фастина с улыбкой.

Несмотря на то, что произошло с ее возлюбленным, она, казалось, оставалась в хорошем расположении духа.

— Да, он бессмертен, — ответил Шарвис Алмеру.

— Я проголодался, — сказал Алмер.

— О-о, я плохой хозяин. Конечно, давайте поедем.

Поев, они все прошли в зал, который был пуст, если не считать двух бронзового цвета скутеров, украшенных в стиле барокко, и расположились в одном из них.

Они полетели по тоннелю, гораздо более узкому и более крутому, чем тот, который находился извне. Воздух приобрел вскоре густоту и соленый привкус, в ушах застучала кровь от увеличивающегося атмосферного давления. Тоннель освещался тусклыми, расположенными на большом расстоянии одна от другой лампами.

— Мы достигнем уровня дна океана, — сообщил им Шарвис. Он говорил еще что-то, но Марка почти не слышал его из-за постоянного звона в ушах. Шарвис, похоже, объяснял, как ему удалось пробить этот тоннель.

Наконец, они вылетели из тоннеля и оказались в огромной темной пещере. Шарвис подвел скутер к стене и включил освещение.

По стенам сочилась вода. Это, скорее всего, была естественная пещера. Внизу горбилась какая-то машина. Она была огромна, ее покрывал защитный слой желтого пластика. Рядом возвышалась колоссальная энергетическая

станция. От нее вели кабели и трубы, сеткой окружавшие машину.

— Как вы понимаете, — услышал Марка шелестящий голос Шарвиса. — У меня еще не было шанса испытать машину в действии. Модель работала довольно результативно, но не знаю, хватит ли энергии, чтобы успешно завершить эксперимент. Эта машина — ускоритель. Если повезет, она придаст Земле ускорение, достаточное, чтобы преодолеть инерцию ее массы.

Скутер подъехал и встал рядом с машиной.

— Механизм управления расположен здесь. Мне показалось это более надежным, чем руководить из лаборатории. Как я уже сказал, я только изобретаю и никогда не использую своих изобретений, если меня не попросят. Это — мое правило. Я благодарен тебе за возможность, которую ты мне предоставил, Андрос, — церемонно сказал Шарвис.

Марка посмотрел на забившегося в угол скутера Алмера. Тот, казалось, был всецело поглощен наблюдениями за Шарвисом, который, подойдя к машине, немного поколебался и нажал какую-то клавишу. Ничего не произошло.

Шарвис вернулся и забрался в скутер, нависнув над всеми.

— Я включил таймер, чтобы мы могли спокойно лететь в лабораторию.

Скутер взмыл вверх и влетел в тоннель.

Позже они сидели перед гигантским экраном. Очевидно, изображение на экран транслировалось со старого метеорологического спутника, и они видели Землю с огромной высоты.

Шарвис взял хронометр, и теперь все наблюдали за отсчетом секунд.

Вскоре они ощутили слабые колебания.

— Процесс будет постепенным, — предупредил Шарвис. — Он займет несколько часов. Иначе возможны были бы катастрофы на поверхности планеты. Эксперимент должен пройти довольно гладко, если я правильно все рассчитал.

Лабораторию потрясли несколько толчков, потом опять все стихло. Картина на экране показывала дневную сторону Земли. Пока не было никаких признаков движения.

— Конечно, — заметил Шарвис как бы между прочим, — есть шанс, что механизм начнет ускорение не в том направлении и снесет Землю с ее обычной орбиты. Надеюсь только, что не в сторону Солнца, — он хмыкнул и отвернулся.

— Земля движется, — прошептала Фастина.

Да, это было так. Тень начала понемногу перемещаться.

Лаборатория опять задрожала, на этот раз вибрация не прекращалась.

Молча они наблюдали, как тень окутала Азию, коснулась Африки, затем Южной Америки. Часы шли, вибрация продолжалась. Тень достигла Европы и разлилась по Атлантическому океану. Теперь они видели оба Американских континента. Вибрация заметно возросла. Шарвис спокойно оглядел приборы под экраном.

Теперь они видели слепящую белизну покрытого льдом Тихого океана и пики лунных гор.

Вибрация нарастала. Лабораторию сильно потрянуло, картина на экране вздрогнула в последний раз и застыла. Откуда-то далеко снизу донесся мощный протяжный гул. Лабораторию опять потрянуло.

Внезапно все стихло. Они поглядели друг на друга и на экран. Планета перестала вращаться. Алмер повернулся к Шарвису:

— В чем дело? Запускай машину.

Шарвис хихикнул:

— Ладно, ладно. Я повернул для тебя мир, Алмер, но ускоритель, должно быть, отключился...

— Пусть она вертится! — заорал Алмер.

— Не уверен, что смогу это сделать. Пошли, проверим.

Они последовали за ним к скутерам.

И опять они летели по узкому полутемному тоннелю в гигантскую пещеру.

Пахнуло невыносимым жаром. По стенам уже не стекала вода. Механизм ускорителя превратился в грудку оплавленного, почерневшего металла.

— Не выдержал перегрузки! — крикнул Шарвис и принался хохотать.

— Ты знал об этом? — возмущенно спросил Алмер. — Да?

Шарвис оглянулся:

— Нам лучше немедленно вернуться. Тоннель уже ненадежен. Если мы сейчас же не полетим, нас раздавит или затопит.

Алмер встал:

— Ты сделал это нарочно. Ты знал, что твоя машина не способна заставить Землю вращаться.

Шарвис засмеялся и уверенно, на большой скорости провёл скутер в тоннель, по стенам которого уже текла сплошными потоками вода.

Алмер заколотил по массивному корпусу Шарвиса, но ученый продолжал смеяться. Марка и Фастина ухватились друг за друга, когда Шарвис еще увеличил скорость. Откуда-то снизу доносились странный треск и скрежет.

В конце концов, они вернулись в лабораторию, и Шарвис заторопился к двери, преследуемый Алмером, который твердил, как заведенный:

— Да? Да? Да?

Игнорируя Алмера, Шарвис вошел в соседнее помещение и принялся колдовать над приборной доской, не отрывая глаз от индикатора. Здание вновь задрожало.

Чуть погодя он вернулся и сказал:

— Я запечатал тоннель. Теперь нам ничего не грозит, — он облегченно вздохнул и повернулся к Марка и Фастине.

Алмер, казалось, выдохся. Он привалился к стене, что-то бормоча себе под нос.

— Ты знал, что механизм не справится с такой нагрузкой? — спросила Фастина невинно.

— Я уверен, что исполнил желание Алмера и сделал то, что он действительно хотел, — ответил Шарвис упрямо. — Он хотел повернуть мир. Я повернул. Его империя... Разве она по своей сути не принадлежит ночи?

— Люди, — сказала Фастина. — Как же обычные люди...

— Тот, кто хочет от него сбежать, сейчас так и сделает. Боюсь, таких немного. Тьма безопасна. Они могут затаиться и ютиться в ней, пока не придет смерть. Разве не этого они все хотят?

Марка посмотрел на него без всяких эмоций.

— Да, конечно, тьма отражает темноту их умов, — сказал он. — Но заслуживают ли они этого?

— Кто знает? — пожал плечами Шарвис.

Алмер подошел к нему.

— Хочу домой, — голос его звучал ровно. Он явно оправился он потрясения и принял то, что произошло.

— Ты волен поступать, как хочешь. Никто тебя здесь не держит, — заметил Шарвис с издевкой. Казалось, он расплачивался с Алмером за его жалкое покушение. — Тебе помочь найти дорогу?

Алмер двинулся прочь.

— Спасибо, сам справлюсь, — бросил он через плечо.

— А как вы, Кловис Марка? — спросил Шарвис. — Что будете делать дальше?

— Мы вернемся в башню моего отца.

— И станете воспитывать своих детей? — спросил Шарвис. — Надеюсь, со временем ты поймешь, что приобрел больше, чем потерял.

— Может быть, — Марка взглянул на Фастину. — Но будешь ли ты думать так же, Фастина?

Она покачала головой:

— Не-знаю, Кловис.

Марка с тоской взглянул на Шарвиса:

— Я только сейчас понял, ты сыграл еще одну шутку с нами.

— Нет, — ответил Шарвис, читая его мысли. — Излучение существует, это верно, но продолжительность жизни твоих детей будет короче, потому что твои гены изменены, и ты не сможешь обеспечить им долгожительство. У них будет время адаптироваться и продолжить воспроизводство. Я принял особые меры предосторожности, чтобы тебя излучение не затронуло. Без сомнения, ты поможешь появиться на свет отпрыскам своих детей. Насколько я знаю, это давно уже стало традицией в твоей семье.

Фастина взяла Марка под руку.

— Пойдем, Кловис, — мягко сказала она. — Вернемся домой.

— Если это хоть что-то значит, — сказал Шарвис им вслед, — то кое-что изменилось, и это может дать тебе стимул. Это сентиментально, я понимаю...

— О чем это ты? — спросила Фастина, оглядываясь.

— Ваши окна смотрели на закат, теперь вас будет встречать рассвет. Я желаю вам и вашему потомству всего хорошего. Может быть, я даже когда-нибудь наведаюсь к вам в гости, или вы пришлете ваших детей ко мне.

Даже теперь, навсегда уходя прочь, Марка все еще не был уверен, понимает ли он, что же двигало Шарвисом: коварство или жалость, или все же нейтральность, которой он так упорно придерживался? И основывалась ли она, эта нейтральность, на каком-то более глубоком понимании жизни, которое было доступно только загадочному бессмертному?

ЭПИЛОГ

Зыбкий предрассветный сумрак теперь окутывал башню. Буря пыль продолжала устилать все ржавым слюем, и коричневый лишайник, как раньше, покрывал основание башни.

Тень ее теперь падала в другую сторону, но по-прежнему не двигалась с места... Однажды Фастина сказала Кловису Марка, что беременна.

— Это хорошо, — ответил он, сидя неподвижно подле окна, в которое лился тусклый свет нескончаемого рассвета.

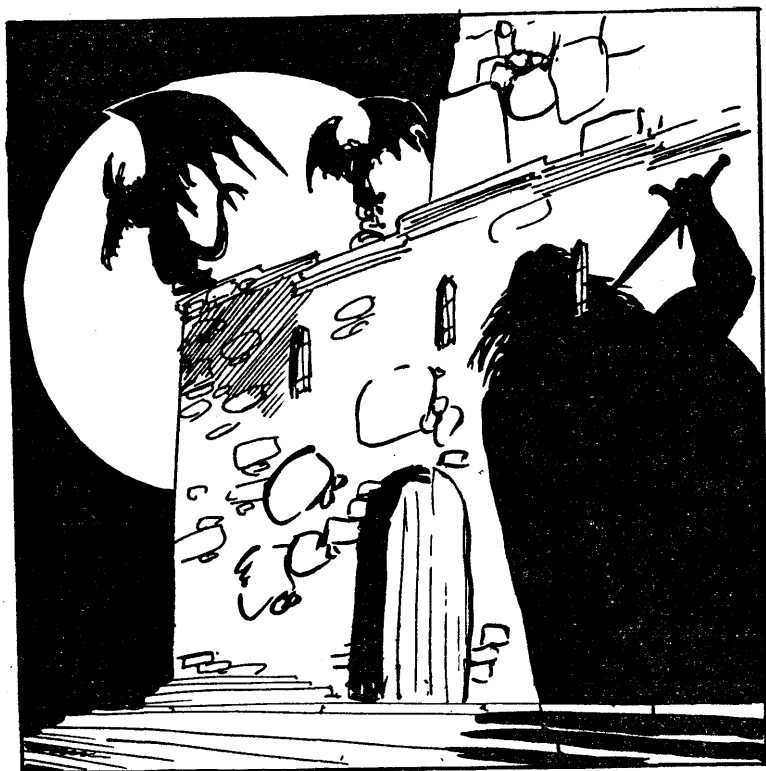
Фастина обняла его, поцеловала в холодные губы и прижалась к бесчувственному телу. Теперь к ее любви примешивалась жалость.

Машинально он поднял руки и коснулся ее руки, продол-

жая смотреть в окно и думать об Орландо Шарвисе. Его по-прежнему мучил вопрос: действовал ли ученый из побуждений добра или зла, или же не испытывал ни того, ни другого. Размышляя, он вспоминал себя прежнего и удивлялся, почему его жена так тихо плачет? Почему он не может и никогда не сможет плакать вместе с ней? Он ничего не хотел, ни о чем не сожалел и ничего не боялся.

РОДЖЕР ЖЕЛАЗНЫ

ДЖЕК ИЗ ТЕНИ

Глава 1

Произошло это, когда Джек, чье имя произносят в тени, отправился в Иглес, в Сумеречные Земли, показаться на Адских Играх. Там-то, пока он прикидывал, как расположен Пламень Ада, его и заметили.

Пламень Ада представлял собой узкий сосуд из изящно перевитых язычков пламени, которые на самых кончиках удерживали рубин величиной с кулак. Они держали мертвой хваткой холодно сверкавший драгоценный камень.

На сей раз Пламень Ада был выставлен на всеобщее обозрение. Видели, что Джек рассматривал его, — и это стало причиной для серьезного беспокойства. Не успел он прибыть в Иглес, как его увидели проходящим под фонарями в толпе зевак, которая двигалась через открытый с боков павильон. В нем демонстрировался Пламень Ада. Джека опознали Смейдж и Квазер, которые покинули места, где были сильны, чтобы вступить в спор за этот приз. Они тут же отправились к Распорядителю Игр.

Смейдж переминался с ноги на ногу и дергал себя за усы до тех пор, пока в его квадратных глазах не появились слезы и он не заморгал. Он уставился на своего огромного спутника, Квазера, волосы, глаза и тело которого были одинакового серого цвета, вместо того, чтобы рассматривать живописную персону Бенони, Распорядителя Игр.

— Что вам нужно? — спросил тот.

Смейдж продолжал таращить глаза и моргать, пока Квазер не заговорил, наконец, голосом, похожим на флейту:

— Мы хотим кое-что сообщить.

— Я слушаю. Говорите, — ответил Бенони.

— Мы кое-кого узнали. Он здесь, и это может причинить некоторое беспокойство.

— Кто же это?

— Прежде, чем я смогу ответить, подойдем ближе к свету.

Распорядитель Игр покрутил головой на толстой шее. Когда он по очереди посмотрел на них, его янтарные глаза блеснули.

— Если вы решили пошутить... — начал он.

— Нет, не дрогнув, ответил Квазер.

— Ну, ладно. Следуйте за мной. — Он вздохнул и, взмахнув оранжево-зеленый плащом, повернулся, направляясь к ярко освещенному навесу.

Там он вновь обернулся к ним.

— Здесь вам довольно света?

Квазер огляделся.

— Да, — сказал он. — Здесь ему нас не подслушать.
— О ком вы говорите? — спросил Распорядитель Игр.
— Известен ли вам некий Джек, который всегда слышит свое имя, если его произнесли в тени?

— Джек-из-Тени? Вор?... Да, я слышал о нем.

— Потому-то мы и хотели говорить с вами на ярком свету. Он здесь. Мы со Смейджем видели его всего несколько минут назад. Он разглядывал Пламень Ада.

— Господи! — Распорядитель Игр вытаращил глаза и забыл закрыть рот. — Он украдет его! — сказал Бенони.

Смейдж перестал теревить усы ровно на столько времени, чтобы несколько раз кивнуть.

— А мы явились, чтобы попытаться выиграть его, — засопел он. — Если его украдут, мы не сможем этого сделать!

— Надо его остановить, — сказал Распорядитель Игр. — Как вы думаете, что делать?

— Ваша воля тут закон, — сказал Квазер.

— Верно... Возможно, следует засадить его в тюрьму до окончания Игр.

— Тогда, — сказал Квазер, — нужно убедиться, что там, где его схватят или там, где его запрут, не будет никакой тени. Говорят, его чрезвычайно трудно удержать где-либо — особенно, если там есть тень.

— Но тут везде тень!

— Да. В том-то главная сложность, когда сажаешь его под замок.

— Ну, тогда решение проблемы — яркий свет или полная тьма!

— Но если вы не установите все светильники под нужными углами и вне его досягаемости, — сказал Квазер, — он сможет создать тени и воспользоваться ими. А если ему удастся зажечь хоть крохотный огонек, тени тоже появятся.

— Какую силу черпает он из теней?

— Не знаю никого, кто знал бы точно.

— Значит, он человек тьмы? Не простой смертный?

— Поговаривают, что он — порождение сумерек, тех, что предшествуют тьме. Там всегда множество теней.

— Ну, тогда в нашей программе — Навозные Ямы Глива.

— Жестоко, — сказал Смейдж и хихикнул.

— Пошли, покажите мне его, — сказал Распорядитель Игр.

Они вышли из-под навеса. Серый цвет неба у них над головой переходил в серебряный на востоке и в черный на западе. Небо было чистым. Тьма над вздымавшейся горной грядой была усеяна звездами.

Они шли по освещенной факелами дорожке через терри-

торию лагеря, направляясь к павильону, в котором находился Пламень Ада. На западе трепетали огоньки — казалось, у той черты, за которой находились храмы беспомощных богов.

Когда они подошли к открытому с боков павильону, Квазер тронул Бенони за руку и мотнул головой. Распорядитель Игр проследил направление его жеста. Там, прислонясь к подпирающему навес столбу, стоял высокий худой человек. Он был темноволосым, смуглым, а в чертах его лица было что-то орлиное. Он был в сером, через правое плечо был переброшен черный плащ. Человек курил какую-то травку из тех, что растут в царстве тьмы, и дым в свете факелов казался голубым.

Некоторое время Бенони рассматривал его. Он испытывал чувство, знакомое человеку, столкнувшемуся с существом, рожденным не женщиной, а чем-то темным и загадочным. Люди в таких случаях держатся подальше.

Он сглотнул, потом сказал:

— Можете идти.

— Мы хотели бы помочь... — начал Квазер.

— Можете идти!

Бенони посмотрел им вслед, потом пробормотал: «Бьюсь об заклад, один продаст другого.»

Он отправился за яркими факелами и стражей.

Во время ареста Джек не пытался ни спорить, ни сопротивляться. Пойманный в центр светового круга, окруженный вооруженными мужчинами, он медленно кивнул и подчинился их приказаниям, не сказав за все это время ни слова.

Его отвели в ярко освещенный шатер Распорядителя Игр. Джека вытолкнули к стулу, за которым сидел Бенони. Стражники задвигались, чтобы снова окружить его с фонарями и зеркалами, уничтожающими тень.

— Тебя зовут Джек, — сказал Распорядитель Игр.

— Я этого не отрицаю.

— А иногда — Джек-из-Тени.

Молчание.

— Ну?

— Мало ли, как можно называть человека, — ответил Джек.

Бенони бросил взгляд в сторону.

— Приведите их, — велел он одному из стражников.

Тот вышел и вскоре вернулся со Смейджем и Квазером. Джек быстро взглянул на них, но его лицо по-прежнему ничего не выражало.

— Вы знаете этого человека? — спросил Бенони.

— Да, — хором сказали они.

— Назовите его имя.

— Его зовут Джек-из-Тени.

Распорядитель Игр улынулся.

— И правда, мало ли как можно называть человека, — сказал он. — Но в твоём случае, похоже, все сходятся на одном. Я — Бенони, Распорядитель Адских Игр, а ты — Джек-из-Тени, вор. Бьюсь об заклад, ты здесь, чтобы похитить Пламень Ада.

Снова молчание.

— Можешь отрицать, можешь соглашаться, — продолжал Бенони, — твоё присутствие здесь говорит само за себя.

— Я мог явиться для участия в Играх, — рискнул Джек.

Бенони расхохотался.

— Конечно! Разумеется! — сказал он, смахивая рукавом слезу. — Но здесь не состязаются в воровстве, так что тебе не в чем соревноваться.

— Вы предубеждены против меня, это нечестно, — сказал Джек. — Даже если я — тот, о ком идет речь, я не сделал ничего, чтобы нападать на меня.

— Пока, — сказал Бенони, — Пламень Ада и впрямь отличная штука, а?

Глаза Джека, казалось, на миг вспыхнули, а рот дернулся в невольной усмешке.

— С этим никто не спорит, — быстро сказал он.

— И ты явился сюда выиграть его... по-своему. Человек тьмы, тебя знают, как закоренелого вора.

— И это лишает меня права быть честным зрителем на общедоступном празднестве?

— Когда речь идет о Пламени Ада — да. Он не имеет цены. Его алчут и те, кто привык к дневному свету, и люди тьмы. Как Распорядитель Игр я не могу терпеть тебя поблизости от него.

— Что за беда с дурными репутациями, — сказал Джек. — Что бы ты ни делал, все равно подозревают тебя.

— Хватит! Ты приехал, чтобы похитить его?

— Только дурак сказал бы «да».

— Значит, добиться от тебя честного ответа невозможно?

— Если «честный ответ» — сказать то, что вы хотите от меня услышать, то вы правы.

— Свяжите ему руки за спиной, — сказал Бенони.

Что и было сделано.

— Сколько у тебя жизней, человек тьмы? — спросил Распорядитель.

Джек не отвечал.

— Ну, ну! Все знают, что людям тьмы дана не одна жизнь. Сколько их у тебя?

— Мне не нравится, как это звучит, — сказал Джек.

— Но ведь ты умрешь не насовсем?

— Путь из Навозных Ям Глива на западном полюсе планеты долог, а не идти нельзя. Иногда на создание нового тела уходят годы.

— Значит, ты бывал там раньше?

— Да, — сказал Джек, проверяя свои пути. — И я бы не хотел попасть туда снова.

— Значит, ты признаешь, что у тебя есть еще самое меньшее одна жизнь. Это хорошо! Тогда меня не будет мучить совесть, если я прикажу немедленно наказать тебя!

— Погодите! — сказал Джек, откинув голову назад и оскалившись. — Это же смешно! Я еще ничего не сделал. Забудьте про это, ладно? Прибыл я сюда украсть Пламень Ада или нет, сейчас-то я не в состоянии сделать это. Освободите меня, и я добровольно подвергну себя изгнанию на время Игр. Я вообще не появлюсь в Сумеречных Землях, а останусь в царстве тьмы.

— Чем же ты можешь поручиться?

— Своим словом.

Бенони снова рассмеялся.

— Слово человека тьмы, который к тому же стал героем легенд о преступниках? — сказал он, наконец. — Нет, Джек. Я не вижу иного способа обезопасить наш приз, как только убить тебя. И поскольку в моей власти отдать такой приказ, я сделаю это. Писец! Запиши: в этот час я судил его и вынес ему приговор.

Горбун с кудрявой бородой расписал перо и начал писать. Его склонности оставили заметные следы на его похожем на пергамент лице.

Джек выпрямился во весь рост и пристально посмотрел на Распорядителя из-под полуопущенных век.

— Вы, смертные, — начал он, — боитесь меня потому, что не понимаете. Вы привыкли к дневному свету, и жизнь вам дана только одна, а когда она проходит, ждать больше нечего. Мы, люди тьмы, по слухам, не имеем души — так же, как о вас говорят, будто у вас она есть. Но благодаря процессу, который вам недоступен, мы проживаем несколько жизней. Я полагаю, вы завидуете нам — вот почему вы хотите убить меня. Вы знаете, что умирать нам так же тяжело, как и вам!

Распорядитель Игр опустил взгляд.

— Это не...

— Примите мое предложение, — перебил его Джек. — Я покину ваши состязания. Но если вы допустите до исполнения своего приказа, то в итоге проиграете сами!

Горбун перестал записывать и обернулся к Бенони.

— Джек, — сказал Распорядитель, — ведь ты же собирался похитить его, а?

— Конечно.

— Зачем? От него было бы трудно избавиться. Он такой приметный.

— Он предназначался одному моему другу, перед которым я в долгу. Ему понадобилась эта побрякушка. Отпустите меня, а я скажу ему, что потерпел неудачу — это и впрямь так.

— Я не хочу обрушить на тебя свой гнев, когда ты вернешься...

— Чего вы не хотите — ерунда по сравнению с тем, что вам предстоит, если вы сделаете мое путешествие неизбежным...

— ...но человек в моем положении не может так легко заставить себя поверить тому, кто известен как Джек-Обманщик.

— Значит, мое слово для вас — ничто?

— Боюсь, что так.

Писцу он сказал:

— Продолжай записывать.

— ...И мои угрозы тоже?

— Они беспокоят меня. Но на одной чаше весов — твоя месть несколько лет спустя, а на другой — наказание, которое я понесу немедленно, укради ты Пламень Ада. Попробуй понять, в каком я положении, Джек.

— Пытаюсь, — сказал тот, оборачиваясь к Смейджу и Квазеру:

— Ну, ослиные уши, и ты, гермафродит, вас-то я не забуду! Обоих!

Смейдж посмотрел на Квазера, а тот заморгал и улыбнулся.

— Скажи это нашему господину, Повелителю Нетопырей, — сказал он.

При звуке имени своего старинного врага лицо Джека изменилось.

Поскольку в Сумеречных Землях, где процветают науки, колдовство слабеет, то прошло целых полминуты прежде, чем в шатер влетел нетопырь и пронесся между ними. Квазер продолжал:

— Мы состязаемся под знаменем Нетопыря!

При появлении этой твари Джек перестал смеяться.

Увидев ее, он склонил голову, и его подбородок затвердел.

Только царапанье пера нарушало наступившую тишину.

И Джек сказал: «Да будет так».

Его вывели в центр площадки, где стоял человек по имени

Блайт с тяжелым топором в руках. Джек быстро отвел глаза и облизал губы. Блестящий край лезвия неодолимо притягивал его взгляд.

Его еще не успели попросить преклонить перед плахой колени, а воздух уже наполнился кожистыми «снарядами». Он знал, что это — рой пляшущих летучих мышей. С запада появлялись все новые и новые твари, но они двигались слишком быстро для того, чтобы создать достаточно тени.

Тогда Джек выругался, зная, что его враг прислал своих приспешников поиздеваться над ним в его последний час.

Когда дело касалось краж, удача обычно сопутствовала ему. То, что приходилось терять одну из жизней из-за такой скверной работы, раздражало его. В конце концов, он был тем, кем был...

Джек стал на колени и нагнул голову.

Ожидая, он размышлял, верно ли, что голова, отделенная от тела, сохраняет сознание еще пару секунд. Он попытался избавиться от этой мысли, но она возвращалась.

«А может быть, это не просто сорвавшееся дело?» — недоумевал Джек. Если бы Повелитель Нетопырей пожелал устроить ему ловушку, все это могло бы означать только ее.

Глава 2

Тьму прочерчивали тонкие лучи света — белые, серебристые, голубые, желтые, красные, в основном прямые, иногда — колеблющиеся. Они пронизывали тьму насквозь. Некоторые были ярче прочих.

Медленнее, медленнее...

Наконец, они перестали походить на нити паутины.

Лучи превратились в тонкие длинные прутья... затем в палочки... огненные черточки...

А потом стали мерцающими точками.

* * *

Долгое время он лежал, уставившись на звезды, ничего не воспринимая. Лишь много позже в его сознании откуда-то возникло слово «звезды», а перед глазами появилось слабое мерцание.

Тишина и способность видеть — больше ничего...

И снова, спустя много времени, он почувствовал, что летит. Летит вниз, будто с большой высоты, обрастая плотью, —

а потом понял, что лежит на спине лицом вверх, и груз его бытия вновь вернулся.

— Я — Джек-из-Тени, — произнес он про себя, все еще не в состоянии пошевелиться.

Он не знал, ни где лежит, ни как попал в эту звездную тьму. Ощущения казались знакомыми, возвращение было чем-то, уже пережитым раньше — давным-давно.

По телу от сердца разлилось тепло, и Джек ощутил покалывание, обострившее все его чувства, Тогда пришло знание.

«Черт!» — было первое слово, которое он произнес, потому что с возвращением разума пришло и полное осознание ситуации.

Он лежал в Навозных ямах Глива, на Западном полюсе планеты, во владениях злокозненного барона Дреккейма, через царство которого обязаны пройти все, желающие воскреснуть.

Тогда он сообразил, что валяется на огромной куче отбросов посреди целого озера грязи. Джек в сотый раз повторил себе, что для смертных этим все и начинается, и заканчивается, в то время как подобные ему не могут желать ничего лучшего, — и лицо Джека озарила злая улыбка.

Когда он сумел пошевелить правой рукой, то принялся растирать горло. Боли не было, но перед глазами отчетливо встало недавнее ужасное происшествие. Давно ли это было? Скорее всего, несколько лет назад, решил Джек. Это был обычный для него срок. Он вздрогнул и отогнал внезапную мысль о том времени, когда истратит свою последнюю жизнь. Потом его охватила дрожь, и он не сумел ее подавить. Одежда исчезла, и Джек выругался. Она или разрушилась вместе с его прежним телом, или же, что было куда вероятнее, была изношена в клочья кем-нибудь другим.

Он медленно поднялся. Воздуха не хватало, но хотелось, чтобы некоторое время можно было не дышать. Джек отбросил в сторону камень яйцевидной формы, который обнаружил у себя в руке. Теперь, когда он почти совсем стал самим собой, не годилось долго оставаться на одном месте.

Куда ни глянь, был восток. Скрипнув зубами, Джек избрал путь, который, как он надеялся, будет самым легким.

Долго ли он добирался до берега, Джек не знал. Хотя его привыкшие к тени глаза быстро приспособились к свету звезд, он не видел настоящих теней, которыми мог бы воспользоваться.

Что такое время? Год — это полный оборот планеты вокруг ее солнца. Внутри таких отрезков времени даты всегда определяются более сложно: по звездам, которые всегда видны, и с помощью магических принципов для того, чтобы оп-

ределить настроения духов, повелевающих звездами. Он знал, что у смертных есть механические и электрические приспособления, чтобы следить за ходом времени, потому что когда-то украл несколько штук. Но в царстве тьмы они не работали и были никчемными. Разве что годились девчонкам из таверны, которым он выдавал их за предохранительные, очень действенные амулеты.

Ободранный и воняющий, Джек стоял на тихом и темном берегу. Он перевел дух и набрался сил, а потом направился на восток.

Дорога шла в гору, вокруг было полно луж грязи. Она потоками стекала в озеро — ведь в конце концов вся грязь попадает в Глив. Время от времени грязь вздымала высокие фонтаны, забрызгавшие его. Из трещин и расселин все время пахло сернистым газом. Джек торопливо зажал нос и воззвал к своим божествам. Однако он сомневался, что его мольбы будут услышаны. Он не думал, что боги обратят внимание на что бы то ни было, если оно исходит из этой части света.

Он шел вперед, почти не отдыхая. Дорога все поднималась в гору, а через некоторое время начали попадаться камни. Дрожа, Джек пробирался между ними. Он забыл — разумеется, нарочно, — многие из самых скверных особенностей этих краев. Острые камешки впились в его ступни, поэтому он знал, что оставляет на земле кровавый след. Позади он слышал неясный топот каких-то многоногих тварей, явившихся, чтобы слизывать кровь. Но он слышал, что оглядываться в этих местах — дурная примета.

Джек всегда испытывал легкую грусть, когда теряло кровь какое-нибудь новое тело, особенно если оно было его собственным. Он шел вперед, а характер почвы менялся, и вскоре он уже шел по гладкому камню.

Позже, заметив, что топот затих вдали, он обрадовался.

Поднимаясь все выше в гору, Джек был приятно удивлен тем, что запах стал слабее. Он подумал, что это, возможно, просто потому, что у него от непрерывной сильной вони притупилось обоняние. Как бы там ни было, это позволило его телу — и разуму тоже — заняться другими проблемами. Мало того, что он был усталым, грязным и ноги его болели. Он понял, что к тому же хочет есть и пить.

Сражаясь со своей памятью, как с запертой дверью, он вошел и начал искать. Джек как можно подробнее восстановил в памяти свои прежние возвращения из Глива, но, рассматривая на ходу окрестности, не нашел никаких знакомых ориентиров.

Он обошел небольшую рощу металлических деревьев и сообразил, что раньше никогда не ходил этой дорогой.

«Здесь на множество миль не будет чистой воды, — подумал он. — Разве что фортуна мне улыбнется, и я найду яму с дождевой водой. Но тут так редко идет дождь... Это страна грязи, а не чистоты. Если же я попытаюсь немножко поколдовать, чтобы вызвать дождь, кто-нибудь это заметит, и меня найдут. Тогда либо меня ожидает гнусная жизнь, либо я погибну и вернусь в Навозные Ямы. Нет, буду идти, пока смерть не замаячит перед носом, и только тогда попрошу дождя».

Позже он заметил вдали предмет, явно созданный не силами природы. Он осторожно приблизился и увидел, что тот был в два раза выше него и в два обхвата шириной. Это был камень; сторона, обращенная к Джеку, была гладкой. Джек прочел высеченную крупными буквами надпись, которая на языке царства тьмы гласила: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, РАБ».

Ниже стояла Великая Печать Дреkkхейма.

Джек почувствовал огромное облегчение. Некоторым — тем немногим, кто избежал служения барону и с кем Джек беседовал об этом, — было известно, что такие знаки устанавливают в наименее охраняемых областях. Идея была такова, что возвращающийся повернет назад и попадет туда, где будет больше шансов его поймать.

Джек прошел мимо камня и плюнул бы, но рот слишком пересох. Он шел вперед, а силы покидали его. Каждый раз, как он поскальзывался, восстановить равновесие было все труднее. Он знал, что в норме за столько времени он бы уже несколько раз поспал. Но он все еще не нашел достаточно безопасного места для ночлега.

Не спать становилось все труднее и труднее. В какой-то момент, споткнувшись и упав, Джек был уверен, что только что очнулся после того, как во сне прошел огромное расстояние, не сознавая, что за местность вокруг. Земля была здесь менее ровной, чем в том месте, которое он запомнил последним. Это родило в нем крошечную надежду, а она, в свою очередь, придала ему достаточно решимости, чтобы еще раз подняться.

Почти сразу он увидел место, которое должно было стать его приютом. Идти дальше он не мог.

Там, у самого подножия отвесной скалы, было полно обрушенных и косо торчащих камней. Скала вела на более высокое плато. Из последних сил, ползком, Джек исследовал окрестности в поисках признаков живых существ.

Ничего не обнаружив, он забрался в камни, сумел дотастись до каменного лабиринта, нашел относительно ровное местечко, рухнул и уснул.

Сколько времени прошло прежде, чем это случилось, он

не мог сказать. В глубинах его сна возникло нечто... некое известие. Словно утопающий, он рванулся к далекой повер-хности.

На горле Джек ощутил поцелуй, а ее длинные волосы легли ему на плечи, как стихарь.

Мгновение от отдыхал, собирая остаток сил. И пока его правая рука двигалась вдоль ее тела, левая ухватила гостью за волосы. Стоило ему проснуться, как он вспомнил, что следует делать, и, с силой оторвав ее от себя, откатился влево. Его голова склонилась вперед всего лишь с десятой долей своей прежней быстроты.

Когда все было кончено, он утер губы, встал и посмотрел на безжизненное тело.

— Бедная кровопийца, — сказал он. — Немного же в тебе было крови. Вот почему ты так отчаянно жаждала моей и так неудачно пыталась добыть ее. Но и я был отчаянно голоден. Все мы делаем то, что приходится...

* * *

Облачившись в черные одежды, плащ и облегающие сапоги, Джек перебрался на плато повыше и время от времени проходил через заросшие черной травой поля. Трава обвивалась вокруг щиколоток и пыталась его остановить. Привычный к этому, Джек пинками отбрасывал ее, расчищая путь, прежде, чем она успевала обвиться слишком крепко. Ему вовсе не хотелось становиться удобрением.

Наконец, он увидел дождевую воду. Несколько часов он с разных точек наблюдал за водоемом, так как это было идеальное место для поимки возвращающегося. Придя к выводу, что охраны нет, Джек подошел ближе, присмотрелся, потом упал на землю и долго пил. Он отдохнул, снова напился, снова отдохнул и напился еще раз, жалея, что с собой нет ничего, в чем можно было бы унести немного воды.

Все еще жалея об этом, он разделся и смыл грязь с тела.

Потом он проходил мимо цветов, похожих на змей, пустивших корни. А может, это и были змеи — они шипели и расплывались, пытаясь достать его.

Он спал еще два раза, а потом нашел еще один водоем. Этот водоем охраняли, и ему пришлось применить всю воровскую ловкость, чтобы заполучить воду, заодно он стянул и меч дремлющего стражника, поскольку тому он вряд ли теперь был нужен. Джек забрал еще хлеб, сыр, вино и одежду на смену — это было к стати.

Еды было на один раз. Это, а также то, что поблизости не было гор, навело Джека на мысль, что пост где-то неподалеку

и смена может прийти в любой момент. Джек выпил вино и наполнил флягу водой, проклиная ее за малую вместительность.

Потом, так как рядом не было ни пещеры, ни расселины, чтобы спрятать труп, он быстро пошел прочь.

На ходу он медленно ел, но сначала его желудок воспротивился этому. Тем не менее он съел половину, а половину оставил. Время от времени ему попадались маленькие зверюшки. Но то ли они были слишком шустрыми, то ли Джек слишком нерасторопным. Надеясь убить хоть одну, он набрал камней. Все-таки, когда он в седьмой раз пополнял запас камней, ему удалось подобрать камень приличных размеров.

Через некоторое время он услышал цокот копыт и спрятался, но мимо никто не проехал. Джек знал, что к этому времени он уже сильно углубился во впадения Дреккейма, и задумался, к которой же из границ идет. При мысли, что с одной стороны эти земли граничат с безмянным царством, которым из Хай-Даджен правит Повелитель Нетопырей, его передернуло.

С темной земли он послал к ярким звездам еще один призыв.

* * *

Он продвигался вперед, петляя, карабкаясь, иногда бегом, а ненависть роста быстрее, чем голод.

Смейдж. Квазер. Бенони. Блайт-палач. Повелитель Нетопырей.

Он по очереди разыщет их и отомстит, начав с малого и набирая силу, пока не рассчитается с тем, кто и сейчас может оказаться слишком близко для того, чтобы Джек мог спать спокойно.

Ему снилось, что он снова в Навозных Ямах. На этот раз, однако, он был в цепях, так что подобно Утренней Звезде, неотлучно находящейся у Врат Зари, должен был оставаться там всегда.

Джек проснулся в поту, несмотря на то, что было прохладно, казалось, зловоние Глива вернулось к нему со всей остротой.

Поесть он смог лишь гораздо позже.

Но ненависть поддерживала его силы, питала его. Она избавляла Джека от жажды или заставляла забыть о ней. Она давала ему силы пройти еще часть пути всяких раз, как тело умоляло его лечь.

Он представлял себе их конец снова и снова. Ему виделась

дыба, клещи, огонь и цепи. Он слышал их вопли и мольбы, Он видел куски плоти, моря крови и реки слез, которые он выжмет из них прежде, чем позволит им умереть.

...И он сознавал, что, несмотря на все трудности пути, больше всего его мучает уязвленная гордость. Быть пойманным так легко, между делом, погибнуть так быстро — словно они избавились от надоедливой насекомых! С ним обошлись не как с наделенным Силой человеком тьмы, а как с обыкновенным вором!

Поэтому его мысли были не о простом ударе мечом, а о пытках. Они оскорбили его, покончив с ним подобным образом. Сделай они это иначе, он был бы обижен меньше. Повелитель Нетопырей — вот чье вероломство, возбуждаемое завистью и желанием отомстить, нанесло ему такое оскорбление. Он оплатит!

Джек шел, кипя от ненависти. Но, хоть она и согревала его, это не спасало от надвигающегося холода. Несмотря на то, что он вряд ли сильно продвинулся к северу, стало заметно прохладнее.

Джек улегся на спину и принялся рассматривать темный шар, загоревшийся звезды посреди неба. Эту сферу — средоточие Сил Щита — держали подальше от дневного света, и нужно было все время следить, чтобы с ней ничего не случилось. Где те семь Сил, внесенные в Расчетную Книгу, чья очередь была нести службу у Щита? Какая бы ни шла междоусобица — нет такой Силы, которая отказалась бы соблюдать перемирие Щита, от которого зависят судьбы мира. Самому Джеку приходилось нести эту службу много раз, и пару раз даже вместе с Повелителем Нетопырей.

Ему очень хотелось увидеть страницу, на которой сейчас была раскрыта Книга, и прочесть записанные там имена. Ему пришло в голову, что одним из них может оказаться его собственное имя. Но с тех пор, как он вышел из Навозных Ям, Джек не слышал, чтобы кто-нибудь звал его. Нет, на этот раз не я, решил Джек.

Открыв свое существо, он ощутил жуткий холод. Он просачивался из внешней тьмы, обтекая сферу, венчающую Щит в его высшей точке. Это было лишь начало утечки, но чем дольше пришлось бы ждать, тем труднее было бы остановить ее. Дело было слишком серьезным, чтобы рисковать. Щит не давал царству тьмы оледенеть среди Вечной Зимы, так же, как силовые экраны жителей дневной стороны планеты не давали им изжариться в немилосердном сиянии солнца. Джек закрыл свое существо. Остался лишь небольшой внутренний озноб. Немного позже ему удалось убить маленькое животное с темным мехом, которое взбиралось вверх по скале. Джек

снял шкурку, разделал его ножом и, так как огня не было, съел мясо сырым. Он дробил зубами кости и высасывал мозг. Такая суровая жизнь было ему не по вкусу, хотя среди его знакомых были и такие, которые предпочли бы ее цивилизованной.

Он порадовался, что никто не видел, как он ест.

Он шел вперед, и вдруг в ушах у него зазвенело.

• ДЖЕК-ИЗ-ТЕНИ, И...

И все.

Кто бы это ни произнес, в тот момент на губы ему упала тень. Но на слишком короткое время.

Джек медленно покрутил головой, определяя направление. Источник находился справа от него, далеко вперед. Если бы он знал, где сейчас находится, то, по крайней мере, смог бы догадаться, откуда это исходило. Тогда бы он сумел услышать все — от кабацкой болтовни до планов того, кто уже понял, что Джек вернулся. Это последнее долго занимало его.

Он ускорил шаг и не стал отдыхать, хотя и собирался. Джек решил, что это приблизит его успех. Вдруг он обнаружил яму с дождевой водой. Охраны не было, и он, оглядевшись, напился.

Он не мог как следует разглядеть свое отражение в темной воде, поэтому напрягал глаза, пока черты лица не стали более четкими: смуглый, вместо глаз — слабые огоньки. Силует человека на фоне звезд.

— Ах, Джек! Ты и впрямь стал тенью, — пробормотал он. — Затерялся в суровом краю... И все потому, что пообещал Неумирающему Полковнику эту проклятую побрякушку. Ты ведь не думал, что дойдет до такого, правда?

Джек рассмеялся — впервые с тех пор, как воскрес.

— Ты тоже смеешься, тень тени? — спросил он свое отражение. — Возможно, — решил он. — Но будь повежливее. Ты — мое отражение, и тебе известно, что стоит мне узнать, где этот проклятый камень, как я отправлюсь за ним снова. Он того стоит.

На миг ненависть покинула его, и он улыбнулся. Языки пламени, стоявшие перед его взором, исчезли, и вместо них возникла девушка.

Ее лицо было бледным, а глаза — зелеными, как кромка старинного зеркала. Короткая верхняя губка влажно смыкалась с нижней. Подбородок мог уместиться в кольцо из его большого и указательного пальцев, а по лбу были раскиданы пряди цвета меди. Звали ее Ивен, а ростом она была Джеску по плечо. До талии она была в зеленом бархате. Шея напоминала очищенный от коры стройный ствол молодого дерс-

ца. Пальцы, танцуя, летали по струнам пальмирины. Такова была Ивен из крепости Холдинг.

Она была плодом редкостного союза тьмы и света. Отцом ее был Неумирающий Полковник, а матерью — смертная женщина по имени Лорет. Не в том ли ее очарование? — снова подивился он. Раз она отчасти порождение света, у нее должна быть душа? Наверное, решил Джек. Он не смел вызвать ее образ силами тьмы сейчас, когда шел от Навозных Ям Глива! Нет! Он прогнал эту мысль.

Пламень Ада был ценой, назначенной ее отцом за их брак, и Джек поклялся снова вернуться за ним. Сперва, конечно, он отомстит... Но Ивен поймет. Она знала, до чего он горд. Она подождет. В тот день, когда он отправлялся в Иглес на Адские Игры, она сказала, что будет ждать вечно. Для нее, дочери своего отца, время значило мало. Она переживет смертных женщин, сохранив молодость, красоту и изящество. Она будет ждать.

— Да, тень тени, — сказал он своему отражению в луже. — Она того стоит.

Джек торопился сквозь тьму, жалея, что его ноги — не колеса. Он услышал топот копыт и снова спрятался. И вновь всадники проскакали мимо, только на этот раз гораздо ближе.

Имени своего он не услышал, но задумался, нет ли связи между тем, что он услышал раньше, и всадниками.

Не холодало, но и теплее не становилось. Его все время немного знобило, и, когда бы он не открыл свое существо, он чувствовал, как сверху, от Щита, что-то медленно и неуклонно перетекает к нему. Навозные Ямы Глива находятся прямо под высшей точкой Щита, сферой, потому-то больше всего это ощущаешь здесь. Может быть, дальше к востоку это будет не так заметно.

Он продолжил свой путь, поспал, но больше не слышал ничего, что можно было бы счесть выходом на связь. Устав, он стал отдыхать чаще и время от времени отклонялся от маршрута, выбранного по звездам, чтобы поискать воду или дичь. Воду он раза два нашел, но ничего съедобного не попалось.

Во время одной из таких экспедиций Джека привлекло слабое красное свечение, шедшее из трещины в скале справа от него. Если бы он шел быстрее, то миновал бы его, не заметив, — так слаб был исходивший из расселины свет. Джек как раз поднимался по склону, пробираясь между камней.

Заметив свечение, он остановился и задумался. Огонь? Если там что-то горит, то должны быть и тени. А если там тени...

Он обнажил клинок и повернулся к камню. Сперва Джек

сунул в расселину лезвие, затем, держа меч перед собой, начал пробираться по узкому коридору, через каждый шаг прижимаясь спиной к камню и отдыхая.

Поглядев наверх, он прикинул, что скала выше него раза в четыре. Над камнем, который был чернее неба, плыла звездная река.

Проход понемногу сворачивал влево, а потом резко оборвался, открывшись на широкий уступ, расположенный примерно в трех футах над ложбиной. Джек стоял, оглядывая это место.

Со всех сторон были высокие каменные стены, похоже, естественного происхождения. У их подножия рос черный кустарник, а поодаль — черные травы и сорняки. Однако по периметру круга никакой растительности не было.

Круг находился в дальнем конце ложбины, его диаметр составлял примерно восемь футов. Он был идеально очерчен, но никаких признаков живых существ не было. В центре круга стоял большой, поросший мхом валун и слабо светился.

Джеку стало не по себе, хотя почему — он не понимал. Он оглядел отвесные камни, огораживавшие ложбину. Потом он посмотрел на звезды.

Действительно ли сияние мигнуло, пока он смотрел в другую сторону, или это ему только почудилось?

Он спустился с уступа. Потом осторожно начал двигаться вперед, держась стены слева.

Мох покрывал валун целиком. Он был розоватого цвета и, похоже, сияние исходило именно от него. Подойдя ближе, Джек заметил, что в ложбине вовсе не так холодно, как снаружи, возможно, стены создавали некоторую изоляцию.

С мечом в руке Джек вошел в круг и двинулся вперед. В чем бы ни заключалась необычность этого места, он рассудил, что сможет извлечь из этого выгоду.

Но не успел он пройти и полдюжины шагов, как почувствовал что-то вроде жужжания в голове.

— *Новый приятель! Меня не удержишь!* — возникла мысль.

Джек остановился.

— Кто ты? Где ты? — спросил он.

— *Я перед тобой, малыш. Иди ко мне!*

— Я вижу только заплесневелый камень.

— *Скоро увидишь больше. Иди ко мне!*

— Нет, спасибо, — сказал Джек, а дурное предчувствие росло. Ему не нравился обращавшийся к нему разум.

— *Это не приглашение. Это приказ. Я так велю.*

Джек ощутил, как в него вливается чуждая сила, а с ней —

желание идти вперед. Он изо всех сил воспротивился и спросил:

— Что ты такое?

— *Я то, что ты видишь перед собой. Иди же!*

— Камень? Плесень? — спросил он, стараясь оставаться на месте. Джек чувствовал, что теряет контроль над собой. Если только он сделает хоть один шаг, то второй дастся уже легче. Его воля будет сломлена, и каменная штукovina сделает с ним, что пожелает.

И верно — правая нога Джека пыталась сделать шаг без его ведома, сама, и он понял, что так оно и случится. Поэтому он пошел на компромисс.

Развернувшись в сторону, он поддался давлению, но шаг получился скорее вбок, чем вперед.

Тогда его левая нога начала медленно ползти в сторону камня. Подчиняясь и сопротивляясь одновременно, он продвинулся вперед и в сторону.

— *Прекрасно. Ты придешь ко мне не по прямой — но все равно придешь.*

Шаг за шагом, Джек продолжал бороться, на лбу выступил пот. Но шаг за шагом он по спирали против часовой стрелки приближался к тому, что требовало его. Он не знал, как долго сражается, он позабыл все: ненависть, голод, жажду, любовь. Во вселенной остались только он да розовый валун. Напряжение, возникшее между ними, заполнило атмосферу подобно надоевшей мелодии, которая звучит постоянно, — привыкая к ней, перестаешь ее замечать. Похоже было, что Джеку придется бороться со своим противником вечно.

Затем в тесную маленькую вселенную их конфликта вошло что-то еще.

Сорок или пятьдесят шагов, давших с трудом... Он сбил-ся со счета. Джек оказался в таком положении, что стала видна дальняя часть валуна. Тут его сосредоточенность чуть не поддавалась минутному всплеску эмоций, и он почти подчинился чужой воле.

Джек споткнулся, увидев перед светящимся камнем груды костей.

— *Да. Мне пришлось поместить их здесь, чтобы вновь прибывшие не пугались и могли попасть в радиус моего влияния. И ты, теплокровный, будешь тут лежать.*

Восстановив контроль над собой, Джек продолжил поединок. Груда костей сильно подвинула его на это. Он медленно, кругами, прошел мимо валуна, миновал кости и двинулся дальше, но теперь был футов на десять ближе. Движение по спирали продолжалось, и он обнаружил, что снова приближается к тыльной стороне камня.

— Должен сказать, что ты продержался дольше, чем все прочие. Но в таком случае ты — первый, кто так мне сопротивляется.

Джек не ответил, но, совершая очередной круг, еще раз наткнулся на ужасающие останки. Теперь он заметил, что мечи, кинжалы, уздечки, металлические пряжки лежат нетронутыми, а одежда и прочее тряпье наполовину сгнили. На земле валялась разная мелочь, вывалившаяся из сумок и мешков, но что именно — он не мог разобрать в слабом свете звезд. Если он и вправду увидел то, что, как ему показалось, лежало среди костей, то можно было позволить себе капельку надежды.

— Еще кружок — и ты придешь ко мне, малыш. Тогда ты коснешься меня.

По мере своего движения Джек все больше и больше приближался к скользкой розовой поверхности этого существа. Оно, казалось, вырастало с каждым шагом, а бледный свет, испускаемый им, становился все более рассеянным. Он шел не из одной определенной точки, а со всей поверхности сразу.

Снова вперед. Уже можно доплунуть...

Двигаясь теперь сбоку от камня, он уже мог дотронуться до него, вытянув руку.

Джек перскинул меч в левую руку и нанес удар, обдирая мшистую поверхность. Из царапины потекла жидкость.

— Ты мне ничего не сделаешь. Ты вообще не можешь мне ничего сделать.

Снова стали видны скелеты. Джек был совсем рядом от напоминающей раковую опухоль поверхности. Он чувствовал, как она голодна, и пинками расшвыривал кости в стороны, слыша, как они хрустят под сапогами, когда он идет к центру круга. Он увидел то, что хотел увидеть, и заставил себя сделать три шага, чтобы до него дотянуться, хотя это напоминало движение навстречу урагану. Теперь от смертоносной поверхности его отделяли только дюймы.

Джек бросился к сумкам. Он подтащил их к себе, пользуясь и мечом, и рукой. Заодно он прихватил и лежавшие возле него сгнившие куртки и плащи.

Затем он почувствовал, что под действием непреодолимой силы движется назад — и плечо Джека коснулось покрытого лишайником камня.

Какое-то время Джек ничего не чувствовал. Потом в том месте, где он касался камня, он ощутил леденящий холод. Это быстро прошло. Боли не было. А потом он понял, что плечо полностью онемело.

— Это не так страшно, как ты думал, правда?

Потом в глазах потемнело и волной нахлынуло головок-

ружение — словно, просидев много часов кряду, он резко встал. Это прошло, но возникло новое ощущение. В его плечо словно вонзили что-то. Джек чувствовал, как силы покидают его. С каждым ударом сердца становилось все труднее сохранять ясность мысли. Онемение начало распространяться на спину и руку. Было очень трудно поднять правую руку и схватить сумку, висевшую у пояса. Время, пока он шарил в ней, показалось вечностью.

Сопrotивляясь сильному желанию закрыть глаза и опустить голову на грудь, Джек швырнул на землю собранную им кучу тряпья. Ноющей левой рукой он дотянулся до кремня возле нее и ударил мечом. По сухим тряпкам заплескали искры, но Джек продолжал высекать их и после того, как закурился дымок.

Когда появились первые языки пламени, Джек с их помощью зажег свечу, которую держал один из мертвецов.

Джек держал ее перед собой, и возникали тени.

Поставив свечу на землю, он понял, что его тень упала на валун.

— *Что ты делаешь, еда?*

Джек отдыхал в своем сером царстве, голова его вновь прояснилась, в кончиках пальцев возникло знакомое покалывание.

— *Я — камень, пьющий человеческую кровь! Отвечай! Что ты делаешь?*

Свеча горела, тени ласкали его. Джек положил правую руку на левое плечо. Покалывание перешло в него, и онемение исчезло. Затем, укутавшись тенью, он поднялся.

— Что я делаю? — сказал он. — Нет. Сделал. Ты погостил в моем сознании, и я думаю, будет только справедливо, если я отплачу тебе тем же.

Он отошел от валуна и повернулся к нему лицом. Тот попытался снова завладеть им, но на сей раз Джек шевельнул рукой, и на поверхность камня упали тени. Он вложил в возникший калейдоскоп теней все силы.

— *Где ты?*

— Везде, — сказал он. — И нигде.

Он вытер меч и вернулся к валуну. Когда от свечи остался огарок, Джек понял, что действовать надо быстро. Он полжил руки на губчатую поверхность.

— Я здесь, — сказал он.

Не в пример прочим власть имущим в царстве тьмы, области влияния которых были географически фиксированы, владения Джека были разбросаны в разных местах, и их можно было перегруппировывать, но возникали они только, если можно было создать хоть малейшую тень.

Джек начал подчинять валун своей воле.

Они поменялись ролями, и, конечно, возникло сопротивление. Сила, вынудившая его сражаться, сама превратилась в жертву. Джек наращивал в себе голод, открывая свое существо во внешнее пространство, вакуум. Поток, струйка... объем был заполнен.

А Джек кормился.

— *Ты не имеешь права ничего мне сделать. Ты — вещь.*

Но Джек рассмеялся. Он становился все сильнее, а сопротивление валуна ослабевало.

Вскоре тот был не в состоянии даже протестовать.

Мох стал коричневым раньше, чем, ярко вспыхнув, догорела свеча, а сияние исчезло. Что бы ни обитало там прежде, оно было мертво.

Прежде чем покинуть ложбину, Джек много раз вытер руки о плащ.

Глава 3

Сила, перешедшая в Джека, поддерживала его долго, и он начал надеяться, что вскоре выберется из вонючего царства. Холоднее не становилось, и когда он собрался спать, прошел небольшой дождик. Джек свернулся калачиком возле скалы и натянул на голову плащ. Плащ защищал его очень слабо, но Джек смеялся даже, когда вода добралась до его тела. Это был первый дождь с тех пор, как он ушел из Глива.

После дождя осталось достаточно луж, чтобы он смог вымыться, напиться и снова наполнить флягу. Джек решил не спать, а идти дальше, чтобы одежда побыстрее просохла.

Оно пронеслось мимо его лица так стремительно, что Джек едва успел отреагировать. Это случилось, когда он поравнялся с разрушенной башней. От нее отделился клочок тьмы и, быстро вращаясь, начал падать прямо на него.

У Джека не хватило времени обнажить меч. Оно пронеслось мимо него и метнулось прочь. Правда, он успел запустить в него теми камнями, что нес с собой, и вторым камнем чуть не попал. После этого он поник головой и добрых две минуты изрыгал проклятия. Тварь была летучей мышью.

Джек бросился бежать, мечтая о тени.

На равнине было множество разрушенных башен. Возле одной из них начиналась дорога, которая вела между холмов к горам. Джек, не любивший ходить возле построек — разрушенных ли, нет ли — все равно, потому что в них могли найти приют враги, старался держаться от них подальше.

Миновав башни, он подходил к расселине, как вдруг услышал свое имя.

— Джек! Мой Джекки-Тень! — донесся крик. — Это ты! Это и впрямь ты!

Держа руку на рукояти меча, Джек повернулся в ту сторону, откуда доносились слова.

— Нет! Нет, Джек! Со старушкой Рози меч тебе ни к чему!

Она стояла так неподвижно, что он чуть не прошел мимо. Сморщенная старуха в черном опиралась на посох возле разрушенной стены.

— Откуда ты знаешь мое имя? — наконец, спросил он.

— Ты что же, забыл меня, миленький? Забыл? Скажи, что нет.

Он глядел на сгорбленную фигуру, на копну спутанных седых волос.

— Сломанная метла, — подумал он. — Она похожа на сломанную метлу.

И все же...

Что-то знакомое в ней было. Он не мог понять, что.

Джек убрал руку с меча и подошел.

— Рози?

Он подошел совсем близко. Наконец, он заглянул ей в глаза.

— Скажи, что помнишь, Джек.

И он вспомнил.

— Дорога вдоль побережья. «Под Знаком Огненного Пес-тика». Розали... Но это было в Сумеречных землях так давно...

— Да, — сказала она, — это было давным-давно и очень далеко отсюда. Но я всегда помнила тебя, Джек. У девушки из таверны бывает много мужчин... но помнила я тебя. Что с тобой стало, Джек?

— Ах, моя Розали! Мне отрубили голову... спешу заметить, несправедливо... и сейчас я как раз возвращаюсь из Глива. А ты как? Ты ведь смертна. Что ты делаешь в жутком царстве Дреkkхейма?

— Я — Ведунья с Восточных границ, Джек. Признаюсь, в молодости я была не больно-то умна... Потерять голову из-за одних только твоих обещаний! Но чем старше я становилась, тем больше умнела. Мне пришлось ухаживать за одной старой развратницей, когда та уже не могла работать, и она обучила меня кой-какому Искусству. Когда я узнала, что барону нужна Ведунья охранять эту часть владений, я пошла и поклялась ему в верности. Говорят, он злой, но к старой Рози он всегда был добрым. Добрее многих, кого она знала. Хорошо, что ты помнишь меня.

Потом она вытащила из-под плаща какой-то тряпичный сверток и развернула его на земле.

— Садись, поешь со мной, Джек, — сказала она. — Как в старое доброе время.

Джек растегнул перевязь и уселся напротив нее.

— Прошло немало времени с тех пор, как ты съел живой камень, — сказала она, протягивая ему кусок сушеного мяса с хлебом. — Поэтому я знаю, что ты голоден.

— Откуда ты знаешь о моем приключении с камнем?

— Я уже сказала тебе, что я — Ведунья. В буквальном смысле слова. Я не знала, что ты делаешь, знала только, что с камнем покончено. Я стерегу эти места для барона и знаю обо всем, что происходит. Я вижу всех, кто идет по этой дороге. Все это я сообщаю ему.

— О, — сказал Джек.

— Должно же было быть что-то в твоей болтовне о том, что ты не просто человек тьмы, а один из облеченных властью, хотя и бедных, — сказала Роза. — Мне кажется, только тот, кто обладает Силой, может съесть этот камень. Значит, когда ты распускал хвост перед бедной девушкой, ты не врал. Остальное, может, и враки, но это...

— Что остальное? — спросил он.

— Например, то, что в один прекрасный день ты за ней вернешься и вы вместе поселитесь в Шедоу-Гард — замке, которого не видел никто из смертных. Ты пообещал ей это, и она много лет ждала. Потом однажды ночью в гостинице заболела старая распутница. Девушка — а лет ей было уже немало — задумалась о своем будущем. И заключила сделку, чтобы научиться ремеслу получше.

Некоторое время Джек молча смотрел в землю. Он проглотил хлеб, который жевал, а потом сказал:

— Я возвращался. Я вернулся, но никто не помнил мою Розали. Все изменилось, люди были не те. И я снова ушел.

Она хихикнула.

— Джек! Джек — сказала она. — Твоя утешительная лож теперь вовсе ни к чему. Для старухи ничего не значит то, чему верила молоденькая девчонка.

— Ты говоришь, ты стала Ведуньей, — сказал он. — Ты что же, отличаешь ложь от правды только по догадкам?

— Я не хотела бы применять Искусство против Силы... — начала она.

— А ты примени, — сказал Джек и еще раз заглянул ей в глаза.

Она прищурилась и наклонилась вперед, не отрывая своего взгляда от его глаз. Это вызвало у Джека ощущение па-

дения. Стоило ей отвести глаза — и оно исчезло. Розы склонила голову к правому плечу.

— И правда, ты возвращался, — сказала она.

— Я же сказал тебе.

Джек взял хлеб и начал шумно жевать, чтобы не замечать, как ее щеки стали мокрыми.

— Я забыла, — наконец, сказала она. — Я уже забыла, как мало значит время для людей тьмы. Вы просто не считаете годы. Ты однажды решил вернуться к Розы и не подумал, что она может состариться, умереть или уехать. Теперь я поняла, Джеки. Ты привык к вещам, которые не меняются. Сила остается Силой. Ты можешь сегодня убить кого-нибудь, а спустя десять лет обедать с ним, хохоча над вашей дуэлью и пытаясь вспомнить, что было ее причиной. Да, хорошая у тебя жизнь!

— У меня нет души. А у тебя есть.

— Душа? — она засмеялась. — Что такое душа? Я никогда не видела ее. Почему я знаю, есть она или нет? А даже если есть, что мне от нее было проку? Я бы мигом продала ее, если бы могла стать такой, как ты. Хоть тут мое Искусство бес- сильно.

— Прости, — сказал Джек.

Некоторое время они ели молча.

— Я хочу тебя кое о чем спросить, — сказала она.

— О чем?

— Шедоу-Гард и правда существует? — сказала она. — Замок с высокими стенами, залами, полными теней, невидимый для твоих врагов... и для друзей тоже... Ведь ты хотел забрать ту девушку туда?

— Конечно, — ответил он и стал смотреть, как она ест. У нее не хватало многих зубов, она часто облизывала губы и прищмокивала. Но вдруг сквозь сетку морщин Джек увидел лицо той девчонки, какой она была когда-то. Когда она улыбалась, сверкали белые зубы, волосы были длинными и блестящими, как небо между звезд. А голубые глаза были, как небо над дневной стороной планеты, как небо, на которое он частенько смотрел. Ему нравилось думать, что все это было только для него.

— Ей долго не протянуть, — подумал он. Девичье лицо исчезло, и он увидел дряблую кожу у нее под подбородком.

— Конечно, — повторил он. — А теперь я тебя нашел. Ты вернешься со мной? Прочь из этой проклятой страны, в царство уютных теней. Проведи остаток своих дней со мной. Я буду добр к тебе.

Она разглядывала его лицо.

— И ты сдержишь свое слово через столько лет... теперь, когда я стала уродливой старухой?

— Давай перейдем границу и вернемся в Сумеречные Земли месте.

— Зачем тебе это?

— Ты знаешь.

— Дай руки, быстро! — сказала она.

Он протянул руки, и она ухватила за них, повернув ладонями вверх. Наклонившись вперед, Роза изучала их.

— А! Бесполезно! — сказала она. — Я не могу читать по твоей руке, Джек. Руки вора слишком много работают — все линии неверные. Хотя это сильно настрадавшиеся руки...

— Роза, ты увидела там что-то, о чем не хочешь говорить. Что это?

— Не доедай. Бери хлеб и беги. Я слишком стара, чтобы пойти с тобой. Очень мило с твоей стороны меня пригласить. Той девчонке понравился бы Шедоу-Гард, но я собираюсь провести остаток своих дней здесь... Теперь иди. Торопись! И прости меня, если сможешь.

— Простить? За что?

Она поднялась и поцеловала его руки.

— Увидев, что сюда идет тот, кого я ненавидела все эти годы, я с помощью Искусства послала сообщение и решила задержать тебя здесь. Теперь я знаю, что была неправа. Но стражники барона, должно быть, уже спешат сюда. Иди по этой дороге и ни за что не останавливайся. Ты можешь обойти их с другой стороны. Я постараюсь вызвать бурю и сбить их с твоего следа.

Он вскочил и помог ей подняться.

— Спасибо, — сказал он. — Но что ты увидела на моей ладони?

— Ничего.

— Розали, скажи.

— Не имеет значения, поймают ли они тебя, — сказала она, — потому что тебе предстоит встреча с Силой страшнее барона... а с ним ты тоже встретишься. Что бы ни случилось — это будет решающим. Не давай своей ненависти привести тебя к машинам, которые думают, как люди, только быстрее. Слишком большие силы вовлечены в игру, а они не могут идти рядом с ненавистью.

— Такие машины существуют только на дневной стороне.

— Я знаю. Иди же, Джеки. Иди!

Он поцеловал ее в лоб.

— Как-нибудь встретимся, — сказал он, и, повернувшись, бросился к дороге.

Рози смотрела, как он уходит, и вдруг почувствовала, что над долиной пронесся холодный ветер.

Холмы, склоны которых сперва были пологими и поднимались медленно, теперь стояли вокруг Джека, как башни. Он бежал и видел, как их сменяют высокие каменные стены. Дорога ширилась, сужалась, опять становилась широкой. Наконец, он справился со своей паникой и взял себя в руки. Джек перешел на шаг. Не было смысла быстро уставать — медленный, ровный шаг позволил бы ему пройти немало, прежде чем усталость возьмет верх.

Он глубоко дышал и прислушивался, нет ли погони. Ничего не было слышно.

По скале справа от него скользнула длинная черная змея. Она исчезла в расселине и больше не появилась. В небе горела одинокая звезда. В ее свете вкрапления разных пород блеснули, как стекло.

Он подумал о Розе и удивился: что значит иметь родителей, быть ребенком, зависеть от кого-то, чтобы жить. Джек задумался, каково быть старым, знать, что умрешь и больше не вернешься. Вскоре эти мысли, как и все прочее, утомили его. Ему очень хотелось завернуться в плащ, лечь и уснуть.

Чтобы не заснуть, он считал шаги — тысячу, потом еще тысячу. Он тер глаза, спел несколько песенок, думал о еде, женщинах, о своих самых крупных кражах, проигрывал в уме пытки и, наконец, подумал об Ивен.

Стены вскоре стали ниже.

Он шел у подножия холмов — таких же, как те, от которых началась дорога. Погони все еще не было. Джек надеялся, что это означает, что его не схватят в пути. Только бы добраться до открытой местности, а уж там он сумеет найти множество укрытий.

Над головой загремело, и, посмотрев вверх, он увидел, что звезды начали скрываться в тучах. Джек сообразил, что облака собираются очень быстро, и вспомнил обещание Розы постараться вызвать бурю и замести его следы. Когда блеснула молния, грянул гром, и первые капли дождя упали на землю, он улыбнулся.

Сойдя с тропы, Джек еще раз вымок насквозь. Буря, казалось, не собиралась утихать. Видно было скверно, но ему показалось, что он вышел на такую же равнину, с разбросанными по ней скалами, как та, которую он оставил по ту сторону гор.

Джек почти на мило отклонился от своего курса — самый выгодный маршрут, чтобы уйти из владений барона. Потом он заметил несколько валунов. Джек устроился на сухой стороне самого большого и уснул.

Разбудил его цокот копыт. Он полежал, прислушиваясь, и определил, что звук идет от дороги. Джек вытащил меч и положил рядом. Дождь еще шел, хотя и потише. Издалека время от времени доносились раскаты грома.

Цокот копыт затихал. Он прижал ухо к земле, вздохнул, потом улыбнулся. Он все еще был в безопасности.

Несмотря на то, что все тело болело и протестовало, Джек поднялся и пошел дальше. Он решил идти, пока идет дождь, чтоб уничтожить как можно больше следов.

В темной грязи сапоги Джека оставляли углубления, одежда липла к телу. Он несколько раз чихнул и вздрогнул от холода. Ощувив странную боль в правой руке, он опустил глаза и увидел, что все еще сжимает меч. Джек насухо вытер клинок полой плаща и спрятал его в ножны. В просветах между тучами он отыскал знакомые созвездия. По ним он снова взял курс на восток.

Дождь постепенно перестал. Джек был весь в грязи, но продолжал идти. Одежда начала просыхать, а бывший его озноб почти прошел.

Позади него снова возник и затих цокот копыт. Зачем тратить столько сил на поимку одного человека, удивился он. Когда он возвращался в прошлый раз, все было иначе. Правда, раньше он никогда не ходил этой дорогой.

«То ли, пока я был мертв, я стал очень важной персоной, — решил Джек, — то ли люди барона охотятся на возвращающихся просто из спортивного интереса». В любом случае Джек счел за лучшее не связываться с ними. Что имела в виду Розали, когда говорила, что неважно, поймают его или нет. Если это действительно так, это очень странно.

Время шло. Он оказался на еще более высокой и каменистой террасе. Грязь осталась внизу позади него. Джек начал искать место для отдыха, но это была равнина, и он предпочел идти дальше, нежели быть пойманным на открытой местности.

Продвигаясь вперед, он заметил в отдалении нечто, напоминающее каменную изгородь. Приблизившись, Джек увидел, что эти камни были светлее соседних, а промежутки между ними, казалось, были одинаковыми. Похоже, форма камней не была результатом действия сил природы, скорее, их вытесал какой-то маньяк, заиклившись на пятиугольниках.

Джек нашел себе место для отдыха у ближайшего камня, где было сухо, и заснул.

Ему снова снились дождь и гром. Гром гремел, не переставая, и от этого содрогалась вся вселенная. Потом Джек очень долго находился на грани сна и бодрствования. И все

равно он чувствовал, что чего-то не хватает, хотя точно не знал, чего и почему.

— Вот оно что, я не промок! — удивленно и раздраженно решил он.

Потом, вслед за громом, он вернулся в свое тело. Голова его покоилась на откинутой руке. Мгновение он лежал, совсем проснувшись, а потом вскочил на ноги, сообразив, что на его след напали.

Показались всадники. Джек насчитал семерых.

Он отбросил плащ за спину, в руке очутился меч. Потом он пальцами взъерошил волосы и протер глаза. И стал ждать.

Высоко в небе, за его левым плечом, разгоралась звезда.

Джек решил, что удирать пешему от всадников смысла нет, особенно когда негде спрятаться. Они просто будут гнать его, пока он не свалится на землю, а тогда усталость не даст ему достойно сразиться и хоть нескольких из них отправить в Глив.

Поэтому он ждал. раздосадованный, что небо светлеет. Кони дьявольских всадников в черном высекали копытами искры из камней. Высоко над землей на него, как горсть раскаленных углей, неслись их глаза. Из ноздрей вырывались струйки дыма, а иногда — пронзительный свист. С ними, опустив к земле голову и вытянув хвост, молча бежала похожая на волка тварь. Там, где Джек, подходя к камням, сворачивал, она тоже меняла направление.

— Ты — первая, — сказал он, поднимая меч.

При звуке его голоса тварь подняла морду, завывала и рванулась, обгоняя всадников. Пока она приближалась, Джек отступил на четыре шага и прижался спиной к камню. Он высоко занес меч, словно собираясь рубить, и обеими руками стиснул рукоять.

Из открытой пасти этой твари свешивался язык, а почти человеческая ухмылка открывала огромные зубы.

Когда она прыгнула, Джек опустил меч, описав им полукруг и задержал его перед собой, упершись локтями в камень.

Тварь не рычала, не выла и не лаяла — напоровшись на меч, она завизжала.

Удар выжал из Джека воздух и раскровянил упирившиеся в камень локти. На мгновение он начал отключаться, но визг и едкий запах, исходивший от твари, удержали его в сознании.

Мгновение — и тварь замолчала. Она дважды дернулась на лезвии, содрогнулась и издохла.

Джек стал на труп ногой и, с силой повернув, вытащил

меч. Потом он снова занес его и повернулся лицом к подъезжавшим всадникам.

Они сбавили темп, натянули поводья и остановились в какой-нибудь дюжине шагов от него.

Их предводитель — лысый, маленького роста и совершенно необъятный, — спешил и пошел вперед. Увидев окровавленную тварь, он покачал головой.

— Не стоило убивать Шандера, — сказал он. Голос был хриплым и грубым. — Он не хотел причинить тебе вред — только обезоружить.

Джек рассмеялся.

Мужчина посмотрел на него снизу вверх. Желтый огонь в глазах говорил о таящейся в нем силе.

— Ты дразнишь меня, вор! — сказал он.

Джек кивнул.

— Если вы возьмете меня живым, я, несомненно, много претерплю от твоей руки, — сказал он. — Не вижу причин скрывать свои чувства, барон. Я смеюсь над тобой, потому что ненавижу. Что, тебе нечего делать, кроме как гоняться за возвращающимися?

Барон отступил и поднял руку. По этому знаку спешили остальные. Ухмыляясь, он вытащил меч и сказал:

— Ты нарушил границу моих владений, верно?

— Это единственный путь из Глива, — сказал Джек. — Всем, кто возвращается, приходится пройти через них.

— Да, — сказал барон, — и те, кого я арестую, должны заплатить пошлину. То есть прослужить мне несколько лет.

Всадники обошли Джека с флангов, образовав полукруг.

— Отдай меч, человек-тень, — сказал барон. — Если мы отнимем у тебя оружие, ты вряд ли сумеешь покалечиться в схватке. Мне бы не хотелось иметь увечного слугу.

Пока барон говорил, Джек сплюнул. Двое из людей барона посмотрели наверх — да так и остались таращиться в небо. Подозревая, что так они хотят отвлечь его внимание, Джек не стал смотреть, что там такое.

Но тут задрал голову еще один, и, увидев это, сам барон посмотрел на небо.

Краем глаза Джек заметил появившееся высоко в небе свечение. Тогда он поднял голову и увидел быстро приближавшийся к ним большой шар. Чем ближе он был, тем больше и ярче становился.

Джек быстро опустил глаза. Что бы это ни было, такой шанс упускать было нельзя.

Он бросился вперед и снес голову крайнему справа, который стоял, глаза на шар.

Ему удалось раздробить череп еще одному — тот слишком

медленно поворачивался. После этого барон и четверка оставшихся развернулись и кинулись на него.

Джек отступал, парируя удары со всей возможной быстротой, не решаясь на ответные выпады. Он попытался обойти камень слева от себя, желая вымотать их. Но они двигались слишком быстро, и Джек обнаружил, что окружен. Каждый удар, который он отражал с близкого расстояния, теперь причинял ладони мучительную боль, а по руке пошли мурашки. С каждый ударом меч казался все тяжелее.

Они начали прорывать оборону. На плечах, руках и бедрах Джека появились небольшие порезы. В его мозгу возникло и исчезло видение Навозных Ям. По тому, с какой яростью они нападали, он понял, что теперь они хотят не взять его в плен, а отомстить за погибших.

Сообразив, что еще немного — и его изрубят в куски, Джек твердо решил при малейшей возможности захватить с собой в Глив барона. Он приготовился кинуться на него, как только в обороне Дреккейма наметится брешь. Лучше бы это случилось поскорее, подумал Джек, потому что с каждой проклятой минутой он слабел.

Словно чувствуя это, барон дрался осторожно, все время защищаясь. Нападали его люди. Хватая ртом воздух, Джек решил, что больше ждать не может.

И все кончилось. Мечи стали слишком горячими, чтобы их удерживать, когда по клинкам заплескало синее пламя. Они с криком выпустили их из рук, и тогда вспышка белого света прямо над головами ослепила их. От мечей летели искры, а ноздри щекотал запах горелого.

— Барон, — раздался сладкий, как мед, голос, — ты нарушил границы моих владений и пытался убить моего пленника. Что ты скажешь в свое оправдание?

Когда Джек узнал этот голос, его охватил страх.

Глава 4

Джек искал тени, а перед его глазами плясали точки. Свет исчез так же быстро, как появился, и наступившая за ним тьма казалась почти абсолютной. Он попытался воспользоваться этим и добраться до скалы. Он начал ее обходить.

— Твоего пленника? — услышал он вопль барона. — Он мой!

— Мы долго были добрыми соседями, барон — с тех пор, как я в последний раз давал тебе урок географии, — сказала

фигура, стоявшая на вершине скалы. Теперь ее можно было различить.

— Возможно, требуется повторное обучение. Эти скалы — граница между нашими владениями. Пленник стоит на моей стороне... и должен добавить, ты со своими людьми — тоже. Ты, конечно, уважаемый гость, а пленник, разумеется, мой.

— Лорд, — сказал барон, — эта граница всегда была спорной. Да будет тебе известно, что я преследовал этого человека на своей земле. Вряд ли честно с твоей стороны влезать в это.

— Честно? — донесся в ответ смех. — Не говори мне о честности, сосед... И не называй этого пленника «человеком». Мы оба знаем, что на границе кончается наша сила — сила, а не законы или договоры. Там, куда из Хай-Даджен достаёт моя сила, земля — моя. То же самое касается тебя в твоих владениях. Если ты хочешь состязаться, чтобы пересмотреть границу, — давай. Что касается пленника, тебе известно, что и сам он наделен Силой — одной из немногих подвижных сил. Он черпает ее не из определенного источника, а из сочетания света и тьмы. Тот, кто изловит его, не может не получить выгоды, поэтому он мой. Ты согласен со мной, повелитель падали? Или мы немедленно начнем пересмотр границы?

— Я вижу, Сила не покинула тебя...

— И значит, мы на моей территории. Иди домой, барон.

Обойдя вокруг скалы. Джек спокойно отправился в темноту. Ему представился случай проскочить обратно через границу и, может быть, вызвать драку, но в любом случае он становится чьим-то пленником. Путь только один — лучше удрать. Он пошел быстрее.

Оглянувшись, Джек увидел нечто, что могло означать продолжение спора, поскольку барон топал ногами и бурно жестикулировал. Он слышал его сердитые крики, хотя отошел слишком далеко для того, чтобы разбирать слова. Зная, что его отсутствие будет оставаться незамеченным еще недолго, Джек побежал. Он взобрался на небольшой холм и, проклиная потерю меча, сбежал с его восточного склона.

Он быстро устал, но заставил себя идти, остановившись только, чтобы вооружиться парой нетяжелых камней.

Потом на какое-то мгновение перед ним упала его длинная тень и он остановился, оглядываясь. Над холмом появилось сияние, в котором, поднимаясь и опускаясь, словно пепел или сорванные ветром листья, плясали рои летучих мышей. Прежде, чем он сумел использовать тень, свет потускнел, и опять воцарилась тьма. Определяясь, Джек посмотрел на звезды и

заторопился дальше, отыскивая по дороге убежище. Он знал, что будет погоня.

Он продолжал оглядываться, но сияние больше не появлялось. Он задумался, чем же закончился конфликт. Барон, несмотря на свою звериную внешность, был известен, как довольно чувствительный субъект. Кроме того, ситуация на границе указывала на то, что оба спорщика были одинаково далеки от источников своей Силы.

Неплохо было бы, решил он, если бы они уничтожили друг друга. Хотя вряд ли. А жаль.

Понимая, что к этому моменту его отсутствие там уже заметили и что единственно, что может остановить погоню, это начавшаяся драка, он взмолился, чтобы скандал оказался затяжным. Заодно он отметил, что идеальным выходом была бы смерть или тяжкие повреждения у обеих участвующих сторон.

Словно в насмешку над его мольбой очень скоро мимо промелькнул темный силуэт. Джек запустил в него оба камня, но оба раза промахнулся.

Решив не идти по прямой, он свернул влево и пошел в этом направлении. Шел он медленно, экономя силы, пот высох, и он снова почувствовал озноб. Но только ли поэтому?

Кажется, темный силуэт преследовал его слева на некотором расстоянии. Стоило повернуть голову, как он исчезал. Все-таки, глядя прямо перед собой, Джек уголком глаза уловил некоторое движение.

Вскоре силуэт очутился рядом с ним. Джек почувствовал его присутствие, хотя едва различал его. Поскольку тот больше не двигался, Джек приготовился защищаться при первом же прикосновении.

— Можно узнать, как ты себя чувствуешь? — раздался мягкий приятный голос.

Поддавив дрожь, Джек сказал:

— Я голоден, хочу пить и устал.

— Какая жалость. Я прослежу, чтобы вскоре это прошло.

— Почему?

— Мой обычай — оказывать гостям все почести.

— Я не знал, что я чей-то гость.

— Все, кто попадает в мои владения, мои гости, Джек. Даже те, кто раньше пренебрег моим гостеприимством.

— Приятно слышать. Особенно, если это значит, что ты сможешь добраться до восточной границы твоих владений по возможности быстро и спокойно.

— Мы обсудим это после обеда.

— Отлично.

— Сюда, пожалуйста.

Он взял вправо, и Джек последовал за ним, понимая, что больше ничего не остается. По дороге ему удалось мельком увидеть смуглое красивое лицо, наполовину освещенное светом звезд, наполовину скрытое высоким круглым воротом плаща. Глаза напоминали лужицы воска, которые натекают вокруг фитилей черных свечек, — горячие, темные и влажные. С неба все время срывались летучие мыши и исчезали в складках плаща. После долгого молчания спутник Джека указал на видневшееся впереди возвышение.

— Сюда, — сказал он.

Джек кивнул и посмотрел на холм со срезанной вершиной. Малое средоточие Силы, решил он, и находится в пределах досягаемости хозяина.

Медленно карабкаясь вверх, они приближались к нему. Когда Джек поскользнулся, то почувствовал на своем локте сильную руку, вернувшую ему равновесие. Он заметил, что сапоги его спутника ступали бесшумно, хотя под ногами был гравий.

Наконец, он спросил:

— А что с бароном?

— Барон — умный человек, он поехал домой, — блеснув мгновенной белозубой усмешкой, ответил его спутник.

Они добрались до вершины и направились к ее центру.

Темная фигура вытащила меч и начертила им на земле знаки. Некоторые были знакомы Джеку. Затем он отстранил Джека движением руки и провел большим пальцем по клинку так, чтобы его кровь попала в центр узора. При этом он произнес несколько слов. Потом он обернулся и жестом велел Джеку подойти и снова стать рядом с ним. Он очертил вокруг них окружность и снова повернулся к узору.

После произнесенных слов тот вспыхнул у них под ногами. Джек старался не смотреть на пылающие линии, но узор притягивал его взгляд, и он начал следить за ним глазами.

Когда рисунок полностью овладел его разумом, вытеснив все остальное, он почувствовал оцепенение. Казалось, он движется внутри узора, он — его часть...

Кто-то подтолкнул его, и он упал.

Он стоял на коленях среди сияния и блеска, и множество людей дразнили его. Нет.

Те, кто передразнивал его малейшее движение, были всего лишь отражениями.

Джек потряс головой, желая вернуть ясность мысли, и тогда понял, что окружен зеркалами и ярким светом.

Он встал, рассматривая неясную панораму. Он находился почти в центре большой многогранной комнаты. Все грани были зеркальными, так же как бесчисленные ячейки потолка

и сияющий пол. Откуда шел свет, Джек не знал. Может быть, его источали сами зеркала. Неподалеку у стены справа был накрыт стол. Идя к нему, Джек понял, что поднимается в горку, хотя избыточного напряжения мышц не чувствовал и равновесия не терял. Тогда он торопливо миновал стол и продолжал идти, как полагал, по прямой. Стол был позади него, затем — над ним. Через несколько сотен шагов Джек свернул направо и опять пошел к столу. Результат был прежним.

Ни окон, ни дверей не было. Имелись: стул, кровать и стулья. Они стояли возле разбросанных по комнате небольших столиков. Похоже было, что его заключили в огромный драгоценный камень, полный сияния. Его отражения и отражения отражений уходили в бесконечность, и, куда бы он ни посмотрел, везде был свет.

Тени нигде не должно было быть — и не было.

Узник того, кто однажды уже убил тебя, подумал он. Конечно, неподалеку от источника его Силы, в клетке, сделанной специально для тебя. Скверно. Очень скверно.

Вдруг повсюду началось движение. Зеркала на мгновение показали его бесконечность, потом все опять замерло. Джек огляделся, отыскивая результат этих перемещений.

Теперь на висевшем перед ним столе стояли мясо, хлеб, вино и вода.

Встав на ноги, он почувствовал легкое прикосновение к плечу. Джек мигом обернулся, и ему с поклоном улыбнулся Повелитель Нетопырей.

— Кушать подано, — сказал он, указывая на стол.

Джек кивнул, подошел вместе с ним к столу, уселся и принялся наполнять тарелку.

— Как тебе квартира?

— Очень забавная, — ответил Джек. — Кроме всего прочего, как я заметил, тут ни окон, ни дверей.

— Да.

Джек принялся за еду. Его аппетит был подобен пламени, которое невозможно унять.

— После своего путешествия ты выглядишь не слишком хорошо.

— Знаю.

— Позже я пришлю тебе ванну и чистую одежду.

— Спасибо.

— Не за что. Я хочу, чтобы ты чувствовал себя комфортно, а пробыть здесь тебе придется, несомненно, долго.

— Как долго? — спросил Джек.

— Кто знает? Возможно, годы.

— Понятно.

Джек задумался. Если я нападу на него с ножом для мяса, сумею ли я его убить? Или сейчас он слишком силен для меня? Сумеет ли он мгновенно умножить свои силы? А если я добьюсь своего, найду ли я выход отсюда?

— Где мы? — спросил Джек.

Повелитель Нетопырей улыбнулся.

Он расстегнул тяжелую серебряную цепь, которую носил на шее. С нее свисал сверкающий драгоценный камень. Он наклонился вперед и протянул руку.

— Посмотри-ка на него, Джек, — сказал он.

Джек дотронулся до камня кончиками пальцев, взвесил его, повертел.

— Ну, стоит он того, чтобы его украсть?

— Само собой. Что это за камень?

— Собственно говоря, это не камень. Это — эта комната. Погляди, какой он формы.

Джек проделал это, переводя взгляд с камня на стены и обратно.

— Его форма очень напоминает эту комнату...

— Они идентичны. Так и должно быть, ведь это — одна и та же вещь.

— Не понимаю...

— Возьми. Поднеси к глазам. Посмотри, что у него внутри.

Джек поднес камень к глазам, прищурился и уставился внутрь.

— Внутри... — сказал он. — Крохотная копия этой комнаты.

— Посмотри на стол.

— Вижу! Я вижу, как мы сидим за столом! Я... Я рассматриваю... Этот камень!

— Отлично! — Повелитель Нетопырей зааплодировал.

Джек выпустил камень из рук, и его собеседник вернул тот на место.

— Посмотри, пожалуйста, — сказал он.

Он взял камень свободной рукой и стиснул в кулаке.

Наступила тьма. Она пришла лишь на миг и исчезла, как только он разжал пальцы.

Тогда он достал из-под плаща свечу, закрепил в подсвечнике на столе и зажег. Потом поднес свисающий с цепочки камень к пламени.

В комнате стало тепло, даже слишком. Через некоторое время жара стала угнетающей, и Джек почувствовал, что на лбу выступили капли пота.

— Хватит! — сказал он. — Вовсе ни к чему нас поджаривать!

Повелитель Нетопырей убрал пламя и окунул камень в графин с водой. Сразу же стало прохладно.

— Где мы? — повторил Джек.

— Да вот — я ношу нас на шее, — ответил Повелитель Нетопырей, снова надевая цепочку.

— Хороший фокус. И где же ты сейчас?

— Здесь.

— В камне?

— Да.

— А камень у тебя на шее?

— Конечно. Да, фокус неплохой. Выдумать и осуществить это мне удалось быстро. В конце концов, я, несомненно, один из способнейших. Хотя много лет назад несколько моих самых ценных манускриптов по Искусству были украдены.

— Какое несчастье. Я полагал, ты более тщательно охраняешь подобные документы.

— Их хорошо охраняли. Но был пожар. Во время замешательства вор сумел взять их и исчезнуть в тени.

— Ага, — сказал Джек, прикончив последний кусок хлеба и потягивая вино. — Вора поймали.

— О, да. И казнили. Но я с ним еще не покончил.

— Да? — сказал Джек. — И что же ты думаешь делать?

— Я собираюсь свести его с ума, — сказал Повелитель Нетопырей, играя вином в своем кубке.

— Может быть, он уже сошел с ума. Разве kleптомания — не болезнь психики?

Его собеседник покачал головой.

— Не в этом случае, — сказал он. — Для этого вора это — вопрос гордости. Ему нравится перехитрить власть имущих и завладеть их собственностью. Это, похоже, укрепляет его уверенность в себе. Если подобные желания — психическое расстройство, значит, им страдает большинство. Хотя сопутствует ему, поскольку он обладает кой-какой Силой и применяет ее жестко и без жалости. Я с огромным наслаждением наблюдаю, как постепенно он спятит вконец.

— Чтобы укрепить свою гордость и уверенность в себе?

— Отчасти. Кроме того, это вселит в него некоторое почтение к богине правосудия и пойдет на пользу обществу в целом.

Джек засмеялся. Его собеседник только улыбнулся.

— Как же ты намерен этого добиться? — наконец, спросил он.

— Я заточу его в тюрьму, откуда нет выхода. Там ему совершенно нечего будет делать — он будет просто существовать. Время от времени я стану помещать туда определенные вещи и удалять их, — вещи, которые с течением времени

начнут все сильнее завладевать его мыслями. Начнут приступы ярости и периоды депрессии. Я сломаю самоуверенность этого задаваки и с корнем вырву его гордыню.

— Ясно, ясно, — сказал Джек, — это звучит так, будто ты давно собирался проделать это.

— Можешь не сомневаться.

Джек оттолкнул пустую тарелку, откинулся на спинку стула и пересчитал окружавшие их отражения.

— По-моему, дальше ты, пожалуй, заявишь, что твою побрякушку легко невзначай потерять во время океанской прогулки, зарыть в землю, сжечь или скормить свиньям.

— Нет, как ты только что сообразил.

Повелитель Нетопырей поднялся, небрежно махнув рукой куда-то наверх.

— Я вижу, тебе доставили ванну, — сказал он, — и, пока мы обедали, приготовили чистую одежду. Я удаляюсь. Заимись собой.

Джек кивнул и поднялся.

Тут под столом раздался глухой стук, за которым последовали дребезжание и короткий резкий вопль. Джек почувствовал, что его ухватили за лодыжку. Потом он очутился на полу.

— Прочь! — крикнул Повелитель Нетопырей, быстро обойдя вокруг стола. — Назад, я сказал!

Из складок его плаща вырвались тучи нетопырей и ринулись на то, что было под столом. Оно от ужаса завизжало и так стиснуло лодыжку Джека, что ему почудилось, будто кости разваливаются в порошок.

Он поднялся и начал нагибаться вперед. Потом, увидев это, он на миг остолбенел, и тут была бессильна даже боль.

Существо было белым, голым, блестящим и все в синяках. Повелитель Нетопырей пнул его, и оно выпустило Джека, но прежде, чем оно успело загородиться скрещенными руками, Джек мельком увидел его перекошенное лицо.

Похоже, это создание было задумано, как человек, но так до конца им и не стало. По нему словно прошлись, перекрутили его, а в оплывшей голове, как в сыром тесте, проткнули дыры. Сквозь прозрачную плоть его торса виднелись кости; короткие ноги были толщиной с дерево и заканчивались дискообразными ступнями. С них свисало множество длинных пальцев, похожих на червей или на корни. Руки были длиннее тела. Это был раздавленный слизняк; нечто, замороженное и оттаявшее прежде, чем пропеклось. Это было...

— Это — Боршин, — сказал Повелитель Нетопырей, протягивая руки к визжащему существу, которое не могло решить, кого боится больше — летучих мышей или их хозяина.

Оно колотилось головой о ножки стола, пытаясь ускользнуть от обоих.

Повелитель Нетопырей сорвал с груди камень и запустил им в существо, бормоча при этом проклятия. Оно исчезло, оставив после себя лужицу мочи. Мыши вновь пропали в одеждах своего господина. Он улыбнулся Джеку.

— Что, — спросил Джек, — такое Боршин?

Некоторое время Повелитель Нетопырей рассматривал свои ногти. Потом он сказал:

— На дневной стороне планеты ученые уже некоторое время пытаются создавать искусственную жизнь. До сих пор безуспешно. Я собирался добиться успеха с помощью волшебства там, где их наука бессильна, — продолжал он. — Я долго экспериментировал, потом попробовал. Ничего не вышло... или, скорее, вышло наполовину. Результат ты только что видел. Я избавился от своего мертвого гомункулуса, отправив его в Навозные Ямы Глива, но однажды он ко мне вернулся. Я не могу приписать себе честь его оживления. Силы, питающие нас здесь, каким-то образом стимулировали его. Я не думаю, что Боршин и вправду живое существо... в обычном смысле слова.

— Это — одна из тех вещей, предназначенных, чтобы пытаться твоего врага, о которых ты говорил?

— Да, поскольку я обучил его двум вещам: бояться меня и ненавидеть моего врага. Правда, на этот раз я его сюда не приводил. Он приходит и уходит сам, своими путями. Но я не думал, что они достигают этого места. Этим я еще займусь.

— А пока что он сможет являться сюда, когда вздумает?

— Боюсь, что так.

— Тогда нельзя ли мне иметь при себе оружие?

— Увы — у меня нет оружия, чтобы тебе одолжить.

— Понятно.

— Теперь я лучше пойду. Купайся на здоровье.

— И еще одно, — сказал Джек.

— Что? — спросил тот, лаская пальцами камень.

— У меня тоже есть враг, которому я должен отомстить. Не стану утомлять тебя подробностями, но должен сказать, что моя месть превзойдет твою.

— Правда? Интересно узнать, что у тебя на уме.

— Я постараюсь, чтобы ты непременно узнал.

Оба улыбнулись.

— Тогда у до скорого.

— Пока.

Повелитель Нетопырей исчез.

Джек вымылся, долго просидев в теплой блестящей воде. Накопившаяся за время его путешествия усталость, казалось,

овладела им мгновенно. Только мощным усилием воли ему удалось встать, вытереться и дойти до постели, на которую он рухнул. Он слишком устал для того, чтобы должным образом ненавидеть или обдумывать побег.

Он спал и видел сны.

Ему снилось, что он держит Великий Ключ, Кольвинию, — ключ от хаоса и порядка, — и им отпирает небо и землю, море и ветер, приказывая им обрушиться на Хай-Даджен и ее хозяина со всех концов света. Ему снилось, что родилось пламя, и Властелин тьмы оказался навеки в его сердце, как муравей в янтаре, но живой, способный чувствовать и лишенный сна. Он, будучи возбужден до предела, вдруг услышал бормотание Великой Машины. От этого знамений он застонал, а по стенам, на пропитанных потом постелях, заметалось множество Джеков.

Глава 5

Джек сидел на стуле возле постели, вытянув ноги и дсцепив пальцы под подбородком. Он был одет в красно-черно-белый костюм шута, украшенный бриллиантами. Носки туфель винного цвета были загнуты и заканчивались шнурками, от которых Джек оторвал бубенчики. Колпак с бубенчиками он выбросил в помойное ведро.

— Теперь — когда угодно, — решил он. — Надеюсь, Боршин за ним не пойдет.

На столе стояли остатки завтрака — его тридцать первой трапезы в этих стенах. Воздух был холоднее, чем ему бы хотелось. С тех пор, как Джек очутился здесь, Боршин приходил трижды. Он появлялся внезапно и, пуская слюни, пытался схватить Джека. Каждый раз Джек отгонял его стулом, крича изо всех сил, и каждый раз через несколько минут являлся Повелитель Нетопырей и забирал эту тварь, извиняясь за причиненные неудобства. После первого же такого визита Джек стал плохо спать, зная, что в любой момент он может повториться.

Еду доставляли регулярно. Она была весьма однообразна, но он машинально съедал ее, думая о другом. Позже он так и не смог вспомнить, что это было, — да и не хотел вспоминать.

Он размышлял: теперь скоро.

Чтобы не раскиснуть, Джек делал гимнастику. Он уже набрал часть потерянного им веса. Он боролся со скукой, выстраивая и отвергая множество вариантов побега и мести. Потом он вспомнил слова Розали и решил, что делать.

Воздух словно наполнился мерцанием, а рядом возник такой звук, словно по кубку постукивали ногтем.

Рядом с ним очутился Повелитель Нетопырей — и на этот раз он не улыбался.

— Джек, — сразу же приступил он к делу, — ты разочаровываешь меня. Что ты пытался сделать?

— Прости.

— Ты только что проговорил какое-то слабое заклинание. Ты и правда думаешь, что здесь, в Хай-Даджен, я не замечу попытку воспользоваться Искусством?

— Только в том случае, если она будет успешной, — сказал Джек.

— Что явно не так. Ты все еще здесь.

— Конечно.

— Ты не можешь ни разрушить эти стены, ни пройти сквозь них.

— Я уже понял.

— Тебе не кажется, что ты поправился?

— Немного.

— Тогда, наверное, пора ввести в твое окружение дополнительные элементы.

— Ты не сказал мне, что есть еще один Боршин.

Его собеседник издал смешок, и откуда-то появилась летучая мышь. Она несколько раз облетела вокруг него и повисла на цепочке, которая была у него на шее.

— Нет, я имел в виду не это, — сказал он. — Я размышлял, насколько у тебя хватит чувства юмора.

Джек, лениво оттирая с указательного пальца правой руки пятнышко сажи, пожал плечами.

— Когда ты это выяснишь, дай мне знать, — сказал он.

— Ты будешь одним из первых. Даю слово.

Джек кивнул.

— Я бы предпочел, чтоб ты оставил свои упражнения в магии, — сказал Повелитель Нетопырей. — В такой сильно изменившейся атмосфере последствия могут быть весьма суровыми.

— Буду иметь это в виду, — сказал Джек.

— Великолепно. Извини, что помешал. Занимайся своими делами. Адью.

Джек не ответил — потому что был один.

Через некоторое время в его окружении появился дополнительный элемент.

Осознав, что он не один, Джек внезапно поднял глаза. При виде ее рыжих волос и полуулыбки он на миг от неожиданности чуть не поверил.

Потом он встал, подошел к ней, отошел в сторону и рассмотрел ее с нескольких точек.

Наконец, он сказал:

— Отличная работа. Передай своему создателю мои поздравления. Ты — прекрасная копия моей леди Ивен из крепости Холдинг.

— Я не копия. И не твоя леди, — сказала она, делая реверанс.

— Как бы там ни было, ты принесла мне свет, — сказал он, — Могу я предложить тебе сесть?

Усадив ее, он пододвинул второй стул и уселся слева от нее. Откинувшись на спинку, он внимательно разглядывал ее.

— Ну, а теперь ты, может быть, объяснишь то, что сказала? — сказал он. — Если ты — не моя Ивен и не двойник, созданный моим врагом, чтобы досадить мне, то что ты такое? Или, выражаясь более деликатно, кто ты?

— Я? Ивен из крепости Холдинг, дочь Лорет и Неумирающего Полковника, — ответила она, все еще улыбаясь, и только тогда он заметил, что с ее серебряной цепочки свисает странный драгоценный камень, схожий по форме с его тюрьмой. — Но я — не твоя леди, — закончила она.

— Он отлично поработал, — сказал Джек. — Даже голос похож, как две капли воды.

— Я даже могу посочувствовать лорду-бродяге из несуществующего Шедоу-Гард, — сказала она. — Джек-врун, ты настолько знаком со всеми формами обмана, что тебе стало трудно различать, где же правда.

— Шедоу-Гард существует! — сказал он.

— Тогда не стоит так волноваться, когда это упоминают, верно?

— Он хорошо выучил тебя, существо. Смеяться над моим домом — значит — смеяться надо мной!

— Что я собиралась сделать. Но я — не творение того, кого ты называешь Повелителем Нетопырей. Я — его женщина. Я знаю его тайное имя. Он показал мне мир внутри сферы. Я видела из Хай-Даджен все. Я знаю, что Шедоу-Гард не существует.

— Никто, кроме меня, никогда не видал его, — сказал он, — потому что он всегда скрыт тенью. Это — огромный замок с залами, освещенными факелами, с высокими потолками, с подземными лабиринтами и множеством башен. Там, с одной стороны — немного света, а с другой — полная тьма. Он полон памятных вещей с самых крупных краж, какие когда-либо совершались. Там много очень красивых безделушек и бесценных вещей. В его коридорах пляшут тени, а множество драгоценных камней сияет ярче, чем солнце над другой половиной планеты. Вот над чем ты смеешься — над

Шедоу-Гард, по сравнению с которым замок твоего хозяина просто свинарник. Верно, иногда там бывает одиноко, но настоящая Ивен оживит его своим смехом, зажжет своим изяществом так, что он сохранит свое великолепие много времени спустя после того, как твой хозяин сойдет в вечную тьму — когда я отомщу.

Она тихонько пооплодировала.

— Нетрудно вспомнить, как однажды твои речи и твоя страстность убедили меня, Джек. Теперь-то я понимаю, что, говоря о Шедоу-Гард, ты говоришь слишком хорошо для того, чтобы описывать реальное место. Я ждала тебя долго, а потом узнала, что тебе отрубили голову в Иглесе. Я все-таки собиралась ждать твоего возвращения, но мой отец решил иначе. Сперва я думала, что им движет желание обладать Пламенем Ада. Но я ошибалась. Он сразу понял, что ты — лжец и бродяга. Я плакала, когда он обменял меня на Пламень Ада, но я полюбила того, кому меня отдали. Мой повелитель добр тогда, когда ты ни о чем не думаешь, он умен там, где ты просто жесток. Его замок существует на самом деле, он один из самых могущественных в стране. В нем — все то, чего тебе недостает. Я люблю его.

Джек смотрел ей в лицо, которое теперь было серьезно, а потом спросил:

— Как он завладел Пламенем Ада?

— Его человек завоевал для него в Иглесе этот камень.

— Имя этого человека?

— Квазер, — сказала она. — Чемпионом Адских Игр стал Квазер.

— Для двойника это умеренно бесполезная информация, — заметил Джек, — если это все правда. Хотя мой враг весьма тщателен. Очень жаль, но я не верю, что ты — настоящая.

— Вот пример эгоизма, который не дает заметить очевидное.

— Нет. Я знаю, что ты — не настоящая Ивен, а нечто, посланное мучить меня. Настоящая Ивен — моя Ивен — не стала бы судить меня за глаза. Она дождалась бы моего ответа, что бы про меня ни говорили.

Тогда она отвела взгляд.

— Еще одна умная фраза, — сказала она, наконец. — Она ничего не значит.

— Можешь идти, — сказал он. — И скажи своему хозяину, что у вас ничего не вышло.

— Он не хозяин мне! Он — мой повелитель и возлюбленный!

— ...Или, если не хочешь уходить, можешь остаться. Мне все равно.

Он встал, подошел к постели, растянулся на ней и закрыл глаза.

Когда он снова открыл их, ее уже не было.

Но он заметил то, что она хотела скрыть.

«...Я ничего им не дам, — решил он. — Неважно, какие доказательства они представят. Я буду объяснять это трюками. Пока что я упрячу знание туда же, куда и чувства».

Через некоторое время он уснул. Ему снилось красочное будущее — таким, каким он себе его представлял.

Потом он долго был один. Это его вполне устраивало.

Он чувствовал, что загнал Повелителя Нетопырей в угол и дал отпор первому покушению на свой здравый рассудок. Иногда, меряя шагами полы, стены и потолки своей тюрьмы, он посмеивался. Он обдумывал свой план — его опасные стороны — и прикидывал, сколько лет уйдет на его осуществление. Он ел. Он спал.

Потом ему пришло в голову, что, если Повелитель Нетопырей может видеть его в любую минуту, возможно, он находится под наблюдением постоянно. Ему немедленно представилось, как слуги его врага передают этот странный камень из рук в руки. Мысль была стойкой. Независимо от того, чем Джек занимался, у него появилось назойливое ощущение, что за ним подглядывают. Он приобрел привычку подолгу сидеть, уставясь на предполагаемых соглядатаев за зеркалами. Он внезапно оборачивался и делал жесты в сторону своих невидимых спутников.

«Господи! Сработало! — решил он однажды, проснувшись и быстро оглядев комнату. — Он и правда добирается до меня! Я везде подозреваю его присутствие, и это начинает выводить меня из равновесия. Но я буду действовать тайком. Если только он даст мне нужный выход, а все прочее останется по-прежнему, я, возможно, получу шанс. Впрочем, лучший способ отыскать выход — оставаться внешне спокойным. Я должен прекратить расхаживать и бормотать».

Он лежал, раскрыв свое существо, и ощущал отрезвляющий холод высоты.

После этого случая он замолчал и начал двигаться медленно. Подавить более мелкие реакции оказалось труднее, чем он думал. Но он подавлял их — иногда для этого приходилось сесть, стиснуть руки и считать до нескольких тысяч. Зеркала говорили ему, что у него выросла борода приличных размеров. Его шутовской наряд обносился и стал грязным. Частенько он просыпался в холодном поту, не в состоянии вспомнить, что за кошмар мучил его. Хотя рассудок его порой помрачался, теперь он поддерживал в своей вечно сияющей зеркальной тюрьме видимость нормы.

— В заклятии ли тут дело? — думал он. — Или это просто результат длительного однообразия? Наверное, дело в последнем. Я думаю, что почувствовал бы это заклятие, хотя в колдовстве он сильнее меня. Ну, теперь-то уж скоро. Скоро он ко мне придет. Он почувствует, что тратит слишком много времени на то, чтобы меня расстроить. Начнется обратный эффект. Забеспокоится он сам. Теперь скоро. Скоро он придет.

Когда тот пришел, Джек сделал полезное наблюдение.

Он проснулся и обнаружил, что ему доставили ванну — второй раз с тех пор, как он тут очутился (тысячу лет назад) — и чистый костюм. Он отдраил себя и влез в бело-зеленые одежды. На этот раз он оставил бубенцы на носках туфель, а колпак напялил под вызывающим углом.

После этого он уселся, хлопнул в ладоши над головой и слабо улыбнулся. Нельзя было показывать, как он нервничает.

Когда внезапно раздался знакомый звук и воздух замерцал, Джек, глядя в том направлении, чуть наклонил голову.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — ответил тот. — Как дела?

— Да вроде бы пришел в себя. И хотел бы вскоре тебя покинуть.

— Когда дело касается здоровья, излишняя осторожность не вредит. По-моему, тебе все еще требуется отдых. Но это мы обсудим позже.

Очень жаль, что я не мог уделить тебе больше времени, — продолжал он. — Я был занят делами, которые требуют моего полного внимания.

— Ничего страшного, — сказал Джек. — Вскоре все твои усилия будут сведены к нулю.

Повелитель Нетопырей изучал его лицо, словно выискивал в нем признаки безумия. Потом он уселся и спросил:

— Что ты имеешь в виду?

Джек повернул левую руку ладонью кверху и сказал:

— Если все когда-нибудь кончается, значит, любые усилия сведутся к нулю.

— Почему это все должно кончиться?

— Ты в последнее время не обращал внимания на температуру, любезный лорд?

— Нет, — ответил тот, озадаченный. — Физически я довольно давно не покидал своего замка.

— Тебе было бы полезно проделать это. Или лучше открой свое существо эманациям Щита.

— Пожалуй... Когда я буду один... Но какая-то утечка существует все время. Те семеро, чье присутствие необходи-

мо, чтобы ее прекратить, узнают об этом и примут меры. Нет причин для дурных предчувствий или беспокойства.

— Нет, есть. Если кто-то из этой семерки не в состоянии отозваться

Его собеседник широко раскрыл глаза.

— Я тебе не верю, — сказал он.

Джек пожал плечами.

— Когда ты предложил мне свое... гм... гостеприимство, я искал тихое местечко, откуда мог бы высадиться. Конечно, проверить это очень легко.

— Почему же ты раньше молчал?

— Почему? — переспросил Джек. — Если я должен был сойти с ума, то какое мне дело, продолжит ли свое существование остальной мир или тоже погибнет?

— Весьма эгоистическая позиция, — сказал Повелитель Нетопырей.

— Такова моя позиция, — сказал Джек и звякнул бубенчиками.

— Полагаю, надо проверить твою историю, — его собеседник со вздохом поднялся.

— Я подожду здесь, — сказал Джек.

Повелитель Нетопырей отвел его в зал с высоким потолком, находившийся за железной дверью, и там перерезал его пути.

Джек осмотрелся. На мозаичном полу он заметил знакомые символы, по углам — кучи тряпья, темные занавеси на стенах. В центре зала находился маленький алтарь, а рядом — столик с инструментами. Пахло ладаном.

Джек шагнул вперед.

— Твое имя странным образом попало в Расчетную Книгу, — сказал Повелитель Нетопырей. — А другое имя было вычеркнуто.

— Возможно, ангелы-хранители передумали.

— Насколько мне известно, раньше такого не бывало. Но если ты — один из семи избранных, пусть будет так. Послушай, что я скажу, прежде чем ты отправишься нести свою службу у Шита.

Он хлопнул в ладоши, и занавес зашевелился. Вошла Ивен. Она подошла к своему господину и стала рядом с ним.

— Хотя для этого понадобится твоя Сила, — сказал он Джеку, — не думай, что она столкнется с моей здесь, в Хай-Даджен. Скоро мы зажжем огни, и появятся тени. Даже если я недооценил тебя, знай, что у моей леди были годы, чтоб изучить Искусство, и что она оказалась исключительно одаренной. Попробуй только устроить что-нибудь, помимо того,

зачем я тебя сюда привел, и мы с ней объединим свое умение. Неважно, в чем ты уверился, она — не двойник.

— Знаю, — сказал Джек. — Двойники не плачут.

— Когда это ты видел, чтоб Ивен плакала?

— Спросишь ее когда-нибудь.

Когда он посмотрел на алтарь и пошел вперед, она опустила глаза.

— Я лучше начну. Будьте любезны, станьте в малый круг, — сказал он.

Он по очереди раздувал угли в десяти чашах, которые стояли в три ряда — три чаши, четыре и три. Джек добавил ароматические порошки, и они вспыхнули, пуская разноцветный дым. Потом он прошел в дальний конец алтаря и начертил на полу лезвием железного ножа узор. Он заговорил, и тень его разделилась на несколько теней, потом снова собралась в одно целое, заколебалась, застыла, потемнела и, словно бесконечная дорога на восток, простерлась через зал. Несмотря на мигающий свет, она после этого уже не двигалась и потемнела настолько, что, казалось, обрела глубину.

Джек услышал, как Повелитель Нетопырей шепнул Ивен:

— Мне это не нравится! — и быстро посмотрел в их сторону.

Стоя в кругу, в мигающем свете и клубящемся дыму, он, казалось, становился все темнее и двигался все увереннее. Когда он взял с алтаря маленький колокольчик и зазвонил в него, Повелитель Нетопырей крикнул: «Перестань!» — но не нарушил малый круг, потому что возникло ощущение присутствия в зале кого-то еще — напрягшегося, приглядывающего.

— Ты прав в одном, — сказал Джек. — Что касается Искусства, ты — мой хозяин. Я не собираюсь скрестить с тобой мечи, тем более там, где ты — властелин. Скорее, я просто хочу на некоторое время занять тебя и обеспечить свою безопасность. Вам, даже обоим вместе, потребуется несколько минут, чтобы сломать Силу, которую я здесь накопил... Ах, тогда вам будет о чем подумать, помимо этого. А, вот!

Он схватил за ножку ближайшую чашу и швырнул ее через весь зал. Угли рассыпались по тряпью. Оно загорелось, и языки пламени лизнули край занавесей. Джек продолжал:

— Меня не призывали нести службу у Щита. Когда обломки стола обугливались в пламени свечи, горевшей у нас за обедом, я изменил запись в Расчетной Книге. Запись, которую ты обнаружил, — моих рук дело.

— Ты посмел нарушить Великий Договор и играть судьбами мира?

— Да, — сказал Джек. — Какой прок от мира сумасшед-

шему? Ты же хотел свести меня с ума. А на договор мне плевать.

— Значит, отныне ты навсегда становишься вне закона, Джек. Не считай больше другом никого из людей тьмы.

— Я никогда и не считал.

— Договор и его исполнитель, Книга, — единственное, к чему мы все относились с почтением... Всегда относились с почтением. Несмотря на все прочие различия, Джек. Теперь ты в итоге движешься к своему уничтожению.

— Ты здесь и так чуть меня не уничтожил. А таким образом я могу с тобой распрощаться.

— Я уничтожу то представление о тебе, которое ты создал, и потушу пламя, которое ты зажег. Потом я восстановлю против тебя полмира. У тебя больше не будет ни минуты покоя. Ты кончишь свою жизнь несчастным.

— Ты однажды убил меня. Ты отнял мою женщину и сбил ее с пути. Ты сделал меня своим пленником, носил меня на шее, напускал на меня Боршина. Знай, когда мы снова встретимся, не меня будут пытаться и сводить с ума. У меня длинный список... и ты возглавляешь его.

— Мы встретимся снова, Джекки-тень, может, даже через несколько минут. Тогда ты сможешь позабыть о своем списке.

— О, ты сказал «список». Это напомнило мне кое о чем. Тебе не интересно узнать, чье имя я вычеркнул, когда вносил в Книгу свое?

— Что же это было за имя?

— Как ни странно — твое. Право, тебе нужно почаще выбираться из дома. Если бы ты не сидел тут постоянно, то ощутил бы холод, обратил бы внимание на Щит и прочел бы запись в Книге. Потом ты отправился бы нести службу у Щита, а я не стал бы твоим пленником, и всех этих неприятностей можно было бы избежать. Отсюда мораль: побольше упражнений на свежем воздухе. Так-то.

— Тогда ты стал бы пленником барона или опять вернулся бы в Глив.

— Спорный вопрос, — сказал Джек, бросив взгляд через плечо. — Теперь занавес занялся, как надо, и можно отправляться. Через... скажем, три сезона, может, меньше, как знать?... когда закончится твоя служба у Щита, ты, конечно же, отыщешь меня. Если сразу не получится, не теряйся. Добивайся своего. Когда я буду готов, мы встретимся. Я отберу у тебя Ивен. Я отберу у тебя Хай-Даджен. Я уничтожу твоих нетопырей. Я буду смотреть, как ты идешь от жизни к смерти, и обратно — не один раз. Ну, а пока прощай.

Он повернулся и пристально осмотрел свою тень.

— Я не буду твоей, Джек, — услышал он голос Ивен. —

Все, что я говорила, правда. Я скорее убью себя, чем стану твоей.

Он глубоко вдохнул ароматный воздух, потом сказал:

— Посмотрим.

И шагнул вперед, в тень.

Глава 6

С сумкой за плечами он шел на восток, а небо тем временем просветлело. Воздух был прохладным, меж серых трав вились струйки тумана. Туманом были полны долины и глубокие ущелья. Сквозь прозрачную пелену облаков пробивался свет звезд. Налетавшие с ближайшего озера ветерки влажно бились о каменистую землю.

Джек на минуту остановился и перебросил ношу на правое плечо. Он обернулся и посмотрел на страну тьмы, которую покидал. Шел он быстро и ушел далеко. Но нужно было уйти еще дальше. С каждым шагом, который Джек делал к свету, силы его врагов, способные сокрушить его, ослабевали. Вскоре он станет для них недостижим. Но враги и дальше будут искать его, они не забудут. Значит, удрав, он поступил правильно. Он будет тосковать по царству тьмы с его жестокостью и ведьмовством, восторгами и чудесами. Оно было его жизнью; в нем было и то, что он ненавидел, и то, что любил. Джек знал, что ему придется вернуться и принести с собой то, что удовлетворит оба эти чувства.

Повернувшись, он продолжил свой путь.

Тени перенесли его в тайник неподалеку от Сумеречных Земель, где он хранил накопленные за многие годы магические рукописи. Он бережно завернул их и понес с собой на восток. Как только он попадет в Сумеречные Земли, то окажется в безопасности, а когда минует их, то будет вне всякой опасности.

Карабкаясь, он пробирался по Рениссалским горам. Там, где горная цепь ближе всего подходила к Сумеречным Землям, Джек увидел самую высокую гору — Паникус.

Поднявшись выше тумана, Джек увидел вдали неясный силуэт Утренней Звезды на фоне Эвердон — Вечного Рассвета. Там, на своем утесе, Утренняя Звезда лежал неподвижно, с поднятой головой, лицом к востоку. Непосвященному он показался бы скульптурой, созданной ветром на вершине Паникуса. В самом деле, больше чем наполовину он был камнем, его кошачий торс был со скалой одним целым. Сложенные крылья были прижаты к спине. Джек знал, хотя подходил к

нему сзади, что руки Утренней Звезды все еще скрещены на груди, левая поверх правой; что ветер не спутал его похожие на проволоку волосы и бороду и что лишенные век глаза все еще уставлены на восточный горизонт.

Тропинки не было. Последние несколько сот футов подъема Джеку пришлось преодолевать почти отвесный каменный склон. Тени здесь были густыми, и Джек, как всегда, шагал вверх, будто шел по равнине. Не успел он достичь вершины, как вокруг завизжали ветры, но и они не заглушили голос Утренней Звезды, который шел словно из недр горы.

— Доброе утро, Джек.

Тот стоял слева от него и смотрел наверх, где черную, как покинутая им ночь, голову Утренней Звезды закрыло облачко.

— Утро? — сказал Джек.

— Почти. Всегда почти утро.

— Где?

— Везде.

— Я принес тебе выпить.

— Я пью дождевую воду из туч.

— Я принес вино, сделанное из винограда.

Огромная, испещренная шрамами от ударов молний фигура тут же повернулась к нему, рога склонились вперед. Джек отвел взгляд от немигающих глаз, цвет которых никак не мог запомнить. В глазах, никогда не выдававших того, на что должны были бы смотреть, есть что-то жуткое.

Он опустил левую руку, и перед Джеком оказалась покрытая шрамами ладонь. Джек поставил на нее мех с вином. Утренняя Звезда поднял его, выпил и уронил к ногам Джека. Он утер рот тыльной стороной ладони, легонько срыгнул и снова уставился на восток.

— Что тебе нужно, Джек-из-Тени? — спросил он.

— От тебя? Ничего.

— Тогда почему же ты всякий раз, как идешь этой дорогой, приносишь мне вино?

— По-моему, ты его любишь.

— Да.

— Ты, наверное, мой единственный друг, — сказал Джек. — У тебя нет ничего, что мне хотелось бы украсть. У меня нет ничего, что было бы действительно нужно.

— Может, тебе жаль меня? Я ведь привязан к этому месту.

— Что такое жалость? — спросил Джек.

— То, что удерживает меня здесь в ожидании зари.

— Ну, так во мне ее нет, — сказал Джек, — потому что у меня есть нужда не сидеть на одном месте.

— Знаю. Полмира узнало, что ты нарушил Договор.

— А знают они, почему?

— Нет.

— А ты?

— Конечно.

— Откуда?

— По форме облака я узнал, что далеко отсюда, в одном городе три сезона спустя кто-то поссорится с женой и убийцу повесят раньше, чем я закончу говорить. Падает камень, и по его падению у узнаю, сколько девиц лишилось чести и как двинутся айсберги на другом краю света... По тому, каков ветер, я определяю, куда в следующий раз ударит молния. Я так долго смотрел и настолько сам часть всего этого, что от меня ничего нельзя скрыть.

— Ты знаешь, куда я иду?

— Да.

— А что я буду там делать?

— И это тоже.

— Тогда, если знаешь, скажи — сбудется ли мое желание?

— Твой план удастся, но к тому времени может получиться так, что ты уже захочешь совсем другого.

— Я не понимаю тебя, Утренняя Звезда.

— Я знаю и это. Но так со всеми оракулами, Джек. Когда происходит то, что было предсказано, тот, кто спрашивал, — уже не тот же самый человек, каким был, когда задавал вопрос. Невозможно заставить человека понять, каким он станет с течением времени, а тот, для кого пророчество действительно верно, всего лишь его будущее «я».

— Очень мило, — сказал Джек. — Но я-то — не смертный. Я — человек тьмы.

— Вы все смертны, неважно, какую часть мира зовете своей родиной.

— Я не меняюсь. У меня нет души.

— Меняешься, — сказал Утренняя Звезда. — Все, что живет, меняется или умирает. Ваш народ холоден, но ваш мир — теплый, имеющий и обаяние, и очарование, и чудеса. Вы не можете понять тех, кто обитает на освещенной стороне планеты, — но их наука так же холодна, как ваши сердца. Они бы приняли ваш мир, если бы так его не боялись, а вам пришлось бы по вкусу их чувства, если бы не так же причина. Тем не менее в каждом из вас заложены способности. Только страх мешает открыть дорогу пониманию — ведь вы зеркальное отражение друг друга. Поэтому не говори мне о душе, человек. Ты никогда ее не видал.

— Ты прав. Я не понимаю.

Джек уселся на камень и стал смотреть на восток вместе с Утренней Звездой.

Через некоторое время он сказал:

— Ты говоришь, что ждешь здесь рассвета, чтобы увидеть, как над горизонтом встает солнце.

— Да.

— Мне кажется, тебе придется ждать вечно.

— Возможно.

— Ты не знаешь? Я думал, ты знаешь все.

— Многое — но не все. Это не одно и то же.

— Тогда скажи мне вот что. Я слышал, что смертные считают сердце земли расплавленным демоном; говорят, когда спускаешься к нему, жар усиливается. Если земная кора лопнет, вырвутся языки пламени, а расплавленные минералы образуют вулканы. А я знаю, что вулканы — дело рук духов огня, которые, если их беспокоить, плавят вокруг себя почву и выбрасывают ее наверх. Живут они в маленьких норках. Мимо них можно спуститься довольно далеко, и жара усиливаться не будет. Если зайти достаточно далеко, падаешь в самое сердце земли — оно вовсе не расплавленное. Там находится Машина с огромными пружинами, как в часах; с механизмами, рычагами, противовесами. Я знаю, что это правда, поскольку бывал в тех краях и был неподалеку от Машины. Но смертные все равно находят способ доказать, что верна их точка зрения. Один человек почти убедил меня, хотя я-то знал лучше. Как такое может быть?

— Вы оба были правы, — сказал Утренняя Звезда. — И говорили об одном, хотя ни один из вас не видит того, что есть на самом деле. Все вы расцвечиваете реальность в соответствии со своими средствами наблюдения за ней. А если пронаблюдать за ней невозможно, вы ее боитесь. Иногда вы непостижимо приукрашиваете ее. Для тебя это Машина. Для них — демон.

— Я знаю, что звезды — прибежище духов и богов... Иногда дружественных, иногда нет, а чаще — равнодушных. Все они рядом, их легко отыскать. Если правильно воззвать к ним, они откликнутся. А те, кто живет на дневной стороне планеты, твердят, что звезды очень далеко и ничего разумного там нет. Опять...

— Опять это не что иное, как два способа видеть реальность. И оба — верные.

— Если существует два способа, может ли не быть третьего? Или четвертого? Или, получается, что их столько же, сколько людей?

— Да, — сказал Утренняя Звезда.

— Тогда какой же из них правильный?

— Все.

— Но можно ли, несмотря на это, видеть все так, как оно есть на самом деле?

Утренняя Звезда не ответил.

— А ты, — сказал Джек. — А ты видел реальность?

— Я вижу облака и падающие камни. Я чувствую ветер.

— Но по ним ты каким-то образом узнаешь про остальное?

— Я... Однажды... Я жду восхода солнца. Вот и все.

— Ты знаешь, куда я иду и что собираюсь делать, — сказал Джек немного спустя. — Ты знаешь, что произойдет и каким я стану много позже. Ты способен видеть все это отсюда, со своей горы. Может быть, ты даже знаешь, когда я, наконец, умру в последний раз и как это случится. Из-за тебя моя жизнь начинает казаться бесполезной, а рассудок — чем-то, что просто существует и не в состоянии влиять на события.

— Нет, — сказал Утренняя Звезда.

— Я чувствую, ты сказал это просто, чтобы я не был несчастен.

— Нет. Я сказал это потому, что на твою жизнь падают тени, сквозь которые я не могу пробиться.

— Почему не можешь?

— Может быть, наши жизни каким-то образом переплетаются. От меня всегда скрыто то, что влияет на мое существование.

— В любом случае, это кое-что, — сказал Джек.

— ...Или это, может быть, потому, что, когда ты получишь то, что ищешь, то станешь непредсказуемым.

Джек рассмеялся.

— Это будет приятно, — сказал он.

— Возможно, не так приятно, как ты думаешь.

Джек пожал плечами.

— Как бы там ни было, выбора у меня нет — я могу только ждать. А там посмотрим.

Далеко внизу, слева от него, слишком далеко для того, чтобы услышать мерный рев, водяной вал промчался сотни футов и исчез за остроконечной скалой. Еще ниже, на равнине, через сумрачный лес текла широкая река. Еще дальше, на берегу, Джек увидел дымы деревни. На мгновение, непонятно почему, ему захотелось пройти по ней, заглядывая во дворы и окна.

— Почему же, — спросил он, — Упавшая Звезда, который дал нам знание Искусства, не дал его и смертным тоже?

— Может быть, — сказал Утренняя Звезда, — те смертные, что наиболее склонны к теологии, спрашивают, отчего он не дал людям тьмы знание науки. Какая разница? Я слышал, что ни то, ни другое не было даром Упавшей Звезды, что это — изобретение человека и что его дар, скорее, заклю-

чался в разуме, сознании, которое само создает свои собственные системы.

Потом, пыхтя, сопя и сильно пульсируя темно-зелеными сосудами, на их каменный уступ опустился дракон. Они не услышали его приближения из-за ветра. Он лежал, часто выдыхая короткие языки пламени. Через некоторое время глаза, похожие на красные яблоки, повернулись вверх.

— Здравствуй, Утренняя Звезда, — сказал он шелковым голосом. — Надеюсь, тебе не помешает, если я тут минутку отдохну. Ш-ш-ш! — он выдохнул длинный язык пламени, осветил весь уступ.

— Отдыхай, ладно, — сказал Утренняя Звезда.

Дракон заметил Джека, сосредоточил на нем взгляд и не отводил глаз.

— Я стал слишком стар, чтоб перелетать через эти горы, — сказал он. — Но ближайшее стадо овец пасется возле деревни на той стороне.

Джек поставил ногу в тень, которую отбрасывал Утренняя Звезда, и спросил:

— Так почему ты не переберешься на ту сторону?

— Мне причиняет беспокойство свет, — ответил дракон. — Мне нужно отлеживаться в темноте.

И спросил Утреннюю Звезду:

— Это твой?

— Что — мой?

— Человек.

— Нет. Он сам по себе.

— Тогда я могу сэкономить силы на путешествии и заодно очистить твой уступ. Он больше овцы, хотя, несомненно, не такой вкусный.

Когда дракон выдохнул в его сторону огненный фонтан, Джек полностью переместился в тень. Он вдохнул, и пламя исчезло. Джек выпустил его назад в дракона.

Тот удивленно фыркнул, прижимая крылья к увлажнившимся глазам. Тогда тень подползла к нему и упала ему на морду. Это пресекло вторую попытку испепелить Джека.

— Ты! — сказал дракон, глядя на укутанную в тени фигуру. — Я думал, ты — житель Сумеречных Земель, пришедший надоедать бедняге Утренней Звезде. Но теперь я узнал тебя. Ты — тот неизвестный, который ограбил мою тайную сокровищницу. Что ты сделал с моей диадемой из бледного золота с бирюзой и моими четырнадцатью серебряными браслетами великолепной работы, с мешком лучших драгоценных камней числом двадцать семь?

— Теперь это — часть моих сокровищ, — сказал Джек, — а сейчас тебе лучше отправиться в дорогу. Хотя ты и больше

куска баранины и, несомненно, не такой вкусный, я могу тобой разговестся.

Он опять выдохнул пламя, и дракон подался назад.

— Прекрати! — сказал дракон. — Дай мне отдохнуть здесь еще немного, и я отправлюсь.

— Сейчас же! — сказал Джек.

— Ты жесток, человек-тень, — дракон вздохнул. — Ну, ладно.

Он поднялся, балансируя длинным хвостом и пыхтя, вразвалку направился к краю. Оглянувшись, он сказал:

— Ты полон ненависти! — и, перевалившись через край, исчез из вида.

Джек подошел к краю и смотрел, как тот падает. Когда* казалось, что сейчас он разобьется насмерть о склон горы, дракон расправил крылья и, подхваченный потоком, набрал высоту и скользнул по направлению к деревеньке на берегу реки в лесу.

— Удивительно, зачем нужен разум, — сказал Джек, — если он не меняет природы зверя.

— Этот дракон когда-то был человеком, — сказал Утренняя Звезда. — Его алчность сделала его таким, каков он сейчас.

— Это мне знакомо, — сказал Джек, — поскольку, коротко говоря, однажды мне пришлось быть крысой.

— Тем не менее ты одолел свою страсть и вернулся к людям, как, возможно, в один прекрасный день вернется и он. С помощью своего разума ты преодолел кое-что из того, что заставляет тебя быть предсказуемым. Разум обычно меняет своего обладателя. Почему ты не убил дракона?

— Ни к чему было, — начал Джек. Потом он рассмеялся:

— Его труп провонял бы тебе все скалы.

— Может, ты решил, что нет необходимости убивать того, кого не собираешься съесть, или того, кто на самом деле тебе не угрожает?

— Нет, — сказал Джек, — поскольку теперь я несу ответственность за смерть овцы и за то, что в будущем кто-то из жителей деревни останется без пищи.

Чтобы распознать возникший звук, Джеку понадобилось несколько секунд. Раздался звенящий, клацающий шум. Утренняя Звезда сжал зубы. Налетел холодный ветер. Свет на востоке потускнел.

— ...Может быть, ты был прав, — услышал он тихий голос Утренней Звезды, словно тот обращался не к нему, — насчет разума.

И он слегка наклонил большую темную голову.

Джек, чувствуя неловкость, не смотрел на него. Утренняя

Звезда следил взглядом за немигающей белой звездой, которая всегда его тревожила. Она пересекала небо на востоке справа налево.

— Тот, кто управляет этой звездой, — сказал он, — противится любому общению. Она движется не так, как другие, быстрее. Она не мерцает. Почему?

— Это — не настоящая звезда, это искусственный объект, помещенный на орбиту Твилайта учеными с дневной стороны.

— Для чего?

— Чтобы наблюдать за границами.

— Зачем?

— Ты ее боишься?

— У нас нет никаких таких штук на их стороне.

— Я знаю. Но разве ты сам не наблюдаешь за границей — по-своему? — спросил Джек.

— Конечно.

— Зачем?

— Чтобы знать обо всем, что пересекает ее.

— И только? — фыркнул Джек. — Если эта штука и вправду летает над Твилайтом, то она будет подчиняться волшебству так же, как своим законам. Достаточно сильное заклятие ее достанет! Когда-нибудь я шибу ее оттуда.

— Зачем? — спросил Утренняя Звезда.

— Чтобы показать, что мое волшебство сильнее их науки... Станет сильнее в один прекрасный день.

— Поиски превосходства не пойдут на пользу ни одной из сторон.

— Пойдут — если оказаться на стороне, у которой пальма первенства.

— И все-таки, чтобы рискнуть, ты воспользуешься их методами.

— Я буду пользоваться всем, что понадобится для достижения моей цели.

— Интересно, каков будет результат.

Джек отошел к восточному склону вершины, перепрыгнул через край, отыскал ногой выступ и посмотрел вверх.

— Ладно. Ждать с тобой восхода солнца я не могу. Мне надо идти... и стащить вниз эту штуковину. Пока, Утренняя Звезда.

— Доброе утро, Джек.

С мешком на плече, словно разносчик, Джек пошел на встречу свету. Он прошел через разрушенный город Дедфут и даже не поглядел на опутанные паутиной изваяния бесполезных богов — его самую главную достопримечательность. С их алтарей красть было нечего. Плотно обернув голову шар-

фом, он торопливо прошел по знаменитой Улице Поющих Статуй, каждая из которых, будучи по натуре индивидуалисткой, слышав шаги, начинала свою собственную песню. Перестав, наконец, бежать (а было это много позже), Джек вышел из города, запыхавшись, отчасти и оглохнул и с большой головой.

Опустив кулак, он растерял слова и замер на середине проклятия. Он не мог придумать, какую карту призвать на эти заброшенные руины, чтобы она была для них внове.

«Когда я стану править, все будет иначе, — решил он. — Города не будут строиться так хаотично, чтобы потом превращаться в такое».

Править?

Мысль была непрошеной.

«А почему бы и нет? — спросил он себя. — Если я обрету силу, которую ищу, почему бы не использовать ее для достижения всего, чего я ни пожелаю? Потом, когда я отомщу, мне придется иметь дело со всеми, кто сейчас против меня. Почему бы не выступить в роли завоевателя? Я — единственный, чьи силы не сосредоточены в определенном месте. Если только я зополучу Утерянный Ключ — Кольвинию, — то сумею выгнать всех прочих с их земель. Наверное, я все время думал об этом. Я награжу Розали за то, что она подсказала мне путь... А к своему списку я кое-кого добавлю. Отомстив Повелителю Нетопырей, Бенони, Смейджу, Квазеру и Блайту, я доберусь до барона, а также прослежу за тем, чтобы у Неумирающего Полковника появились причины сменить имя».

Джека забавляло, что, помимо прочего, в его мешке лежали те самые рукописи, что вызвали гнев Повелителя Нетопырей. Какое-то время он действительно прикидывал, не предложить ли их в обмен на свою свободу. Единственная причина, по которой он этого не сделал, заключалась в осознании того, что либо Повелитель Нетопырей примет их, но его не выпустит, либо — что было бы еще хуже — станет торговаться. Необходимость вернуть украденное стала бы для него самой большой потерей лица, чем когда-либо. А избежать этого можно было только, сделав то, чем он теперь и занимался: получить силу, которая даст ему удовлетворение. Конечно, без рукописей это было бы куда труднее, и...

У него закружилась голова. Он решил, что был прав, поговорив с Утренней Звездой. Головная боль была результатом того, что в его сознании возник диссонанс, подобный шуму от двух сотен статуй Дедфута.

Вдали, справа от него, опять появился спутник жителей дневной стороны планеты. По мере того, как Джек шел впе-

ред, становилось светлее. В далеких полях курились дымки. Он заметил впереди первые ростки зелени. Облака на востоке засветились ярче. Впервые за много лет его слуха достигла песня птицы, а когда он отыскал на ветках певца, то увидел яркое оперение.

Добрый знак, решил он, когда тебя встречают песней.

Он затоптал костер, забросал его вместе с косточками и перьями, и двинулся навстречу дню.

Глава 7

Примерно в середине семестра Джек ощутил медленное приближение. Каким образом, он не был уверен. Здесь, казалось, его восприятие было ограничено так же, как у его товарищей. Тем не менее нечто искало Джека — ощупью, прячась, петляя, возвращаясь и снова выправляя свой путь. Джек это знал. Что касается природы этого, у Джека не было на этот счет ни малейшего представления. Хотя в моменты, подобные этим, он с недавних пор ощущал, что это существо все ближе.

Джек прошел восемь кварталов от университетского городка к Дагауту, минуя высокие здания с окнами, похожими на дырочки в перфокарте, по улицам, где, несмотря на прошедшие годы, выхлопные газы все еще были невыносимыми для его носа. Он, петляя, шел по улицам. На тротуарах валялись банки из-под пива, а из промежутков между домами вываливался мусор. Из окон, с лестниц, из дверей люди с равнодушными лицами наблюдали, как он проходит. Высоко над головой небо разрезал пассажирский лайнер, а потом вечно неподвижное солнце попыталось пригвоздить его к раскаленной мостовой, не давая тени. Возившиеся у открытого пожарного крана дети бросили игру и смотрели, как он идет мимо. Потом появилось что-то вроде намека на ветер, журчание воды, под одним из карнизов раздался хриплый птичий крик. Он швырнул сигарету в сточную канаву и стал смотреть, как она уплывает. Везде сплошной свет, никакой тени, подумал он. Странно, никто ничего не заметил. Где же я это оставил?..

Там, где свет был тусклее, кое-что изменилось. То ли нечто пришло в этот мир, то ли исчезло из него. Поэтому возникло неосознанное чувство разобщенности — его не было, когда день сиял во всей красе. С ним возникли и другие чувства и образы. Словно тени, несмотря на его невосприимчивость к ним, все еще пытались воззвать к нему. Потому-то,

заходя в малоосвещенный бар, Джек понял, что нечто, искавшее его, приближается.

Когда он очутился на окраине Дагаута, дневная жара спала. Там, в падавшем сквозь стекло розовом свете свечи, он заметил ее темные волосы, тронутые кое-где оранжевыми отсветами. Пробираясь между столиками, он почувствовал, как спадает напряжение — в первый раз с тех пор, как он оставил свою аудиторию.

Он проскользнул в кабину напротив нее и улыбнулся.

— Привет, Клэр.

Она уставилась на него, широко раскрыв темные глаза.

— Джон! Ты в своем репертуаре, — сказала она. — Простой раз — и вот он ты.

Джек продолжал улыбаться, разглядывая ее тяжеловатые черты, след от очков, легкую припухлость под глазами, несколько упавших на лоб соломенных прядей.

— Как коммивояжер, — сказал он. — А вот и официант.

— Пиво?

— Пиво.

Оба со вздохом откинулись на спинки стульев и стали смотреть друг на друга.

Потом она засмеялась.

— Ну и год! — заявила она. — До чего же я рада, что семестр кончился!

Он кивнул.

— Все еще самый большой выпускной класс...

— И несданные книжки, которых мы уже не увидим.

— Поговори с кем-нибудь из канцелярии, — сказал он. — Поддай им список...

— Выпускники игнорируют штрафы.

— Когда-нибудь им понадобятся копии диплома. Если они начнут просить их, поставь их перед фактом, что они ничего не получают, пока не расплатятся.

Она наклонилась вперед.

— Хорошая мысль!

— Конечно. Если речь пойдет об устройстве на работу, они родят эти книги.

— Когда ты устраивался на кафедру антропологии, ты не слышал зов. Тебе надо было стать администратором.

— Я работал там, где хотел.

— А почему ты говоришь в прошедшем времени? — спросила она.

— Не знаю.

— Случилось что-нибудь?

— Честное слово, ничего.

Но ощущение оставалось. Уже близко...

— Твой контракт, — сказал она. — Были какие-нибудь неприятности?

— Нет, — сказал он. — Никаких.

Принесли пиво. Он взял свою кружку и начал пить. Скрестив под столом ноги, он коснулся ноги Клэр. Она не отодвинулась — но, в конце концов, она всегда вела себя так. Со мной ли, с кем-то другим, подумал Джек. Хорошая девочка, но слишком хочет замуж. За семестр она потеряла со мной всякое терпение. Теперь в любой день...

Он отбросил эту мысль. Встреть он ее раньше, он мог бы жениться на ней, потому что, возвращаясь туда, где он должен был быть и оставляя жену здесь, был бы абсолютно спокоен. Но он встретил ее только в этом семестре, а его дело близилось к завершению.

— Как насчет часов по субботам, о которых ты говорил? — спросила она. — Уже что-нибудь решил?

— Не знаю. Это зависит кое от каких исследований, которыми я как раз сейчас занят.

— И насколько ты продвинулся?

— Узнаю, когда получу машинное время. Я поэтому и пришел.

— Скоро?

Он посмотрел на часы и кивнул.

— Так скоро? — спросила она. — Если результат будет благоприятным?..

Он закурил.

— Тогда это может случиться в следующем семестре, — сказал он.

— Но ты говорил, что твой контракт...

— ...в полном порядке, — сказал он. — Но я его не подписал. Еще не подписал.

— Ты как-то сказал, что тебе кажется, будто Квилиэн тебя не любит.

— Не любит. Он старомоден. Ему кажется, что я провожу слишком много времени у компьютера. И слишком мало в библиотеках.

Она улыбнулась.

— Я тоже.

— Как бы там ни было, я слишком популярный лектор, чтобы не предложить мне возобновить контракт.

— Тогда почему ты не подписал его? Хочешь прибавки?

— Нет, — сказал он. — Но если я попрошу часы по субботам, забавно будет сказать ему, чтобы он выкинул этот контракт. Не то чтобы я отказался подписать контракт и ушел, если это нужно будет для моих исследований, но я с

удовольствием скажу доку Квилиэну, куда ему запихать его предложение.

Она потягивала свое пиво.

— Значит, у тебя на подходе что-то важное?

Он пожал плечами.

— Как твой семинар?

Она рассмеялась.

— Ты — как кость в горле у профессора Уизертонна. Он почти всю лекцию посвятил тому, чтобы расправиться с твоим курсом «Философия и обычаи царства тьмы».

— Мы расходимся во мнении по многим вопросам, но он там никогда не бывал.

— Он намекал, что ты тоже. Он согласен с тем, что там феодальное общество и что некоторые из тамошних лордов действительно могут считать, будто в своих владениях имеют непосредственную власть над всем. Он отрицает саму идею их объединения Договором, который основан на положении, что небеса упадут, если их не поддерживать чем-то вроде Щита, сотрудничая в области магии.

— Но что же тогда поддерживает жизнь в этой части мира?

— Кто-то задал такой вопрос. Он сказал, что это проблема для физиков, а не для социологов-теоретиков. Хотя лично он считает, что к этому имеет отношение утечка энергии из наших силовых экранов на больших высотах.

Джек фыркнул.

— Надо бы взять его разок в экспедицию. И его дружка Квилиэна тоже.

— Я знаю, что ты бывал в царстве тьмы, — сказала она. — Фактически я думаю, что твоя связь с ним куда сильнее, чем ты говоришь.

— Это как?

— Если бы ты сейчас мог себя видеть, ты бы понял. Я долго не могла сообразить, в чем дело, но когда заметила, отчего у тебя в таких местах, как это, странный вид, все стало ясно... Твои глаза. Они более чувствительны к свету, чем у всех, кого мне приходилось видеть раньше. Стоит тебе попасть из света в полумрак, как здесь, и зрачки делаются огромными. Вокруг них остается только тоненькая полоска радужки. И еще я заметила, что темные очки, которые ты почти не снимаешь, куда темнее обычных.

— У меня глаза не в порядке. Вижу я неважно, а яркий свет их раздражает.

— Вот я и говорю.

В ответ он улыбнулся.

Джек смял сигарету и, словно это было сигналом, из ко-

лонки высоко над ними раздалась тихая расслабляющая музыка. Он отхлебнул еще глоток.

— Я полагаю, Уизертон фотографировал выкапывание трупов?

— Да.

«А если я умру здесь? — подумал он. — Что будет со мной? Лишусь ли я Глива и возвращения?»

— Что-то не так? — спросила она.

— В смысле?

— У тебя раздуваются ноздри. А брови нахмурены.

— Ты слишком внимательно на меня смотришь. Все из-за этой жуткой музыки.

— Мне нравится на тебя смотреть, — сказала она. — Давай допьем и пойдем ко мне. Я сыграю тебе что-нибудь другое. И потом, у меня есть кое-что, что я бы хотела показать тебе. И спросить тебя об этом.

— Что?

— Давай подождем.

— Ладно.

Они допили пиво, и Джек расплатился. Они ушли. Когда они вышли на свет, его опасения уменьшились.

Они поднялись на третий этаж и вошли в ее квартиру. Едва переступив порог, Клэр остановилась и тихонько откашлялась.

Джек, быстро передвинувшись влево, протиснулся мимо нее и остановился.

— Что это? — спросил он, обшаривая комнату взглядом.

— Я уверена, что, когда я уходила, этого не было. Бумаги на полу... По-моему, этого стула здесь не было. И ящик был закрыт. И дверца шкафа...

Он вернулся к ней, поискал царапины на дверном замке и не нашел. Тогда он пересек комнату. Когда он зашел в спальню, она услышала звук, который мог быть только щелканьем складного ножа.

Через минуту он вышел, исчез в соседней комнате, а оттуда пошел в ванную. Когда он снова появился, то спросил:

— Окно возле столика было открыто, как сейчас?

— Наверное, — сказала она. — Наверное, да.

Он вздохнул. Потом осмотрел подоконник и сказал:

— Может быть, бумаги сбросило порывом ветра. Что касается ящика и шкафа, держу пари, ты утром сама оставила их открытыми. И вероятно, забыла, что переставила стул.

— Я очень педантичный человек, — сказала она, закрывая входную дверь. А потом обернулась и добавила:

— Но я думаю, ты прав.

— Почему ты нервничаешь?

Она ходила по комнате, собирая бумаги.

— Откуда у тебя нож? — спросила она.

— Какой нож?

Она захлопнула шкаф, повернулась и посмотрела на него.

— Который был у тебя в руке минуту назад!

Он вытянул руки ладонями вверх.

— У меня нет ножа. Если хочешь, обыщи меня. Оружия ты не найдешь.

Она подошла к комоду и задвинула ящик. Нагнувшись, Клэр открыла нижний ящик и вынула что-то, завернутое в газету.

— Это не все, — сказала она. — Почему я нервничаю? Вот почему!

Она положила сверток на стол и развязала веревочку.

Джек подошел к ней и смотрел, как она разворачивает газеты. Внутри оказались три очень старые книги.

— Я думал, ты уже забрала их обратно!

— Я собиралась...

— Мы же договорились!

— Я хотела узнать, где и как ты их заполучил.

Он покачал головой.

— А еще мы договорились, что, если мне надо будет их вернуть, ты не станешь задавать подобные вопросы.

Она уложила книги рядом. Потом указала на корешок одной из них и на обложку другой.

— Раньше тут этого не было, я уверена, — сказала она. — Это же пятна крови, правда?

— Не знаю.

— Я пыталась сырой тряпкой стереть пятна поменьше, и то, что сошло, было очень похоже на засохшую кровь.

Он пожал плечами.

— Когда я сказала тебе, что эти книги были украдены из Хранилища Редких Книг, ты предложил вернуть их, и я сказала — о'кей.

Она продолжала:

— Я согласилась, что, если ты хочешь их вернуть, я прослежу, чтобы возврат был анонимным. Никаких вопросов. Но я и подумать не могла, что это означало кровопролитие. Одни только пятна не заставили бы меня думать, что произошло именно это. Но тогда я начала задумываться о тебе и поняла, как мало я на самом деле знаю. Тогда-то я и начала замечать вещи вроде твоих глаз, того, как тихо ты двигаешься. Я слышала, что ты в дружбе с преступниками... но тогда ты написал несколько статей по криминологии и преподавал курс этого предмета. То есть тогда, когда я задумывалась об этом, это казалось нормальным. Теперь я вижу, как ты с ножом в руке расхаживаешь по комнатам, явно готовый убить того, кто

сюда залез. Ни одна книга не стоит человеческой жизни. Наш договор потерял силу. Расскажи, как они к тебе попали.

— Нет, — сказал он.

— Я должна знать.

— Ты устроила эту сцену к нашему приходу просто, чтобы посмотреть, что я стану делать, так?

Она покраснела.

«Думаю, теперь она попытается шантажировать меня, чтобы я женился на ней, — подумал он, — если считает, что сумеет раздуть это дело в достаточно крупное».

— Хорошо, — сказал он, сунув руки в карманы и отворачиваясь к окну. — Я нашел того, кто это сделал и потолковал с ним. Произошло недоразумение — мы не поняли друг друга. Я разбил ему нос. К несчастью, кровь залила книги. Мне не удалось отмыть ее всю.

Он услышал, как она сказала: «О, потом повернулся и посмотрел ей в лицо».

— Вот и все, — сказал он.

Потом он шагнул вперед и поцеловал ее. Через минуту она расслабилась в его объятиях. Он погладил ей спину и плечи, потом положил руки на ягодицы.

«Весь набор развлечений», — решил он, поглаживая ее бока и медленно поднимаясь к пуговицам на блузке.

— Извини, — она вздохнула.

— Ничего, все нормально, — сказал он, расстегивая пуговицы. — Все в порядке.

Позже, уставившись через сетку ее волос в подушку и анализируя свою реакцию на более ранние события, он еще раз ощутил, что оно приближается. На сей раз оно было так близко, что Джеку казалось, будто за ним наблюдают. Он быстро оглядел комнату, но ничего не заметил.

Слушая шум уличного движения внизу, он решил вскоре заняться делами... вот только сигарету выкурит.

Наверху раздался акустический удар, словно рукой, распахнувший окно.

Медленно наползающие облака отчасти приглушили солнце. Джек знал, что приехал раньше времени. Он поставил машину в факультетском дворе и достал из багажника тяжелый дипломат. В машине лежали три тяжелые дорожные сумки.

Он развернулся и пошел в дальний конец двора. Джек чувствовал необходимость быть в движении, быть готовым бежать, если будет нужно. Тут он подумал про Утреннюю Звезду, наблюдающего за птицами, скалами и облаками, чувствующего молнии, дождь и ветер, и удивился: правда ли тот знает о каждом его шаге. Джек чувствовал, что так оно и есть,

и ему очень захотелось, чтобы его друг оказался рядом и мог дать совет. Узнал ли он — а может быть, давно уже знает — какой будет результат того, что Джек собрался предпринять?

Трава и листья приобрели то слабое белое свечение, которое иногда предвещает грозу. Все еще было очень тепло, но теперь легкий ветерок с севера уменьшал жару. Университетский городок был почти пустынным. Джек миновал группу студентов, которые сидели у фонтана и сравнивали только что полученные на экзамене оценки. Ему показалось, что двоих он узнал — они посещали курс «Введение в культуру антропологии», который он читал несколько семестров назад. Но они не обратили на него внимания.

Проходя мимо Дрейк-Холла, он услышал, что его окликают.
— Джон! Доктор Шейд!

Остановившись, он увидел приземистую грузную фигуру молодого инструктора по фамилии Пойндекстер, выходящего из дверей. Его тоже звали Джоном, но, так как он был у них новичком, они решили обращаться к нему по фамилии, чтобы не вносить путаницу в разговоры.

Когда тот подошел, кивая в знак приветствия, Джек заставил себя улыбнуться.

— Привет, Пойндекстер. Я думал, вы в отпуске, восстанавливаете силы.

— Мне еще надо проверить несколько лабораторных работ, черт их возьми, — сказал он, тяжело дыша. — Я подумал, надо выпить чего-нибудь горячего, и только закрыл дверь в свой кабинет, как понял, что я натворил. Ключи — на моем столе, а замок защелкивается, когда захлопываешь дверь. В здании больше никого нет, канцелярия тоже закрыта. Вот я и стоял тут, ждал, не пройдет ли вахтер. Я думал, может, у него есть ключ. Вы его не видели?

Джек покачал головой.

— Нет. Я приехал только что. Но я знаю, что у вахтеров нет доступа к ключам... Ваш кабинет в дальнем крыле, да?

— Да.

— Как насчет того, чтобы забраться через окно? Я, правда, не помню, высоко ли там.

— Слишком высоко. Лестницы нет... А потом, все равно оба окна закрыты.

— Идемте внутрь.

Пойндекстер утер красноватый лоб и кивнул.

Они вошли в здание и прошли в дальнее крыло. Джек вытащил из кармана связку ключей и вставил один из них в замок той двери, на которую указал Пойндекстер. Ключ повернулся, послышался щелчок, Джек толкнул дверь, и она открылась.

— Повезло, — сказал он.
— Откуда у вас ключ?
— Это от моего кабинета. Я же говорю — вам повезло.
Лицо Пойндекстера осветилось улыбкой.
— Спасибо, — сказал он. — Большущее спасибо. Вы спешите?

— Нет, я приехал раньше, чем нужно.
— Тогда давайте я принесу вам что-нибудь из автомата.
Мне все хочется передохнуть.

— Согласен.
Он вошел в кабинет, поставил дипломат за дверь. Шаги Пойндекстера постепенно затихли вдаль.

Джек смотрел из окна, как собирается гроза. Где-то за* звонил звонок.

Через некоторое время пойндекстер вернулся, и Джек взял дымящуюся чашку, которую он принес.

— Как ваша мама?
— Поправляется. Скоро ее отпустят.
— Передавайте ей привет.
— Конечно. Спасибо. Очень мило, что вы ее навестили.
Они потягивали питье. Потом Пойндекстер сказал:
— Слава богу, что я вас встретил. Возможно, во всем здании одинаковые замки только в наших кабинетах. Черт, я бы согласился, даже если бы мне могло отпереть это привидение.

— Привидение?
— Да вы знаете. Самая последняя штука.
Боюсь, я про это ничего не слышал.
— Как утверждают, это — нечто белое. Его заметили недавно, когда оно перепархивало с дерева на дерево и с крыши на крышу.

— А когда это началось?
— Естественно, совсем недавно. В прошлом семестре это были камни-мутанты в геологическом корпусе. До этого, по-моему, были усиливающие половое влечение средства в водопроводе. Как всегда, закрытие семестра — это конец света. По-моему, сплошь слухи и дурные предзнаменования. А в чем дело?

— Ни в чем. Хотите сигарету?
— Спасибо.
Джек услышал гром, словно гроыхала жесь, а вечный лабораторный запах вызвал неприятные воспоминания. «Поэтому-то я всегда терпеть не мог этот корпус, — понял он. — Из-за запахов».

— В следующем семестре вы с нами? — спросил Пойндекстер.
— Думаю, нет.
— А, ваш уход одобрили. Поздравляю!
— Не совсем так.

За толстыми стеклами очков промелькнуло беспокойство.
— Но вы же не насовсем уходите, нет?
— Это зависит... от нескольких обстоятельств.
— Если вы позволите мне побыть самоуверенным, я надеюсь, вы решите остаться.

— Спасибо.

— Но если вы уйдете, я думаю, мы останемся в контакте?

— Конечно.

«Оружие, — решил он. — Нужно что-то получше, чем то, что я достал. Но его я просить не могу. Хотя неплохо, что я зашел».

Он затаился и посмотрел в окно. Небо делалось все темнее, мостовая стала влажной. Он допил и выбросил стаканчик в корзину для мусора. Сминая сигарету, Джек поднялся.

— Побегу, а то мне надо отнести это в Уокер до дождя.

Пойндекстер встал и пожал ему руку.

— Ладно, всего хорошего. Может, какое-то время мы не увидимся, — сказал он.

— Спасибо... Ключи.

— Что?

— Ключи. Почему бы вам не взять их со стола и не положить в карман прямо сейчас?

Пойндекстер покраснел и последовал его совету. Потом он хихикнул.

— Да. Еще раз мне не захочется такое сделать, верно?

— Надеюсь, что нет.

Джек забрал дипломат. Пойндекстер зажег над столом светильник. В небе что-то вспыхнуло, и раздалось низкое ворчание.

— Пока.

— До свидания.

Джек вышел и заторопился к Уокер Билдинг, задержавшись только, чтобы заскочить в лабораторию и стащить бутылку серной кислоты, закупорив ее.

Глава 8

Он оторвал первые листы распечатки и разложил на столике, который занял. Машина продолжала позвякивать, заглушая дождь.

Джек вернулся к ней, оторвал следующий лист. Он поместил его рядом с остальными и смотрел на них.

Со стороны окна раздался звук, похожий на царапанье. Джек вскинул голову и раздул ноздри.

Ничего. Там ничего не было.

Он закурил и уронил спичку на пол. Он ходил по комнате. Он проверил, который час. В подсвечнике, мигая, горела свеча, воск стекал вниз. Он подошел к окну, послушал ветер.

У двери раздался щелчок, он повернулся туда лицом. В комнату вошел крупный мужчина и посмотрел на Джека. Он снял темную от дождя шапочку, положил на стул возле двери и пригладил редкие седые волосы.

— Доктор Шейд, — сказал он, кивая и расстегивая плащ.

— Доктор Квилиэн.

Мужчина повесил плащ на дверь, вынул носовой платок и начал протирать очки.

— Как дела?

— Спасибо, хорошо. А у вас?

— Отлично.

Доктор Квилиэн закрыл дверь, а Джек вернулся к машине и оторвал еще несколько страниц.

— Что вы делаете?

— Считаю кое-что для той работы, о которой говорил вам... по-моему, недели две назад.

— Понятно. Я только что узнал, что вы тут договорились, он жестом указал на машину. — Стоит кому-нибудь отказаться — и вы тут как тут, чтобы забрать его машинное время.

— Да. Я тут со всеми в контакте.

— В последнее время стало отказываться жуткое количество народа.

— По-моему, это грипп.

— Понятно.

Он затаился. Когда машина перестала печатать, он уронил сигарету и наступил на нее. Повернувшись, он забрал последние распечатки и отнес их на стол к остальным.

Доктор Квилиэн наблюдал за ним.

— Можно посмотреть, что тут у вас такое? — спросил он.

— Конечно, — ответил Джек, передавая ему бумаги.

— Не понимаю, — сказал Квилиэн через минуту.

— Я был бы очень удивлен, если бы это было не так. Это имеет очень отдаленное отношение к реальности, и для статьи мне придется это перевести.

— Джон, — сказал его собеседник, — у меня к вам стали появляться странные чувства.

Тот кивнул и, прежде чем свернуть листы, закурил еще одну сигарету.

— Если вам самому нужен компьютер, то я закончил, — сказал он.

— Я много думал о вас. Сколько вы у нас проработали?

— Лет пять.

Со стороны окна еще раз донесся какой-то звук. Оба повернули головы.

— Что это было?

— Не знаю.

Через некоторое время Квилиэн сказал, надевая очки:

— Вы тут делаете чертовски много того, что вам хочется, Джон...

— Верно. Признаю.

— Вы пришли к нам вроде бы с хорошими рекомендациями. И оказались отличным специалистом в вопросах культуры царства тьмы.

— Благодарю.

— Я это задумывал не как комплимент.

— Да, правда? — По мере того, как он изучал последнюю страницу, Джек начал улыбаться. — А как же?

— У меня странное ощущение, что вы не тот, за кого себя выдаете, Джон.

— В каком смысле?

— Когда вас брали на эту должность, вы заявили, что родились в Нью-Лейдене. В этом городе ваше появление на свет не зарегистрировано.

— Да? Как же вы это обнаружили?

— Этим недавно занимался доктор Уизертон.

— Ясно. Это все?

— Помимо того, что про вас известно, будто вы водите компанию с преступниками, существуют сомнения относительно вашей степени.

— Снова Уизертон?

— Источник не имеет значения. Заключение таково: ваша степень ничего не стоит. Мне кажется, вы не тот, кем претендуете быть.

— А почему вы решили излить свои сомнения здесь и сейчас?

— Семестр закончился. Я знаю, что вы хотите уехать. Сегодня вы в последний раз брали машинное время... согласно количеству времени, которое вы запрашивали. Я хочу знать, что вы забираете с собой и куда.

— Карл, — сказал он, — что, если я признаюсь, что немного неверно представился? Вы уже отметили, что в своей области я специалист. Мы оба знаем, что я — популярный лектор. Что бы ни выкопал Уизертон... что с того?

— У вас какие-то неприятности, Джон? Может, я могу чем-нибудь помочь?

— Нет. Ничего, все в порядке.

Квилиэн пересек комнату и уселся на низкую скамью.

— Я впервые вижу одного из вас так близко, — сказал он.

— К чему вы клоните?
— К тому, что вы — не человек, а нечто иное.
— Например?
— Вы родились в царстве тьмы. Не так ли?
— Почему вы так полагаете?
— Предполагается, что при определенных обстоятельствах вам подобных следует сажать в тюрьму.
— Я вас понимаю так, что, если я скажу «да», возникнут и определенные обстоятельства?
— Может быть, — сказал Квилиэн.
— А может быть, и нет? Что вам нужно?
— Пока что все, чего я хочу, — узнать, кто вы.
— Вы меня знаете, — сказал он, складывая листы и беря дипломат.

Квилиэн покачал головой.

— Из всего, что меня беспокоит, — сказал он, — я только что выделил нечто новое, серьезно меня тревожащее. Допустим на минуту, что вы — человек из царства тьмы, перебравшийся на дневную сторону. Есть определенные моменты, указывающие на это и заставляющие меня выяснить вопрос о вашем происхождении. Существует некто, кто, как я полагал, всего лишь персонаж мифов царства тьмы. Я раздумываю — способен ли легендарный вор осмелиться выйти на солнечный свет? А если да, то зачем? Может ли Джонатан Шейд быть смертным эквивалентом Джека-из-Тени?

— А если может, то что? — спросил он, пытаясь не смотреть в сторону окна, где теперь нечто заслоняло почти весь тусклый свет.

— Вы приготовились арестовать меня? — спросил он, медленно перемещаясь влево так, чтобы Квилиэну пришлось повернуть голову.

— Да.

Тогда он сам поглядел в окно и, когда увидел, что прижилось к стеклу, к нему вернулось прежнее отвращение.

— Поэтому я полагаю, вы вооружены?

— Да, — сказал тот, доставая из кармана и показывая маленький пистолет.

«Я могу швырнуть в него дипломат и рискнуть провести один раунд, — решил Джек. — В конце концов, пистолет не такой уж большой. И потом, если я выиграю время и подберусь поближе к свету, это может и не понадобиться».

— Странно, что вы пришли один, если задумали такое. Даже если вы имеете полномочия произвести в университете арест в интересах безопасности...

— Я не сказал, что я один.

— ...Хотя, когда я обдумал, это не так уж странно.

Он шагнул к мигавшему свету.

— Я говорю, что вы один. Вам бы хотелось проделать все это самому. Может быть, вы просто хотите убрать меня без свидетелей. Или, может быть, вы желаете, чтобы мое задержание было полностью вашей заслугой. Я полагаю, однако, дело в последнем. Вы ведь, кажется, меня терпеть не можете. Не могу точно сказать, почему.

. — Боюсь, вы переоцениваете свою способность не нравиться и мое стремление к насилию... Нет, власти поставлены в известность и направляются сюда, чтобы арестовать вас. Я намерен только обеспечить ваше присутствие здесь до их появления.

— Можно подумать, вы ждали чуть ли не до последнего момента.

Свободной рукой Квилиэн указал на дипломат.

— Я заподозрил, что, если расшифровать вашу последнюю работу, она не будет иметь ничего общего с социологией.

— Какой вы недоверчивый. Знаете, существуют законы против тех, кто арестовывает людей без доказательств.

— Да. Потому-то я и выжидал. Бьюсь об заклад, доказательства у вас в руках... и я уверен, что найдутся другие. Я заметил также, что, когда речь идет о вопросах безопасности, законы куда менее строги.

— Тут вы правы, — ответил Джек, поворачиваясь так, что свет упал ему на лицо.

— Я — Джек-из-Тени! — выкрикнул он. — Хозяин Шедоу-Гард! Я — Джекки-Тень, вор, крадущийся в тени и тишине! Мне отрубили голову в Иглесе, но я вновь восстал из Навозных Ям Глива! Я выпил кровь вампира и съел камень! Я нарушил Договор. Я тот, кто подделал имя в расчетной Книге. Я — узник драгоценного камня. Я однажды оставил в дураках хозяина Хай-Даджен и вернусь отомстить ему. Я — враг своих врагов. Ну, поймай меня, грязная тварь, еслилюбишь Повелителя Нетопырей или ни в грош не ставишь меня, потому что я называл свое имя — Джек-из-Тени!

При этом взрыве эмоций лицо Квилиэна приняло озадаченное выражение и, хотя он открыл рот, пытаясь заговорить, его слова утонули в криках Джека.

Потом окно разлетелось, свеча погасла, а в комнату прыгнул Боршин.

Обернувшись, Квилиэн увидел в дальнем конце комнаты израненную, мокрую от дождя тварь. Он издал невнятный вопль и остолбенел. Джек уронил дипломат, отыскал склянку с кислотой и откупорил ее. Он выплеснул содержимое твари на голову и, не задержавшись, чтоб увидеть результат, подхватил дипломат и проскочил мимо Квилиэна.

Джек был у двери раньше, чем тварь испустила первый крик боли. Он выскочил в холл, заперев за собой дверь и задержавшись ровно настолько, чтобы стащить с гвоздя плащ Квилизна.

Когда он услышал первый выстрел, то был уже на середине лестницы. Потом последовали другие, но к этому времени он уже пересек двор, придерживая на плечах плащ и проклиная лужи, поэтому он их не слышал. Кроме того, гремел гром. Он боялся, что скоро добавятся еще и сирены.

Он бежал, и мысли его были бурными.

Кое в чем погода помогала ему, а кое в чем мешала.

Движение на улицах сильно замедлилось, а когда он достиг открытой дороги, ее сухая длинная поверхность оказалась достаточно скользкой, чтобы помешать ему идти так быстро, как хотелось. Сумерки, вызванные грозой, заставили водителей при первой же возможности покинуть улицы, а тех, кто уже был дома, в безопасности, при свете множества свечей, заставили там задержаться. Пешеходов не было видно. Все это позволило ему с легкостью сменить свою машину на другую, не отъезжая слишком далеко.

Выбраться из города было нетрудно, другое дело — обогнать грозу. Казалось, они движутся в одном и том же направлении, по одной и той же дороге, давным-давно проложенной им по карте и заученной. Она была одновременно и короткой, и уединенной и вела назад в царство тьмы. В любом другом случае он бы приветствовал ослабление того постоянного сияния, которое сперва пекло, а потом обжигало его не желавшую этого кожу. Теперь же это заставляло его медлить, а рисковать уже было нельзя. Гроза заливала машину дождем, ветер раскачивал ее, а вспышки молний показывали ему линию горизонта, которую он оставил позади.

Полицейские фонари, установленные на шоссе, заставили его значительно сбавить скорость в поисках места, где можно было бы свернуть с шоссе. Он вздохнул и слабо ухмыльнулся, проплывая мимо трех столкнувшихся машин. Оттуда на носилках к открытой скорой помощи несли двоих, мужчину и женщину.

Он покрутил радио, но слышен был только треск разрядов. Джек закурил и приоткрыл окно. Изредка ему на щеку падала капля. Только сейчас осознав, в каком напряжении пребывал, Джек глубоко задышал, пробуя расслабиться.

Только гораздо позже гроза стала затихать, превратилась в непрерывный мелкий дождь, а небо немного прояснилось. В это время он уже ехал по открытой местности в пригороде, испытывая смешанные чувства: облегчение и предчувствие, что случится что-то скверное. Это последнее возникло с мо-

мента его отъезда. «Чего я добился?» — спросил он себя, думая о проведенных на дневной стороне годах.

Чтобы освоиться на местности, получить необходимые документы, вникнуть в преподавательскую рутину, потребовалось довольно много времени. Потом возникла проблема устройства на работу в университет, где находилось необходимое оборудование, несущее информацию. В свободное время ему пришлось научиться пользоваться им, а потом разобраться в планах, чтобы управляться с машиной, не задавая вопросов. Потом ему пришлось пересмотреть все полученные первичные данные в соответствии с его подлинными проблемами, получить информацию и привести ее в необходимую форму. Все это, в целом, заняло годы. И он много раз ошибался.

Но на этот раз... на этот раз он был так близко, что мог понюхать это, попробовать на вкус. На этот раз ему стало ясно, что ответы, которые он искал, рядом.

Теперь он удирал с дипломатом, полным бумаг, которые у него не было случая просмотреть. Возможно, он опять ошибся и возвращался без искомого оружия — возвращался в логово врага. Если дела обстояли таким образом, то он лишь отсрочил свой приговор. Но все равно, остаться он не мог — ведь он приобрел врагов и здесь. Он на миг задумался, не было ли какого-нибудь скрытого предостережения, какого-то доступного ему предчувствия, которым он пренебрег и которое больше сказало бы ему о нем самом, чем о его врагах. Если так, то оно от него ускользнуло.

Еще немного... Если бы у него было еще немного времени, он мог бы проверить данные, еще раз сформулировать и при необходимости составить программу заново. Сейчас времени уже не оставалось. Если бы это был затупившийся меч, который он нес, то нельзя было бы вернуться и наточить его. И потом, были и иные проблемы — личные, которые он хотел бы решить оптимальным образом. Например, Клэр.

Потом дождь утих, хотя тучи по-прежнему были сплошными и выглядели угрожающе. Тогда он рискнул прибавить скорость и еще раз попробовал включить приемник. Все еще был слышен треск разрядов, но музыку стало слышно лучше, и он оставил радио включенным.

Он съезжал с крутого холма, когда начался выпуск новостей, и только Джек подумал, что услышал свое имя, как звук настолько ослаб, что нельзя было быть ни в чем уверенным.

Сейчас он был на дороге один. Он начал периодически оглядываться через плечо и всматриваться во все ответвления дороги, мимо которых проезжал. То, что у смертных все еще была прекрасная возможность поймать его раньше, чем он

обретет силу, приводила его в ярость. Заезжая на более высокий холм, он увидел вдалеке слева завесу дождя и несколько слабых вспышек молнии, но так далеко, что гром был не слышен. Продолжая рассматривать небо, он заметил, что движения на дороге все еще не было, и поблагодарил за это Короля Бурь. Закурив еще одну сигарету, он отыскивал станцию, которую было слышно лучше, и стал ждать выпуска новостей. Когда он начался, о Джеке не было сказано ни слова.

Джек подумал о том далеком дне, когда он стоял у водоема с дождевой водой и обсуждал со своим отражением, что должен сделать. Теперь он пытался представить себе то свое «я», теперь уже мертвое, — усталое, истощенное, замерзшее, голодное, с израненными ногами и дурно пахнущее. Теперь все это сгладилось, стерлось, не считая легкого чувства голода, которое возникло только что и вряд ли стоило того, чтобы равнять его с тем, прежним, больше всего напоминавшим голодную смерть. Но все же было ли полностью мертво его прежнее «я»? Как изменилось его положение? Тогда он выбирался с Западного полюса Мира, борясь за свою жизнь, стараясь убежать от преследователей и добраться до Сумеречных Земель. Сейчас он бежал в Сумеречные Земли с сияющего Восточного полюса. Питаемая ненавистью и отчасти любовью, в его сердце горела жажда мести, поддерживая и согревая его. Да и сейчас она не исчезла. Он узнал науки и искусства дневной стороны планеты, но это никоим образом не меняло того, кто тогда стоял у водоема. Он все еще стоял там — внутри Джека, — и его мысли были прежними.

— Утренняя Звезда, — сказал он, открывая окошко и адресуясь к нему, — раз ты все слышишь, услышь и это: со времени нашей последней беседы я не изменился.

Он рассмеялся.

— Хорошо это или плохо? — спросил он. Эта мысль пришла ему в голову только что. Он закрыл окно и обдумал этот вопрос. Хотя Джек и не любил самоанализ, тем не менее он был любознателен.

Во время работы в университете он замечал, как меняются люди. Лучше всего это было заметно по студентам, и происходило так быстро — за короткий промежуток времени между поступлением и выпуском. Но и его коллеги тоже менялись — в мелочах, например, в чувствах, оценках. Только он один не изменился. Он подумал: что же, это — нечто, присущее ему? Не в том ли одно из основных различий между людьми тьмы и смертными? Они меняются, а мы — нет. Важно ли это? Вероятно, хотя мне непонятно, почему. Нам нет необходимости меняться, а им, похоже, есть. Отчего? Про-

должительность жизни? Разное отношение к ней? Возможно, и то, и другое. Но все-таки чем важны эти перемены?

Послушав еще один выпуск новостей, он свернул на дорогу, казавшуюся заброшенной. На этот раз объявили, что он разыскивается, чтобы дать показания в связи с убийством.

Он развел небольшой костер и сжег все документы, какие у него были. Пока они горели, он открыл сумку и переложил в бумажник новые документы, которые заготовил несколько семестров назад. Джек пошевелил пепел и развеял его.

Перейдя через поле, он разорвал плащ Квилиэна в нескольких местах и затолкал в канаву, по которой текла грязная вода. Возвращаясь к машине, он решил побыстрее сменить ее.

Потом, торопливо двигаясь по шоссе, он обдумал ситуацию — так, как понимал ее в данный момент. Боршин убил Квилиэна и удрал — несомненно, так же, как и пришел, через окно. Властям было известно, почему Квилиэн там оказался, а Пойндекстер подтвердит, что он был в университете и скажет, где именно. Клэр и многие другие засвидетельствуют, что они с Квилиэном не жаловали друг друга. Вывод ясен. Хотя при необходимости Джек мог бы убить Квилиэна, он возмутился при мысли, что пострадает за то, чего не совершал. Ситуация напомнила ему происшествие в Иглесе, и он, почти не сознавая, что делает, потер шею. Несправедливость причиняла боль.

Он удивился: думал ли Боршин, неистовствуя от боли, что убивает Джека, или же просто хотел защититься, зная, что он сбежал. Как сильно он был ранен? Джек ничего не знал о способности этой твари к самовосстановлению. Может быть, она и сейчас искала его след, по которому так долго шла? Послал ли его Повелитель Нетопырей или Боршина вело собственное чувство ненависти к Джеку? Вздвогнув, он прибавил скорость.

Стоит мне вернуться, это станет безразлично, сказал он себе.

Но он задумался.

На окраине следующего города, через который он проезжал, Джек взял другую машину. На ней он поспешил в Сумеречные Земли, туда, где распевала яркая птица.

Он долго сидел на вершине холма, скрестив ноги, и читал. Его одежда была пыльной, под мышками — пятна пота, под ногтями — грязь. Глаза закрывались сами собой. Он все время вздыхал и делал пометки в своих бумагах. На западе над горами слабо светили звезды.

Свою последнюю машину он бросил за много миль от этого холма, на западе, и пришел сюда пешком. Машина, прежде,

чем остановиться окончательно, сперва начала работать с перебоями. Тогда он понял, что миновал то место, где Силы-соперники поддерживали перемирие, и ступил в темноту, прихватив только дипломат. Джек всегда любил забраться повыше. За время своего путешествия он спал только один раз, и так как сон его был крепким, глубоким, без видений, то Джек, не переставая жалеть свое тело, поклялся не повторять этого, пока не окажется вне досягаемости людских законов. Теперь, достигнув своей цели, нужно было сделать еще только одно, а потом уже позволить себе отдохнуть.

Хмуря брови, он переворачивал страницы, отыскал то, что хотел, сделал пометку на полях и вернулся к тому месту, где были пометки в оригинале.

Похоже, все было верно. Вроде бы это подходило...

Над вершиной холма пронесся холодный ветер. Он принес запахи дикой природы, почти позабытые Джеком в городе. Не было больше городских шумов и запахов, рядов лиц в аудиториях, скучных собраний, монотонного шума машин; не было ярких до непристойности красок — все это казалось тающим сном, а над ним неистовым светом сиял Эвридей. Эти бумаги были его единственным достоянием. Обратный перевод, сделанный им с распечатки, так и бросался в глаза, ускоряясь в мозгу, словно внезапно понятые стихи.

Да!

Взгляд Джека пошарил по небу и нашел белую немигающую звезду, которая пересекала небосклон.

Он поднялся, забыв про усталость. Правая нога Джека оставила в грязи короткую цепочку следов. Он указал пальцем на спутник и произнес слова, которые записал в своих бумагах.

Какое-то время ничего не происходило.

Потом спутник остановился.

Джек продолжал указывать на него, но молча. Тот сделался ярче и начал расти.

Потом он вспыхнул подобно звезде — и исчез.

— Новое знамение, — сказал Джек и улыбнулся.

Глава 9

Когда проклятая тварь вернулась в Хай-Даджен, она заметалась по комнатам в поисках своего господина. Наконец, отыскав его, когда он отмерял серу в бассейн, заполненный ртутью, в центре восьмиугольной комнаты, Боршин обратил на себя внимание хозяина. Ему протянули палец, и

он перевесился через него. Потом (конечно, по-своему) он сообщил новости.

После этого его хозяин отвернулся, проделал любопытные действия со свечой, сыром и перышком и покинул комнату.

Он перебрался в высокую башню и долго смотрел оттуда на восток. Потом он быстро повернулся и посмотрел на единственный оставшийся неприступным подступ к его крепости — на северо-восток.

Да, и там тоже! Но это невозможно.

Если только это, конечно, не иллюзия...

Он поднялся по лестнице, которая шла вдоль стены против движения солнца, открыл люк и выбрался наружу. Подняв голову, он разглядывал огромный черный шар, окруженный яркими звездами. Он втягивал носом ветер. Глянув вниз, он изучал свой массивный замок — Хай-Даджен, вознесенный его Силой вскоре после того, как он сам был создан на этой горной вершине. Когда он узнал, в чем разница между «быть созданным» и «родиться», когда он обнаружил, что его Сила была сосредоточена именно здесь, он вытянул ее через корни горы и обрушил вниз ураганом с небес так, что тот сиял, подобно вспыхнувшей спичке, и сам занялся творением. Если его Сила жила здесь, значит, это место должно быть его домом и крепостью. Так оно и было. Те, кто причинял ему зло, умирали, получив свой урок, или же носились в Восточной Тьме на кожистых крыльях, пока не заслуживали его благоволения. С последними он обращался сравнительно неплохо, так, что снова превратившись в людей, многие предпочли остаться у него на службе. Прочие Силы, в своих сферах, возможно, равные его Силе, мало тревожили его с тех пор, как были установлены приемлемые границы.

Но чтобы кто-то сейчас двинулся на Хай-Даджен... Невозможно подумать! На это мог решиться только дурак или безумец.

И все-таки сейчас там, где была равнина, встали горы... горы или их видимость. Он отвел взгляд от своего дома и поглядел на силуэты вдаль. Его беспокоило, что он не может ощутить в себе тот подъем сил, который был бы нужен, чтобы создать хотя бы видимость гор в своих владениях.

Услышав шаги на лестнице, он обернулся. Из проема появилась Ивен, перешагнула порог и подошла к нему. На ней было свободное черное платье с короткой юбкой, перетянутое в талии поясом и схваченное на левом плече серебряной брошью. Когда он одной рукой обнял ее и притянул к себе, она задрожала, почувствовав поднимающиеся в нем токи Силы; она знала, что он предпочел бы не разговаривать.

Он указал на горы, которые рассматривал, а потом на другие, на востоке.

— Да, я знаю, — сказала она. — Посланец мне рассказал. Вот почему я поспешила сюда. Я принесла твою волшебную палочку.

Она приподняла черный шелковистый футляр, висевший у нее на поясе.

Он улыбнулся и тихонько качнул головой слева направо.

Левой рукой он поднял и снял цепь с драгоценным камнем, висевшую у него на шее. Высоко держа ее, он раскачивал перед ними яркий камень.

Она почувствовала водоворот Силы. Мгновение казалось, что она вот-вот начнет падать вперед, внутрь камня. Он рое, заполняя все ее поле зрения.

И вот она смотрит уже не на драгоценный камень, а на неожиданно возникшую гору на северо-западе. Она долго смотрела на нее — высокую, величественную, серо-черную.

— Как настоящая, — сказала она. — Она кажется такой вещественной...

Молчание.

Потом, когда звезда за звездой, небесные огни стали исчезать за вершинами и склонами, Ивен воскликнул:

— Она... она растет! — а потом:

— Нет... Она движется и движется к нам, — сказала она.

Гора исчезла, и Ивен, как и раньше, смотрела на камень. Потом он обернулся, повернув и ее, и они посмотрели на восток.

Снова кружение, падение, рост.

Теперь перед ними лежала одна из восточных гор — словно нос огромного странного корабля. Ее контуры были очерчены холодными огнями. Она тоже бороздила небо, продвигаясь вперед. Пока они смотрели, из-за горы поднялись высокие языки пламени и запылали перед ней.

— Тут что-то на... — начала Ивен.

Но рубин разлетелся вдребезги, а цепочка, внезапно ставшая красной от жары, выпала из руки ее-господина. Дымясь, она лежала у ног Ивен. При этом Повелитель Нетопырей внезапно толкнул ее, и она отстранилась.

— Что случилось?

Он не ответил, только протянул руку.

— Что?

Он указал на волшебную палочку.

Она подала ее. Он, подняв палочку, молча созывал своих слуг. Так он стоял долго, потом появился первый из них. Вскоре его слуги, нетопыри, роились вокруг него.

Кончиком волшебной палочки он тронул одного из них, и к его ногам упал человек.

— Господин! — воскликнул он, склонив голову. — Какова твоя воля?

Тот указал на Ивен. Человек поднял глаза и повернул к ней голову.

— Доложись лейтенанту Квазеру, — сказала она. — Он вооружит тебя и скажет, что делать.

Она посмотрела на своего повелителя. Он кивнул.

Потом он начал касаться палочкой прочих, и они становились теми, кем и были прежде.

Над башней образовался зонт из летучих мышей, а колонна более крупных существ, казавшаяся бесконечной, двигалась мимо Ивен вниз по лестнице в центральную часть замка.

Когда все прошло, Ивен повернулась лицом на восток.

— Прошло столько времени, — сказала она. — Посмотри, как она приблизилась.

Она почувствовала на плече руку и, обернувшись, подняла лицо. Он поцеловал ее глаза и губы, а потом оттолкнул ее от себя.

— Что ты хочешь делать?

Он указал на люк.

— Нет, — сказала она. — Я не уйду. Я останусь и буду помогать тебе.

Он продолжал указывать на выход.

— Ты знаешь, что там такое?

— Иди, — произнес он (или, может быть, она только подумала, что произнес). Стоя в своей комнате в северо-западном крыле замка, она вспоминала об этом, не уверенная в том, что же произошло с того момента, как слово заполнило ее разум и тело. Она подошла к окну, но за ним были только звезды.

Потом вдруг, каким-то образом, она поняла.

И заплакала по тому миру, который они теряли.

Они были настоящими, теперь он это знал. Потому что, приблизившись, они разбивались, а он всем телом ощущал вибрацию от их движения. Пока звезды говорили ему, что не за горами худшие — долгие — времена, он не требовал их совета по этому поводу. Он продолжал стягивать к себе Силу, которая воздвигла Хай-Даджен, и теперь он должен был защищать ее. Он начал чувствовать себя так, как бывало в те давние времена.

На востоке, на вершине новой горы, стала возникать змея. Она была огненной, и он не мог понять, каких же она размеров. В те времена, когда его еще не было, по слухам, существовали подобные Силы. Но те, кто владел ими, в конце

концов, окончательно расстались с жизнью, и Ключ был потерян. Он и сам искал его — как и почти все, кто имел власть. Теперь же было похоже, что там, где он потерпел неудачу, кому-то повезло... или же древняя Сила вновь зашевелилась.

Он смотрел, как змея появилась полностью. Очень хорошая работа, решил он. Он смотрел, как змея понялась в воздух и поплыла к нему.

• Ну, начинается, сказал он себе.

Он поднял палочку и начал битву.

Прежде, чем змея, дымясь и вывалив кишки, упала, прошло немало времени. Он слизнул пот, выступивший на верхней губе. Змея была сильной. Гора приближалась. Пока он сражался с насланной на него тварью, она не сбавила скорости.

Теперь, решил он, мне надо быть таким, каким я был вначале.

Смейдж расхаживал туда-сюда на своем посту в холле у центрального входа в Хай-Даджен. Он ходил так медленно, как только мог, чтобы не выдать пятидесяти с лишним воинам, ожидавшим его распоряжений, что ему не по себе. Вокруг него пыль оседала и снова поднималась. Каждый раз, как где-то внутри замка на пол со своего места на стене с грохотом срывалось оружие, среди его подчиненных начиналось движение. Он выглянул в окно и быстро отвел глаза. Снаружи все загоразивала гора, которая теперь была совсем рядом. Что-то постоянно громыало, тьму разрывали неестественные крики. Перед глазами Смейджа, подобно молниям, проносились и исчезали видения — обезглавленные рыцари, многокрылые птицы, звери с человеческими головами и еще нечто, не оставшееся в памяти. Но ни одно из них не задержалось, чтобы напасть на него. Скоро. Теперь это скоро кончится. Он знал это, потому что гора должна была приблизиться к башне, где находился его повелитель.

Когда раздался треск и хруст, его сбило с ног, и он испугался, что холл обрушится на него. В стенах появились трещины, а все центральные укрепления замка, казалось, откатились на шаг назад. Донесся звук падающих камней и ломающихся балок. Потом, через несколько ударов сердца, он услышал высоко над головой крик. Где-то во дворе слева от него раздался заключительный треск. Потом воцарились пыль и тишина.

Он поднялся и объявил своему воинству сбор.

Протирая от пыли глаза, он осмотрелся.

Все они лежали на полу, и ни один не шевелился.

— Встать! — заорал он и потер плечо.

Постояв неподвижно еще минуту, он подошел к тому, кто

лежал ближе всех, и осмотрел его. Повреждений вроде бы не было. Смейдж слегка похлопал его, но тот не реагировал. Он принялся за следующего, потом потряс еще двоих. То же самое. Они едва дышали.

Обнажив меч, он двинулся в сторону двора. Кашляя, Смейдж вышел на двор.

Половина небесной тверди была затенена горой, которая уже не двигалась. Двор был завален руинами башни. Выступавшая вперед часть горы сломалась. Теперешняя неподвижность казалась более жуткой, чем прежний грохот и шум. Все видения исчезли. Ничто не шевелилось.

Он пошел вперед. И увидел ожоги, словно тут порезвилась молния.

Когда Смейдж увидел простертую на камнях фигуру, то остановился. Потом он рванулся вперед. Лезвием меча он перевернул тело.

Выронив меч, он упал на колени, судорожно прижимая к груди искалеченную руку. У него вырвался один-единственный всхлип. Он услышал, что за спиной внезапно затрещали языки пламени. Его обдало жаром. Он не двинулся.

Он услышал смехок.

Тогда он поднял глаза и огляделся. Никого не было видно. Опять раздался смехок — где-то справа от него.

Здесь!

Среди пляшущих по накренившейся стене теней.

— Привет, Смейдж. Помнишь меня?

Тот покосился туда и начал тереть глаза.

— Но я... Я не могу увидеть тебя...

— Зато я отлично тебя вижу... как ты тут сжимаешь этот кусок мяса.

Смейдж осторожно выпустил руку и поднял с вымощенного плитам двора меч. Он поднялся.

— Кто ты?

— Иди сюда, выясни это.

— Это все твоя работа? — он сделал жест свободной рукой.

— Да.

— Тогда я подойду.

Он приблизился к силуэту и взмахнул мечом. Меч рассек только воздух, а Смейдж потерял равновесие. Восстановив его, он прицелился и снова нанес удар. Снова безрезультатно.

После седьмой попытки он заплакал.

— Теперь я знаю, кто ты! Выходи из теней, посмотрим, что ты за птица!

— Ладно.

Движение — и тот появился перед ним. На миг он показался высоченным, пугающим, величественным.

Рука Смейджа замерла на эфесе меча. Эфес загорелся. Он выпустил его, и когда меч упал между ними, его противник улыбнулся.

Смейдж поднял руки, и их парализовало. Он увидел лицо того, другого, сквозь свои пальцы, как сквозь кривые сучья.

— Как ты и предлагал, — услышал он. — Похоже, дела мои неплохи. Лучше, чем твои. Приятно было снова увидеться, — добавил он.

Смейджу захотелось плюнуть, но слюны не было, да и руки мешали.

— Убийца! Зверь! — прохрипел он.

— Вор, — любезно подсказал тот. — К тому же я колдун и завоеватель.

— Если бы я только мог двигаться...

— Сможешь. Подбери меч и постриги своему околевшему хозяину ногти на ногах...

— Я не...

— Отруби ему голову! Сделай это одним ударом — быстро и чисто! Как палач топором...

— Никогда! Он был мне хорошим господином. Он был добр ко мне и к моим товарищам. Я не оскверню его тело.

— Он не был хорошим господином. Он был жестоким садистом.

— Только со своими врагами... А они этого заслуживали.

— Ну, теперь ты видишь нового господина в его владениях. Доказать ему свою лояльность ты можешь только одним — принеси голову своего прежнего хозяина.

— Я этого не сделаю.

— Я сказал: сделать это по своей воле — единственный способ сохранить жизнь.

— Нет.

— Сказано — сделано. Теперь слишком поздно спастись. И все равно ты выполнишь мой приказ.

После этого в тело Смейджа словно вселился чужой дух, и он обнаружил, что нагибается за мечом. Меч жег ему руки, но он поднял его, взял и обернулся.

Изрыгая проклятия, всхлипывая, он подошел к телу, встал над ним и рывком опустил поющее лезвие вниз. Голова откатилась на несколько футов, и камни потемнели от крови.

— Теперь принеси ее мне.

Он поднял голову за волосы и, держа на вытянутой руке, вернулся туда, где стоял Джек. Тот принял ее и небрежно отбросил в сторону.

— Благодарю, — сказал он. — Сходство вовсе неплохое. — Он поднял ее, оглядел и снова начал раскачивать. —

Нет, правда. Интересно, что стало с моей прежней головой? Ладно, неважно. Ей я найду достойное применение.

— Теперь убей меня, — сказал Смейдж.

— Извини, но с этой неприятной задачей придется повременить. А сейчас ты можешь составить компанию останкам своего прежнего господина, присоединившись к прочим спящим... кроме двоих.

Он сделал движение рукой, и Смейдж, захрапев, повалился на землю. Пока он падал, пламя исчезло.

Дверь отворилась, но Ивен не повернулась к ней.

После долгого молчания она услышала его голос и вздрогнула.

— Ты должна была знать, — сказал он, — что рано или поздно я приду за тобой.

Она не отвечала.

— Ты должна вспомнить, что я обещал, — сказал он.

Тогда она обернулась, и Джек увидел, что она плачет.

— Так ты явился украсть меня? — спросила она.

— Нет, — сказал он. — Я пришел, чтобы сделать тебя хозяйкой Шедоу-Гард, моей леди.

— Украсть меня, — повторила она. — Только так ты теперь можешь завладеть мной, а ведь это твой любимый способ получать желаемое. Только любовь ведь не украдешь, Джек.

— Обойдусь без нее, — сказал он.

— Что теперь? В Шедоу-Гард?

— Зачем? Шедоу-Гард здесь. Это и есть Шедоу-Гард, и я не собираюсь покидать его.

— Я знала это, — очень тихо произнесла она. — ...И ты собираешься править тут, в замке моего господина. Что ты сделал с ним? — прошептала она.

— Что он сделал со мной? Что я обещал ему? — сказал он.

— ...А с остальными?

— Они все спят — кроме тех, кто может немного развлечь тебя. Идем-ка к окну.

Она неловко подошла. Он откинул штору и указал вниз. Наклонив голову, она проследила за его жестом.

Внизу, по равнине, которой, насколько ей было известно, раньше не было, шел Квазер. Серый двупольный гигант шел сложным шагом Хеллданса. Несколько раз он падал, вставал и шел дальше.

— Что он делает? — спросила Ивен.

— Повторяет тот подвиг, который принес ему Пламень Ада. Он будет повторять момент своего триумфа до тех пор, пока у него не лопнет сердце или один из крупных сосудов и он не умрет.

— Какой ужас! Останови его!

— Нет. Это не ужаснее того, что он сделал со мной. Ты обвинила меня в том, что я не держу слова. Что ж, я обещал отомстить ему — и ты можешь посмотреть, что я не замедлил исполнить свое обещание.

— Какой Силой ты владеешь? — спросила она. — Ты не был способен на такое, когда... когда мы были неплохо знакомы.

— Я владею Потерянным Ключом, — сказал он. — Кольвинией.

— Как ты заполучил его?

— Неважно. Важно то, что я могу заставить горы ходить, а землю — развернуться, я могу обрушить на нее молнии и призвать себе на помощь духов. Я могу уничтожить любого властителя там, откуда он черпает свою Силу. Я стал самым могущественным существом в царстве тьмы.

— Да, — сказала она. — Ты сам назвал себя: существо. Ты им и стал.

Он обернулся, чтобы увидеть, как Квазер снова упал, а потом позволил шторе опуститься.

Она отвернулась.

— Если ты смилостивишься над всеми, кто здесь остался, — сказала она, наконец, — я сделаю все, что ты скажешь.

Он протянул свободную руку, словно собираясь коснуться ее. Вверху за окном раздался визг, и он замер. Улыбаясь, Джек опустил руку. Слишком хорошо, решил он.

— Я узнал, что жалость — такая штука, которой всегда не хватает, каждый раз, как она больше всего нужна, — сказал он. — А когда человек в таком положении, что может жалеть сам, те, кто раньше отказал ему в жалости, рыдая, умоляют о ней.

— Я уверена, — сказала она, — что здесь никто не просил пощады.

Она снова повернулась к нему и вгляделась в его лицо.

— Нет, — сказала она. — Никакой жалости. Когда-то в тебе были зачатки приятного обхождения. Теперь это ушло.

— Как ты думаешь, что я собираюсь делать с Потерянным Ключом, когда отплачу своим врагам?

— Не знаю.

— Я намерен объединить царство тьмы в единое владение...

— ...И конечно, править в нем?

— Конечно, поскольку никто другой этого не сможет. Я установлю эру мира и законности.

— Твоей законности. Твоего мира.

— Ты все еще не понимаешь. Я долго размышлял над этим

и, хотя я действительно сперва разыскивал Ключ, чтобы отомстить, я передумал. Я использую Ключ, чтобы положить конец вечным стычкам между лордами и обеспечить благоденствие государства, которое возникнет.

— Тогда начни отсюда. Обеспечь хоть какое-нибудь процветание в Хай-Даджен... или в Шедоу-Гард, если тебе нравится так его называть.

— Верно и то, что я уже по большей части отплатил за то, как со мной обошлись, — задумчиво сказал он, — но все же...

— Начни с милосердия — и в один прекрасный день твое имя будет в почете, — сказала она. — Забудь о нем — и можешь быть уверен, тебя проклянут.

— Может быть... — начал он, отступив на шаг.

При этом Ивен смерила его взглядом с головы до ног.

— Что ты сжимаешь под плащом? Ты, верно, принес это, чтобы показать мне?

— Так, ничего, — сказал он. — Я передумал, да и дела у меня еще есть. Я вернусь к тебе позже.

Но она быстро шагнула вперед и, когда Джек повернулся, вцепилась ему в плащ.

Потом раздался вопль, и Джек выронил голову, чтобы успеть схватить Ивен за запястья. В правой руке у нее был кинжал.

— Мерзавец! — крикнула она, укусив его за щеку.

Он собрал волю, пробормотал одно-единственное слово, и кинжал превратился в темный цветок. Он поднес этот цветок к лицу Ивен. Она плевалась, ругалась и пинала его, но через несколько минут стала слабеть, а глаза начали закрываться. Когда она почти спала, Джек отнес ее на постель. Ивен продолжала сопротивляться, но ослабла окончательно.

— Говорят, эта Сила может уничтожить все хорошее, что есть в человеке, — выдохнула она. — Но тебе нечего бояться. Даже не будь этой Силы, ты был бы тем, что ты есть: злом.

— Пусть будет так, — сказал он. — Но все, о чем я тебе рассказал, произойдет, и ты будешь тому свидетельницей. Со мной вместе.

— Нет. Я покончу с собой задолго до этого.

— Я подчиню себе твою душу, и ты полюбишь меня.

— Тебе никогда не получить ни моей души, ни тела.

— Сейчас ты уснешь, — сказал он, — а когда проснешься, мы уже будем мужем и женой. Бороться ты будешь недолго и сдашься мне... сперва твое тело, а потом душа. Ты будешь лежать смиренно, а потом я приду к тебе, еще и еще. После этого ты придешь ко мне. Спи, пока я не принесу Смейджа в жертву на алтаре его хозяина и не очищу это место от всего, что мне неприятно. Спи крепко. Тебя ждет новая жизнь.

И он вышел, и все стало так, как он сказал.

Глава 10

После того, как Джек решил все проблемы, связанные с границами, то есть завоевал владения Дреkkхейма, присоединив их к своим и отправил барона в Навозные Ямы, он обратил свое внимание на крепость Холдинг — дом Неумирающего Полковника. Крепость оправдывала свое название недолго, и Джек вошел в нее.

Они с Полковником сидели в библиотеке, потягивая легкое вино, и долго предавались воспоминаниям.

Наконец, Джек коснулся деликатного вопроса союза Ивен с тем, кто заполучил Пламень Ада.

Полковник, на чьих впалых щеках виднелись подобно лунным серпам шрамы и чьи волосы поднимались вверх от переносицы подобно рыжему смерчу, покачал головой над кубком. Он опустил блеклые глаза.

— Ах, ты это понял так, — тихо сказал он.

— Так это понял не я, — сказал Джек. — Я воспринял это, как задачу, которую вы поставили передо мной — передо мной, а не перед любым желающим.

— Ты должен признать, что потерпел неудачу. Поэтому, когда объявился другой поклонник и принес назначенную цену, я...

— Вы могли бы дождаться моего возвращения. Я украл бы камень и принес вам.

— Возвращение занимает много времени. Мне не хотелось, чтобы моя дочь осталась старой девой.

Джек покачал головой.

— Признаюсь, я весьма доволен тем, как повернулось дело, — продолжал Полковник. — Теперь ты — могущественный лорд, и моя дочь принадлежит тебе. Я думаю, она счастлива. Я владею Пламенем Ада, и это меня радует. Мы все получили то, чего желали...

— Нет, — сказал Джек. — Я могу предположить, что вы никогда не желали видеть меня своим зятем и сговорились с бывшим хозяином Хай-Даджен, как это все лучше устроить.

— Я...

Джек поднял руку.

— Я сказал только, что могу предполагать это. Конечно, я так не считаю. Я точно не знаю; что вы там решили... или не решили... кроме вопроса об Ивен и Пламени Ада... И знать не хочу. Я знаю только, что произошло. Учитывая это, а также то, что вы теперь мой родственник, я позволю вам самому покончить с собой, не отдавая свою жизнь в чужие руки.

Полковник вздохнул и улыбнулся, еще раз подняв глаза.
— Спасибо, — сказал он. — Очень мило с твоей стороны. Я беспокоился, что ты мне в этом откажешь.

Они попивали вино.

— Придется мне сменить имя, сказал Полковник.

— Еще рано, — сказал Джек.

— Верно. У тебя есть какие-нибудь предложения?

— Нет. Хотя, пока вас не было, я думал над этим.

— Благодарю, — сказал Полковник. — Знаешь, раньше мне не приходилось проделывать ничего подобного... Тебе не трудно будет предложить мне что-нибудь особенное?

Джек немного помолчал.

— Яд, — хорошая штука, — сказал он. — Но эффект для каждого индивидуума настолько различается, что иногда это может оказаться болезненным. По-моему, вы добьетесь своего наилучшим образом, если усядетесь в горячую ванну и вскроете под водой вены. Это почти не больно. Как будто вы заснули.

— Тогда, пожалуй, я так и сделаю.

— В таком случае, — сказал Джек, — позвольте мне дать вам кое-какие инструкции.

Он наклонился вперед, взял Полковника за запястье и повернул внутренней стороной вверх. И вытащил кинжал.

— Ну, — начал он почти забытым преподавательским тоном, — не повторите ошибки, которую совершают практически все, кто в этом деле не профессионал.

Используя лезвие, как указку, он продолжал:

— Не режьте поперек, вот так. Свертывание крови, которое последует, может оказаться достаточным для повторного пробуждения. Тогда придется повторить процесс. Так может произойти несколько раз. Несомненно, в результате вы будете до некоторой степени травмированы — как если бы вам сделали недостаточную анестезию. Надо резать вдоль, по синим линиям, вот так, — сказал Джек, демонстрируя. — Если сосуды окажутся слишком скользкими, вам следует приподнять их кончиком своего орудия и быстро повернуть лезвие. Не надо просто тянуть вверх. Это неприятно. Помните об этом. Этот поворот — важный момент, если вам не удалось добиться своего при продольном разрезе. Вопросы есть?

— Мне кажется, нет.

— Тогда повторите.

— Дай мне кинжал.

— Держите.

Джек слушал, кивая, делая только мелкие замечания.

— Очень хорошо. По-моему, вы поняли, — сказал он, принимая кинжал обратно и снова пряча его в ножны.

- Хочешь еще вина?
- Да. У вас отличные погреба.
- Спасибо.

Высоко над миром тьмы, под темной сферой, сидя на спине ленивого дракона, которому он скормил Бенони и Блайта, Джек смеялся на ветру, и сильфиды смеялись вместе с ним, потому что теперь он был их господином.

Время шло, а Джек продолжал решать споры о границах заново, в свою пользу. А споров становилось все меньше и меньше. Он принялся, сперва лениво, а потом с возрастающим пылом применять полученные на дневной стороне знания для составления толстого тома под названием «Оценка культуры царства тьмы». Поскольку теперь его власть простиралась почти на все царство ночи, он принялся собирать ко двору тех, чьи знания или особое искусство могли дать для его работы историческую, техническую или художественную информацию. Он больше чем наполовину решил после завершения опубликовать свой труд на дневной стороне. Теперь, когда он установил контрабандные пути и заполучил агентов в главных городах на дневной стороне, он знал, что это выполнимо.

Он сидел в Хай-Даджен, ныне Шедоу-Гард, в просторном замке с высокими, освещенными факелами залами, подземными лабиринтами и множеством башен. Здесь было полным-полно прекрасных вещей, вещей бесценных. В коридорах плясали тени, а грани бесчисленных драгоценных камней сверкали ярче, чем солнце над другой половиной мира. Он сидел в библиотеке Шедоу-Гард, держа череп его прежнего хозяина на столе вместо пепельницы, и работал над своим исследованием.

Он закурил (одна из причин, по которым он установил тайную торговлю с дневной стороной), поскольку находил этот обычай как приятным, так и трудным для отвыкания. Он глядел, как дым смешивается с дымом свечи и поднимается к потолку, когда Стэб — летучая мышь, превращенная обратно в человека, теперь его личный слуга — вошел и остановился на предписанном расстоянии.

— Господин, — сказал он.

— Да?

— Тут у ворот старуха, она хочет говорить с вами.

— Я не посылаю ни за какими старухами. Скажи ей, чтобы убиралась.

— Она говорит, вы ее приглашали.

Джек поглядел на низенького черного человечка. Длинные руки и ноги, пучки белых волос, похожие на антенны над слишком длинным лицом, делали его похожим на насе-

комое. Он уважал его, потому что когда-то тот был удачливым вором, пытавшимся ограбить прежнего хозяина этого замка.

— Приглашал? Ничего такого я не припоминаю. Что ты о ней думаешь?

— Похоже, она с запада, сэр.

— Странно...

— ...и она требует, чтобы я сказал вам, что это Роза.

— Розали! — сказал Джек, убирая ноги со стола и выпрямляясь. — Приведи ее ко мне, Стэб!

— Да, сэр, — ответил Стэб, отшатываясь, как всегда, когда его господин неожиданно выказывал эмоции.

Джек стряхнул пепел в череп и посмотрел на него.

— Интересно, твой дух тут еще бродит? — пробормотал он. — У меня такое чувство, что это возможно.

Он нацарапал записку, припомнив, что надо приговорить к смерти несколько групп людей с жестокими головными болями и отправить их патрулировать Навозные Ямы.

Джек вытряхнул пепел из черепа и расправлял на столе бумаги, когда Стэб ввел ее в комнату. Поднимаясь, он посмотрел на Стэба, который быстро вошел.

— Розали! — сказал Джек, идя ей навстречу. — Как хорошо...

Она не ответила на его улыбку, но когда он предложил ей кресло, уселась, кивнув.

О, боги! Она и впрямь похожа на сломанную метлу, снова решил он, вспоминая. И все же... Это Розали.

— Так ты все-таки пришла в Шедоу-Гард, — сказал он. — За то, что ты тогда дала мне хлеба, тебя всегда будут хорошо кормить. За то, что ты дала мне добрый совет, ты всегда будешь в чести. У тебя будут слуги, которые станут купать и одевать тебя и прислуживать тебе. Если ты желаешь овладеть Искусством, я приобщу тебя к высшей магии. Чего бы ни пожелала, тебе нужно только попросить. Мы устроим в твою честь праздник... как только подготовим его! Добро пожаловать в Шедоу-Гард!

— Я ведь пришла не насовсем, Джек, только поглядеть на тебя еще разок.. на тебе новые серые одежды и отличный черный плащ! А сапоги какие блестящие!... Ты в таких никогда не ходил...

Он улыбнулся.

— Я не хожу так много, как когда-то.

— ...и не крался тайком. Теперь в этом нет нужды, — сказала она. — Значит, ты обзавелся собственным королевством, Джек... самым большим из всех, что я знаю. Теперь ты счастлив?

— Вполне.

— Значит, ты ходил к машине, которая думает, как человек, только быстрее. К той машине, от которой я тебя предостерегала. Верно?

— Да.

— ...И она дала тебе Потерянный Ключ, Кольвинию.

Он отвернулся, схватил сигарету, закурил, затянулся. Потом он поглядел на Розали и кивнул.

— Но это я не обсуждаю, — сказал он.

— Конечно, конечно, — сказала Розали, кивая. — Ведь с ним ты получил Силу, которая подходит твоим амбициям, а ведь когда-то ты даже не знал, что они у тебя есть.

— Должен сказать, ты права.

— Расскажи мне о той женщине.

— О какой женщине?

— В холле я прошла мимо красивой женщины в зеленом — под цвет ее глаз. Я поздоровалась, и губы ее улыбнулись мне, но ее дух следовал за ней в слезах. Что ты с ней сделал, Джек?

— Я поступил так, как было необходимо.

— Ты что-то украл у нее... не знаю, что... так же, как воровал у всех, кого знал. Есть ли кто-нибудь, кого ты считаешь своим другом, Джек? У кого ты ничего не взял, а наоборот, дал ему что-то?

— Да, — ответил он. — Он сидит на вершине горы Паникус — наполовину камень, наполовину не знаю что. Я много раз приходил к нему и всеми силами пробовал освободить. Но даже от Ключа не было толку.

— Утренняя Звезда... — сказала она. — Да, твоему единственному другу только и быть богом проклятым.

— Розы, за что ты наказываешь меня? Я предлагаю любым доступным способом вознаградить тебя за страдания, которые ты приняла из-за меня... и не только из-за меня.

— Женщина, которую я видела... Сумел бы ты сделать ее такой, какой она была до того, как ты обокрал ее... если бы я больше всего хотела этого?

— Может быть, — сказал Джек, — но я сомневаюсь, что бы ты попросила об этом. Даже соберись я это сделать, она, я чувствую, стала бы безнадежно безумной.

— Почему?

— Потому, что ей пришлось многое увидеть и пережить.

— И в ответе за это ты?

— Да, но это и так надвигалось.

— Ни одна человеческая душа не заслуживает того страдания, которое я заметила, проходя мимо нее.

— Душа! Не говори мне о душе! И о страданиях! Ты что,

намекаешь, что у тебя душа есть, а у меня нет? Или ты думаешь, мне незнакомы страдания? ...Хотя ты права в том, что касается ее. Она отчасти человек.

— Но у тебя есть душа, Джек. Я принесла ее с собой.

— Боюсь, я не понимаю.

— Ты оставил свою душу в Навозных Ямах Глива, как все люди тьмы. Я вытащила ее оттуда — на случай, если в один прекрасный день она тебе понадобится.

— Ты, конечно, шутишь.

— Нет.

— А как ты узнала, что это — моя душа?

— Я — Ведунья.

— Дай мне поглядеть на нее.

Он потушил сигарету, а Роза тем временем развернула свой узелок с вещами. Она извлекла небольшой предмет, завернутый в чистую полотняную тряпку. Она развернула его и положила на ладонь.

— Вот это штука? — спросил он и захохотал.

Это был серый шарик, который на свету стал делаться ярче, просветляться, сперва став блестящим и похожим на зеркало, а потом прозрачным. Поверхность заиграла разными красками.

— Это же просто камень, — сказал он.

— Он был с тобой в момент твоего пробуждения в Ямах, правда?

— Да. Он был у меня в руке.

— Почему ты бросил его там?

— А почему бы и нет?

— А разве он не оказывался с тобой каждый раз, как ты приходил в себя в Гливе?

— Ну и что?

— В нем заключена твоя душа. Может быть, когда-нибудь ты захочешь соединиться с ней.

— Это — душа? И что же прикажешь с ней делать? Таскать в кармане?

— Можно придумать что-нибудь получше, чем бросать ее на куче падали.

— Дай мне ее!

Он выхватил камень у нее из рук и уставился на него.

— Никакая это не душа, — сказал он. — Это крайне непривлекательный кусок камня или, может, яйцо гигантского навозного жука. Он и воняет, как сами Ямы!

Он занес руку, чтобы отшвырнуть от себя камень.

— Не надо! — крикнула она. — Это... Это твоя душа... — тихо закончила она, когда камень ударился о стену и разбился вдребезги.

Джек быстро отвернулся.

— Я могла бы знать, — сказала она. — Никому из вас душа по-настоящему не нужна. А тебе — меньше всех. Ты должен признать, что это было нечто большее, чем просто камень или яйцо, иначе бы ты так не взбесился. Ты почувствовал в нем что-то, касающееся лично тебя и опасное. Разве не так?

Но Джек не отвечал. Он медленно повернул голову в сторону разбившегося камня и уставился на него. Она проследила за его взглядом.

Из камня выплыло туманное облачко. Оно росло вверх и вширь. Вот оно воспарило над ними. Облачко перестало двигаться и начало окрашиваться. Они смотрели, как появляются контуры фигуры, напоминающей человеческую.

Когда Джек увидел, что проступающие черты — его собственные, у него захватило дух и он продолжал таращить глаза. Облако становилось все плотнее и плотнее на вид, пока не начало казаться, что он разглядывает своего близнеца.

— Дух, кто ты? — спросил Джек с пересохшим горлом.

— Джек, — слабо ответил тот.

— Джек — это я, — сказал он. — Кто ты?

— Джек, — повторил тот.

Оборачиваясь к Розали, Джек проворчал:

— Это ты притащила его сюда! Ты его и выгоняй!

— Не могу, — ответила она, пригладив волосы и уронив руки на колени. Она начала ломать пальцы. — Он твой.

— Почему ты не оставила эту проклятую штуку там, где нашла ее? Там, где ей и место?

— Там ей не место, — сказала она. — Она твоя.

Отворачиваясь, он проговорил:

— Эй, ты! Ты — душа?

— погоди минутку, а? — ответила она. — Я кое-что соображу... Да. Я подумала и теперь считаю, что я — душа.

— Чья?

— Твоя, Джек.

— Отлично, — сказал Джек. — Ты и правда отплатила мне, Роза, а? Что, черт побери, мне делать с душой? А как ты избавилась от своей? Если я умру, пока эта штука на свободе, для меня не будет возврата.

— Не знаю, что тебе сказать, — ответила она. — Я думала, так будет правильно... когда пошла искать ее и нашла... принести и отдать тебе.

— Зачем?

— Давным-давно я сказала тебе, что барон всегда был добрым к старушке Роза. Когда ты захватил его земли, то повесил его за ноги и вспорол ему живот. Я плакала, Джек.

Он — единственный, кто за долгое время по-хорошему ко мне отнесся. Мне много приходилось слышать о твоих делах, и ничего хорошего я не слыхала. Теперь, с Силой, которой ты владеешь, так легко многим причинить зло — что ты и делал. Я подумала, что если я отыщу твою душу, она, может быть, смягчит твои намерения.

— Розали, Розали, — он вздохнул. — Ты дура. Ты хотела, как лучше, но ты дура.

— Может, и так, — ответила она, стискивая руки и оглядываясь на душу, которая стояла, уставившись на них.

— Душа, — сказал Джек, снова поворачиваясь к ней, — ты слышала? У тебя есть предложения?

— У меня только одно желание.

— Какое же?

— Соединиться с тобой. Пройти с тобой по жизни, заботясь о тебе, предостерегая тебя и...

— погоди минутку, — сказал Джек, поднимая руку. — А что для этого нужно?

— Твое согласие.

Джек улыбнулся. Он закурил сигарету. Руки у него слегка дрожали.

— А если бы я не дал своего согласия? — спросил он.

— Тогда я бы стала бродячей. Я бы следовала за тобой в отдалении, не в состоянии поддержать тебя и предостеречь, не в состоянии...

— Класс, — сказал Джек. — Я не даю своего согласия. Пошла вон.

— Ты шутишь? Так с душой не обращаются, это черт знает что. Я тут жду, чтоб поддержать и предостеречь тебя, а ты вышвыриваешь меня пинком. Что скажут люди? «Вон идет душа Джека, — скажут они, — бедняжка. Обращается с духами и низшими астралами, и...»

— Выметайся, — сказал Джек. — Обойдусь без тебя. Знаю я вас, подлых ублюдков. Вы заставляете людей меняться. Ну, а я меняться не желаю. Я и так счастлив. Ты — ошибка. Убирайся обратно в Навозный Ямы. Иди, куда хочешь. Делай, что хочешь, только уйди. Оставь меня в покое.

— Ты это серьезно?

— Точно. Я даже дам тебе новенький красивенький кристалл, если тебе больше нравится сидеть, скрючившись в чем-то подобном.

— Для этого слишком поздно.

— Ну, это лучшее, что я могу тебе предложить.

— Если ты не хочешь соединиться со мной, пожалуйста, не вышвыривай меня, как какую-то бродяжку. Позволь мне остаться здесь, с тобой. Может, я смогу давать тебе советы,

поддерживать и предостерегать тебя, а тогда ты поймешь, как я нужна, и переменишь свое решение.

— Катись!

— А что, если я откажусь уйти? Что, если я просто усилю свое внимание к тебе?

— Тогда, — сказал Джек, — я напущу на тебя самые разрушительные силы Ключа, те, которые я никогда не использовал раньше.

— Ты уничтожишь собственную душу?

— Ты права, черт поberi! Убирайся!

Тогда она повернулась к стене и исчезла.

— С душами покончено, хватит, — сказал Джек. — Теперь мы подберем тебе покои и несколько слуг. Мы проследим, чтобы подготовились к торжеству.

— Нет, — сказала Розали. — Я хотела увидеться с тобой. Что ж, вот мы и повидались. Я хотела принести тебе кое-что — и принесла. Вот и все.

Она стала подниматься.

— погоди, — сказал Джек. — Куда ты пойдешь?

— Подошло к концу мое время быть Ведуньей Западных Границ, и я возвращаюсь на дорогу у моря, в таверну «У Огненного Пестика». Может случиться так, что я найду какую-нибудь молодую шлюшку из таверны, чтобы она ухаживала за мной, когда я ослабею. За это я обучу ее Искусству.

— По крайней мере, побудь здесь хоть немного, — сказал он. — Отдохни, поешь...

— Нет. Мне не нравится здесь.

— Если ты твердо решила уйти, позволь, я облегчу тебе путь. Тебе не придется идти пешком.

— Нет. Спасибо.

— Могу я дать тебе денег?

— Меня могут ограбить.

— Я пошлю эскорт.

— Я хочу путешествовать одна.

— Хорошо, Розали.

Он смотрел, как она уходит, а потом подошел к очагу и развел маленький огонь.

Джек работал над своей «Оценкой», становясь в ней все более выдающейся фигурой, и укрепил свое правление в царстве ночи. За это время он повидал свои бесчисленные изваяния, воздвигнутые по стране. Он слышал, как его имя слетало с уст менестрелей и поэтов, но не в старых стихах и песнях о его мошенничествах, а в рассказах о его мудрости и могуществе. Четырежды он позволял Повелителю Нетопырей, Смейджу, Квазеру, барону и Блайту пройти часть пути из Глива, и только потом отправлял их назад — каждый раз

другим способом. Он решил исчерпать до конца их жизни и таким образом избавиться от них навсегда.

На празднестве, устроенном Джеком в честь возвращения ее отца, Ивен плясала и смеялась. Его запястья были еще перевязаны, но он произнес тост и пил вино из погребов, которые некогда были его собственными.

— За леди и лорда из Шедоу-Гард, — сказал он. — Пусть их власть и счастье длятся, пока над нами царствует ночь.

Потом Полковник, Ни Разу Не Принявший Смерть От Чужой Руки, большими глотками выпил вино, и они веселились.

На вершине Паникуса Утренняя Звезда — часть Паникуса — смотрел на восток.

Душа блуждала в ночи, изрыгая проклятия.

Жирный дракон, пыхтя, нес овцу в свое далекое логово.

В сумеречном болоте зверю снилась кровь.

Потом настали времена, когда Договор и впрямь был нарушен.

Делалось все холоднее, и Джек сверился с Книгой. Он отыскал имена тех, чья очередь была нести службу. Он ждал и смотрел, но ничего не происходило.

Наконец, он собрал у себя этих лордов тьмы.

— Друзья, — сказал он, — пришла ваша очередь нести службу у Щита. Почему вы не делаете этого?

— Сэр, — сказал лорд Элдридж, — мы пришли к соглашению отказаться от этой обязанности.

— Почему?

— Вы сами нарушили Договор, — сказал тот. — Если нельзя, чтобы все в мире шло по-прежнему, то мы хотели бы оставить все так, как есть. Так сказать, на пути к разрушению. Убейте нас, если желаете, но мы и пальцем не пошевелим. Если вы такой могущественный волшебник, отправляйтесь к Щиту сами. Убейте нас и смотрите, как мы будем умирать.

— Ты слышал, о чем он просит, — сказал Джек слуге. — Проследи, чтобы их убили.

— Но, сэр...

— Делай, что я сказал.

— Есть.

— Я сам посмотрю за Щитом.

И их схватили и убили.

А Джек двинулся вперед.

На вершине ближайшей горы он обдумал эту проблему. Он ощущал холод и раскрыл свое существо. И обнаружил в Щите трещину.

Потом Джек принялся набрасывать чертежи. Он выцара-

пывал их кончиком меча на камне. Пока он делал это, они тлели, а потом засветились. Джек произнес слова Ключа.

—Э-э... здравствуй.

Он резко обернулся, занеся меч.

— Это только я.

Он опустил меч. Налетали порывы ледяного ветра.

— Что тебе нужно, душа?

— Мне было интересно, что ты делаешь. Знаешь, я иногда следую за тобой.

— Знаю. Мне это не нравится.

Джек снова вернулся к чертежу.

— Ты объяснишь мне?

— Ладно, — сказал он. — Если ты после этого перестанешь тут ныть...

— Я — пропащая душа. Мы как раз всегда ноём.

— Тогда скули, сколько угодно. Мне все равно.

— Но то, чем ты занят...

— Я собираюсь отремонтировать Щит. Мне кажется, я разработал заклинания.

— Не думаю, что ты сумеешь.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я не думаю, что это можно сделать в одиночку.

— Посмотрим.

— Я могу помочь?

— Нет.

Он вернулся к чертежу, еще поработал над ним мечом и продолжил заклинания. Мимо проносились ветры, а огни начали струиться.

— Теперь я должен идти, — сказал Джек. — Держись от меня подальше, душа.

— Ладно. Я просто хочу соединиться с тобой.

— Может быть, когда-нибудь, когда мне станет скучно жить. Но не сейчас.

— Ты хочешь сказать, есть надежда?

— Возможно. Как бы там ни было — не сейчас.

Потом Джек распрямился и рассмотрел дело рук своих.

— Что, не выходит?

— Заткнись.

— Не получилось.

— Заткнись.

— Ты хочешь со мной соединиться?

— Нет!

— Может, я могла бы помочь.

— Попробуй — в аду.

— Я только спросила...

— Оставь меня в покое.

— А что ты теперь будешь делать?

— Уйди!

Он поднял руки и швырнул в нее Силу. Не получилось.

— Я не могу, — сказал он.

— Я знала это. А ты знаешь, что теперь делать.

— Я подумую.

— Я знаю, что делать.

— Что?

— Сходи к своему другу, Утренней Звезде, он много чего знает. Думаю, он мог бы дать тебе совет.

Джек опустил голову и уставился на тлеющий чертеж. Ветер был холодным.

— Может быть, ты права, — сказал он.

— Я уверена в этом.

Джек закутался в плащ.

— Пойду прогуляюсь по тени, — сказал он.

И он шел среди теней, пока не достиг нужного места. Там он начал взбираться наверх.

Достигнув вершины, он подошел к Утренней Звезде и сказал:

— Я здесь.

— Я знаю.

— И ты знаешь, чего я хочу?

— Да.

— А получится это?

— Это не так уж невозможно.

— Что я должен делать?

— Это будет нелегко.

— Так я и думал. Расскажи.

Утренняя Звезда слегка подвинул свое огромное тело. А потом рассказал.

— Не знаю, сумею ли я, — сказал Джек.

— Кто-то должен.

— Ты больше никого не знаешь, с кем я мог бы встретиться?

— Нет.

— Можешь ты предсказать мне успех или провал?

— Нет. Когда-то я говорил тебе про тени.

— Припоминаю.

На горе воцарилась тишина.

— До свидания, Утренняя Звезда, — сказал Джек. — Спасибо.

— Прощай, Джек.

Повернувшись, Джек ушел в тень.

Он вошел в огромный шурф, который вел к сердцу планеты. Местами на стенах тоннеля виднелись пятна света. Там

он входил в тень и за короткое время продвигался на большие расстояния. Там, где тьма была абсолютной, он шел, как ходят все прочие.

Кое-где попадались странно обставленные боковые галереи и темные дверные проемы. Джек не задерживался, чтобы их исследовать. Иногда, не часто, до него доносился топот быстро бегущих когтистых лап и стук копыт. Один раз он прошел мимо открытой топки, в которой горели кости. Дважды он слышал крики, словно женщина мучилась от боли. Он не остановился, но вытащил меч из ножен.

Джек миновал галерею, где на паутине толщиной с веревку сидел огромный паук. Паук зашевелился. Джек бросился бежать.

Паук не стал гнаться за ним, но через какое-то время далеко позади Джек услышал смехок.

Когда он остановился передохнуть, то увидел, что стены там были сырыми, в корке плесени. До него донесся звук, напоминающий шум реки вдалеке. Крошечные, похожие на крабов существа разбегались от него, цепляясь за стены.

Продолжая свой путь, Джек неожиданно наткнулся на расселины и ямы, откуда поднимались едкие испарения. Иногда оттуда вырывались языки пламени.

Только много времени спустя он подошел к металлическому мосту шириной всего в руку. Джек заглянул в бездну, через которую был переброшен мост, но, кроме черноты, ничего не увидел. Он подумал и, осторожно балансируя, не торопясь, пошел вперед. Когда его нога коснулась противоположного берега, он вздохнул, но оглядываться не стал.

Теперь стены тоннеля расступились и исчезли, а потолок стал таким высоким, что не был виден. Вокруг него двигались темные массы разной плотности, и хотя Джек в любой момент мог бы создать небольшой огонь, чтобы осветить дорогу, он боялся сделать это. Огонь мог бы привлечь то, что двигалось мимо, что бы это ни было. Можно было бы создать и яркий сильный свет, но только ненадолго — он исчез бы в тот момент, когда Джек вошел бы в мир созданных им теней, и он опять остался бы в темноте.

Одно время Джек боялся, что забрел в огромную пещеру и там сбился с пути, но перед ним появилась белая полоска. Он стал смотреть на нее и продолжил свой путь. Когда много позже он приблизился к ней, то увидел, что это был большой черный водоем, над которым, как рыба чешуя, блестели огни. Это отражался слабый свет, который источала плесень, сплошь покрывавшая стены и потолок пещеры.

Когда Джек обходил вокруг бассейна, направляясь туда,

где на другом берегу тьма была гуще, в воде раздался плеск. Джек обернулся, и в его руке уже был меч.

Теперь, когда его обнаружили, он произнес несколько слов — и над бассейном вспыхнул свет. В его сторону по воде стремительно двигалась рябь, словно под поверхностью двигалось что-то очень крупное. Потом по обеим сторонам выросли черные когтистые щупальцы, с которых капало, и потянулись к Джеку.

Он прищурился против созданного им же света и занес меч, готовясь нанести удар обеими руками.

Джек произнес самое короткое из известных ему заклинаний, чтобы исполниться меткости и силы. Потом, как только ближайшее щупальце оказалось в пределах досягаемости удара, он размахнулся и перерубил его. Оно упало возле его левой ноги и, все еще извиваясь, ударило Джека и сбilo с ног.

Но он счел, что ему повезло. Потому что, когда он упал, второе щупальце рассекло воздух там, где минуту назад находились его голова и плечи.

Потом над водой с шумом появилась круглая голова около трех футов в диаметре, с пустыми глазами, увенчанная массой извивающихся отростков толщиной с большой палец Джека. В нижней части головы появилось большое отверстие, и существо двинулось к Джеку.

Он, не вставая, взмахнул мечом и, сжав его обеими руками, направил прямо на этого зверя. При этом он повторял слова Ключа так быстро, как только мог их выговорить.

Лезвие меча засветилось, раздался звук, напоминающий фыркание, и с кончика меча заструился огненный поток.

Джек медленно описывал мечом круг. Скоро он почувал запах горелого мяса.

Но существо продолжало приближаться, пока Джек не увидел множество белых зубов. Неповрежденное щупальце и обрубок второго дико извивались, нанося удары в опасной близости. Зверь издавал шипящие звуки и плевался. В этот момент Джек поднял меч так, чтобы пламя попало на извивающиеся отростки на голове.

Издав звук, очень похожий на всхлип, существо кинулось обратно в воду.

Джека окатило волной, которую подняла эта туша. Но прежде, чем та обрушилась на него, а чудовище исчезло в глубине, Джек увидел спину зверя и содрогнулся — но не от холодной воды.

Потом он поднялся, окунул меч в воду и повторил заклинание, чтобы в тысячу раз усилить мощь, вложенную в оружие. При этом меч в его руках завибрировал так, что Джек

с трудом его удерживал. Но он пересилил себя и стоял так, в сиянии света, а перед ним лежало замершее щупальце.

Чем больше его пугала набранная им сила, тем дольше, казалось ему, он там стоял. Внезапно по всему телу выступил пот, одев его словно еще одна теплая одежда.

Потом с шипением, почти визгом, всколыхнув воду в центре водоема, наполовину вынырнул зверь. Когда он снова исчез под водой, Джек не пошевелился. Он продолжал держать меч, пока вода не закипела.

Зверь больше не появлялся.

Джек не ел, пока не обошел вокруг водоема и не попал в дальний туннель. Он знал, что не осмелится уснуть. Подкрепив свои силы наркотиком, Джек пошел дальше.

Добравшись до места, где горели огни, он был атакован двумя косматыми человеко-зверями. Но он отступил в тень и дразнил их, пока они пытались добраться до него. Однако, не желая тратить время на пытки и убийство, он отказался от этого удовольствия и заставил тени перенести его, как можно дальше.

Освещенное огнями место осталось позади, а чуть позже, на его дальнем краю, Джек понял, что приближается к своей цели. Там он приготовился миновать следующее опасное место, через которое должен был пройти.

Шел он долго, а потом начал различать запахи, напоминавшие ему Навозные Ямы Глива и нечто, еще более грязное. Он знал, что вскоре опять сможет видеть, хотя света не будет, а значит, не будет и теней, в которых он мог бы исчезнуть. Джек повторил все необходимое.

Запахи усиливались, и под конец Джеку пришлось бороться со своим желудком, чтобы заставить его удерживать то, что он съел.

Потом он постепенно стал видеть — не так, как всегда.

Он увидел сырой скалистый ландшафт, над которым, казалось, была разлита скорбь. Место было тихим, в воздухе между скал медленно клубился туман, над неподвижной водой в лужах висели слабые испарения, а невысоко над головой они соединялись с туманом и запахами, чтобы время от времени проливаться дождем, перераспределяя по земле грязь. Кроме этого, ничего не было видно, а озноб пробирал до костей.

Джек шел так быстро, как только смел.

Не успел он отойти далеко, как слева от себя уловил еле заметное движение. Он увидел, как из одной обычно неподвижных луж выпрыгнуло крошечное темное создание, покрытое лохматой шерстью. Оно уселось и, не мигая, уставилось на Джека.

Обнажив меч, Джек легонько тронул существо кончиком лезвия и быстро отступил на шаг, ожидая, что же произойдет. Существо начало преображаться, а воздух словно взорвался. Теперь оно возвышалось над Джеком на черных кривых ногах. Лица у него не было. Оно казалось плоским и было словно нарисовано чернейшими чернилами. То, на что оно опиралось, не было ступнями ног. Дергая хвостом, оно заговорило.

— Назови свое имя, идущий по дороге, — раздался голос, звучащий подобно серебряным колокольчикам Крелла.

— Никто не услышит моего имени, пока не назовется сам, — сказал Джек.

Рогатый силуэт испустил тихий смешок.

Потом существо сказала:

— Ну, ну! Мне не терпится услышать твое имя.

— Ну, ладно, — сказал Джек и назвал.

Существо упало перед ним на колени.

— Господин, — сказала оно.

— Да, — ответил Джек. — Меня зовут именно так. Теперь ты во всем должен повиноваться мне.

— Слушаюсь.

— Именем, которое я назвал, приказываю тебе: отнеси меня на спине к самой дальней границе твоих владений. Спускайся, пока не доберешься до того места, дальше которого нет хода ни тебе, ни тебе подобным. И да не предашь ты меня никому из своих товарищей и сородичей.

— Я сделаю, как ты велишь.

— Да.

— Повтори мне это еще раз, как заклятие.

Тот так и сделал.

— Теперь пригнись пониже, чтобы я мог оседлать тебя. Ты станешь моим скакуном.

Джек взобрался на спину существа, потянулся вперед и ухватился за рога.

— Ну! — сказал он, и тот поднялся и тронулся в путь.

Раздался стук копыт и что-то, похожее на звон колоколов. Джек заметил, что шкура существа напоминала очень мягкую ткань.

Шаг убыстрился. Когда бы Джек ни пытался остановить на чем-нибудь взгляд, он видел размытый пейзаж.

...А потом наступила тишина.

Он понял, что в черноте вокруг него что-то движется. Его лицо с регулярностью бьющегося сердца овеивали ветры. Потом он понял, что они налетали сверху, гонимые над вредоносной землей большими черными крыльями.

Путешествие было долгим. Джек сморщил нос, потому что вонь, исходящая от зверя, была сильнее, чем запах окружающего ландшафта. Они двигались очень быстро, но он успевал заметить возникавшие время от времени в верхних слоях воздуха знакомые темные силуэты.

Несмотря на скорость, путешествие казалось бесконечным. Джек начал ощущать, что его силы иссякают, потому что его ладони болели, сейчас даже сильнее, чем тогда, когда он вскипятил черный водоем.

Он боялся уснуть, потому что хватка могла ослабеть. И, чтобы отогнать сон, Джек принялся размышлять о самых разных вещах. Странно, думал он, что мой злейший враг оказал мне величайшую в жизни услугу. Если бы Повелитель Нетопырей не указал мне путь, я бы никогда не отыскал Силу, которой теперь владею. Силу, сделавшую меня правителем. Силу, позволившую мне отомстить сполна и получить Ивен... Ивен... Я все еще не совсем доволен тем, каким образом удерживаю тебя. И все же... Есть ли иной путь? Ты заслужила то, что я сделал. А разве любовь сама по себе — не заклятие? Один любит, другой позволяет себя любить, и тот, кто влюблен, принужден исполнять требования другого. Конечно. Это то же самое.

...А потом он подумал о ее отце, Полковнике, и о Квазере, Смейдже, Блайте, Бенони и бароне. Все они уже заплатили ему, все. Он подумал о Розали, старушке Розе, и подивился — жива ли еще она. Он решил как-нибудь справиться о ней в таверне «Под Знаком Огненного Пестика», на дороге вдоль океанского побережья. Боршин. Джек задумался, сумело ли каким-то образом выжить это изуродованное существо и продолжает ли оно где-то разыскивать его след, подгоняемое единственным жгучим желанием, живущим в искореженном теле. Боршин действительно был последним оружием Повелителя Нетопырей, его последней надеждой на отмщение. Эта мысль, как взрыв стручка геблинки, заставила Джека вспомнить то, к чему он давно не возвращался: компьютеры, Дагаут, занятия и ту девушку... как ее звали?... Клэр! Он улыбнулся тому, что вспомнил ее имя, хотя ее лицо от него ускользало. А потом еще и Квилиэн. Джек знал, что ему никогда не забыть лица Квилиэна. Как же Джек его ненавидел! Он хихикнул, вспомнив, что оставил того в лапах обезумевшего от боли Боршина, который, несомненно, принял Квилиэна за него самого. Он припомнил свою безумную поездку по стране, как он ехал, спасаясь от света, стремясь в царство тьмы, не зная, действительно ли те распечатки, которые он везет, содержат

в себе Потерянный Ключ, Кольвинию. Ему вспомнилось, как у него захватило дух, когда он это проверил. Хотя больше он не возвращался на дневную сторону, Джек ощутил странную ностальгию по дням в университете. Может быть, это от того, что сейчас я рассматриваю их как сторонний наблюдатель, подумал он, а тогда я сам был частью всего этого.

...И все время его мысли возвращались к возвышающейся подобно башне фигуре Утренней Звезды на вершине горы Паникуса...

Джек припомнил все, что делал, начиная с Адских Гор до нынешнего положения дел; с того, откуда это все началось, до этого момента его теперешнего путешествия.

...И все время его мысли возвращались к Утренней Звезде на вершине Паникуса, единственному другу Джека...

Почему они сдружились? Что у них было общего? Джек ничего не мог придумать. Но все равно он чувствовал, что это загадочное создание его привлекает — чего он никогда не испытывал ни к какому другому существу. К тому же он чувствовал, что по какой-то непонятной причине Утренняя Звезда тоже к нему неравнодушен.

...Ведь это Утренняя Звезда посоветовал ему отправиться в это путешествие, потому что оно — единственный способ довести до конца то, что должно быть сделано...

Потом Джек задумался об условиях, господствовавших в царстве тьмы, и понял, что он, Джек, не просто был единственным, кто способен на такое путешествие, но и большей частью нес ответственность за то положение дел, которое сделало это путешествие необходимым. Тем не менее руководило им не чувство долга или ответственности. Скорее, это был инстинкт самосохранения. Если царство тьмы погибнет, заледенеет в Вечной Зиме, Джек погибнет вместе с ним и уже не воскреснет.

...И все время его мысли возвращались к Утренней Звезде, подобно башне возвышающемуся на вершине Паникуса...

Тут он вздрогнул и чуть не выпустил рога жуткого существа, которое его несло. Сходство! Сходство.

Но нет, подумал он. Эта тварь — карлик по сравнению с Утренней Звездой, который подобно башне подпирает небо. Эта тварь прячет лицо, а черты Утренней Звезды полны благородства. Эта скотина воняет, а от Утренней Звезды пахнет свежим ветром и горными дождями. Утренняя Звезда — мудрый и добрый, а эта тварь — злобная и тупая. По чистой случайности оба они имеют рога и крылья. Эту тварь можно

подчинить заклятию, а кто может подчинить себе Утреннюю Звезду?

«А правда, кто? — подумал Джек. — Разве он не заколдован так же, как эта тварь заколдована мной, хотя и по-другому? Но это было бы под силу только богам...»

...И он обдумал эту идею и отбросил ее.

Неважно, решил он наконец. Он — мой друг. Я могу спросить этого демона, не знакомы ли они, но его ответ ничего не изменит. Утренняя Звезда — мой друг.

Потом мир вокруг Джека стал темнеть, и он ухватился покрепче, испугавшись, что слабеет. Но чем ниже они спускались, тем темнее становилось, тем понятнее было, что они приближаются к границе.

Наконец, существо, которое несло его, пропело приятным голосом:

— Только до этих пределов могу я донести тебя, господин, но не далее. Черный камень перед тобой отмечает границу царства видимой тьмы. Пересечь ее я не смею.

Джек прошел мимо черного валуна. Тьма позади камня была абсолютной.

Обернувшись, он сказал:

— Ну, хорошо. Я освобождаю тебя от служения мне. Приказываю тебе только: если нам придется встретиться еще, ты не попытаешься причинить мне вред и будешь повиноваться моей воле так же, как в этот раз. Теперь приказываю тебе уйти. Иди! Я посылаю тебя вперед!

И Джек пошел прочь от границы, зная, что близок к цели.

Он узнавал это по слабому дрожанию земли под ногами, по едва уловимой вибрации воздуха, словно вдалеке гудели машины.

Он шел вперед, размышляя о своей задаче. Вскоре волшебство потеряет силу, даже Ключ станет бесполезным. Но черное пространство, которое сейчас пересекал Джек, должно было быть свободным от зла. Это просто чернота, простирающаяся до нужного ему места. Джек создал небольшой мигающий огонек, чтобы освещать себе дорогу под ногами. Выбирать направление было не нужно: достаточно было просто идти на звук и ощущать, как он усиливается.

...И по мере того, как звук усиливался, способность Джека создавать путеводный огонь слабела, пока, наконец, не исчезла.

Из-за этого он стал двигаться осторожно, не слишком сожалел об исчезнувшем огоньке, потому что теперь вдалеке видна была светящаяся точка.

Глава 11

Пятнышко света росло, а гудение и вибрация усиливались. Наконец, света стало достаточно, чтобы Джек мог разглядеть дорогу. Через некоторое время свет стал настолько ярким, что Джек выругался — он забыл захватить свои старые темные очки.

Яркий свет превратился в светящийся квадрат. Лежа на животе, Джек долго смотрел на него, давая глазам возможность приспособиться. По дороге он не один раз повторил это, испытывая боль.

Почва под ногами стала ровной, воздух — холодным, но приятным, лишенным тех запахов, которые преобладали там, откуда Джек недавно ушел.

Он шел, пока оно не оказалось прямо под ним. Там не было ничего, кроме света. Это был гигантский выход куда-то — но все, что Джек сумел разглядеть, это желто-белое сияние. Он услышал гудение, звяканье и скрежет, словно там работало множество машин.

...Или Великая Машина.

Джек опять лег ничком. Он пополз вперед через этот выход. Он лежал на карнизе, и на миг его разум отказался вобрать в себя все то, что было внизу.

Там было столько механизмов, что потребовалось бы бог знает сколько времени, чтобы все их пересчитать. Некоторые крутились медленно, некоторые — быстро, большие поворачивались к маленьким. Там были кулачки, рычаги управления, рукоятки и маятники. Некоторые маятники были больше Джека раз в двадцать и ходили медленно, тяжеломерно. Там были штуки, которые штопором ввинчивались в цилиндры и выполняли наружу из черных металлических пазов. Там были конденсаторы, трансформаторы и выпрямители. Там были огромные корпуса из вороненого металла, на которых располагались циферблаты, выключатели, кнопки и множество разноцветных, все время мигавших лампочек. Слышался непрерывный шум, гудели генераторы, спрятанные еще ниже... или, может быть, это было что-то другое, черпавшее мощность прямо из планеты, от ее тепла, гравитационного поля и определенных скрытых напряжений... Все это гудело в ушах у Джека, словно рой насекомых. Повсюду резко пахло озоном. Стены огромного котлована, в котором все это располагалось, источали яркий свет. Целая батарея вагонок двигалась по рельсам через весь комплекс, иногда останавливаясь, чтобы выгрузить смазку в разных точках.

Там были силовые кабели, похожие на змей, которые пронизывали Машину в разных направлениях, — но это ничего не говорило Джеку. Там были крохотные коробочки со стеклянными окошечками, связанные с прочими тонкими проводами, а в них — такие мельчайшие детали, что Джек со своего места не мог различить их очертаний. Там было никак не меньше сотни механизмов, напоминавших лифты. Они все время то ныряли в глубину, то исчезали наверху. На разных уровнях они останавливались, чтобы вытолкнуть из себя в Машину какие-то механизмы, На дальней стене светились широкие красные полосы. Они мигали. Разум Джека не мог вместить все то, что он увидел, почувствовал, услышал и обонял, хотя Джек понимал, что с этим придется как-то разбираться, и поэтому искал ту часть этой массивной структуры, ту оптимальную точку воздействия, которая уничтожила бы Машину. Он обнаружил, что на стенах висели инструменты титанических размеров — инструменты, пользоваться которыми для обслуживания этой машины могли бы только великаны. Там были гаечные ключи, плоскогубцы, отвертки, рычаги. Джек знал, что среди них есть нужная ему штука, которая, если правильно ее использовать, сможет сломать Великую Машину.

Он еще прополз вперед и продолжал глазеть. Зрелище было великолепным — ничего подобного прежде не бывало и никогда больше не будет.

Джек посмотрел вниз и увидел далеко справа от себя металлическую лестницу. Он пошел к ней.

Карниз сузился, но Джеку удалось добраться до верхней ступеньки. С нее он рывком перемахнул туда, куда ему было нужно, и занял нужное положение.

Он начал долгий спуск.

Не успел он добраться до дна котлована, как услышал шаги. Они были еле различимы среди шумов от работающих машин, но он расслышал их и отступил в тень.

Тень, хотя и не имела своих обычных свойств, скрыла его. Там, неподалеку от лестницы, рядом с каким-то генератором, Джек выжидал, обдумывая свой следующий шаг.

Показался низенький седой человек. Джек рассматривал его. Тот остановился, нашел канистру с маслом и стал закапывать смазку в разные механизмы.

Джек наблюдал, как человечек ходит по Машине, отыскивая клапаны и отверстия, и заливает в них масло.

— Здравствуйте, — сказал он, когда человечек проходил мимо него.

— Что... Кто вы такой?

— Я — человек, который пришел к вам.
— Зачем?
— Я пришел кое-что у вас спросить.
— Приятно слышать. Я готов вам отвечать. Что вы хотели бы знать?
— Меня интересует, как устроена Машина.
— Это очень сложно, — ответил тот.
— Еще бы. А нельзя ли поподробнее?
— Да, — ответил его собеседник и ошеломил Джека объяснениями.

Джек кивал, чувствуя, как его руки напрягаются.

— Понимаете?

— Да.

— А в чем дело?

— По-моему, вы собираетесь умереть, — сказал Джек.

— Что... — Но Джек ударил его кулаком в левый висок.

Он подошел к набору инструментов около Машины, поглядел на огромное количество оборудования. Джек выбрал тяжелый металлический брусок, назначения которого не понимал. Подняв его, он отыскал небольшой стеклянный корпус, о котором говорил старик. Внутри он увидел сотни крохотных деталек, вращавшихся с разной скоростью.

Занеся брусок, Джек раздробил стекло и принялся уничтожать внутренний механизм. С каждым новым ударом, который он наносил, механизмы в очередной части Машины издавали протестующие звуки. За этим последовал пронзительный вой, резкий скрип и скрежет металла о металл. Потом раздался взрыв, и несколько частей Машины задымилась. Раздалось прерывистое гудение и звяканье, словно рвалось или разбивалось что-то большое. Один из самых массивных механизмов заработал с перебоями, сбавил скорость, остановился и пошел снова, медленнее, чем раньше.

Пока Джек крушил другие корпуса, емкости со смазкой наверху взбесились. Они металась туда-сюда, вываливая свое содержимое и возвращаясь к кранам на стенах за новыми порциями. Запахло горелой изоляцией. Раздались такие звуки, словно что-то лопалось. Пол затрясся, и несколько поршней вырвались на свободу. Теперь в дыму мелькали языки пламени. От едких испарений Джек чихал.

Машина содрогнулась до основания, остановилась и снова заработала в бешеном темпе. Пока валы и оси лязгали, а механизмы металась, она тряслась. Машина принялась разрываться на части. У Джека от грохота заболели уши.

Раскрутившись, он обрушил брусok на Машину и побежал в сторону лестницы.

Когда он оглянулся, то увидел, что к машине мчатся огромные фигуры, наполовину скрытые дымом. Слишком поздно, знал Джек.

Он взлетел по лестнице, добрался до карниза и помчался в темноту, из которой явился.

Так началось уничтожение того мира, который был ему знаком.

Обратный путь оказался в определенных отношениях опаснее спуска, потому что теперь земля дрожала, поднимая вековую пыль, стены трескались, обваливались куски свода. Два раза Джеку приходилось, кашляя, расчищать дорогу от мусора прежде, чем он смог пройти. Кроме того, те, кто населял этот огромный туннель, в панике бежали, с новоявленной жестокостью нападая друг на друга. Чтобы пройти там, Джек многих поубивал.

Джек вышел из туннеля и посмотрел на черную сферу высоко в небе. От нее все еще исходил холод, теперь даже больше, чем когда Джек только начинал свою миссию. Он осмотрел шар и отметил, что, похоже, тот слегка сместился от своего прежнего положения.

Потом, дабы сдержать данное себе обещание, Джек поспешно воспользовался Ключом и перенесся на океанское побережье, к таверне «Под Знаком Огненного Пестика».

Он зашел в эту сделанную из местного дерева гостиницу, тысячу раз чиненую и такую древнюю, что даже Джек с трудом припомнил, когда она появилась. Когда он спустился в центральный обеденный зал, земля дрогнула, а стены вокруг него затрещали. За этим последовала тишина. Потом стал слышен гул голосов, доносившийся от группы обедавших у огня.

Джек подошел к ним.

— Я ищу старуху по имени Розали, — сказал он. — Она живет здесь?

Широкоплечий мужчина со светлой бородой и синевато-багровым шрамом на лбу поднял глаза от тарелки.

— Ты кто такой? — спросил он.

— Джек из Шедоу-Гард.

Мужчина рассмотрел лицо и одежду Джека. Он широко раскрыл глаза, потом опустил их.

— Я не знаю никакой Розали, сэр, — тихо сказал он. — А вы, ребята?

Остальные пятеро обедавших сказали «нет», не глядя на Джека, и торопливо прибавили «сэр».

— Кто хозяин гостиницы?

— Его зовут Хэрик, сэр.

— Где мне найти его?

— Идите через ту дверь в конце зала, справа от вас, сэр.

Джек повернулся и направился к двери. Проходя, он услышал, что в тени кто-то прошептал его имя.

Он поднялся на два лестничных пролета и вошел в небольшую комнату, где, попивая вино, сидел толстый краснолицый мужчина в грязном фартуке. В свете желтой свечи, которая трещала на столе перед ним, его лицо казалось еще более грубым. Он медленно повернул голову и несколько минут пытался сфокусировать свой взгляд на Джеке.

Потом он спросил:

— Чего надо?

— Меня зовут Джек, и я проделал долгий путь, чтобы попасть сюда, Хэрик, — ответил он. — Я ищу старуху, которая приходила, чтобы прожить здесь свои последние дни. Ее зовут Розали. Расскажи, что ты знаешь о ней.

Хэрик наморщил лоб, опустил голову и прищурился.

— Погоди-ка, — сказал он. — Была тут старая швабра... Да померла намердню.

— О, — сказал Джек. — Тогда скажи мне, где вы ее похоронили, чтобы я мог сходить к ней на могилу.

Хэрик фыркнул и большими глотками допил вино. Вытерев рот тыльной стороной кисти, он поднял руку и промокнул глаза рукавом.

— Похоронили? — переспросил он. — Да кому она была нужна? Мы держали ее тут из жалости... и еще потому, что она кое-что смыслила в знахарстве.

Челюсти Джека затвердели.

— И что же вы с ней сделали? — спросил он.

— Как это что? Бросили в океан. Правда, невелика это была нажива для рыб...

Джек покинул «Огненный Пестик», а за его спиной, на побережье, пылала гостиница.

Теперь он шел вдоль черной плоскости океана. Стоило задрожать земле или воде, и отражения звезд на его поверхности пускались в пляс. Воздух был очень холодным. Джек почувствовал, что сильно устал. Меч, висевший на перевязи, стал чуть ли не слишком тяжелым для него. Ему страшно хотелось завернуться в плащ и ненадолго прилечь. И выкурить сигарету.

Он шел, словно сомнамбула, сапоги тонули в песке. Он снова пришел в себя только от шока, увидев, кто появился перед ним.

Похоже, это был он сам.

Тогда Джек потряс головой.

— А, это ты, душа, — сказал он.

Душа кивнула.

— Вовсе ни к чему было разрушать гостиницу, — сказала она, — потому что скоро моря вырвутся на свободу и могучие волны омоют землю. Эта гостиница исчезла бы одной из первых.

— Ты не права, — сказал Джек, зевая. — Причина была: моему сердцу это пошло на пользу... А как это ты узнаешь, как поведет себя море?

— Я никогда не удаляюсь от тебя. Я была с тобой на вершине Паникуса, когда ты беседовал с могучим Утренней Звездой. Я спускалась с тобой в недра земли. Когда ты крушил Великую Машину, я стояла рядом. Я сопровождала тебя сюда.

— Зачем?

— Ты знаешь, чего я хочу.

— ... А я уже несколько раз давал тебе ответ.

— Ты знаешь, что сейчас дело обстоит иначе, Джек. Своими действиями ты лишил себя большей части сил... может быть, всех. Может быть, ты уничтожил все свои жизни, кроме теперешней. Теперь я тебе нужна. Ты знаешь, что нужна.

Джек уставился на океан и метавшиеся, как светляки, звезды.

— Возможно, — сказал он. — Но еще нет.

— Посмотри на восток, Джек. Посмотри на восток.

Джек поднял глаза и повернул голову.

— Это горит гостиница, — сказал он.

— Значит, ты не увидишь, как мы соединимся?

— Не сейчас. Но я и не прогоню тебя. Давай-ка теперь вернемся в Шедоу-Гард.

— Отлично.

Потом земля затряслась так, как до сих пор не содрогалась ни разу, и Джек пошатнулся.

Когда почва снова успокоилась, он вытащил меч и принялся чертить на песке знаки.

Джек начал заклинание. Когда он уже был близок к завершению, огромная волна накрыла его с головой и сбила с ног. Он почувствовал, что его выкинуло на площадку уровнем выше. Легкие горели без воздуха. Зная, что произойдет в следующий момент, Джек попытался последовать за волной еще дальше.

Перед глазами Джека плавали огни, когда он, зарываясь в песок, пополз вперед. Таким образом он немного продвинулся вперед раньше, чем вода начала спадать.

Джек боролся, а волны тащили его. Он цеплялся за песок, греб руками, дрыгал ногами, пытался ползти...

...А потом освободился.

Он лежал, наполовину зарывшись лицом в холодный сырой песок, ногти были обломаны, в сапогах — полно воды.

— Джек! Сюда! Скорее!

Это звала душа Джека.

Он лежал, хватая воздух, не в силах шевельнуться.

— Джек, ты должен идти! Или немедленно прими меня! Скоро придет еще одна волна!

Джек застонал. Он попытался встать, но неудачно.

Потом со стороны горячей гостиницы, которая озаряла весь берег бледным рыжеватым светом, раздался треск — это провалилась крыша и рухнула одна из стен.

Стало темнее, и вокруг Джека заплесали тени.

Чуть не плача, Джек вытягивал из них силу каждый раз, когда тени попадали на него.

— Надо спешить, Джек! Она повернула обратно! Она идет!

Он встал на колени, потом рывком поднялся. Шатаясь, он пошел вперед.

Добравшись до площадки, расположенной повыше, он повернул вглубь берега. Душа ждала его впереди, и, заметив это, он пошел к ней.

Позади усиливался шум воды.

Он не оглядывался.

Наконец, он услышал, как волна обрушилась на берег и ощутил водяную пыль. Только пыль.

Он слабо улыбнулся душе.

— Видишь? Мне, в общем-то, твои услуги не нужны, — сказал он.

— Скоро понадобятся, — возвращая улыбку, сказала душа.

Джек искал на поясе кинжал, но океан забрал его себе вместе с плащом. Туда же отправился и его меч, который он держал в руке, когда обрушилась волна.

— Стало быть, море ограбило вора. — Он хихикнул. — Это осложняет дело.

Джек упал на колени и, морщась от боли, потому что ногти были сломаны, указательным пальцем еще раз начертил на песке знаки.

Потом, не вставая, он произнес заклинание.

Он стоял на коленях в большом зале у себя в Шедоу-Гард. Вокруг мигали факелы и огромные свечи. Джек очень долго не шевелился, позволяя теням омыwać себя. Потом он встал и прислонился к стене.

— Что теперь? — спросила его душа. — Может, вымоешься и отоспишься?

Джек качнул головой.

— Нет, — ответил он. — Я не рискну упустить момент своего величайшего триумфа... или, может статься, поражения. Я немного подожду тут, потом приму наркотик, чтоб оставаться сильным и быть начеку.

Потом Джек перебрался в кабинет, где держал свои стимуляторы, отпер дверь, пробормотав заклинание, и приготовил себе снадобье. Занимаясь приготовлениями, он заметил, что у него дрожат руки. Прежде чем выпить оранжевую жидкость, ему пришлось несколько раз сплюнуть, чтобы очистить рот от песка.

Потом он запер кабинет и подошел к ближайшей скамье.

— Ты давно не спал... А когда шел к Великой Машине, то принимал те же средства...

— По-моему, я это чувствую даже сильнее, чем ты, — сказал Джек.

— Тебе предстоит сильное напряжение.

Джек не ответил. Немного погода его затрясло. Он так ничего и не сказал.

— На этот раз оно подействовало не сразу, а?

— Заткнись! — сказал Джек.

Потом он встал и повысил голос.

— Стэб! Где ты, черт тебя возьми! Я вернулся домой!

Почти сразу появился черный человечек. Он почти бежал.

— Господин! Вы вернулись! Мы не знали...

— Теперь знаете. Принесите мне ванну, чистую одежду, новый меч и поесть... да побольше! Я умираю с голоду! Ну, шевелись, задница!

— Слушаюсь, сэр!

И Стэб исчез.

— Ты что, не чувствуешь себя в безопасности? Зачем тебе меч в твоей собственной крепости, Джек?

Он обернулся, улыбаясь.

— Есть особые случаи, душа. Если ты все время бала рядом со мной, как ты говоришь, ты знаешь, что обычно в этих стенах я так не хожу. Зачем ты пытаешься вывести меня из терпения?

— Тревожить время от времени — привилегия души, можно сказать, обязанность.

— Оставь свои привилегии до лучших времен.

— Но сейчас великолепный момент, Джек. Такого подходящего момента не было давным-давно. Ты что, боишься, что,

если ты высвободишь свои силы, твои вассалы могут восстать против тебя?

— Заткнись!

— Ты, конечно, знаешь, что они зовут тебя Злым Джеком?

Джек снова улыбнулся.

— Нет, — сказал он. — Не выйдет. Я не позволю тебе разозлить меня и обманом впутать в какую-нибудь глупость... Да, я знаю, что за прозвище мне дали, хотя многие называли так меня в лицо — и никто из них дважды. Ты что же, не понимаешь, что, займи мое место кто-нибудь из моих вассалов, он вскоре заработал бы это же прозвище?

— Да, понимаю. Потому что у них нет души.

— Я не стану спорить с тобой, — сказал Джек. — Хотя я желал бы знать, почему никто ни разу не высказался по поводу твоего присутствия?

— Меня видишь только ты — и только тогда, когда я хочу этого.

— Отлично! — сказал Джек. — Почему бы тебе не стать сейчас невидимой и для меня! И не мешать мне вымыться и поесть.

— Извини. Я не совсем готова.

Джек пожал плечами и повернулся к ней спиной.

Через некоторое время принесли наполненную водой ванну. Когда земля дрогнула так, что по стене пробежала похожая на черную молнию трещина, часть воды разлилась. Две свечи опрокинулись и сломались. Из потолка вывалился камень и упал в соседнем покое, но никто не пострадал.

Не успел Джек до конца раздеться, как принесли новый меч. Он бросил раздеваться и опробовал его. Он кивнул.

Он еще не закончил мыться, а рядом уже поставили стол.

К тому времени, как он вытерся, оделся и взял меч, на столе появились прибор и еда.

Джек ел медленно, смакуя каждый кусок. Съел он неимоверно много.

Потом он встал из-за стола и вернулся в кабинет, где держал сигареты. Оттуда он прошел в основание своей любимой башни и поднялся по лестнице.

Свершины башни он, покуривая, принялся рассматривать черную сферу. Да, с тех пор, как он в последний раз видел ее, она заметно сместилась. Джек выпустил дым в сторону сферы. Он ощущал восторг от того, что сделал, — может быть, из-за того, что принял наркотик. Будь что будет, он — хозяин и творец нового положения вещей.

— Ты сейчас испытываешь сожаления, Джек? — спросила его душа.

— Нет, — сказал Джек. — Это нужно было сделать.

— Но тебе жаль, что это пришлось сделать?

— Нет, — сказал Джек.

— Зачем ты спалил гостиницу «Под Знаком Огненного Пестика»?

— Чтобы отомстить за то, как там обходились с Розали.

— А что ты чувствовал, когда потом шел по берегу?

— Не знаю.

— Только голод и усталость? Или еще что-то?

— Печаль. Сожаление.

— А часто с тобой бывает такое?

— Нет.

— Хочешь узнать, почему с недавних пор ты стал чаще испытывать подобные чувства?

— Скажи, если знаешь.

— Потому, что я рядом. У тебя есть душа, душа, которую ты освободил. Я всегда неподалеку от тебя. Ты начал ощущать мое влияние. Так ли уж это плохо?

— Спросишь в другой раз, — сказал Джек. — Я пришел посмотреть, как обстоят дела, а не болтать.

...И слова его достигли ушей того, кто его разыскивал, когда дальняя гора стряхнула свою вершину, изрыгнула в воздух огонь и пепел и снова затихла.

Глава 12

Джек слушал грохот дробящихся камней и наблюдал, как черная точка падает. Он слышал стоны, шедшие из сердца земли. Он видел, как ее пересекали огненные линии.

Его ноздрей коснулись едкие запахи подземного мира. Пепел роился в холодном воздухе, поднимаясь и опускаясь, как нетопыри его предшественника. Раньше перемещений звезд в небе по чьему-то приказу не бывало. Вдали стояли семь гор с вершинами, похожими на факелы, и он припомнил тот день, когда заставил одну из них двигаться. Небо постоянно прочеркивало скопление метеоритов, напоминая Джеку, как выглядело небо в день его последнего воскрешения. Иногда облака пара и струйки дыма затемняли созвездия. Земля дрожала, не переставая, а далеко внизу Шедоу-Гард дрожал на своем фундаменте. Джек не боялся, что башня упадет, потому что так любил этот замок, что наложил на

него сильное заклятие и знал, что пока он обладает Силой, Шедоу-Гард устоит.

Рядом с ним молча стояла его душа. Он снова закурил и стал рассматривать склон горы не遠деке.

Медленно наполнили тучи. Они собирались вдали, где начиналась гроза. Подобно многоногим насекомым с огненными лапками, тучи перепрыгивали с горы на гору. На севере небо от них пылало, их пробивали метеориты, а атакуемая земля плевала в них. Позже Джек сумел слышать ворчание, означавшее начало столкновения. Еще чуть позже он заметил, что грозовой фронт движется в его сторону.

Когда буря была почти над его головой, Джек улыбнулся и вытащил меч.

— Ну, душа, — сказал он, — теперь посмотрим, какова моя Сила.

С этими словами он начертил на камне узор и начал говорить.

Молния и гром разделились, обтекая, подобно огненной реке, Шедоу-Гард с двух сторон, не затрагивая его.

— Отлично.

— Спасибо.

Теперь они были словно бы в конверте: внизу горела и содрогалась земля, над головой бесновалась буря, небо было исполосовано падающими звездами.

— Ну, теперь ты можешь мне сказать?

— Могу. Теперь можно сказать уже о многом, правда? — сказал Джек.

Душа не ответила.

Услышав шаги, он обернулся к лестнице.

— Это, должно быть, Ивен, — сказал он. — Она боится грозы и всегда приходит ко мне.

Из двери на лестницу появилась Ивен, увидела Джека и кинулась к нему. Она ни слова не сказала. Джек обнял ее одной рукой и завернул в плащ. Она дрожала.

— Ты не сожалешь о том, что сделал с ней?

— Отчасти, — сказал Джек.

— Так почему бы тебе не исправить дело?

— Нет.

— Потому что, вспомнив, она возненавидит тебя?

Джек молчал.

— Она не может меня услышать. Если я спрашиваю, можешь отвечать коротко. Она подумает, что ты просто что-то бормочешь... Или это больше, чем ненависть?

— Да.

Оба помолчали.

— Ты боишься, что, вспомнив, она сойдет с ума?

— Да.

— Значит, ты более чувствителен и эмоционален, чем был когда-то. Даже больше, чем я подозревала.

Джек молчал.

Над ними все еще гремел гром, сверкали молнии, и Ивен, наконец, повернула голову, заглянула Джеку в лицо и сказала:

— Тут, наверху, ужасно. Не сойти ли нам вниз, милый?

— Нет. Можешь спуститься, если захочешь. Но я должен остаться.

— Тогда я остаюсь с тобой.

Медленно, очень медленно гроза стала уходить, затихла, прошла. Джек увидел, что горы еще пылают, а разорванная земля сама изрыгает языки пламени. Обернувшись, он увидел, что в воздухе кружится что-то белое, и понял, наконец, что это не дым, а снег. Но снег шел далеко на востоке.

Джек внезапно почувствовал, что ничего не выйдет — опустошение будет слишком полным. Но теперь делать было нечего, оставалось только смотреть.

— Ивен...

— Да, господин.

— Я хочу кое-что сказать...

— Что, любимый?

— Я... Нет, ничего!

А душа Джека подошла поближе и встала прямо у него за спиной. В нем поднималось странное чувство, и он не выдержал. Снова повернувшись к ней, он сказал:

— Мне очень жаль. Прости.

— За что, милый?

— Сейчас я не могу объяснить тебе, но может наступить время, когда ты вспомнишь, что я сказал.

Она, озадаченная, сказала:

— Надеюсь, такое время не придет никогда, Джек. Я всегда была с тобой счастлива.

Он отвернулся и стал смотреть на восток. На миг он перестал дышать и всем телом ощутил биение сердца.

Оно шло по следу сквозь пыль, шум, холод. Пылающий огонь, дрожащая земля, гроза для него ничего не значили, потому что это существо не знало страха. Оно соскальзывало вниз по склонам холмов, как призрак, и струилось среди скал, как змея. Оно перепрыгивало глубокие расщелины, увертывалось от падающих камней. Один раз его ударило молнией. Это был комок протоплазмы на ножке, огромный, испещренный шрамами, и не было настоящих

причин, чтобы оно жило и двигалось. Но, возможно, оно и не жило в полном смысле этого слова — по крайней мере, оно существовало не так, как прочие, даже жители царства тьмы. У него не было имени, только название. Рассудок его, вероятно, был невелик. Это был комок инстинктов и рефлексов, некоторые из них были врожденными. Чувств у него не было, кроме одного. Но это единственное было очень сильным. Оно позволяло ему вытерпеть крайнюю нужду, массу боли, сильные повреждения тела. Существо не говорило ни на одном языке, и все, с кем бы оно ни столкнулось, убегали от него.

Пока земля сотрясалась, а камни вокруг грохотали, оно начало спускаться с горы, которая однажды сдвинулась с места, и его сопровождали огненные потоки, а тучи роняли пламя.

Ни оползни, ни буря его не остановили.

Оно пробиралось через валуны, разбросанные у подножия горы, и на миг задумалось о последнем подъеме.

След вел туда. Туда и нужно было идти.

Высокие стены, хорошая охрана...

Но, кроме силы, у этого существа была и кое-какая хитрость.

... И одно-единственное чувство.

— Выигрываю я или теряю, но действует, — сказал Джек и, хотя Ивен промолчала, его душа отозвалась.

— Теряешь. Потеря это или приобретение для мира — другой вопрос. Но ты теряешь, Джек.

И глядя на светлеющий восток, Джек почувствовал, что так оно и есть.

Потому что небо побледнело, но не от вулканического огня и не от грозы. Джек почувствовал, как Сила в нем ослабевает. Повернувшись к западу, он опять увидел, насколько снизилась черная сфера, и в его мозгу взорвался рассвет.

Сила ускользала от него, и по мере этого стены Шедоу-Гард начали крошиться.

— Теперь нам лучше уйти, да побыстрее.

— Какое тебе дело, дух? Тебе нельзя причинить вред. Я не побегу. Эта башня устоит перед зарей.

Внизу под ними камни градом сыпались во двор. Стена подалась, обнажив интерьер нескольких покоев. До Джека донеслись крики его челяди, и несколько человек пробежали по двору. Земля опять содрогнулась, и башня качнулась.

Джек снова повернулся лицом к розовому небу на востоке.

— Потерянный Ключ, Кольвиния, снова потерян, — сказал он. — На этот раз — навсегда.

Потому что он попробовал простое заклинание, и оно не подействовало,

Он услышал рев, словно открывали шлюзы, и дальняя часть замка рухнула и развалилась.

— Если ты не уйдешь, что станет с девушкой, которая стоит рядом с тобой?

Джек повернулся к Ивен. Он почти забыл о ее присутствии. Он увидел, что ее лицо приобретает странное выражение.

Сначала он не мог понять, что это означает, а когда она заговорила, он заметил, что тембр ее голоса изменился.

— Что происходит, Джек?

Пока она говорила это, Джек почувствовал, что ее тело цепенеет и слегка отстраняется от него. Он тут же разжал руки, чтобы приспособиться к ее движениям.

И его осенило. Когда его магические силы стали слабеть, заклятие, которое он так давно наложил на нее, перестало действовать. Над потревоженным миром разливалась заря, и память Ивен прояснялась пропорционально этому.

Он заговорил, надеясь полностью завладеть ее вниманием и удержать от мгновенного осознания происходящих в ней перемен.

— Это моих рук дело, — заявил он. — Семеро, вписанные в Красную Расчетную Книгу, не захотели сотрудничать и удерживать Щитом внешний холод, поэтому я убил их. Но я ошибался, считая их заменимыми. Хотя я думал, что справлюсь, я не смог один повернуть все это. Была только одна альтернатива. Я разрушил Великую Машину, которая делала мир таким, каким он был. Сейчас мы, жители царства тьмы, черпаем свои легенды из той непонятной штуки, которая зовется наукой, и говорим, что миром движет Машина. Те, кто живет на дневной стороне планеты, точно так же суеверны и считают, что земное ядро заполнено духами огня и расплавленными минералами. Как определить, кто тут прав, а кто нет? Философы на обеих сторонах часто говорят, что мир чувств иллюзорен. Мне это, в общем, неважно. Что бы ни являлось реальностью, от которой мы постоянно изолированы, я пропутешествовал к центру земли и вызвал там катастрофу. Теперь вы видите ее результаты. Из-за того, что я сделал, мир начинает вращение. Больше не будет ни царства тьмы, ни царства света. Скорее, свет и тьма будут чередоваться во всех частях планеты. Я чувствую, что тьма всегда будет сохраняться в каких-то вещах; привычных для нас здесь, а науки, несомненно, будут процветать там, где свет.

«Если, — добавил он про себя, — мир не разрушится».

Тут он задумался, каково сейчас было там, на светлой стороне... в университете... увидеть, как приходит вечер, за ним — тьма, увидеть звезды. Решит ли Пойндекстер, что это какая-то студенческая штучка к окончанию очередного семестра?

— И значит, — продолжал он, — не нужно будет устанавливать защиту ни от жары, ни от холода. Тепловое излучение звезды, вокруг которой мы движемся, будет не концентрироваться, а скорее распределяться. Я...

— Злой Джек! — выкрикнула Ивен, быстро отшатнувшись от него.

Уголкем глаза он заметил, что над горизонтом появилась сияющая оранжевая дуга.

Когда ее лучи упали на них, башня задрожала, затряслась и сильно закачалась. Джек услышал, как внутри башни сыплются камни, почувствовал сквозь сапоги вибрацию от их движения.

... А Ивен пригнулась, готовясь прыгнуть, и ее глаза за массой освободившихся волос, которые стелились по ветру, были безумными и широко раскрытыми.

... А Джек увидел, что в правой руке у нее кинжал.

Он облизал губы и сделал шаг назад.

— Ивен, — сказал он. — Пожалуйста, выслушай меня. Я могу отнять у тебя эту игрушку, но не хочу делать тебе больно. Я уже причинил тебе достаточно боли. Убери его. Пожалуйста. Я постараюсь сделать...

Тогда она прыгнула на Джека, а он потянулся к ее запястью, промахнулся и отступил в сторону.

Клинок прошел рядом с ним, за ним — ее плечо и рука. Он ухватил ее за плечи.

— Злой Джек! — снова сказала она и с размаху ударила его по руке, рассекая ее.

Его хватка ослабела, Ивен вырвалась и накинута на Джека, подбираясь к горлу.

Левой рукой он схватил ее запястья, а правой оттолкнул от себя. При этом он мельком увидел ее лицо: клочья пены в уголках рта, струйки крови, текущие из прокушенной губы по подбородку.

Она отступила, наткнулась на балюстраду, и та обвалилась почти беззвучно.

Джек стремительно кинулся к ней, но успел только увидеть ее развесающиеся юбки, когда она падала вниз во двор. Ее крик был коротким.

Когда башня закачалась так, что грозила свалить его с ног, он отступил назад.

Солнце взошло уже наполовину.

— Джек! Нужно уходить! Замок разваливается!

— Все равно, — сказал он.

Но он повернулся и пошел к двери на лестницу.

Пробравшись в крепость через дыру, зиявшую в северной стене, оно принялось обыскивать коридоры. Когда ему пришлось убивать, оно оставляло тела там, где они падали. В одном месте на него рухнул кусок кровли. Оно выбралось из-под него и продолжало свой путь.

Пока бригады водоносов метались, пытаясь потушить огонь, оно лежало за валуном, припав к земле. Оно пряталось в нишах, за портьерами, за дверями и мебелью. Оно скользило, как призрак, и ползло, как рептилия.

Оно пробиралось между обломками, пока вновь не напаю на след.

След вел выше, выше, петлял...

Туда.

Разорванное светом небо, ясно помнящаяся сломанная балюстрада, развевающиеся юбки Ивен, стоящие перед глазами Джека, ее слюна и кровь — вот чернила для его обвинительного акта. Громыхание измученной земли, ставшее из-за своей монотонности как бы формой тишины, раздробленные камни, заострившиеся в ясном свете зари, ветры, поющие траурные песни, движение разрушающейся башни — теперь почти успокаивающее... Джек подошел к верхней ступеньке и увидел, что оно поднимается.

Он вытащил меч и ждал. Другого пути вниз не было.

Странно, подумал он, как инстинкт самосохранения берет верх над чем угодно.

Он держал меч неподвижно. Перепрыгнув последние ступени, Боршин атаковал его.

Джек проткнул ему левое плечо, но не остановил. Меч вырвался у него из рук, когда Боршин ударил его сзади и склонился над ним.

Джек откатился в сторону и сумел занять положение перед прыжком раньше, чем тварь напала снова. Его меч все еще торчал у нее в плечо и блестел на свету, кровь по нему не текла, вместо этого по краям раны выступило немного густой коричневой жидкости.

Джеку удалось увернуться от повторного нападения и ударить ее обеими руками, но незаметно было, чтобы это что-нибудь дало. Казалось, он бьет по пудингу, а тот остается целым.

Ему удалось увернуться от нападения еще дважды. Один раз он лягнул ее по ноге, а потом треснул локтем по затылку, когда она двигалась мимо.

Потом она без труда поймала Джека, но он втолкнул меч ей в плечо и удрал в разорванной тунике.

Припадая к земле, кружа, стремясь сохранить между ними максимальное расстояние, Джек отклонился назад, схватив два камня. Если бы не это, тварь добралась бы до него. Она очень быстро обернулась, а Джек запустил в нее одним из новоприобретенных снарядов — и промахнулся.

Потом, прежде, чем он успел прийти в себя после броска, она накинута на него, повиснув у него на спине.

Джек бил ее по голове оставшимся камнем, пока тот не вырвался у него из руки. Его грудная клетка была сломана, а морда твари была так близко от его лица, что ему захотелось закричать — он бы закричал, если бы у него хватило дыхания.

— Жаль, что ты сделал неправильный выбор, — услышал он свою душу.

Потом тварь ухватила его одной рукой за шею, а другой за голову и начала крутить.

Из глубин его тела поднялась чернота, слезы боли смешались на его лице с потом, а голова оказалась повернутой таким образом, что Джек увидел нечто, мгновенно повергшее его в изумление.

Волшебство исчезло, но рассвет все еще напоминал сумерки. В сумерках же Джек мог работать не как волшебник, а как вор.

Потому что в тени он был силен.

...Ни один меч не мог его там тронуть, ни одна сила не могла причинить ему вреда.

Восходящее солнце, ударив сквозь балюстраду, создало длинную густую тень, которая упала в каком-нибудь футе от Джека.

От попытался дотянуться до нее, но не смог. Тогда он выбросил правую руку в сторону тени так далеко, как только мог.

Джек все еще чувствовал боль, позвоночник хрустел, сокрушительный груз все еще давил на грудь.

Но только теперь пришло старое чувство тьмы и растеклось по телу.

Напрягая мышцы шеи, Джек сопротивлялся обмороку. Пользуясь силой, которую он извлек из тени, он втолкнул в тень руку и плечо. Потом, на пятках и локтях, он сумел впихнуть в глубокую тень голову.

Высвободив другую руку, он нашел горло Боршина. Он втащил его за собой в тень.

— Джек, что происходит? — услышал он свою душу. — Я не могу видеть тебя, когда ты в тени.

Джек вышел из тени много позже.

Он тяжело облокотился на ближайшую балюстраду и стоял там, задыхаясь. Он был перемазан кровью и тягучим коричневым веществом.

— Джек?

Когда он полез в то, что осталось от его одежды, руки у него дрожали.

— Черт... — хрипло прошептал Джек. — Последние сигареты пропали.

Казалось, он готов из-за этого расплакаться.

— Джек, я не думала, что ты останешься жив...

— Я тоже... Ладно, душа. Ты надоедала мне достаточно долго. Я много перенес. Мне ничего не осталось. Хотя я могу сделать тебя счастливой. Делай, что должна.

Потом он на миг закрыл глаза, а когда открыл их, душа исчезла.

— Душа? — позвал он.

Ответа не было.

Разницы Джек не ощущал. Правда ли они соединились?

— Душа? Я дал тебе то, что ты хотела. Ты могла бы, по крайней мере, поговорить со мной.

Ответа не было.

— Ну, ладно! Кому ты нужна!

Потом Джек повернулся и оглядел опустошенную землю. Он увидел, как косые лучи солнца окрасили сотворенную им пустыню. Ветер немного утих, и, казалось, воздух поет. Несмотря на разруху и тлеющий огонь, пейзаж был красив несущей печать проклятия красотой разрушения. Не следовало так терзать землю, если бы не что-то в нем самом, что принесло боль, смерть и бесчестие туда, где их прежде не было. Тем не менее вне этой бойни или, точнее, над ней, было что-то, чего Джек раньше никогда не видел. Словно все, на что он смотрел, могло стать лучше. Вдалеке виднелись разрушенные деревни, срезанные горы, сожженные леса. От был в ответе за все это зло — он действительно заслужил свое прозвище. И все же он чувствовал, что из этого вырастет нечто иное. Хотя эту заслугу он не мог себе приписать. Он мог лишь нести вину. Но Джек чувствовал, что предвидение того, что может случиться теперь, когда изменился порядок мира, больше не может его напугать. Нет, не то. По крайней мере, еще нет. Но новым порядком вещей станет преемственность света и тьмы, и Джек чувствовал, что это будет неплохо. Тогда он повернулся лицом на восход и, промокнув глаза, продолжал смотреть, потому что ощущал — прекраснее он ничего не видел. Да, решил он, должно быть, у меня есть душа — раньше ничего подобного я не чувствовал.

Башня перестала качаться и начала разваливаться.

«Вот чего я добивался, Ивен, — подумал он. — Я даже говорил об этом — когда у меня еще не было души. Я извинился, я имел в виду именно это: мне было жаль не только тебя. Весь мир. Я прошу прощения. Я люблю тебя»

... И, камень за камнем, башня рухнула, а Джека бросило вперед через балюстраду.

Правильно, подумал он, чувствуя, что ударяется о перила. Только так и должно быть. Выхода нет. Когда ветер, огонь и вода очистят мир, а злобные существа погибнут или будут унесены прочь, последний и самый великий из них не должен избежать этого уничтожения.

Он слышал сильный шум, словно от ветра, — это рухнула балюстрада, и перила скользнули вперед. На мгновение звук стал прерывистым, словно хлопало вывешенное для просушки белье.

Когда Джек оказался на краю, он сумел обернуться и посмотреть вверх, падая, он увидел в небе темный силуэт, который рос, пока Джек глядел на него.

Конечно, подумал он, он наконец увидел восход солнца и освободился.

Сложив крылья, с бесстрастным лицом, вниз, как черный метеорит, падал Утренняя Звезда. Приблизившись, он во всю длину вытянул руки и раскрыл огромные ладони.

Интересно, подумал Джек, он успеет?

ПИРС ЭНТОНИ

СОС ПО ПРОЗВИЩУ ВЕРЕВКА

Глава 1

Они приближались к стоянке с разных сторон, оба в самом обычном: темные брюки, стянутые у колен и у талии; длинные белые куртки до, без застежек, с рукавами до локтей; на ногах — эластичные тапочки. И прически под стать: волосы до бровей, над ушами — торчком и сзади — до воротника. Бороды у обоих короткие и редкие.

Шедший с востока был молод и статен, чернобров и черноволос, с прямым мечом в ножнах, закинутых за спину; тяжесть литых мускулов нес он с грацией разминающегося атлета.

Тот, что двигался с запада, белокурый и голубоглазый, с мягкими чертами лица (если б не борода и не выражение глаз — оно могло показаться и женским), — был и меньше ростом, и не такой плотный, но тоже отлично сложен. Перед собой он толкал небольшую одноколесную тачку — походный склад — из которой на несколько футов торчал сверкающий металлический шест.

Темноволосый первым достиг круглого строения и вежливо подождал, пока подойдет второй. Прежде чем начать разговор, они, примериваясь, внимательно оглядели друг друга.

Девушка возникла внезапно. Одета в эффектно обвитый вокруг тела единый кусок ткани, она шла навстречу, поглядывая на левые запястья воинов, на их золотые браслеты.

Отметив длину ее гляцевых, угольно-черных волос и точеную фигуру, владеец меча обратился к воину с тачкой:

— Разделишь ночлег со мной, приятель? Я совершенствуюсь не в тех вещах, что все остальные.

— Я совершенствуюсь в круге, — ответил второй, — но разделю с тобой ночлег. — Они улыбнулись и пожали друг другу руки.

Голубоглазый повернул голову:

— Мне не нужна женщина.

Разочарованно потупив взор, девушка быстро — из-под красиво изогнутых бровей — глянула на черноволосого. Тот, ради приличия выдержав паузу, произнес:

— Тогда, может, проведешь эту ночь со мной, красавица? Большего не обещаю.

Та вспыхнула от удовольствия:

— Я проведу эту ночь с тобой; меч, и не буду рассчитывать на большее.

Он ухмыльнулся, хлопнул ладонью по запястью и вывернул браслет:

— Я Сол-Меченосец. И немного философ. Ты умеешь готовить? — Она кивнула, и он протянул ей браслет. — При-

готовишь ужин и для моего друга тоже, и почищишь его одежду.

Улыбка сползла с лица второго.

— Простите, я не совсем расслышал ваше имя... Меня зовут Сол.

Хмурясь, атлет медленно повернулся.

— Нет, вы не ослышались. Я ношу это имя с весны, с тех пор, как взял в руки клинок. Но, может быть, вы пользуетесь другим оружием? Зачем нам ссориться, в самом деле.

Взгляд девушки растерянно заметался между ними.

— Ну конечно, воин, твоё оружие шест, — волнуясь сказала она, указав на тачку.

— Я — Сол, — твердо повторил мужчина, — мое оружие — шест... и меч. И никто другой не должен носить мое имя.

— Значит, вам все же охота со мной поспорить? — с досадой проговорил темноволосый. — Я бы подошел к этому делу иначе.

— Я возражаю только против имени. Возьмите другое — и мы поладим.

— Я заслужил свое имя этим вот клинком и не собираюсь от него отказываться.

— Тогда мне придется лишить вас его в кругу, сэр.

— Прошу вас, — заволновалась девушка, — подождите хоть до утра... Здесь есть телевизор, ванна. Я приготовлю отличный ужин...

— Ты собираешься взять браслет у мужчины, которого хотят лишить имени? — мягко возразил меченосец. — Это должно произойти сейчас же, куколка. И ты обслужишь победителя.

Закусив губу, она протянула назад браслет.

— Вы позволите мне остаться и посмотреть?

Мужчины, пожав плечами, обменялись взглядом.

— Оставайся и смотри, женщина, коль такие забавы тебе по душе, — сказал голубоглазый и зашагал по утоптанной, в бурых пятнах, тропинке.

В ста ярдах за стоянкой находился боевой круг: аккуратно подстриженная зеленая лужайка, диаметром пятнадцать футов, окаймленная ярко-желтым пластиком и полосой гравия, — средоточие жизни этого мира.

Темный воин снял ножны, куртку, обнажив широкую шею, талию... Он был гигант: мощные выпуклые слои мускулов покрывали плечи, грудную клетку, живот. Вынув из ножен меч — сверкающую полосу закаленной стали с рукоятью чеканного серебра, — он несколько раз со свистом рассек воздух, затем испытал оружие на ближайшем деревце, гладко срезав его у земли единым взмахом.

Голубоглазый открыл тачку, вытащив такой же меч. Ря-

дом лежали кинжалы, палицы, булава, металлический шар «утренней звезды» и длинный шест, окованный железом.

— Ты владеешь всем этим оружием? — изумилась девушка. Он молча кивнул.

Мужчины стали у края круга, друг против друга, касаясь носками гравия.

— Я сражаюсь за имя, — объявил светловолосый, — мечом, шестом, палицей, «звездой», кинжалом и булавой. Назови себя иначе — и поединка не будет.

— Я начинаю без имени, — ответил темный. — Своим мечом я завоюю это имя, и если когда-нибудь возьму другое оружие, то лишь для того, чтоб его подтвердить. Выбери свой лучший инструмент; мой клинок встретит его достойно.

— Значит, за имя и оружие, — сказал светлый, начиная злиться. Победитель забирает и то, и другое. Но причинить тебе увечья не желаю. Я выйду против тебя с шестом.

— Отлично! — теперь и в другом закипала ярость. — Побежденный лишается имени и всех шести орудий, и никогда более не возьмет в руки ни одно из них!

Девушка онемела от потрясения: ставки переходили все разумные границы, — но не смела возразить.

Они вступили в круг и начали схватку. Обычно низкорослые воины пользовались более легким или острым оружием. Массивная булава и длинный шест были инструментами тяжеловесов. Но светловолосый и с шестом не уступал меченосцу. Соперники оказались на редкость искусны. Фигуры кружились и разили, ныряли, парировали, клинок со звоном отскакивал от шеста и глухо блокировал атаку.

Постепенно девушка начала кое-что понимать. Меч был довольно тяжелым оружием, неустойчивым в нападении, но несколько неуклюжим; противник успевал, как правило, среагировать на боковой замах. Длинный шест был более поворотлив, чем могло показаться на первый взгляд. Две руки сообщали ему и больший напор, и устойчивость. Но победный удар он мог нанести только по открытой мишени. Меч был орудием нападения, шест — защиты.

Снова и снова с жутким свистом меч пролетал у самой шеи, ноги или торса — лишь для того, чтобы скреститься с шестом. Вначале казалось, воины готовы убить друг друга. Теперь стало ясно, что каждый их выпад рассчитан на парирование, что превзойти соперника в мастерстве им желанней кровавого финала. И поединок на редкость талантливых соперников заходил в тупик.

Но вот темп изменился. Светлый перешел в наступление. Проворным шестом он выводил противника из равновесия, нанося серии ударов по рукам, ногам, голове.

Меченосец не старался уже парировать градом сыпавшиеся удары, предпочитая отскакивать в сторону. Чем яростней становилась атака — тем ощутимей тяжелело его оружие. Шестовик сберег силы и теперь имел преимущество. Скоро рука, сжавшая меч, ослабнет, замедлится, оставит тело без защиты.

Но и девушка, совсем неопытный наблюдатель, догадалась: слишком уж быстро устает великан — не уловка ли это? Голубоглазый тоже раскусил меченосца, и чем медленней двигался темный — тем осторожней он действовал.

И вдруг темный, — конец шеста стремительно летел на него — не отступая и не парируя, бросился на землю. Шест пронесся над головой, и, перекатившись на бок, он ударил, стремясь подсечь соперника. Клинок прочертил сокрушительную дугу. Шестовик подпрыгнул, пораженный столь странным и опасным приемом. Меч уже летел обратно. Не успевая подпрыгнуть снова, — ноги еще были в воздухе — светлый вбил конец шеста в дерн между ступнями. Меч рассек икру, брызнула кровь, но металлический шест выдержал удар и спас от увечья.

Хитрый прием не достиг цели, и меченосец был обречен. Едва он попытался встать — шест взметнулся, толкнув в висок и заставив вылететь кувырком за пределы круга. Оглушенный воин рухнул на гравий, продолжая сжимать оружие, уже утратив на него права. Он застонал в отчаянии и выронил меч.

Сол, единственный отныне обладатель этого имени, метнул шест в сторону тачки и переступил пластиковую полосу. Крепко взяв побежденного за руку, он помог ему встать:

— Пойдем. Нам надо подкрепиться.

Здание — гладкий цилиндр тридцати футов в диаметре и десяти в высоту, с внешней стеной из прочного пластика — в конструкции было не оригинальнее большого свитка. Венчал сооружение прозрачный конус с отверстием для вентиляции на вершине. Через конус можно было разглядеть сверкающие механизмы — систему, которая ловила, укрощала солнечный свет, давая энергию для внутренних устройств.

Окон в здании не было. Единственная дверь — вертушка из трех зеркальных панелей, пропустившая их по одному — выходила на юг, преграждая доступ лишнему воздуху. Внутри было прохладно и светло. Большое центральное помещение наполнилось рассеянным светом, исходящим от пола и потолка.

Девушка разложила встроенные в стену кушетки с нейлоновой обивкой, подождала, пока мужчины сядут, и — собрав оружие, одежду, браслеты и положив все это под проточную воду в раковину — вернулась уже с тазиком теплой воды. Она обмыла губкой кровоточащую рану на ноге Сола и наложила повязку. Позаботилась и о синяке на голове побежденного.

Мужчины тем временем беседовали: спор разрешился, и между ними уже не было раздора.

— Что это ты за штуку провернул с мечом? — спросил Сол, словно и не заметив усердия девушки. — Ты меня чуть не подсек.

— Понимаешь... Обычные правила скучны, во всем и везде. Ну почему должно быть так и не иначе? Я изучаю писания древних и порой натываюсь на ответы, если не могу дойти своим умом.

— Ты меня удивил. Я не встречал еще воинов, которые умеют читать. И дерешься отлично.

— Да, видно, не очень, — голос его упал. — Теперь у меня один путь — на Гору.

— Мне жаль, что все так вышло, — искренне посочувствовал Сол.

Безымянный сдержанно кивнул. На какое-то время разговор прервался. Они по очереди приняли душ, — тот, как и раковина, располагался в центральной колонне, — вытерлись и сменили одежду, все так же не замечая присутствия девушки.

Она проворно перенесла блюда из холодильника и буфета (и они были в колонне), ухитрившись бесшумно опустить подвесной стол и расставить стулья. Воинов не интересовало, откуда взялось белое мясо с острой приправой, откуда возникло изысканное вино — такие вещи принимались как должное, даже с некоторым презрением.

Так, впрочем, относились и к самой стоянке.

— Чего же ты хочешь добиться в жизни? — спросил безымянный, пока они неторопливо расправлялись с мороженым, а девушка мыла посуду.

— Хочу создать империю.

— Собственное племя? У тебя получится, не сомневаюсь.

— Империю. Много племен. Я опытный воин, со мною мало кто сравнится в круге. Даже вожди. Я возьму то, что принесет мне мое оружие. Пока мне, правда, не везло на достойных соперников. Ты — первый, кого хотелось бы взять. Жаль, мы дрались не на службу. Знал бы, какой ты мастер, поставил бы другие условия.

Темноволосый молчал, но явно был польщен.

— Чтобы собрать племя, понадобятся крепкие парни, профессионалы, которые и за тебя смогут сразиться, и других завоевать. Нужны молодые ребята, не старше тебя самого. Только такие и будут прислушиваться к советам, — и с пользой для себя. А чтобы создать империю — еще больше нужно.

— Больше? У меня нет ни одного стоящего парня! Попадают все жалкие любители да хилое старичье.

— На востоке мне иногда встречались хорошие воины.

Если бы ты на своем западе столкнулся с ними, то собрал бы уже приличную компанию. Я сам ни разу еще не проигрывал ... — Темноволосый осекся, вспомнив, что более он не воин. И чтобы заглушить боль в душе, заговорил снова. — А замечал ты, как стары вожди и как они осторожны? Они не станут сражаться, пока не убедятся, что выиграют. На это у них глаз наметан. И все лучшие воины у них в руках.

Вот именно! — запальчиво подхватил Сол. — Лучшие дерутся только из интереса, а за службу не хотят. Это просто бесит!

— А ты как думал? Чего ради признанный вождь поставит на карту дело всей жизни, тогда как ты рискуешь лишь своей свободой. У тебя тоже должно быть положение. И племя у тебя должно быть не хуже, чем у него. Тогда только вождь примет твои условия.

— Но как собрать стоящее племя, если ни один стоящий парень не хочет драться? — обрубил Сол. — Ответят на это твои книжки?

— Я никогда не стремился к власти. Но если б вздумал создать племя, а уж тем более империю, то делал бы ставку на молодых, даже если в круге они еще не опытни. Я отвел бы их в скрытое место и передал им своё мастерство. И заставил бы их состязаться между собой, пока не станут профессионалами. Вот тогда у меня было бы достойное племя, с которым можно выступить, завоевывать старые племена.

— А если другие вожди все же откажутся от круга?

— Я нашел бы способ их убедить. Здесь годится такая стратегия: условия предлагаешь равные или даже чуть-чуть в пользу противной стороны. Показал бы им парней, которые их заинтересуют, и продолжал бы торговаться, пока им не станет стыдно увиливать.

— Да-а. Не мастер я торговаться.

— Обзаведись помощником, который будет говорить за тебя, как другие — за тебя сражаться. Вождь не обязан все делать сам. Достаточно распределять обязанности и следить за исполнением.

Сол задумался.

— Такое мне и в голову не приходило. Бойцы с оружием и бойцы с головой ... А если собрать людей — сколько времени уйдет на обучение?

— Смотря по тому, насколько хорош учитель и насколько способны ученики. И по тому, как они поладят. Здесь много тонкостей.

— Ну, скажем, если б ты сам этим занимался — с теми, кого уже встречал?

— Год.

— Год!? — Сол недовольно покачал головой.

— Не стоит жалеть времени на подготовку. За несколько месяцев создашь лишь посредственное племя, с таким империю не завоюешь. Твои люди должны быть готовы к любому повороту, а это требует времени. Времени, постоянных усилий и — терпения.

— У меня нет терпения.

Девушка закончила дела и вернулась послушать. Внутри стоянки не было деления на комнаты, и она переоделась за колонной, в душевой кабинке. На ней теперь было открытое, облегающее платье, которое подчеркивало высокую грудь и тонкую талию.

Сол размышлял и упорно не замечал девушку, хотя она и придвинула свой стул ближе к нему.

— Но где найти место для занятий, чтоб никто не вмешивался и не шпионил?

— На Большой земле.

— На Большой земле?! Туда же никто не ходит!

— Именно. Потому никто там на тебя и не наткнется.

— Но это ведь смерть! — вскрикнула девушка, забыв о своем положении.

— Не обязательно. Духи-убийцы, оставшиеся после взрыва, исчезают, я знаю. В древних книгах их зовут «радиацией», и она со временем слабеет. Самая высокая — в центре. По растениям и животным можно определить, насколько территория за линией стала безопасна. Нужна, конечно, осторожность, нельзя забираться слишком далеко, но у края ...

— Я не пушу тебя на Гору, — перебил Сол. — Мне нужен такой человек, как ты.

— Безоружный и безымянный? — темноволосый горько усмехнулся. — Иди своей дорогой, создавай свою империю, Сол-Всех-Орудий. Я просто фантазировал.

— Послужи мне год, и я отдам тебе часть твоего имени. Мне нужен твой ум, он лучше моего.

— Мой ум! ...

Но бывший воин был заинтригован. Он сам заговорил о Горе, но умирать пока не хотелось. Сколько любопытного еще не изведено, сколько книг не прочитано, сколько ответов не найдено! Он входил с оружием в круг, потому что так делали все мужчины. Но в душе — несмотря на редкую силу и ловкость — он был экспериментатором, ученым.

Сол пристально посмотрел на него:

— Я предлагаю — Сос.

— Сос-Безоружный, — произнес тот раздумчиво.

Ему не очень-то нравилось, как это звучит. Но вариант был разумен, близок к первому его имени. — Чем я должен буду заниматься в обмен на это имя?

— Обучением, лагерем ... Будешь строить империю, которую ты описал. Я хочу, чтобы ты сделал это для меня. Будешь моим думающим воином. Моим советником.

— Сос-Советник. — Это впечатляло, и звучало лучше. — Но мне не станут подчиняться. Мне нужен абсолютный авторитет, иначе ничего не выйдет. Вдруг начнутся распри, а я без оружия ...

• — Зачинщикам — смерть. От моей руки.

— Один только год, и имя — останется у меня?

— Да.

Ему показалось, что это похоже на вызов: проверить свои теории в жизни.

— Я принимаю предложение.

Они наклонились над столом, чтобы пожать руки.

— Завтра начинаем нашу империю, — сказал Сол.

— Я пойду с вами, — неожиданно подала голос девушка.

— Она снова хочет твой браслет, Сос.

— Нет. — Она растерялась, видя, как все ее намеки повисают в воздухе. — Я не ...

— Послушай, — строго напомнил Сол, — мне не нужна женщина. Этот человек отлично сражался, он сильнее многих, кто еще с оружием. К тому же он ученый, а я — нет. Тебе не будет стыдно носить его эмблему.

Она упрямо выпятила губу.

— Тогда я просто пойду, сама.

Сол пожал плечами.

— Как хочешь. Ты можешь готовить и стирать для нас, пока не найдешь себе мужчину. Мы ведь не навеки застряли на этой стоянке. — Он помолчал. — Сос, мой советник, это мудро?

Сос смотрел на девушку, не потерявшую прелести и в своей строптивости, стараясь не замечать манящей ложбинки ее груди.

— Не думаю. У нее чудная фигура и кулинарный талант. Но вздорная голова. Дай ей волю — все перевернет вверх дном.

Она метнула на него яростный взгляд:

— Я хочу получить имя, так же, как и ты! Благородное имя.

Сол грохнул кулаком по столу так, что виниловое покрытие прогнулось.

— Ты бесишь меня, женщина! Ты хочешь сказать, что данное мною имя недостаточно благородно?!

— Нет, мастер всех орудий, — она поспешно сдалась. — Только ты не мне предложил его!

— На, бери! — он запустил в нее браслетом. — Но мне не нужна женщина.

Озадаченная, но торжествующая, она подобрала тяжелую вещь и, плотно стиснув, приладила на своем запястье. Сол смотрел на неё, и ему было не по себе.

Глава 2

Спустя две недели, двигаясь по открытой местности на север, они достигли красных зловещих меток. Растительность за линией была та же, но они знали: там мало животных и — ни одного человека. Представление о Больной земле связывалось с муками и ужасом. Даже те, кто выбирал смерть, предпочитали Горы — быструю, достойную кончину.

Сол в сомнении остановился у рубежа.

— Если здесь не опасно, то почему границу еще не убрали?

Сола нервно кивнула, не стесняясь выказать страх.

— Ненормальные лет пятьдесят уже не пересматривали карт, — ответил Сос. — Зону давно пора проверять заново, и скоро они придут и сдвинут границу вглубь миль на десять-пятнадцать. Я говорил вам, радиация постепенно слабеет.

— Ты говоришь, радиацию нельзя ни увидеть, ни услышать, ни почувствовать. — Сол все не мог решиться окончательно. — И при этом она убивает. Хоть ты и книги изучал, но по-моему тут какая-то ерунда.

— А может, книги врут, — поддакнула Сола, опускаясь на землю. За время трудного перехода мышцы на её ногах окрепли, что не уменьшило её женственности.

— И у меня были сомнения, — признался Сос. — Есть много вещей, которых я не понимаю, и много книг, которых я не имел возможности прочесть. Помню, в одной было сказано, что половина людей гибнет при 450 рентген, а комары могут выдержать до сотни тысяч и больше. Я знаю, что радиация измеряется в рентгенах, но не знаю, сколько радиации в одном рентгене, не знаю как ее вычислить. У ненормальных есть коробочки, которые шелкают при радиации ...

— Один шелчок на один рент, наверное, — упростила Сола. — Если только в книгах все честно.

— Поначалу многое в них кажется полной бессмыслицей, но обвинить их во вранье я не могу. Радиация, как я понял, осталась после Взрыва и похожа на свечение гнилушек. Днем мы не видим их мерцания, но знаем, что оно есть. И если закрыть их от солнца руками ...

— Гнилушки, — мрачно вымолвил Сол.

— Да, и представь, что их свечение так ядовито, что ты начинаешь болеть, когда оно заденет. Ночью его можно обойти, а вот днем — беда. Оно невидимо и неощутимо ... Вот и радиация так. Но она заполняет собой все вокруг: землю, деревья, воздух ...

— А как же мы узнаем, что её нет? — В голосе Сола сквозило раздражение. Дымка пленительной наивности, ко-

торой она окружила себя в тот вечер на стоянке, уже улети-
чилась. Остались страх и усталость.

— Она одинаково губит и растения, и животных. В центре
все вымерло, с краю — осталось. Нам нечего бояться, пока у
растений нормальный вид. За линией должно быть несколько
миль безопасной земли. Риск есть, конечно, но он оправдан.

— А хоть стоянки там есть? — обреченно вздохнула Сола.

— Вряд ли. Ненормальные любят радиацию не больше
нашего. Они не стали бы строить на неизученном месте. При-
дется охотиться. И спать под открытым небом.

— Тогда нам стоило прихватить луки и палатки, — заме-
тил Сол.

Оставив женщину присматривать за тачкой с оружием,
мужчины прошагали мили три назад, к последней стоянке.
Там они выбрали из оружейного склада два крепких лука,
колчаны со стрелами, надели походное снаряжение: легкие
пластиковые поножи, шлемы, рюкзаки, — и послав для про-
бы по три стрелы в мишень у круга, вернулись на дорогу.

Сола спала, прислонившись к дереву. Легкая юбка её за-
дралась, и Сос отвел взгляд — вид этого тела волновал, несмот-
ря на все, что он помнил о её дурном характере. Сос всегда брал
женщин, когда они попадались ему, но не заводил длительных
связей. Постоянная близость чужой жены сбивала с толку.

— Так-то ты стережешь мое оружие, женщина? — Сол
пнул её ногой.

Сола вскочила испуганная и злая.

— Так же, как ты заботишься обо мне! — парировала она
и в испуге закусил губу.

Сол не ответил. Удивляло, почему они не расстанутся,
если не ладят. Неужто физическая связь так много значит?

Сос протянул девушке поножи и шлем, захваченные для
неё: Сол об этом не позаботился.

— Давайте поскорее найдем место, — Сол склонился на
ближайшую метку.

Они переступили через линию и осторожно пошли по Боль-
ной земле. С каждым шагом Сос превозмогал нервное напряже-
ние, представляя, каково сейчас его спутникам. Три жизни за-
висели от его бдительности, и он должен доказать, что не ошибся.

Но в голову опять лезли эти несносные думы. Когда Сол
сказал, что не нуждается в женщине, это звучало любезной
уступкой ему, Сосу, а после — он же отдал девушке свой
браслет ... Они жили всего две недели, и Сола уже осмелива-
лась открыто выражать недовольство.

Деревья, кустарник, трава — все и в лесу, и в поле каза-
лось обычным. Но с каждым шагом слабело дыхание дикой
природы. В воздухе кричали птицы, вились бесчисленные

насекомые, но олени, сурки и медведи уже не попадались. Сос искал звериные следы и не находил. Так и стрелы залежались в колчанах. Присутствие птиц говорило о безопасности. Он не знал степени их выносливости, но вряд ли теплокровные существа слишком уж в этом различны. Во время гнездования птицы привязаны к постоянному месту, и будь здесь нечисто, они бы вымерли.

Деревья расступились, открылось широкое поле, пересеченное извилистым ручьем. Хотелось пить. Сос колебался, пока не увидел в воде мелкую рыбешку, беззаботно проплывшую мимо его руки. Значит, воду можно пить.

Две птицы пронеслись над полем в бесшумном танце. Они взвились и закружили. Ястреб настигал птичку, похожую на воробья. Охота близилась к концу. Птахе, совсем выбившейся из сил, лишь чудом удавалось избежать когтей и мощного клюва.

Людей эта сцена оставляла равнодушными. Внезапно воробей, словно ища защиты, метнулся к ним. Ястреб в нерешительности завис — и устремился вслед.

— Останови его! — вдруг вскрикнула Сола, тронутая отчаянием воробья. Сол удивленно взглянул на неё, поднял руку и отпугнул ястреба.

Хищник вильнул в сторону, а воробей хлопнулся оземь почти у самых ног Сола и замер, не в силах ни взлететь, ни даже испугаться: людей он должен бояться не меньше, чем врага. Ястреб сделал круг, другой и решился: он был голоден.

Мгновенно Сол выхватил из тачки палицу и, как только ястреб снизился, нацеливаясь на затаившуюся птицу, — метнул. Сос усмехнулся: расстояние велико, хищник быстр ... — и онемел. С пронзительным криком ястреб, сбитый, искалеченный, рухнул в воду. Столь стремительного, столь виртуозного владения оружием он еще не видел, хотя сделано все было словно между прочим, с досады на создание, посмевавшее не подчиниться. Раньше он думал, что в круге Солу просто везло, пусть тот и был мастером. Но теперь-то стало ясно: фортуна тут ни при чем — Сол просто развлекался, пока не получил ранение, а уж тогда разделался с ним в два счета.

Птаха скакала по земле, тщетно взмахивая крыльями. Сос вытащил из своего рюкзака перчатку, осторожно приблизился к ней, накрыв трепещущие крылья, поднял испуганную птицу с земли.

Строго говоря, это был не воробей, а что-то очень на него похожее. На коричневых крыльях проступали желтые и оранжевые пятнышки, клюв был большим и притупленным.

— Мутант, наверное, — сказал Сос, — таких я раньше не встречал.

Сол безразлично пожал плечами, вылавливая мертвого ястреба из ручья:

— Сгодиться на мясо, если не найдется что-нибудь получше.

Сос развернул перчатку, чтобы выпустить птицу. Она лежала на ладони, глядя на него круглым глазом, и боялась пошевелиться.

— Лети, глупыш, — он осторожно встряхнул ладонью.

Маленькие коготки подобрались к большому пальцу и цепко охватили его.

Почуввав дружелюбие в поведении птицы, Сос бережно расправил крыло свободной рукой. Перья легли ровно. Едва прикасаясь пальцами — если птица вдруг вздумает улететь — он осмотрел второе крыло. Похоже, и оно было в порядке.

— Лети, — повторил Сос, подбрасывая птицу ладонью. Но та держалась цепко, лишь на мгновение взмахнув крыльями, чтобы не потерять равновесие.

— Ну как знаешь.

Он поднял руку, согнув в локте, и слегка подтолкнул птицу. Та перебралась на плечо и уселась на нейлоновую лямку.

— Глупыш, — повторил он беззлобно.

Поля и заросли кустарника сменялись островками леса. Когда спустились сумерки, в воздухе повис звонкий стрекот. Следы больших животных по-прежнему не попадались.

Они сделали привал на берегу речки, поймали сетью несколько рыбешек. Сола чистила добычу, Сос разводил костер. «Руки у нее на месте, — подумал он, — вероятно, недурное было воспитание».

С наступлением темноты они распаковали поклажу и поставили две нейлоновые палатки. Сол начал свою зарядку, Сола собирала в охапку сухие ветки для костра (его пламя действовало на неё умиротворяюще), Сос же отправился вниз по течению копать яму для отбросов.

Птица не покидала его, лишь перепрыгивала с плеча на грудь, если нужно было залезть в рюкзак. И ничего не ела.

— Ты так долго не протянешь, глупыш, — ласково напоминал ей Сос.

На обратном пути перед ним возникло бледное, неслышное, призрачное пятно, — невероятный, огромный мотылек. Глупыш издал скрипучий клекот и ринулся навстречу. После короткой борьбы — в сумерках мотылек казался одной величины с птицей — пятно погасло, исчезнув в ненасытной птичьей пасти. «Глупыш охотится ночью, — сообразил Сос, — днем же почти беспомощен. Видать, ястреб налетел, когда птица спала, погнался за ней, еще полусонной. Все, что Глупышу нужно это укромное место, где можно устроиться и продремать весь день».

Путру они свернули лагерь и двинулись вглубь запретной зоны. Следов животных не было: ни млекопитающих, ни рептилий, ни земноводных. Наземные насекомые тоже отсутствовали. Все, что летало: бабочки, пчелы, мухи, крылатые жуки и ночные мотыльки-гиганты — встречалось в изобилии, но земля была безжизненна.

Вряд ли радиация в почве сохраняется дольше: большинство насекомых проходят личиночную стадию или в воде, или в земле. Да и растения не казались больными.

Сос присел на корточки и сучком расковырял почву. Вот они: личинки, черви, земляные жуки, на вид вполне нормальные ... Жизнь процветала и под землей, и над нею. Что же случилось на её поверхности?

— Ищешь себе дружочка? — съязвила Сола.

Не стоило делиться тем, что его беспокоило, он и сам пока ничего не понимал.

После полудня повезло: широкая роскошная долина расстилалась перед глазами — плоская там, где когда-то текла река, с чередой деревьев вдоль нового русла. Вверх по течению долина сужалась, переходила в похожий на крепостной ров овраг с водопадом. А ниже — река пропадала вzybучем, поросшем тростником болоте. Любая переправа — пешая ли, лодочная — была здесь опасна. С обеих сторон долину обступали высокие, поросшие изумрудной травой, холмы.

— Да ведь здесь можно расположить сотни воинов с семьями! — воскликнул Сол. — Две-три сотни!

— Выглядит великолепно, — согласился Сос. — Конечно, если тут нет не замеченной нами опасности.

— Да, это не игрушки, — согласился Сол. — Но рыбы, птицы — вполне достаточно. Можно будет высылать охотничьи партии. И ещё я заметил фруктовые деревья.

Сос видел: проект все более увлекает Сола, тот ревниво следит за всем, что может помешать. Но в чрезмерной уверенности таилась опасность.

— Рыба и фрукты! — буркнула Сола, скорчив гримасу, хотя она и была рада, что теперь не придется углубляться дальше в опасную зону. И Сос по-своему был рад: он чувствовал особые токи, заполнившие воздух Больной земли, и догадывался: её тайна много больше того, что можно измерить в рентгенах.

В воздухе появились белые очертания, и Глупыш опять заклекотал. Из-за белизны они казались много больше своего подлинного размера. Птица радостно срывалась с плеча, мгновенно разделяваясь с ними. Огромные мотыльки, судя по всему, составляли её рацион — «его рацион», подумал Сос, присвоив птице подходящий пол. Глупыш поглощал их в несметных количествах: не прятал ли в зоб на случай менее сытных ночей?

— Кошмарный звук, — сказала Сола, и он понял, что это — о клекоте Глупыша. Женщина и манила, и раздражала, и он так и не нашелся, что ответить.

Один из мотыльков беззвучно порхнул мимо лица Сола на свет костра. Сол ловко поймал его ладонью, чтоб рассмотреть поближе — и, выругавшись, вытряхнул мотылька, чем тут же воспользовался Глупыш.

— Ужалил? — Сос встревожился. — Дай посмотрю.

Он подвел Сола к костру.

У основания большого пальца виднелась одиночная точка с красным ободком, без признаков воспаления или нарыва.

— Может быть, ничего страшного, просто защитный укус. Но мне это не нравится. На твоём месте я бы рассек его и высосал яд, если он там есть. Для верности. Никогда не слышал, чтобы мотыльки умели жалить.

— Чтобы я повредил себе правую руку? — засмеялся Сол. — Найди себе другую заботу, советник.

— За неделю заживет.

— Нет. И окончим этот разговор.

В эту ночь они устроились как и в прошлую, поставив палатки бок о бок: пара в одной, Сос — в другой. Он лежал в напряжении, без сна, и никак не мог понять, что его так волнует. Когда он наконец забылся, перед глазами замелькали крылья и необъятные женские груди — оба видения смертельно-белые, одно другого ужасней.

Утром Сол не проснулся. Он лежал в жару, полностью одетый. Глаза под вздрагивающими ресницами были полуоткрыты и неподвижны. Дышал он поверхностно и быстро, словно ему сдавило грудь. Торс и конечности также были скованы спазмом.

— Дух-убийца поразил его! — закричала Сола. — Радиация!

Сос осматривал изнемогающее тело, поражаясь внушительности и мощи его сложения, не утраченными даже в болезни. Раньше он полагал, что Сол скорее ловок, чем силен, но сейчас увидел его в ином свете: стремительность движений попросту скрадывала силу его мышц.

— Нет, — ответил Сос. — Радиация повлияла бы и на нас.

— Тогда что же это? — нервно допытывалась она.

— Безобидное жало.

Ирония была потрачена впустую: ей не снились смертельно-белые крылья.

— Возьми его за ноги. Я хочу окунуть его в воду, чтобы остудить немного. — Сейчас Сос пожалел, что так мало прочел медицинских книг, хотя понимал в них едва ли половину. Человеческий организм обычно сам знал, что ему делать; возможно, в лихорадке был свой смысл — выжечь яд, напри-

мер. Но он боялся позволить ее ярости слишком долго бушевать в мышцах и мозгу больного.

Вдвоем они подтащили тяжелое тело к кромке воды. — Сними одежду, — скомандовал Сос. — После этого может быть озноб, ему нельзя будет оставаться в мокром.

Она заколебалась. — Я никогда ...

— Живо! — заорал он, понуждая ее к действию. — Жизнь твоего мужа на волоске.

Сос принялся распаривать прочный нейлон куртки, а Сола — развязывать на талии веревку и стаскивать брюки.

— Ой! — вдруг вскрикнула она.

Он чуть снова не наорал на нее. Что за причина для стыдливости при виде мужской стати в ее положении? Он обернулся, увидел ... — и понял, в чем они не ладили. Ранение, родовая травма или мутация — сказать было трудно. Не удивительно, что Сол стремился полностью выложиться в своей жизни. Сыновья не продолжают его дела.

— И все же он мужчина, — сказал Сос. — Многие женщины будут завидовать твоему браслету. — Он смутился, вспомнив, что в подобных же словах Сол пытался защитить его собственное мужское достоинство — тогда, после круга. — Не говори никому.

— Н-нет, — передернулась она. — Никому. — Две слезинки покатались по ее щекам. — Никогда.

Он догадался, что она подумала о чудных детях, которых мог бы подарить ей этот искусный воин, несравненный во всех отношениях, кроме одного.

Они погрузили тело в воду; Сос поддерживал голову. Он надеялся, что шок, вызванный резким охлаждением, пробудит в обессилившем от яда теле механизмы самозащиты. Но ничего не изменилось. Выживет Сол или умрет — на то воля судьбы, им же оставалось только надеяться.

Через несколько минут он выволок Сола обратно на берег. Глупыш перебрался с его плеча на голову, досадуя на суматоху. Птице не слишком нравилась вода.

— Нам придется остаться здесь, пока его состояние не изменится. У него сильный организм. Возможно, кризис уже миновал. Нам нужно избегать этих мотыльков, иначе они зажалют нас до смерти. Спать лучше днем, а ночью — смотреть в оба. И нужно перебраться в одну палатку, а Глупыша оставить снаружи — пусть охраняет. И перчатки не снимать всю ночь.

— Да, — согласилась она, оставив прежнюю язвительность.

Он понимал: настало тяжелое время. По ночам они, как узники, обречены жить в крохотном пространстве, не смея выйти ни по прихоти, ни по нужде. Спасаться от белокрылого

ужаса и при этом — заботиться о человеке, который в любой момент может умереть.

Не радовала и мысль о том, что Сол, даже полностью выздоровев, никогда не овладеет этой женщиной, полной соблазна, к которой теснота теперь прижмет его, Соса.

Глава 3

— **Г**ляди! — воскликнула Сола, указывая через долину на склон холма.

Был полдень. Солу не становилось лучше. Попытались накормить его, но горло отказывалось глотать, и они испугались, что он может подавиться. Сос держал его в палатке, скрывая от солнца, от нагло вьющихся мух, и все злился на свою неуверенность и невозможность что-либо предпринять. Он не удостоил вниманием глупый оклик женщины.

— Сос, смотри же! — она подскочила, схватив его за руку.

— Отстань от меня, — проворчал он, отмахиваясь.

Огромный ковер расстился на холме и широкой волной соскальзывал на равнину, словно струя жидкого масла пролилась на землю из какого-то космического кувшина.

— Да что же это? — её нервозность начинала раздражать. Утешало, правда, что она, по крайней мере, уже не пренебрегает его мнением. Те самые ренты?

Затемнив ладонью глаза, он попытался что-то рассмотреть, Ковер явно не был масляным. Ранее безымянные страхи начинали обрастать плотью реальности.

— Боюсь это то самое, из-за чего в зоне нет животных.

Он подошел к тачке Сола, вынул две крепких палицы — легкие полированные жерди два фута длиной и полтора дюйма в диаметре, закругленные с концов. Их материал имитировал древесину и был довольно прочен. Возьми их, Сола. Как-то надо будет отбиваться, и тебе они подойдут больше.

Поток надвигался. Не отрывая глаз, Сола следила за ним и приняла палицы, не особо надеясь на эту защиту.

Сос взял булаву: орудие не длиннее палицы, сделанное из похожего материала, но массивнее. Удобная ребристая рукоять плавно перетекала в каплеобразный шар восьми дюймов в диаметре. Вся тяжесть булавы, весившей шесть фунтов, концентрировалась в этой капле. Рядом с другими орудиями булава выглядела громоздко, но одного её увесистого удара было достаточно, чтобы закончить состязание, многие её побаивались. По сокрушительности — если бить со всего раз-

маха — оно могло сравниться с молотом забойщика скота, с таким орудием мог управляться только мужчина.

Он ощутил неловкость: это было не его оружие, да и по клятве он не имел права им пользоваться. Но тут же отогнал глупые колебания: сейчас булава в его руках не была боевым оружием, он не собирался вступать с нею в круг. Против неведомой напасти нужна была защита, и булава здесь была не большим атрибутом воинской доблести, чем лук и стрелы. А для обороны эта вещь была самой надежной.

— Когда оно приблизится, бей с краю.

— Сос! Это ... это что-то живое!

— Как раз этого я и боялся. Животные, миллионы маленьких тварей, опустошающих землю, пожирая на ней все живое. Нечто вроде странствующих муравьев.

— Муравьев?! — она растерянно взглянула на свои палицы.

— Вроде, но — хуже.

Живой поток достиг долины, уже пересекал её, отворачиваясь. На таком расстоянии эффект маслянистости исчез. Авангард был уже близок.

— Мыши! — выдохнула она облегченно. — Обыкновенные мыши!

— Одни из самых мелких млекопитающих и размножающихся очень быстро, — мрачно добавил Сос. — Млекопитающие, самые ненасытные и живучие существа на Земле. И сдается мне, эти — плотоядны.

— Мыши? Но как ...

— Радиация. Она особым образом воздействует на потомство, и получаются мутанты. Почти все ущербны, но сильнейшие выживают и рожают еще более сильных. По книгам и человек произошел так же.

— Но мыши!

Самые первые уже добрались до их ног. Сос казался себе смешным с булавой, поднятой против столь тщедушных соплеменников.

— Похоже, землеройки. Обычно едят насекомых. И если от радиации вымерло все, кроме насекомых, то они возвратились в первую очередь.

Присев, он поддел перчаткой одного зверька и поднял его. Но Сола не стала смотреть, а Глупыша это зрелище не привело в восторг.

— Мельчайшие и самые злобные из млекопитающих. Два дюйма — но острые зубы и смертельный паралитический яд. Хотя в одной его не достаточно, чтобы убить человека. Нападают на все, что встретят, и съедают за день вдвое больше собственного веса.

Сола перескакивала с ноги на ногу, пытаясь увернуться

от нападающих лилипутов. Она не визжала по-женски, но позволить им ползать по своему телу или под ногами ...

— Смотри! — крикнула она вдруг. — Они ...

Он и сам увидел. Дюжина крохотных тварей проникла в палатку и, вскарабкавшись на Сола, вынюхивала лучшее место для укуса.

Сос ринулся на них, грохнув булаву оземь. Сола отбивалась палицами, но зверьков становилось все больше. Отряды землероек были неукротимы. На каждую, сшибленную неуклюжим ударом, тут же с оскаленными зубками набрасывалась жадная толпа других. Вмиг разорвав тельце неудачника, они тут же сжирали его.

— Мы не сможем перебить всех! В воду!

Они распахнули палатку, подхватили Сола и с шумом вошли в реку. Сос зашел по грудь, стряхивая крохотных чудовищ. Руки кровоточили от укусов, ранок на телах было достаточно, чтобы свалить с ног. Быть может, он все-таки ошибся касательно яда?

Маленькие злобные толпы сгрудились у воды, и в какой-то момент он подумал, что маневр удался.

Но вот самые решительные прыгнули в воду и поплыли, прикипев бусинками глаз к своей мишени. Следом поплыли и остальные, и вскоре на поверхности реки заколыхался живой ковер. Теперь-то уж было ясно, почему поверхность земли мертва!

— Нам надо скрыться, плывем!

Глупыш уже перелетел на противоположный берег и беспокойно раскачивался на ветке.

— Но как же палатки, снаряжение?

Женщина была права. Палатка им необходима — ночью они беззащитны перед мотыльками. Землеройки могли противостать насекомым своим количеством, но крупные существа ...

— За палатками я ещё вернусь, — он охватил согнутой рукой подбородок Сола и начал на боку подгребать к берегу. Булава где-то потерялась, да и зачем она сейчас?

Спотыкаясь, они выбрались на берег. Сола склонилась над больным, а Сос — не без отвращения — снова бросился в воду. Теперь, без ноши, он поплыл быстрее, но ближе к берегу пришлось прорываться сквозь слой копошащихся хищников. Когда Сос почувствовал их у самого лица, его передернуло от омерзения. Он набрал в легкие воздух и нырнул, стараясь проплыть как можно дальше. Затем оттолкнулся ногами от дна и — наискось — рассек поверхность воды. Землеройки брызнули в разные стороны, он вдохнул через стиснутые зубы и нырнул снова.

Выскочив на берег, он побежал, наступая на пищание

мягкие комочки, подхватил первый попавшийся тюк и сорвал с колышков свою палатку.

Мерзкие зверьки сновали среди поклажи, шныряли в складках скомканной палатки. Прижав вещи к груди, боясь останавливаться, он на бегу отряхивал ношу, но грызуны вцепились накрепко, их острые мохнатые мордочки тыкались ему в лицо, иглами зубов рвали кожу, словно издеваясь, но рвали прыгнуть в глаза.

Сос неуклюже бухнулся в воду, чувствуя вокруг все тот же живой ковер, и бешено заработал ногами. Теперь он не мог скрыться под водой — конструкция снаряжения была плавучей, палатка наполнилась воздухом, и обе руки оказались заняты. Крохотные дьяволы продолжали свою пляску на снаряжении, впиваясь коготками в его губы, нос. Зажмурив глаза, он упрямо колотил ногами, надеясь что плывет в правильном направлении, а проклятая мелюзга копошилась уже в волосах, вгрызалась в уши, пытаясь забраться в ноздри. Он услышал хриплый крик Глупыша и понял, что птица прилетела встретить и направить его — благо, в воздухе ей ничего не угрожало. Сос втягивал воздух сквозь стиснутые зубы, чтобы не дать землеройкам набиться еще и в рот.

— Сос! Сюда!

Сола звала его. Мысленно поблагодарив её, он поплыл на звук — и вот зыбкое месиво осталось позади. Он снова обогнал их!

Поток промыл снаряжение и палатку, выдворив захватчиков, и теперь он мог окунуться с головой, чтобы течение снесло последних животных.

Ноги Сола мелькали перед ним, указывая дорогу. Ничего более прелестного он не видел.

Вскоре он растянулся на берегу. Девушка принялась освобождала его от ноши, сваливая ее в илистую грязь.

— Иди! — крикнула она ему в ухо. — Они уже рядом.

Идти, идти, несмотря на смертельную усталость. Он с трудом поднялся на четвереньки, отряхнулся, как большой лохматый пес. Укусы горели на лице, руки отказывались разгибаться. Он поднял Сола, вскинул на спину и заковылял по крутому склону холма. Он задыхался, хотя еле передвигал ноги.

— Иди! — снова прозвучал её пронзительный крик. — Иди-иди-иди!...

Сос видел её перед собой, с поклажей. Материал палатки свисал, шлепал её по мокрому заду. Сказка, а не зад! — Он попытался сосредоточиться на этом, чтоб не замечать нестерпимой тяжести на плечах.

Бегство — кошмар изнеможения и тоски — длилось вечно. С тупым усилием он переставлял одеревенелые ноги.

Он падал и тотчас поднимался, подгоняемый безжалостным воплем, тащился ещё одну бессмысленную тысячу миль, падал снова... Мохнатые мордочки с окровавленными блестящими зубками тыкались в глаза, ноздри, рот; мягкие тельца сплющивались, визжали и бились в агонии под его великанскими ступнями, превращаясь в жижу из хрящей и крови; и невероятные, снежно-белые крылья кружились повсюду, куда он ни бросал свой взгляд.

И было темно, и он дрожал, лежа на промозглой земле рядом с трупом. Он перевернулся, удивляясь, почему ещё жив, и вдруг раздался шум крыльев, коричневых крыльев с желтыми пятнами, и Глупыш опустил на его лоб.

— Милый, — прошептал он, поняв, что мотыльки ему не страшны, — и погрузился во мрак.

Глава 4

Дрожащие отблески огня коснулись его век и заставили проснуться. Рядом лежал Сол, ещё живой. В хаотической пляске теней пылающего костра он увидел Солу. Она сидела совершенно голая.

Затем до него дошло: они все обнажены. После водяной купели на теле Сола оставалось ещё некое стыдливое подобие одежды, но он, она...

— Я положила все у костра, просушиваться, — сказала Сола. — Тебя так жутко трясло, что мне пришлось стащить с тебя эти мокрые тряпки. И с себя...

— И правильно, — ответил он, удивляясь, как ей удалось его раздеть. Вероятно, она порядком помучилась, тяжесть его тела была не по силам женщине.

— Я думаю, все уже высохло, — сказала она, — Вот только мотыльки...

Его взгляд наткнулся на палаточную ткань. Сола так удачно выбрала место для костра, что его тепло проникало сквозь легкую сетку на входе и грело внутренность их убежища, не наполняя его дымом.

Мужчин она положила навзничь, головой к свету, сама примостилась на корточках у их ступней, слегка подавшись вперед, чтобы нейлоновый скат-палатки не касался её спины. Положение вряд ли удобное. Но как зато смотрелась её неприкрытая грудь!

Он упрекнул себя в излишнем внимании к её прелестям в столь неподходящий момент. Но этим заканчивалось всегда. Физическое естество настойчиво напоминало о себе всякий

раз, как он смотрел на неё. Сос вспомнил сон, и его озарила догадка: он боялся соблазниться женой друга и тем самым — обесчестить себя. Сола все сделала быстро, разумно, даже смело, и было бы оскорбительно с его стороны придавать ее действиям двусмысленность. Но видеть её рядом — обнаженную, желанную — и с чужим браслетом на руке!

— Может, я принесу одежду? — спросил он.

— Не надо. Мотыльки повсюду, и они здесь еще крупнее. У Глупыша, конечно, пиршество, но нам лучше не высовываться.

— Скоро нужно будет подбросить хвороста в костер.

Снаружи было холодно: ноги мерзли, несмотря на то, что закрытая палатка хорошо держала принесенное нагретым воздухом тепло. Он видел, как Сола, дальше всех сидевшая от костра, ежится и дрожит.

— Мы можем лечь вместе, — сказала она. — Это всех нас согреет, если ты выдержишь мой вес.

И снова это было разумно. Палатка не рассчитана на троих, и если Сола ляжет сверху на обоих мужчин, то появится и пространство и тепло. Она рассуждала здраво, и он не хотел в этом ей уступать.

Её гладкое, как шелк, бедро, скользнуло по его ступне. Острый ток пробежал по ноге.

— Мне кажется, жар у него ослаб, — сказала она. — Если этой ночью мы не дадим ему замерзнуть, возможно завтра ему будет лучше.

— Вероятно укусы землероек противодействуют яду мотыльков, — заметил он, охотно меняя тему. — А где мы находимся? Я не очень помню, как сюда попал...

— На другом берегу реки, на пригорке. Я не думаю, что они смогут сюда добраться, по крайней мере этой ночью. Они передвигаются ночами?

— Вряд ли. Должны же они когда-нибудь спать. — Он помолчал. — Значит, сразу за рекой? Выходит, мы забрались ещё глубже в зону.

— Ты же говорил, радиация исчезла.

— Я сказал: отступает. Но я не знаю, как быстро и как далеко. Возможно, здесь она и есть.

— Я ничего не чувствую, — сказала она нервно.

— Ты и не можешь чувствовать.

Это был бессмысленный разговор. Как бы то ни было, они не могли ничего изменить.

— Если вокруг растения, то все в порядке: радиация их убивает.

Однако насекомые в сотни раз устойчивей к радиации, нежели человек, а мотыльков здесь значительно больше...

Разговор прервался. Сос понимал, что вызвало эту нелов-

кую заминку: тепло необходимо было сохранить, и оба знали — зачем, но переходить к самому действию... У него не хватало смелости предложить ей устроить свою пышную грудь на своем обнаженном теле, и она не могла растянуться на нем так, без предисловий. Принятое умом отторгалось реальностью мысль о подобном контакте возбуждала не меньше, чем собственное ощущение, и он чувствовал, что это не замедлит обнаружиться. Вероятно, и ее это волновало, поскольку оба знали: Сол никогда не обрадует Солу своим объятием.

— Смелей поступка я еще не видела. Вернуться в такой кошмар за палаткой!

— Я должен был... Не помню даже, как все происходило, помню только твой крик: «Иди! Иди!» — Он осекся, подумав, что звучит это неблагодарно. — Ты заставляла меня двигаться. Я тогда просто не осознавал, что делал.

— Да я всего-то один раз крикнула.

Значит — просто засело в мозгу, как и прочие фантасмагории.

— Но ты увела меня от землероек.

— Я сама их боялась. А ты взвалил Сола и побежал за мной. Когда ты падал, я иногда думала: это конец, ты выдохся. Но ты снова поднимался и шел.

— В книгах это называется истерической силой.

— Да, ты очень сильный, — согласилась она, не поняв. Может не такой быстрый в движениях, как он, но намного сильнее.

— А ты, между прочим, тащила все снаряжение. И здесь все устроила.

Он окинул взглядом палатку, тут только сообразив, что Соле пришлось самой мастерить колышки и камнем вколачивать их в землю, те-то остались на прежнем месте, там, где бесновалась плотоядная мелюзга. У палатки был легкий крен. Забыла Сола вырыть вокруг и канавку для стока воды. Но распорки стояли прочно, и материал был хорошо натянут.

При везеньи и — главное — бдительности палатка была надежным укрытием и от мотыльков, и от непогоды. А расположение костра было просто гениальной догадкой.

— Отличная работа. Я и не подозревал, что у тебя столько талантов.

— Спасибо, — она потупила взгляд. — Я должна была это сделать.

Они снова замолчали. Костер угасал, и теперь Сос видел только мелькающие блики на её лице и чудные, округлые контуры высокой груди. Пора было укладываться, а они все никак не могли решиться.

— Когда я ещё жила со своей семьей, мы иногда выбира-

лись в походы. И я знаю, что палатку нужно ставить на возвышенности, на случай дождя... — (Значит, она понимала необходимость стока.) — Мы с братьями обычно пели что-нибудь у костра, чтобы проверить, как долго сможем не уснуть.

— И мы тоже, — задумчиво произнес он. — Но теперь я помню только одну песню.

— Спой.

— Нет. Не могу, — смутился он. — Я всегда сбиваюсь с мелодии.

— И я тоже. А что это за песня?

— «Зеленые рукава».

— Я её не знаю. Спой.

— Я не могу петь, лежа на боку.

— Ну тогда сядь. Здесь есть место.

Он перевалился на спину, сел. Женщина оказалась напротив, в углу, а Сол своим неподвижным телом соединял их, как диагональ. Сос был рад, что уже совсем стемнело.

— Это не очень подходящая песня.

— Народная?

Её тон делал смешной всякую шепетильность. Исчерпав запас отговорок, он глубоко вдохнул и начал:

Увы, моя радость, зачем я любил,

Зачем для тебя я весь мир позабыл?

Всю жизнь я хотел быть лишь рядом с тобой,

Но рядом с тобою не я, а другой.

— Как красиво! — воскликнула она. — Любовная баллада.

— Я не помню остальные куплеты. Только припев.

Зеленые рукава — моя радость,

Зеленые рукава — моя нежность,

Зеленые рукава — мое счастье,

О, Леди Зеленый Рукав!

— Неужели мужчина может так любить женщину? — задумчиво спросила она. — То есть, чтобы хотеть всю жизнь провести с нею рядом?

— Бывает. Это зависит от мужчины. Да пожалуй, и от женщины тоже.

— Это, наверное, так хорошо, — она загрустила. — Мне еще ни один мужчина не давал свой браслет лишь для того, чтобы просто быть со мной рядом. То есть, как в песне. Разве что...

Ему почудилось, она устремила свой взгляд на Сола, и он заговорил вновь, чтоб отогнать недобрую мысль. — А чего тебе не хватает в жизни? Что ты ищешь в мужчине?

— Власти... В основном — власти. Мой отец был в племени воином второго ранга, никогда не выходил в вожди, да и племя было маленьким. Когда он получил серьезное ранение и ушел

к ненормальным, мне стало так стыдно, что я решила сама пробивать себе дорогу. Я хочу носить имя, которым все будут восхищаться. Этого я хочу больше всего на свете.

— Возможно, оно у тебя уже есть. Сол — великий воин, и он собирается построить империю. — Он опять сдержался, чтобы не обмолвиться о том, чего это имя никогда не сможет дать.

— Да, конечно. — В её голосе не слышалось радости.

— А твоя песня как называется? — спросил Сос.

— «Долина Красной реки». Я думаю, такое место действительно было, до Взрыва.

— Да, было. В Техасе, кажется.

Она начала петь, не дожидаясь дальнейших приглашений. Природа не обделила её музыкальным слухом.

Не спеши, ведь тебя так люблю я!

Скоро будем мы вновь далеки.

Но запомни навек поцелуи

Над Долиною Красной реки.

— Как это вышло, что ты стал ученым? — спросила она, закончив куплет, словно застыдившись откровенности своей песни.

— На востоке у ненормальных есть школы. А я всегда был любопытным, задавал вопросы, на которые никто не мог ответить, — например, почему произошел Взрыв. Мои родители отдали меня в услужение к ненормальным, надеясь, что те меня обучат. И я таскал за ними отходы, убирал в помещениях, а они научили меня читать и считать.

— Наверное, это было ужасно!

— Это было прекрасно. Парнем я был крепким, и работа меня не слишком утомляла. А когда они увидели, что я действительно хочу учиться, то взяли меня в школу на полный учебный день. В старых книгах были такие невероятные вещи! Из них я узнал историю мира — еще до Взрыва, тысячи лет назад. Тогда существовали нации и империи, намного большие, чем любое из нынешних племен, а людей было столько, что на всех не хватало еды. Они даже строили корабли, чтобы летать в космос к другим планетам, которые мы видим в небе...

— А, — протянула она разочарованно, — легенды...

Он понял, что продолжать не стоит. Почти никого, кроме ненормальных, не интересовали древние времена. Для человека обыкновенного мир начался после Взрыва. Дольше его любопытство не заходило. Две большие группы существовали на планете: воины и ненормальные, — все остальное не имело значения. Воины кочевали семьями или племенами, путешествуя от стоянки к стоянке, от лагеря к лагерю, приобретая личный статус и воспитывая детей. Вторая группа состояла из ученых и строителей. Поговаривали, она умножалась за

счет неудачливых или выбывших из строя воинов, с их помощью строили стоянки, прокладывали дороги через леса. Они распределяли оружие, одежду и все то, что, по их же уверениям, сами не производили. И никто не знал, откуда брались эти вещи, и никого это, в сущности, не волновало.

Те, кто изучал прошлое или какую-либо подобную бессмыслицу, и были ненормальными. Собственно, они мало отличались от своих кочевых братьев. И уж вовсе не были идиотами: Сос искренне их уважал. Прошлое принадлежало им, и будущее, как он подозревал, тоже. Их только существование и было плодотворным. Нынешнее положение вещей неизбежно должно было измениться. Цивилизация со временем всегда вытесняла анархию, о чем ясно свидетельствовала история.

— А почему ты не...

Она оборвала фразу. Слабые отблески огня уже совсем угасли, и теперь только голос выдавал место, где она сидела. Он подумал, что его спина заслонила от Сола последние крохи тепла, хотя она и не жаловалась.

— Ненормальный? — закончил Сос.

Он и сам не раз думал об этом. Но кочевая жизнь имела свое очарование, а подчас и мгновения нежности. К тому же, она служила хорошей закалкой для тела и дорогой воинской доблести. В книгах, конечно, были чудеса, но они были и в окружающей жизни. Он хотел и того, и другого.

— Я всегда считал нормальным для себя сражаться с мужчиной по своему выбору и так же любить женщину. Делать то, что хочу, и когда хочу. И зависеть лишь от того, насколько сильна моя правая рука.

Сейчас это прозвучало глупо. Его лишили всех воинских прав, женщина, которую он желал, предпочла связать свою жизнь с другим. Его собственная наивность была причиной этого краха.

— Давай спать, — угрюмо буркнул он, ложась снова.

Она подождала, затем, без единого слова, взобралась на него и распласталась на спинах мужчин. Сос чувствовал, как её голова с копной мягких волос устраивается на его правом плече; щекочущие пряди скользнули между рукой и туловищем, словно побуждая к действию... Он знал: то было чистой случайностью. Женщины не всегда понимают, как их длинные волосы иногда действуют на мужчину. Левая грудь её, — теплая, нежная, — сплющилась о его спину, гладкое тяжелое бедро прильнуло к внутреннему изгибу колена. При дыхании теплый живот ее ритмически прижимался к его напрягшимся ногам.

В темноте он до боли сжал кулак.

Глава 5

— В следующий раз, советник, если ты скажешь, чтобы я в лепешку расплющил булавой вот эту руку, я сделаю это с радостью, — сказал Сол. Он был бледен и слаб, но болезнь уже отступила. Перед тем, как он проснулся, они обрядили его в новые брюки из поклажи и предоставили свободу думать об утраченной одежде что угодно. Он о ней и не спрашивал.

На дикой яблоне Сола обнаружила зеленые плоды, этой едой им и пришлось удовлетвориться. Под одобрительные кивки женщины Сос, не вдаваясь в подробности, поведал о битве с землеройками.

— Значит, мы не сможем использовать эту долину, — сказал Сол, не дослушав до конца.

— Напротив. Это прекрасная тренировочная площадка.

— С этими землеройками? — Сола скосилась на него.

— Дай мне двадцать крепких ребят, — Сос решительно посмотрел в лицо Солу, — и один месяц на работу. Я очищу эту территорию на год вперед.

Сол пожал плечами.

— Хорошо.

— А как мы отсюда выберемся? — озабоченно поинтересовалась Сола.

— Так же, как и пришли. Землеройки — рабы своей прожорливости. Они не могут долго оставаться на одном месте. Тем более, что в этой долине им и так нечем было поживиться. Они, должно быть, уже перебрались на новое пастбище. А вскоре и вовсе перемрут: у них короткий жизненный цикл. В такие полчища они, надо думать, собираются каждое третье или четвертое поколение. Правда, это случается несколько раз в году.

— Откуда они взялись? — спросил Сол.

— Скорей всего, мутировали от радиации. — Он пустился в описание возможной эволюции землероек, но Сол откровенно раззевался. — В любом случае, они должны были измениться, чтобы здесь выжить, и теперь сметают все на своем пути. Чтобы не погибнуть с голода, им приходится забираться все дальше и дальше. Но бесконечно это продолжаться не может.

— И ты сумеешь очистить от них долину?

— После некоторых приготовлений.

— Ну хорошо. А теперь нам пора идти.

Долина снова была свободна: нигде ни одной землеройки. И только трава, затоптанная мириадами когтистых лапок, да холмики вырытой в поисках жирных личинок земли напоми-

нали о пронесшейся лавине. Казалось, животные взбирались на каждое деревце, прижимая его к земле совокупным весом, и даже пытались грызть листву. Настоящий бич природы!

Сол рассеянно оглядел унылую картину.

— Двадцать человек?

— Да, и месяц работы.

От ханды к Солу возвращались силы, но спутники его время от времени обменивались озабоченными взглядами: не слишком ли он старается выглядеть молодцом, ведь смерть стояла так близко!

Они торопились, надеясь покинуть Большую землю еще до темноты. Ноги словно сами несли их, и на закате они были недалеко от границы. Глупыш по-прежнему сидел на плече Соса, и под его защитой они не боялись двигаться и в сумерках.

На стоянке они задержались на сутки, наслаждаясь теплом, уютом, безопасным сном и обильной пищей. Сола спала рядом с мужем и более ничем не возмущалась. Ничто вроде не говорило о том, что происшедшее на Больной земле что-либо для неё значит, пока Сос не услышал, как она тихонько напевает «Зеленые рукава». Он понял: из их круга еще никто не вышел победителем. Ей придется еще сделать выбор между противоборствующими желаниями, и после — либо вернуть Солу его браслет, либо остаться с ним.

Глупыш быстро приспособился к новому рациону. Насекомые здесь были мельче, белые мотыльки встречались лишь там, на Больной земле. Но птица сохранила верность империи, пожертвовав своим лакомством.

Через два дня пути им повстречался воин с шестом. Он был молод и статен, как Сол. Улыбка не сходила с его лица.

— Я Сэв-Шестовик. Хожу, ишу приключений. Кто хочет сразиться?

— Я сражаюсь за службу, — ответил Сол. — Чтобы создать своё племя.

— А каким орудием владеешь?

— Допустим, шестом.

— Значит, не одним?

— Всеми.

— Тогда, может, выйдешь против меня с булавой?

— Как хочешь.

— Против булавы у меня здорово получается.

Сол открыл тачку и вытащил булаву. Сэв дружелюбно разглядывал его. — Но сам-то я племени не собираю. Пойми меня правильно, друг. Я присоединюсь к твоему племени, если ты победишь. Но мне-то не нужна твоя служба, если победа будет за мной. У тебя есть другая ставка?

Сол озадаченно посмотрел на него и повернулся к Сосу.

— Он намекает на твою женщину, — сказал Сос нарочито безразличным тоном. — Если она возьмет его браслет и заплатит ему несколькими ночами...

— Достаточно одной ночи, — сказал Сэв. — Я не люблю задерживаться слишком долго.

Сол неуверенно обернулся к женщине. Он не соврал, когда сказал, что не умеет торговаться. Особенно при сложных условиях, варианты из трех человек сбивали его с толку.

— Если ты победишь моего мужа, — сказала Сола, — я возьму твой браслет на столько ночей, сколько ты пожелаешь.

Сос почувствовал, что в ней говорит тоска по обыкновенному вниманию — больше, чем тяга к мужчине. Само же обязательство было не более чем формальностью. Она платила дань за свою красоту.

— Одну ночь, — повторил Сэв. — Без обид, красавица. Я никогда не посещаю одно и то же место дважды.

Шестовик был обезоруживающе откровенен, да и Сола, несмотря на свой сложный характер, не лицемерила. Она ушла бы к лучшему воину, желая носить его имя. И теперь, чтобы быстрее разрешить вопрос, приняла поставленные условия. Сос уже понял, что неудачникам в ее жизненной философии не оставалось места. А может, она была уверена в Соле, и знала, что ничем не рискует?

— Договорились, — сказал Сол.

Вместе они прошли несколько миль вниз до ближайшей стоянки.

У Соса были причины для опасений. Сол невероятно ловок, но булава — орудие силовое, не рассчитанное на быстрые маневры. Недавняя болезнь, не напоминавшая о себе в последнем легком походе, неизбежно должна была отразиться на его силе и выносливости в схватке. Шест — орудие защиты — хорош для долгих поединков, но булава изматывает быстро. Сол слишком опрометчиво принял это условие, шансы его были невелики.

Но какая разница ему, Сосу? Если Сол выиграет, племя наконец-то обретет первого воина. Если проиграет, Сола возьмет другой браслет и превратится в Сэву, а затем — снова станет свободной. И какой из этих исходов выгоден лично ему? Лучше предоставить все на волю круга.

Нет! Он согласился служить взамен на имя. Он обязан был проследить, чтобы у Сола были хорошие шансы. Он подвел друга. Оставалось надеяться, что его промах не будет стоить Солу победы.

Воины вступили в круг, и поединок начался. Боевой круг

не место для церемоний, здесь важна лишь победа. Или поражение.

Сэв отскочил, ожидая яростной атаки. Но её не последовало. Шест — одно из легчайших орудий — был около шести с половиной футов в длину, диаметром как и палица, но с квадратным сечением на концах; от сильного удара — слегка сгибался, и в общем-то не особенно отличался от обыкновенной жесткой жерди. Он успешно отражал любое другое оружие, но и его парировать было не труднее, и быстрая развязка была редка.

Следя за стойкой соперника, Сол своим грозным орудием сделал четыре обманных замаха, чуть подался влево, вдруг — миновав горизонталь шеста, боковым ударом — поразил противника в грудь и, мягко приложив булаву к шесту Сэва, — тот стоял ошеломленный, со сбитым дыханием, — легким толчком заставил его вывалиться из круга.

Сос был изумлен. Сол не нуждался в совете по поводу выбора оружия. Все походило на счастливое наитие, но он-то знал, что это не так. Точный глаз Сола мгновенно схватил манеру соперника; удар был выверен и стремителен, защита стала невозможной. Фантастическое мастерство с грубой булавою в руках — и никакой случайности. Ничем обычно не примечательный, в кругу Сол преображался. В поединке он становился гением тактики.

Сэв отнесся к своему поражению философски:

— Я, наверное, выглядел полным идиотом после всей своей болтовни.

Он не впадал в уныние и больше не заглядывался на Солу.

На очередного стоящего парня — по закону среднего арифметического, о котором Сос когда-то читал — они могли наткнуться лишь через пару недель. Но в тот же вечер им встретились два воина с мечами, Тор и Тил. Первый — грузный, с огромной бородой, второй — стройный и гладко выбритый. Меченосцы, как и кинжальщики, брились часто: то был особый знак ремесла, тонко намекавший на степень умения владения клинком. Сос пытался однажды побриться мечом, жестоко искромсал лицо и теперь предпочитал ножницы. На стоянках имелись электрические бритвы, но очень немногие ими пользовались. Он никогда не мог понять, почему бритва ненормальных в руках воина падение, а от их провизии не отказывается никто.

Оба меченосца были женаты, у Тора росла маленькая дочка. Два друга, но один из них — Тил — был в этой паре вождем. Оба согласились сражаться. Первым Тор, с оговоркой, что его выигрыш принадлежит Тилу. Таковы правила в любом племени, даже столь небольшом.

Против Тора Сол вышел с таким же оружием: прямой, обоюдоострый меч, двадцати дюймов в длину. Колющий выпад в таком бою не част, хотя меч и был заострен. Состязания меченосцев происходили напряженно и стремительно. К сожалению, и ранение, и смерть здесь нередки, потому Сол и вышел тогда против Соса с шестом: он был уверен в своем мастерстве и не хотел рисковать жизнью соперника.

Тора и Тори смотрели, как Сол прикладывает меч к мечу.

— Его жена и дочь смотрят, — пробормотала Сола, — зачем он сверяет оружие?

— Потому что Тил тоже смотрит, — ответил Сос.

Всю мощь свою Тор вложил в бурную атаку, Сол только парировал. Но затем он перешел в наступление, не слишком выкладываясь, но заметно тесня противника. На мгновение в круге наступила пауза: никто не атаковал.

— Сдавайся, — сказал Тил своему воину.

Тор вышел из круга, и на этом все кончилось — по крайней мере, бескровно. Девчушка в изумлении открыла рот, ничего не понимая. Сола, полагая, что поединок двух мечей непременно ведет к кровопролитию, разделила её недоумение. Но Сос отметил для себя две важные вещи. Во-первых, он увидел в Торе опытного воина, который вполне мог бы и его сразить в поединке. Во-вторых, он понял, что Тил еще лучше. Так долго идти, не встречая никого подстать, и вдруг — редкая удача — наткнуться на целую пару, да еще такую!

Тор интуитивно чувствовал соперника, и сам, в свою очередь, был вычислен — потому они и не стремились искалечить друг друга. А Тил, наблюдая за Солом, — способности своего воина он знал, — увидел то же, что и Сос: техническое преимущество на стороне противника. И серьезность его намерений, подтвержденная оружием, стала очевидной. Признав своего воина побежденным, Тил поступил разумно, хотя маленькая Тори, считавшая отца непобедимым, была по-детски разочарована.

До этого Сос выжидательно относился ко всему плану империи, зная, что ловкость и маневренность были не единственными требованиями круга. Теперь его сомнения быстро улетучивались. Если Сол мог сражаться так, еще не окрепнув, — что будет, когда силы полностью к нему вернуться? Всегда будучи далек от поражения, он показал неподражаемое владение шестом, булавой и мечом. И, похоже, ничто не помещает ему постоянно умножать число своих воинов.

Тил поднялся с земли и преподнес сюрприз: отложил в сторону меч и принес со стоянки две палицы. Мастер двух орудий решил не тягаться с Солом в том виде поединка, который только что наблюдал.

Сол только улыбнулся в ответ на это и вытащил свои палицы. Как Сос и ожидал, схватка оказалась быстрой и решительной. Выпад-защита, удар-блокировка. Четыре палицы взвивались и сверкали, действуя то как тяжелый меч, то как подвижный шест. Это было особое искусство: поединок с парными орудиями требовал синхронности и редкой координации движений. Наблюдавшие за схваткой вряд ли понимали, кто берет верх, пока одна из палиц не вылетела из круга, а вслед за ней не попятился Тил, наполовину обезоруженный и побежденный. На костяшках пальцев его левой руки багровели кровавые ссадины.

Но и Сол не обошелся без потерь: из ранки над глазом стекали капли крови.

Теперь в его группе было три воина, и двое из них — не новички.

Спустя две недели Сос получил свою двадцатку. Он повел их на Большую землю, а Сол пошел дальше один. Если не считать Сола...

Глава 6

— Разбейте палатки повыше на склоне холма, — приказал Сос, — одну на двоих мужчин или на семью. И сделайте у реки склад запасного снаряжения. Два воина будут охранять границы лагеря ежесуточно: днем и ночью. Остальные — днем работать, ночью отдыхать, и строго в своей палатке. В обмундирование ночного сторожа входит защитная сетка. Носить её постоянно, избегая контакта с белыми мотыльками. Ежедневно будет формироваться охотничья бригада из четырех человек и такая же бригада для выноса земли. Остальные будут копать ров.

— Но зачем? — раздался чей-то голос. — Какой смысл во всей этой ахинее?

Это был Нар, задиристый кинжальщик, с вызовом относившийся к любому приказу.

Сос объяснил им, зачем.

— И ты думаешь, мы поверим байкам мужчины, у которого нет оружия? — издевательски выкрикнул Нар. — Мужчины, который разводит птичек вместо того, чтобы драться?

Сос взял себя в руки. Нечто подобное он и ожидал. Всегда найдется вояка, который считает, что честь и благородство не существуют за пределами круга. — Вот ты и выйдешь сегодня в дозор. А если ты мне не веришь открой лицо и руки. Подставь мотылькам...

Он сделал еще кое-какие распоряжения, и воины занялись устройством лагеря.

К нему подошел Тил:

— Если какие-нибудь проблемы с людьми...

Сос понял.

— Благодарю, — кивнул он угрюмо.

В этот день еще оставалось время наметить расположение рва. С несколькими воинами он натянул тонкий трос, намазав его на колья, вбитые в землю через равные промежутки. Получился широкий полукруг радиусом в четверть мили, включавший снаряжение, сложенное у реки.

Перед наступлением сумерек подкрепились едой из припасов. Сос лично проверил каждую палатку, выискивая малейшие неточности и настаивая на немедленном их исправлении. Главное — чтоб не было щели, самого неприметного зазора, через который мог проникнуть мотылек.

Кое-кто ворчал, но все было сделано вовремя. Когда ночь накрыла долину, все кроме двоих дозорных разошлись по палаткам, чтобы замуроваться в них до утра.

Сос возвращался к себе довольный. Начало было неплохим. Ещё бы понять, где же днем скрываются мотыльки, если их не достают ни солнце, ни землеройки...

Сэв, деливший с ним палатку, был менее оптимистичен.

— В Долине Красной реки будет заварушка, — бросил он со свойственной ему прямоотой.

— В Долине Красной реки?

— Да, из той песни, что ты все мурлычешь себе под нос. Я знаю её целиком. «Но подумай об этой долине, как печалиться будет она; мое сердце разбито отныне, без тебя...»

— Ладно, хватит! — смутился Сос.

— Послушай. — Сэв посерьезнел. — Им не слишком-то понравится дни напролет копать и таскать землю. И детей ночью не удержишь. Что им твои приказы! А если ребенок умрет от укуса...

— Знаю. Родители обвинят меня.

Дисциплина в группе была жизненно необходима. Нужен был хоть один показательный пример, пока не начался разброд.

Случай представился раньше, чем хотелось. Утром Нар был обнаружен в своей палатке. Он не был ужален, он крепко спал.

Сос созвал срочный совет, наобум указал пальцем на троих воинов:

— Будете свидетелями. Замечайте и запоминайте все, что увидите сегодня утром.

Они недоуменно кивнули.

— Уведите детей, — снова приказал он.

Теперь расстроились женщины, зная, что им придется пропустить нечто очень важное, но и это приказание было быстро выполнено.

Он вызвал Нара.

— Ты обвиняешься в нарушении долга. Ты был обязан охранять лагерь, а вместо этого спал в палатке. У тебя есть что сказать в своё оправдание?

Нар, досадуя на себя, что был пойман с поличным, затеял скандал:

— Ну, и что же ты теперь будешь делать, птичник?

Момент был щекотливый. Взяв в руки меч, Сос не мог остаться верным клятве, хотя был уверен, что без труда раздается с этим наглецом. Но и выжидать неделями, пока не появится Сол, было невозможно.

— Из-за твоей халатности могли погибнуть дети. В палатке могла оказаться дыра, или, в конце концов, ночью появились бы землеройки. Пока мы не избавились от опасности, я ни единому человеку не позволю отлынивать от работы и подвергать риску всех.

— Каких еще опасностей! — захохотал Нар. — Хоть один из вас видел эти «полчища прожорливых малюток»?

Кое-кто улыбнулся. Сос не увидел улыбки на лице Сэва: тот предсказывал это.

— Ты заслуживаешь суда, — ровно сказал Сос. — В поединке.

Нар вытащил два своих кинжала, продолжая смеяться. — Сейчас я вырежу из тебя большую птицу!

— Займись этим делом, Тил, — сказал Сос, поворачиваясь и собираясь уйти. Он заставил себя расслабиться, чтобы не выказать внутреннего напряжения и не прослыть трусом.

Тил выступил вперед, вынимая меч. — Сделайте круг.

— Минуточку! — забеспокоился Нар. — Я не с тобой, я с ним собираюсь драться. Эй ты, птичий потрох!

— Ты служишь Солу, — сказал Тил, — и своей жизнью не распоряжаешься, так же как и все мы. Он назначил Сосу командиром группы, а Сос выбрал меня, чтобы я занимался дисциплиной.

— Отлично! — взревел Нар, багровея сквозь бледность испуга. — Пусть твои кишки попробуют переварить вот это!

Сос не обернулся, когда раздались звуки сражения. У него не было повода гордиться собой, но другого выхода он не видел. Если этот случай послужит уроком для других, значит, он поступил правильно.

Раздался пронзительный крик, kloкочущие гортанные хрипы и звук рухнувшего на землю тела. Тил подошел, стал

рядом, отирая яркую кровь с меча. — Нар был признан виновным, — произнес он тихо.

Но отчего виновным чувствовал себя Сос?

Спустя неделю ров был почти готов, команда воинов яростно пластала землю в глубине его, чтобы пущенная вода текла беспрепятственно.

— Такой ручеек не остановит этих бестий, — с сомнением заметил Сэв. — Ты ведь сам говорил, что они умеют плавать.

— Умеют, — ответил Сос и пошел смотреть за установкой зажигательных устройств. Их следовало расположить на внутренней стороне рва через каждые сто ярдов.

Тем временем особая группа сносила бочонки со спиртом со всех окрестных стоянок, и не для того чтобы его пить. Бочонки ставились через равные промежутки вдоль линии рва.

Прошла еще неделя, а землеройки не появлялись. Воины сделали несколько боевых кругов, соорудили в центре лагеря огромную палатку из сшитых нейлоновых полотен. Спать же по-прежнему отправлялись в тесные жилища на берегу реки. Охотники сообщали, что в зону начали проникать животные: олени, дикие козы, злые кабаны, волки и лисы, и многочисленные грызуны. Мяса хватит на всех.

Тил все еще занимался дисциплиной, ограничиваясь, как правило, палицами: одного смертного приговора, к тому же сомнительной законности, им было достаточно. Но воинов раздражал — как им казалось — бесполезный труд. Они привыкли к честолобивым поединкам, а не к этому ковырянию в грязи. И не нравилось им подчиняться приказам безоружного труса.

— Лучше бы ты сам этим занимался, — заметил раз Сэв, глядя на действия Ти́ла. — Все понимают, что делать это необходимо, но когда это делает он, то будто сам становится командиром. Тебя и так никто не уважает, да еще эта птица...

Сэв был парень беззлобный, совершенно открытый. Обижаться на его слова было нелепо. Все верно: Сос выполнял свой замысел за счет собственной репутации, а начинать с этого было нехорошо. Ни один из воинов не знал обстоятельств, при которых он лишился оружия, не знал, что же привязывает его к Солу, а он не утруждал себя оправданиями.

Тил был фактическим лидером, и если Сол не вернется, вся власть перейдет к нему. Он и раньше хотел создать собственное племя, а мастерства ему не занимать. Как и Сол, он гнушался слабыми противниками и в своих походах сделал лишь единственное приобретение. Но, как и Солу, ему достало ума понять, что можно сделать с обычными людьми,

имся перед собой цель. Была ли его помощь искренней? Или он выгадывал время, сплачивая вокруг себя группу?

Сос не имел права на оружие. И зависел от доброй воли Тила и собственного ума. Впереди был год службы, и он намеревался исполнить свой долг с честью. А после...

Лицо Сола виделось по ночам, волосы ее ощущал он на своем плече, чувствовал все ее тело. Но без оружия все мечты были тщетны. В действительности-то он был не менее Тила опасен для имперских замыслов Сола, ибо желал того, что могло дать лишь безоговорочное лидерство. Сола не возьмет браслет у второго воина племени, а тем более у третьего или четвертого, этого она никогда не скрывала.

Но и будь у него оружие, в круге он не одолел бы Сола, да и Тила тоже. На это было бессмысленно надеяться. И в этом смысле безоружность была ему на руку.

Наконец, землеройки явились. В середине дня они лавиной скатились с холма и устремились к защитным укреплениям лагеря. Сос чуть ли не рад был их увидеть, по крайней мере его тщательные приготовления были теперь оправданы. И судя по тому, что дикие звери возвращались в зону, землероек не было долго. А если б они не появились, — как то ни парадоксально, — нарушились бы и его планы.

— Опрокинуть бочки! — крикнул он, и воины, стоявшие около них, заученным движением вышибли пробки и принялись осторожно лить хмельное содержимое в ров.

— Женщины и дети по палаткам!

Громко протестуя, что их лишают самого интересного, домохадцы перешли реку вброд и взобрались на склон холма.

— Оружие — к бою!

Все свободные воины сформировали цепь защиты, пристыженные размерами противника. Здесь было пятнадцать мужчин и несколько старших подростков; охотничья партия отсутствовала.

Воины у бочек закончили свою работу, не без сожаления взглянув на веселящий напиток, истраченный почему зря, и встали рядом с опущенными древками «зажигалок». Сос медлил, надеясь, что подойдут охотники. Но те не появились.

Землеройки прихлынули ко рву, закружили у его края, опасаясь незнакомого запаха. Затем прыгнули самые смелые, за ними двинулись остальные. «Интересно — подумал вдруг Сос, — смогли бы они опьянеть, как человек?»

— Огонь! — скомандовал он. Барабанщик начал выбивать медленный размеренный ритм, воины одновременно подожгли запалы, отскочив назад. Это был самый болезненный момент тренировок — взрослые мужчины, танцующие под барабан.

Языки пламени взвились надо рвом, дым, смрад горящего спирта наполнили воздух. Они оказались за стеной огня, вздымавшегося полукругом. Глядя на него, «танцоры» прикрывали глаза; теперь им стало ясно, что случилось бы с теми, кто замешкался.

Сос досконально проработал этот план. По книгам он знал, что алкоголь расплывется по поверхности воды и, подожженный, горит лучше, чем на земле, где грязь и палая листва могут его поглотить. Слой воды внутри рва был для спирта отличным полем, а течение распространяло его по всей длине. Сос рад был, что оказался прав, невзирая на сомнения. Здравый смысл говорил, что вода гасит любое пламя. Странно, почему он раньше не додумался влить несколько капель спирта в воду и проверить?

Часть землероек прорвалась. Воины колотили по земле палицами и булавами, пытаясь разможить увертливых тварей. Воздух сотрясали ругательства. Теперь на крохотных врагов никто не смотрел пренебрежительно.

Языки горящих паров сникли: спирт слишком быстро улетучивался. По сигналу Соса выкатили еще несколько бочонков из центральной палатки. Но воины не могли вылить содержимое, пока пламя не угасло вовсе, иначе они могли попасть в самое пекло, а то и разлететься на куски от взрыва бочки. Такого поворота событий Сос не предусмотрел, напор огня утих, но отдельные очаги — где горючее впиталось в землю по линии рва — остались.

Задышавшись, с опаленной бородой, подскочил меченосец Тор:

-Верхний край свободен. Если вылить там...

Сос ругал себя, что не подумал об этом раньше. Течение очистило примыкавшую к реке часть рва, а землеройки уже толпами подползали, чтобы растерзать зажаренных сородичей и взобраться по насыпи. В этом месте спирт можно лить бочку за бочкой: поток разнесет его равномерно по всему каналу, и это позволит поддерживать постоянный огонь.

— Займись этим, — крикнул он Тору.

Воины били и молотили бесконечный поток несъеденной поклади рук. Сос опять вспомнил отряды странствующих муравьев. Но млекопитающим здесь недоставало организованности насекомых.

Тор, помявшись с подручными, привел свой план в действие и запалил канал снова. Однако численность тварей не уменьшалась. Откуда они брались?

Вскоре это выяснилось. Землеройки сползали в реку,плыли и выбирались на землю уже внутри защитного полукруга! Большинство — без слаженной координации — либо сгорело

в пламени, либо поплыло напрямик к противоположному берегу, много утонуло на середине реки, еще больше — в сражении на воде за трупы собратьев. Но в целом их было столько, что и пяти-десяти процентов прорвавшихся за огневое ограждение с лихвой было достаточно, чтобы заполнить территорию лагеря.

Может спирт, лить прямо в реку? Но горючей жидкости оставалось совсем немного, и если маневр не удастся, они окажутся в ловушке между защитным огнем и животными, наводнившими тылы.

Он не мог допустить потерь. Землеройки выиграли битву.
— Отступаем! — крикнул Сос.

Воины, ранее презиравшие врага, выдохлись. Землеройки изукрасили руки и ноги, они забирались в штаны, заполнили землю: повсюду зубы, зубы, зубы... Воины бросались в реку и спасались вплавь, ныряя в толщу воды. Сос быстро окинул взглядом берег, проверив, не осталось ли раненых, и поспешил за ними.

День угасал. Хватит ли времени переправить палатки до наступления ночи? Или землеройки остановятся, не достигнув лагеря?

Он решил не рисковать:

— Берите палатки и до сумерек отступайте как можно дальше. Этой атаки нам не отразить.

В самом начале они сделали склад запасного снаряжения внутри ограждения на тот случай, если землеройки атакуют с неожиданной стороны. Теперь эти запасы были вне досягаемости. Еще одна ошибка с расчетах. И пока он не будет знать маршруты землероек и периодичность миграций, промахи неизбежны.

Ночью хищники не стали забираться на холм, они мародерствовали лишь при свете дня. Возможно, из-за мотыльков. Наутро основной корпус, насытившись своими же неудачниками и все еще неисчислимым, пересек реку и двинулся вниз по течению. Лишь некоторые упрямы на окраинах взобрались на холм и подошли к палаткам.

Сос оглядел округу. Вряд ли возвышенность была безопасней плоской поверхности долины. Присмотревшись к жизни здесь было не более, чем внизу. Вероятно, в маршрутах землероек не было определенности — они преодолеют и подъем, если захотят. Скорее всего, они следовали общим контурам ландшафта, поднимаясь, где легче, и тут же спускаясь, что вообще несложно.

Но было ясно: землеройки передвигались только большими скоплениями и, значит, были подвержены динамике массы. Он попытался вспомнить тот путанный комментарий к

очень сложному тексту... Массы формируются вокруг лидеров и отражают их индивидуальность и стиль; стоит устранить лишь некоторых, чтобы сбить с толку всех. Раньше он не придавал этому практического значения. Следовало бы обдумать это, сделать выводы и применить к ситуации.

Неплохо бы проследить за дальнейшими изменениями внутри полчища, узнать наверняка, к чему они приведут. И выяснить бы, с чего все начинается: возможно, они плодятся на ограниченной территории. Тогда ее можно выжечь, прежде чем следующая орда наберется сил. Теперь уже ясно, что делать упор на оборону — не выход.

К полудню враг скрылся из вида, и воины смогли вернуться в разрушенный лагерь. Картина впечатляла: даже нейлон был помечен укусами и загажен кучами испражнений.

Особая группа, назначенная Сосом, немедленно выступила вслед землеройкам, изучить их пути. Женщины и дети направились в сторону рва, чтобы расчистить место и разбить новые палатки. Здесь уже ничто не угрожало. Очередная орда плотоядных тварей погибнет голодной смертью, если последует по маршруту предыдущей. Новая лавина землероек скорее пронесется по другому берегу. А здесь женщины готовились к большой стирке.

Останки и снаряжение пропавших охотников нашли в трех милях вверх по реке. И этого оказалось достаточно, чтобы всякое недовольство работой было среди воинов навсегда забыто. И к Сосу стали относиться с большим уважением: он доказал свою правоту.

Глава 7

Вождь прибыл через две недели, с пополнением в пятьдесят человек. Теперь у него было внушительное племя: шестьдесят пять воинов, — хотя в большинстве это была зеленая молодежь, лучшие воины пока оставались в старых племенах.

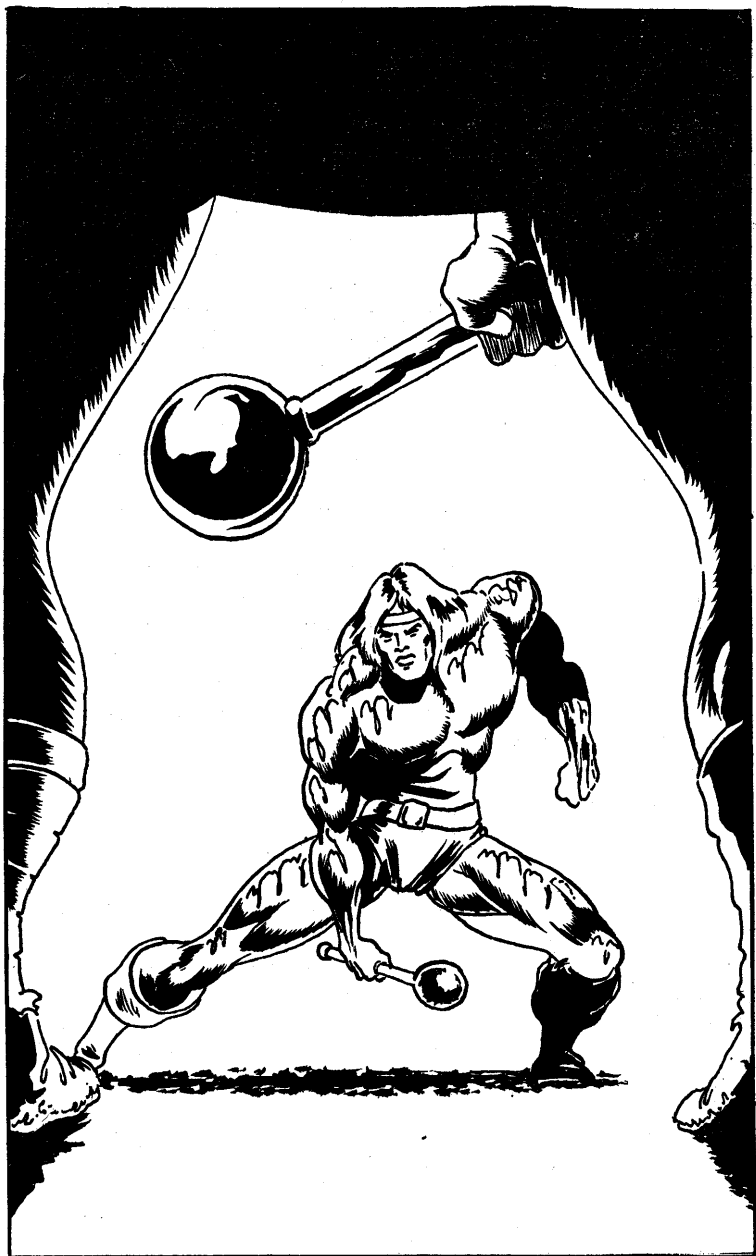
Сос не знал, как Сол отнесется к потерям: правление советника стоило группе пяти человек. Он вызвал двух свидетелей суда над Наром (третий в день нашествия землероск оказался в охотничьей партии) и приказал доложить о том, ему казалось, давнем уже происшествии.

— Дозор состоял из двух человек? — спросил Сол.

Свидетели кивнули:

— Да, как обычно.

— И второй не доложил, что первый спит?

Сос хлопнул себя ладонью по лбу. Для человека, изошряющего свой ум, так глупо оскандалиться! Виновны были двое, не один! Может быть, у Сола уже был свой опыт наведения порядка?

Вождь и советник удалились для беседы. Сос подробно описал события последних недель, и Сол не пропустил ни слова. На вопросы истории и биологии у него не хватало терпения, но задача построения империи занимала его полностью.

— И ты сможешь сколотить из этих новичков боеспособный отряд, способный принести победу?

— Теперь, когда есть хорошая площадка и достаточно воинов, думаю, это можно сделать в полгода. При условии беспрекословного подчинения моим требованиям.

— Они подчиняются Тилу.

Сос взглянул на вождя обеспокоенно. Он полагал, Сол положит конец этой двусмысленности. — Разве ты не собираешься остаться?

— Завтра я выхожу набирать новых людей. А ты дрессируй этих.

— Но ведь шестьдесят пять воинов! Что-нибудь да случится!

— Ты о Тиле? Он что, хочет быть командиром?

— Он никогда не говорил об этом, всегда был хорошим помощником. — Сос не желал наводить напраслину. — Но он нормальный человек, и не может не думать об этом.

— Что же ты посоветуешь?

Снова все зависело от него. Вера Сола в своего советника подчас обескураживала. Он не мог требовать, чтобы вождь остался здесь: Солу, по всему, нравились походы за новобранцами. Попросить взять с собой Тила? Не было смысла, смена дисциплинарного лидера не устранил проблемы.

— Я не могу упрекнуть Тила в нечестности. Но его нужно заинтересовать, показать, что выгодней быть с тобой, чем отделяться, даже если кто-то за ним пойдет.

— Да я голову ему снесу, если он вздумает пойти против меня!

— И все же ты мог бы назначить его первым воином в свое отсутствие и поставить во главе отдельной группы. Дай ему позабавиться хоть титулом.

— Я хочу, чтобы моими людьми занимался ты.

— Поставь его надо мной, пусть командует. Все равно это послужит общему делу.

Сол поразмыслил.

— Хорошо. А что я должен дать тебе?

— Мне? — Сос оторопел. Вот как вышло! Если для сохра-

нения верности нужно поощрять Тила, то что тогда говорить о нем? Сол прекрасно понимал, что тренировки важнее порядка, что Сос пользуется большей свободой, чем все остальные. Ведь теоретически он мог в любой момент отказаться от имени и уйти. — Я согласился служить тебе год за свое имя. Больше ты мне ничего не должен.

— Мне нравится твоя птица, — сказал вдруг Сол. — Может, подаришь?

Сос скосился на маленького своего приятеля, дремавшего на плече. Птица стала уже частью его жизни, он уже забывал о ее присутствии.

— Глупыш не принадлежит никому. Ты имеешь столько же прав на него, как и я, ты ведь спас его от ястреба. Но он почему-то привязался ко мне, хотя я даже помню, пытался его прогнать. Я не могу подарить его тебе.

— Почти так же я утратил свой браслет. — Сол коснулся обнаженного запястья.

Сос отвел взгляд, почувствовав себя неловко.

— Если ты подаришь Глупыша, а он найдет самку, и она снесет яйцо, я отдам яйцо тебе, — пробормотал Сол.

Взбешенный, не находя слов, Сос зашагал прочь.

Больше они не перекинулись ни единой фразой, и на следующее утро Сол вновь отправился в путь. Сола осталась в лагере.

Тил, похоже был доволен повышением. Как только вождь покинул лагерь, он вызвал Сосу:

— Я хочу, чтобы ты эту толпу превратил в боевую силу, которой не будет равных. Кто будет отлынивать — ответит передо мной.

Сос хмуро кивнул и приступил к осуществлению изначального замысла.

Прежде всего он посмотрел каждого воина в круге, ловил стиль, сильные и слабые стороны, делал записи на листках шрифтом старинных книг. Затем распределил воинов по рангам и по оружию: первый меч, второй меч, первый шест, второй шест... Мечей было двадцать, этот инструмент был самый популярный, хотя и грозил увечьем и гибелью. Было шестнадцать булав, двенадцать шестов, десять палиц, шесть кинжалов и одна «звезда».

Первый месяц ушел на занятия с отдельными группами. Соперники были под рукой, не было необходимости тратить время на поиски. Каждый упражнялся до усталости, пробегал несколько кругов вокруг лагеря, возвращался снова. Лучшие воины верховодили: став командирами, обучали других тонкостям ремесла. Первоначальный состав рангов менялся, с пришедшим мастерством менялось и положение воина. Раз-

горался дух соперничества, бои превращались в состязания, с болельщиками из других групп, которые аплодировали, подшучивали, в случае надобности — предотвращали опасные действия.

Звездник тренировался с булавщиками. «Утренняя звезда», диковатая на вид: короткая рукоять и тяжелый, в шипах, шар на цепи, — была особо опасной. Трудная в упражнении, непригодная для защиты, она не могла нанести легкий удар, — поражала цель, корежа плоть и разбивая кости. Сойтись с разъяренным звездником в круге — на это не решались самые опытные воины, хотя неумелый звездник часто калечил и самого себя.

Время шло. Парни превращались в искусных мастеров. По двое, по трое в лагерь прибывали от Сола все новые люди, холостые и с семьями.

Их включали в специальные формирования, определяли ранг, но старожилы говорили, что качество пополнения снижается. К концу первого месяца число воинов перевалило за сотню.

Поначалу было много молодых, — глуповатых, неуклюжих, принятых лишь потому, что попались на пути. Но Сос и советовал Солу не судить по начальному уровню или внешности. Схватывая на тренировках приемы и принципы, они быстро продвигались по лестнице рангов. Некоторым из лучших в обычных условиях не хватило бы жизни, чтоб добиться таких успехов.

Со временем, от поединка к поединку, даже самые неуживчивые и вздорные новички прониклись духом единства. Уже немногие чувствовали, что племя предназначено для больших свершений. Сос собрал самых сообразительных и заговорил о тактике.

— Допустим, в вашей группе шесть хороших воинов, от первого до последнего ранга. Вы встречаете группу из шести, каждый из которых чуть-чуть лучше ваших. В каком порядке лучше сражаться?

— А насколько они лучше? — поинтересовался Тан, булащик не слишком высокого ранга: большой вес делал его неповоротливым.

Их первый воин побьет твоего первого, второй — твоего второго, но не первого, третий — твоего третьего, но не второго, и так далее.

— А у меня нет такого, который побьет их первого?

— У тебя такого нет, а их вождь настаивает на сражении, и все остальные тоже.

— Он, понятно, не будет зевать и не позволит, чтобы мой первый сразился с более слабым. Вызовет моего первого — и отобьет, потом их второй — отобьет моего второго...

— Ну и...

— Удача может дать мне одну, ну две победы, но лучше с этим племенем не встречаться.

Чернобородый Тор просиял:

— Я могу побить пятерых, и потерять лишь самого слабого.

— Как? — удивился Тан. — Они же лучше...

— Я пошлю моего шестого против их сильнейшего, будто это мой лучший.

— Но твой первый ни за что не согласится драться после шестого!

— Мой первый будет подчиняться моим приказам, даже если считает их оскорбительными. Он сойдется с их вторым — и победит, мой второй — победит их третьего, и в конце концов, мой пятый — их шестого.

— А их первый...

— Завоюет лишь моего шестого, который проиграл бы и любому другому.

— И у тебя будет десять человек, тогда как их вождь останется лишь с двумя, — подытожил Сос. — Хоть до сражения его команда была лучше.

Тан поскреб в затылке и засмеялся:

— Здорово!... Я это запомню. Только... — он посерьезнел, что, если их лучший откажется драться с моим шестым?

— А как он узнает? — ухмыльнулся Тор.

— А как ты узнаешь его ранг? Если они задумают то же?

— Стратегия хороша, но после предварительной разведки, — заключил Сос. — И для нее неплохо использовать опытного, но уже отошедшего от сражений воина.

Они долго и с увлечением изобретали подобные вопросы, соревнуясь, стараясь загнать противника в угол. Взяв домино, — его прихватили из игровой комнаты на одной из стоянок — они разложили костяшки перед собой (чем больше точек — тем выше ранг), придумывая все новые ситуации. Тор, самый изобретательный, уже почти любое, самое безнадежное дело мог повернуть к победе.

Сос уступил выдуманный вид соревнований в тактике своим ученикам. Он показал, как использовать ум тогда, когда не срабатывает грубая сила, и был этим вполне удовлетворен.

На второй месяц, когда система рангов приобрела четкость, начались соревнования между видами. Советники вернулись в свои ряды и там, как заговорщики, внедрили хитроумную тактику победы над соперниками. В каждой группе был замечен дух товарищества, и все стремились показать свое превосходство над другими командами.

Сос обучал счету: точка за победу, ничего за поражение.

Мужчины, которые ходили с карандашом и бумагой, как ненормальные, выглядели довольно смешно, и вскоре их сменили женщины, выписывая счет уже на доске. Группы обозначались символами (их придумал Сос) — упрощенными изображениями булав, мечей и других орудий. И каждый вечер мужчины устремлялись сюда, бурно радуясь победам, сокрушались из-за потери ранга.

Когда система точек стала громоздкой, ее сменили арабские цифры. Это было достижение, о котором ранее Сос и не мечтал. Однажды он ненароком увидел, как маленькая девочка пальцами стирала дневной счет своей группы. Закончив, она взяла карандаш и написала число 56 напротив меча. И Сос понял, до чего просто можно наладить обучение основам математики и даже полноценному письму.

Воины не думали о грамоте, пока лишь не было в том нужды.

Кинжальщики, как самая малочисленная группа, оказались в невыгодном положении.

Что толку, — пожаловался их командир, — если мы выигрываем даже все впятером. Меченосцы обставят за день и при многих поражениях.

Сос показал, как вести счет по списку: количество побед на каждого человека. Теперь он уже вынужден был начать занятия математикой и обучить женщин искать среднее арифметическое. Сола тоже занялась, хотя и не была самой способной из женщин; оставшись в одиночестве, от нечего делать, она освоила арифметические действия настолько, что могла обучать других. Сос был благодарен за эту помощь, хотя ее присутствие было мучительно.

А в круге происходили странные вещи. Оказалось, меч даже высокого ранга не всегда справляется с грубой булавой, а тот, кто с блеском владел булавой — может уступить шесту. Советники, которые с изменением рода противника первыми догадались усовершенствовать систему рангов, добавили своим группам много победных очков.

Тил поначалу смеялся, заставая Тора в палатке за раскладыванием домино. Однако, присмотревшись, смеяться перестал. Понимая свое отличие от прочих, Тил держался особняком, но общее развитие племени вынудило пошевелиться и его. Уже появились воины, оспаривавшие его мастерство.

Настало время, и он сам склонился над домино.

На третий месяц приступили к тренировкам в парах, двое на двое.

— Четыре воина в круг? — поразился Тил.

— Ты слышал что-нибудь о племени Пита?

— Нет.

— Очень мощное формирование на востоке. Они выставляют пары с мечами и шестами. По одиночке в круг не ходят. Ты хочешь, чтобы они объявили победу над нами за отказ от вызова?

— Нет.

Первый день парных тренировок принес ценный опыт. Кинжалы и палицы не доставляли хлопот. Но шесты задевали друг друга, а широкие движения булавой грозили увечьем партнеру. Снова произошли смещения в рангах: первые и вторые мечи терпели постыдное поражение от дуэтов десятых и пятнадцатых. Мастера заботились только о себе, а низшие ранги демонстрировали мудрое взаимодействие: яростное, безрассудное нападение сдерживалось спокойной, точной защитой. Когда два меча бросались в атаку, не отличая друга от врага, круша налево и направо, слаженная команда менее сильных брала верх.

А потом пошли смешанные двойки, меч в паре с булавой, кинжал — с шестом, пока каждый воин не научился входить в пару с любым оружием против любой комбинации соперника. Система подсчета тоже совершенствовалась: женщины изучили дроби, при необходимости — делили, составляли пропорции.

Незаметно пролетели месяцы, появились опытные наставники, которые брали под опеку потрясенных новичков и показывали путь к совершенству.

Падали листья, затем повалил снег. Землеройки и мотыльки исчезли, хотя бдительность воинов задолго до того снизила их опасность. Рагу из землероек считалось уже хорошим блюдом, и теперь, зимой, найти замену столь щедрому источнику мяса было не так просто.

Боевые круги подметались каждый день, тренировки продолжались и в морозы, и в оттепель. Время от времени прибывали новобранцы. Вождь по-прежнему отсутствовал.

Глава 8

С началом холодов Сэв перебрался в центральную палатку, которая постоянно обогревалась огнем. Для удобства семей ее разделили на множество маленьких отсеков. Все чаще, в поисках браслетов, здесь появлялись молодые женщины. И Сэв щедро пустил по кругу свою эмблему.

Сос остался в маленькой палатке, не желая попасть в одно жилище с теми, кто носил оружие. Невозможность войти в круг мучила, изматывала, но открыто признаться в этом он

не мог. Оружие нужно было, как воздух, но все шесть видов его стали для него неприкасаемы. А такая альтернатива, как лук и стрелы, для круга не годилась.

Он часто думал об этом. Зачем ненормальные тратят столько сил на производство вещей для воинов, если потом даже не интересуются, как они живут, как их используют? Он бился над этим вопросом, оставаясь членом воинского общества, думая его понятиями.

Он сбросил с себя одежду и голый забрался в теплое нутро спального мешка. И об этом удобстве ненормальные неизменно заботились зимой, на ближайшей стоянке мешков оказалось более обычного — точно по их потребности. Они, безусловно, знали о лагере, но, по всей видимости, это их не беспокоило. Где люди — туда и вещи. И никакого контроля.

Теперь Сос обзавелся маленькой газовой лампой и мог читать вечерами случайные книги, оставленные ненормальными (и здесь они проявляли свою предусмотрительность!) Когда он стал брать книги со стоянки, их появилось еще больше, и как раз по вопросам, которые его занимали.

Он зажег лампу, открыл лежавший поблизости том. Это была книга о сельском хозяйстве в эпоху до Взрыва. Текст оказался сложным, никак не удавалось сосредоточиться. Тип и количество удобрений для отдельных площадей, севообороты, пестициды, их применение и меры предосторожности... — все сплошь невразумительные термины, а он хотел знать лишь, как выращивать земляные орехи и морковь. Он отложил книгу и погасил лампу.

После ухода Сэва было одиноко. Сон долго не шел. Сэв передавал браслет из рук в руки, обнимал податливую и жадную плоть — там, в центральной палатке. И Сос мог бы поступить так же. Находились женщины, бросавшие недвусмысленные взгляды и на его браслет, хотя он и был безоружен. Он уверял себя, что его положение требует холостяцкой жизни и одиноких ночей. Но чувствовал: это самообман. Обладание женщиной — обратная сторона мужского достоинства. Здесь воин мог укрепить свою репутацию не менее успешно, нежели в круге. И Сос отказывался от женщин лишь потому, что был безоружен, и стыдился этого.

Кто-то приближался к палатке. Тор захотел поговорить с лазу на глаз? Бородач здорово соображал, в групповой организации и тактике обставлял даже Соса. Они подружились — насколько могли позволить обстоятельства. Иногда Сос делил пищу с семьей Тора, хотя пухленькая веселушка Тора и не по годам развитая Тори напоминали, насколько он всегда нуждался в собственной семье.

Всегда? Нет, такое желание от стал замечать лишь в последнее время.

— Сос?

Это был женский голос, слишком, до мучительного знакомый.

— Что ты хочешь, Сола?

Ее голова в капюшоне показалась у входа, на фоне снега она казалась черной.

— Можно войти? Здесь холодно.

— Здесь тоже не жарко. Быть может, тебе лучше вернуться к себе?

У нее тоже было отдельное жилище, рядом с палаткой Тила. Жена начальника стала ее близкой подругой. Сола носила браслет вождя, и мужчины обходили ее стороной.

— Впусти меня.

Обнаженной рукой он откинул зыбкий полог (забыл затянуть вход плотной тканью, когда погасил лампу). Она встала на четвереньки, забралась внутрь, едва не опрокинув лампу, и улеглась рядом.

— Я так устала спать одна.

— Ты пришла сюда спать!?

— Да.

Внезапная, неистовая надежда — от неожиданности она казалась еще более сильной — ударила по сердцу. Он обманул себя дважды: страсть, страсть к этой женщине сдерживала его, а вовсе не положение, не отсутствие оружия!

— Ты хочешь мой браслет?

— Нет.

Разочарование было еще невыносимей погасшей радости.

— Уходи.

— Нет.

— Я не оскверню браслет другого мужчины. И не потерплю измены собственному. Если не уйдешь сама — выставлю силой.

— А если я закричу, и сбежится весь лагерь?

В беспорядочном своем чтении ему встречались похожие ситуации. Мужчина, поддавшись однажды, никогда уже не примет самостоятельного решения. И со временем все станет лишь хуже.

— Кричи, если хочешь. Но ты здесь не останешься.

— Попробуй только тронь! — она и не двинулась.

Обозлившись на нее и на свое преступное влечение, он поднялся и схватил ее за меховую парку. Та соскользнула на пол, и в снежном свете, еще проникавшем снаружи, он увидел наготу Сола. Не мудрено, что она замерзла.

— Не самая приличная картина: голый мужчина борется в палатке с голой женщиной, — фыркнула она.

- Это происходит всегда и всюду.
— Но не тогда, когда она этого не хочет.
— В моей-то палатке? Ее спросят, почему она пришла голой и не закричала, прежде чем войти.
— Она пришла одетой, чтобы разобраться с трудным вопросом. Ошибка в дробях.

Сола порылась в кармане лежавшей парки и вытащила бумажку с кое-как нацарапанными цифрами. Их не было видно, но он уже понял: она сделала домашнее задание специально, чтобы было оправдание. И даже с ошибкой, достойной его внимания. А он — вот попался-то! — затащил, нет — заманил жену вождя внутрь и сорвал с нее одежду. Ловко! Все предусмотрела! Поднимись сейчас переполох — и вскоре племя перестанет в нем нуждаться.

- Чего ты хочешь?
— Я хочу согреться. В твоём спальнике хватит места на двоих.

— Ты ничего этим не добьешься. Хочешь, чтоб я ушел?
— Нет. — Она нашарила молнию, расстегнула спальник, впустив внутрь холодный воздух. Не успел он опомниться, как она — обнаженная, теплая — уже лежала рядом, плотно задернув молнию.

Он попытался отвернуться, но его движение лишь прижало к ее мучительному телу. Взяв за волосы, она хотела повернуть его лицом к себе, но он не поддавался.

— Сос, я же пришла не для того, чтобы мучить...
Он промолчал. Какое-то время она лежала спокойно, но зов пола исходил от ее тела. Она так близка, так доступна!... За счет бесчестья. Зачем? Зачем она пошла по этому пути? Сняла бы лишь на время эмблему Сола...

Другая фигура выступила из тени центральной палатки, и грузные шаги закрипели по умятому снегу.

— Дождалась, чего хотела! Тор идет!
И тут все ее притворство вышло наружу. Она съежилась в спальнике и попыталась спрятаться.

— Отошли его!
Сос схватил парку, затолкал ее под основание палатки. Солу упрятал с головой в мешок, надеясь, что воздуха ей хватит.

Скрип шагов был все ближе. У самой палатки Тор замер. Молча постоял и тяжелой походкой потопал обратно, решив по всему, что друг его спит, раз света нет и палатка плотно закрыта.

Сола вынырнула, едва опасность миновала.
— Но ты же хочешь меня! Иначе, разве стал бы прятать...
— Сними его браслет и возьми мой.
— А помнишь, мы с тобой лежали рядом... — прошептала она, избегая прямого отказа.

— «Зеленые рукава»?

— И «Долина Красной реки». Ты спросил, чего мне не хватает в жизни, а я ответила — власти.

— Ты сделала свой выбор, — он даже не мог утаить своей горечи.

— Но тогда я не знала, чего не хватает ему.

Ладонь ее скользнула под его локоть, рука обвила спину. Сос был уже не в состоянии сдерживаться и видел, что она это чувствует.

— Ты в лагере — первый человек. Это понимают все, даже Тил. И Сол. А он знает это лучше всех.

— Почему же ты не хочешь расстаться с его браслетом?

— Потому что я думаю не только о себе! — глаза ее сверкнули. — Он дал мне имя, не желая этого. И я обязана дать ему что-нибудь взамен. Даже если не хочу. Я не могу оставить его, пока мы не сравняется.

— Не понимаю.

Теперь горечь прорвалась в ее голосе:

— Все ты понимаешь!

— У тебя странная система счета.

— Это его система, а не моя. Она не укладывается в твои цифры.

— Но почему для своих целей ты не выбрала другого?

— Потому что он тебе доверяет. А я — люблю тебя.

Ему нечего было сказать. Решение исходило не от нее, а от самого Сола.

— Если хочешь, я уйду. Не буду ни кричать, ни скандалить. И никогда не вернусь.

Она могла теперь позволить себе это. Она уже выиграла. Молча, он стиснул ее в объятиях, ища губ, тела.

Сола, отстранила лицо:

— Ты знаешь цену?

— Знаю... знаю...

Глава 9

К весне Сол вернулся. Тощий, угрюмый, покрытый шрамами, он шел взвалив на спину свою тачку. Более двух сотен воинов — крепких, рвущихся к делу мужчин — вышли ему навстречу. Они чувствовали: возвращение вождя означает начало действий.

Сол выслушал отчет Тила, сухо кивнул:

— Выступаем завтра.

Этой ночью Сэв снова вернулся в свою палатку. Уход и

возвращение шестовика оказались на редкость своевременны.

— Твой браслет устал? — пошутил Сос.

— Надоело одно и то же. Я люблю перемены.

— С таким настроением своей семьи не наживешь.

— Конечно! — согласился Сэв. — Мне сейчас нужно собраться с силами. Я скатился уже до второго шеста.

«Да, первый становится вторым. — Сос подумал об этом с сожалением. — Так случается не редко, но надо быть верным себе.

Племя выступило. Меченосцы шли первыми, завоевав эту привилегию по годовому подсчету очков. За ними следовали кинжальщики, чуть-чуть отставшие, далее — паличники, шестовики и булавыщики. Одинокая «утренняя звезда» замыкала шествие, набрав очков менее всех, но не лишившись своего положения. «Мое оружие не для забав», — говорил звездник, и был абсолютно прав.

Сол больше не сражался. Все время проводил с Солой, став необычайно заботливым, и управлял слаженной военной машиной, детищем Соса, с помощью редких, прямых указаний. Знал ли он, что делала жена его в зиму? Должен был: Сола была беременна.

Тил шел во главе племени. При встрече с одиноким воином, принимавшем условия, он обращался к подходящей группе, и ее командир выбирал своего представителя для поединка. Преимущества долгих тренировок не замедлили сказаться: воины племени были, как правило, в лучшей форме, чем их противники. И зная стратегию, почти всегда побеждали. Но и при поражении, одинокий победитель, оценив размах и силу племени, часто просил командира принять его в группу. Перебежчиков не было: Тил ревностно отбирал в поход только верных людей.

Только Сос ни от кого не зависел — и сожалел об этом.

Через неделю они столкнулись с другим племенем, человек из сорока. Их вождь был из тех заматерелых вояк, встречу с которым можно было предвидеть. Переговорив с Тилом, вождь — не желая слишком уж рисковать — выставил в круг четверых: меч, шест, булаву и палицы.

Тил, недовольный и сумрачный, отошел к Сосу:

— Племя маленькое, но воины стоящие, опытные. Я вижу, как они двигаются, да и шрамы.

— И донесения наших разведчиков, — добавил Сос.

— Он даже не хочет выставить своих лучших! — негодовал Тил.

— Возьми пятьдесят воинов и вызови сам его группу. Пусть он посмотрит наших и убедится, что с ними не стыдно иметь дело.

Тил улыбнулся и пошел к Солу за формальным разрешением. Спустя несколько минут он представил сорок пять избранных для сражения.

— Не пройдет, — пробормотал Тор.

Хитрый вождь осмотрел команду, одобрительно хмыкнул.

— Хорошие воины. — Он пристально посмотрел на Тила. — Ты ведь, кажется, мастер двух орудий?

— Меч и палицы.

— Раньше ты странствовал один, а теперь ты второй в командовании двумя сотнями? Я не буду драться с тобой.

— Ты настаиваешь на встрече с нашим вождем?

— Разумеется, нет!

Тил еле сдержался. Он подошел к Сосу с язвительной улыбкой на губах.

— Ну, что теперь, советник?

— Спроси Тора, — Сос не знал, что придумает бородач, но подозревал, что это работает.

— Его слабое место в самолюбии, — тихо, как заговорщик, начал Тор. — Он не будет драться, если увидит, что может проиграть. Выставит сразу не более пятерых и, как только удача от него отвернется, откажется от продолжения. Нам тут выгоды никакой. Но если мы заставим его выглядеть смешным...

— Отлично! — Сос схватил идею. — Выставим четырех насмешников. И пусть они доведут его до серьезного сражения!

— И веселую компанию в поддержку, пусть гогочут во все горло.

— Ха, за этим дело не станет, — согласился Сос, вспомнив, с каким искусством воины издевались друг над другом в состязаниях групп.

Тил пожал плечами.

— Занимайтесь этим сами, — буркнул он, двинувшись к палатке, — Не мое это дело.

— А ведь действительно хотел драться, — заметил Тор, — но вышел из игры. Никогда не смеется.

Они остановились на подходящей четверке весельчаков, потом отобрали еще более замечательную группу болельщиков для первого ряда.

Поединки начались в полдень. Из рядов противника вышел высокий меченосец, серьезный мужчина, которого еще вполне можно было назвать юношей.

Со стороны Сола вышел Дэл, второй кинжал: круглолицый, плотно сбитый и вечно смеющийся, тонко и схидно. Первоклассным бойцом он не был, но в тренировках — что удивляло всех, поскольку тучные воины уязвимей для острых орудий, — никогда не проигрывал против меча.

Меченосец сурово оглядел соперника, вошел в круг и принял защитную стойку. Дэл выдернул один из кинжалов и встал напротив, с восьмидюймовым клинком моментально скопировав позу противника. Зрители засмеялись.

Скорей озадаченный, чем рассерженный, меченосец сделал несколько пробных выпадов. Дэл парировал их, орудуя маленьким кинжалом, как мечом. Болельщики разразились хохотом.

Сос исподтишка наблюдал за чужим вождем. Тому совсем не было весело.

Меченосец пошел в настоящую атаку, и Дэл, изящно вынудив второй кинжал, сдержал его мощное оружие серией ложных ударов и выпадов.

Соперничать с мечом кинжальная пара могла лишь у редких ловкачей. Дэл выглядел увальнем, но его коренастая фигура ускользала на волосок от меча, инерцию которого он четко использовал. В поединке против кинжалов нельзя было забывать, что их два. Бесплезно блокировать один клинок, когда второй устремляется к открытой цели, нужно было соблюдать дистанцию.

Будь меченосец опытнее, тактика Дэла могла оказаться гибельной. Но в этом поединке ему удавалось — подставляя себя под удар, грозивший увечьем, — вынуждать меченосца пятиться. И Дэл не торопил развязку. От отсек у противника прядь волос и принялся размахивать ею, как султаном. Болельщики ревели от смеха. Затем он аккуратно подрезал сзади штаны меченосца, и тот спешно ухватился за них. Люди Сола катались по земле, подтягивая собственные брюки и хлопая друг дружку по плечу, по спине.

Наконец, от ловкой подножки, меченосец вывалился из круга, уже ощутив позор поражения. А Дэл, не покидая круг, еще размахивал и вращал своими клинками, словно не заметив исчезновения противника.

Вождь наблюдал эту сцену с застывшим лицом.

Вторым вышел шестовик. Тор выставил Кина, паличника, и второе представление началось. Для пушей издевки Кин сражался лишь одной рукой, держа вторую палицу подмышкой, в зубах или между ногами, веселя изобретательных шутников. Обескураженный шестовик выглядел рядом с ним туповатым растяпой. Кин выбил на его шесте пальцами дробь и, пригнувшись, больно забарабанил по ногам. Уже тихо посмеивался и кто-то из соперников. И только вождь словно окаменел.

В третьей схватке уже наоборот — Сэв вышел против палицы. Напевая что-то забавное, «Пониже лети, колесница моя!», он тыкал шестом в круглое брюшко соперника, не подпуская его близко. Воину пришлось взять обе палицы в одну руку, чтобы схватить шест. «О, нет, Джон, нет, Джон,

чет, Джон, нет!», смешно исполнил Сэв и вышиб разом обе палицы из руки незадачливого соперника, которого теперь и другие стали звать не иначе, как Джон.

Против булавы вышел Мок-«Утренняя звезда». Он вступил в круг, со свистом вращая жуткого ежа над головой. Противник, защищаясь поднял булаву, цепь захлестнула его руку и — намотавшись в секунду — усилила удар шара. Мок дернул, булава отлетела в сторону, а противник уставился на окровавленные пальцы и раздробленную кисть.

Мок поднял булаву, с учтивым поклоном протянув ее рукоятью к сопернику.

— У вас есть еще одна рука. Отчего бы ею не воспользоваться, пока кости целы?

Воин посмотрел на него невидящим взглядом и, не зная чем ответить на свое унижение, попятился из круга.

Вождь побежденных казалось потерял дар речи.

— Я никогда не... такого никогда не...

— А чего ты ждал от своих шутов? — усмехнулся паренек с детским лицом. Он стоял опершись о меч и для своего орудия выглядел слабоватым. — Мы-то вышли драться, а твои клоуны — кувыряться.

— Ты! — взревел вождь — Ты сразишься с первым моим мечом!

Парень вроде как испугался:

— Но ведь ты же говорил, только четверо...

— Все! Все мои воины будут драться! Но сначала я хочу тебя и эту гнусную бороду рядом с тобой! И этих двух булавыщиков с лужеными глотками!

— Ну давай! — парень поднялся и бегом направился к кругу. Это был Нек, который, несмотря на молодость и видимую невзрачность, был четвертым среди меченосцев.

Бородой был, разумеется, Тор, а булавыщиками — опытные воины первого и второго рангов.

К концу дня племя Сола стало богаче на тридцать человек. Сол думал над прошедшими поединками целый день. Вызвал Соса и Тора.

— Это оскорбляет круг. Мы сражаемся, чтобы выиграть или проиграть, а не для того, чтобы устраивать посмешище.

И Сос отправился к побежденному вождю с извинениями и предложением серьезной ответной встречи. Но тот был уже сыт по горло.

— Не будь ты безоружным, я раскрыл бы твою башку в поединке!

Поход продолжался. Месяцы на Большой земле выковали превосходную боевую силу, а точная система рангов позволяла каждому занять свое место. Случались и поражения, но

они с лихвой покрывались выигрышами. Время от времени Тилу выпадала возможность сразиться с вождем, выставляя против его племени избранную группу — чего он и добивался в первый раз. Дважды он побеждал, чем принес пополнение в семьдесят воинов. Один раз — потерпел поражение. Тогда Сол вышел из уединения и выставил три свои сотни против пятидесяти — а теперь ста — воинов победителя. Он взял меч и убил вождя враждебного племени в такой хладнокровной, деловой атаке, какой Сосу еще не приходилось видеть. Тор отмечал для себя его технику, чтобы после привести в пример своим меченосцам. А Тил — если он когда-то мечтал о свержении Сола — расстался со своими фантазиями в этот день.

Лишь однажды племя подверглось серьезной опасности, когда на дороге показался огромный, с горою мускулов мужчина. Он шел вразвалочку, вертя булавой как обычной палицей. Сос был в племени одним из самых крупных воинов, но незнакомец превосходил его и ростом, и шириной своих плеч.

Звали его Рок. Характер у него был ровный, интеллект скудноват, а энергия той чистой радости, которую он излучал, находясь в кругу, оставляла от соперников мокрое место.

— Драться? Отлично! — воскликнул он, широко улынувшись. Один, два, три сразу! О'кей!

Он прыгнул в круг и стал поджидать желающих. Сосу показалось даже, что он окончил на «три» лишь потому, что дальше не умел считать.

Тил заинтересовался вызовом и выставил первого булавщика. Рок ринулся в атаку совершенно бесхитростно. Он попросту гвоздил булавой направо и налево, и с такой свирепостью, что противник терялся. Попадая или промахиваясь, Рок оставался незадетым и, тесня все ближе и ближе к краю, наконец, вывел из круга так ничего и не сумевшего предпринять воина.

— Еще! — победно ухмыльнулся он.

Тил взглянул на своего несравненного булавщика, что не раз приносил победу, и нахмурился, еще не поняв вполне, что произошло.

Со вторым по рангу история повторилась. Уже двое воинов, усталых, избитых, лежало на земле.

И то же самое, без проволочек — с двумя ведущими мечами и шестом.

— Еще! — радостно восклицал Рок, но Тилу этого было достаточно. За каких-нибудь десять минут он потерял лучших пятерых воинов! И победитель не выглядел уставшим.

— Завтра, — сказал он великану.

— Ладно! — разочарованно согласился Рок и принял гос-

теприимное приглашение на ужин и ночлег. Перед тем, как удалиться на покой, он умял две порции и трех охочих молодежи. Все были поражены внушительностью его appetитов, проявленных в обеих сферах. Рок побеждал всех и вся один, два, три сразу! Верилось в это с трудом, но крыть было нечем.

Наутро он был в полном порядке. Сол, появившись на этот раз, увидел своими глазами, как Рок с легкостью сокрушил булаву, палицы и кинжалы, расплющил страшную «звезду». На удары, его достигшие, он не обращал внимания, хотя некоторые были жестоки. Кровь из порезов он, как тигр, слизывал языком и смеялся. Отразить его силу не могли никакие приемы.

— Еще! — кричал он после очередного разгрома, не зная усталости.

— Мы должны его заполучить! — Сол в нетерпении сжал кулак.

— А кто его сможет победить? — возразил Тил. — Он смял уже девятых лучших, одним махом, и глазом не моргнул. Я мог бы его прикончить мечом, но без крови победить и я не смогу. А мертвый он нам ни к чему.

— Он должен сойтись с булавой, — Сос сам был озадачен. — Только ее тяжесть сможет его охладить. С мощной, ловкой, выносливой булавой.

Тил кивнул в сторону трех лучших булавщиков, сидевших по правую сторону от Рока. Они были увиты повязками, где их мышцы и кости пострадали от ударов гиганта.

— Если придгнали воины высших рангов, то нам нужен воин вообще без ранга.

— Да, — Сол поднялся.

— Постой! — закричали оба в один голос.

— Ты не должен, — Сос запнулся от волнения. — Ты слишком многим рискуешь.

— Тот день, когда я буду побежден — будет днем, когда я пойду на Гору.

Он взял булаву и направился к кругу.

— Вождь! — обрадовался Рок, узнав его. — Сразимся?

— Он даже не предьявляет условий! — простонал Тил. — Это не более чем простой поединок.

— Сразимся, — ответил Сол и вступил в круг.

Сос больше не возражал. В стремительном движении к империи только такая ставка, как целое племя, могла оправдать личное участие Сола, иначе все происходившее было преступным расточительством. Случайности нельзя было исключить. Но они уже поняли, что их вождь озабочен в последнее время и еще чем-то, кроме империи. Но не подтверждение собственного мастерства волновало его — оно уже с

лихвой было доказано в круге. И, быть может, только мужчине, лишенному оружия, дано было понять, как глубоко могли залегать шрамы от лишения иного рода.

Рок атаковал в своей обычной манере, вертя булавой как ветряная мельница. Но каждый ответ Сола был продуман и точен. Физической мощи он противопоставил ловкость, подсекая его булаву в самом начале разбега, не давая ей набрать сокрушительную силу. Уйдя от мощной дуги, коротким и прямым ударом, так восхитившим Сосу, он поразил гиганта в висок. В руке Сола булава никогда не была медленной и неуклюжей. Но противник перенес удар, словно и не заметив. Все также улыбаясь, он снова завертел булавой. Сол вынужден был отступить и пуститься на уловки, чтоб не оказаться за кругом, но Рок преследовал его вплотную.

Стратегия Сола была проста: сберечь силы, заставляя противника тратить энергию впустую. Как только Рок открывался, булава мгновенно разила его в голову, плечо или живот, ослабляя воина. Но только Рок никак не хотел слабить.

— Хор-рошо! — рычал он при каждом попадании Сола — и наступал снова.

Прошло полчаса. Племя толпилось вокруг арены и потрясенно следило за поединком. Все знали, на что способен вождь, но неистощимая энергия Рока обескураживала всех. Булава — орудие массивное, тяжелеющее с каждым взмахом. В долгой схватке рука деревенеет — а Рок словно и не напрягался, не сбавляя напора.

Наконец, Сол отказался от выжидательной тактики и перешел в наступление. Он сам непрерывно вращал булавой, вынуждая Рока обороняться. Впервые воины увидели гиганта в обороне. В защите он оказался слаб, и вскоре булава Сола со всего размаха влетела ему в шею.

Увидев, как дернулась голова великана, а из открытого рта брызнула слюна, Сол потерял собственную шею от симпатической боли. Удар должен был уложить Рока до утра. Но тот лишь замер, встряхнул головой и ухмыльнулся.

— Хорошо! — и замолотил снова.

Пот градом катился с Сола. Он уже опять ушел в оборону, повторяя обводные маневры, а гигант жал с прежней неукротимостью. Сол еще ни разу не попал под удар, его защита была слишком умелой, но и ему не удавалось ни сбить, ни вымотать противника.

Еще через полчаса он предпринял еще одну попытку и безуспешно. Рок казался неуязвимым. После этого Сол ограничился защитой.

— Какой у нас рекорд для булавы? — спросил кто-то.

— Тридцать четыре минуты.

Таймер, взятый Тором со стоянки, указывал на час сорок минут. — Так долго и в таком темпе... — произнес бородач. — Это что-то невероятное.

Тени стали длиннее. Схватка продолжалась.

Сос, Тид, Тор и другие советники сошлись для совещания.

— Скоро они будут драться в темноте! — не веря самому себе, воскликнул Тан. — И Сол не может подступиться и, Рок не может одолеть.

— Нам нужно прекратить это, пока оба не свалились за-
мертво, — произнес Сос.

— Как?

В этом-то и была загвоздка. Никто добровольно не сдастся это ясно. А поединку не видно было конца. Сила Рока не иссякала, но упорство и мастерство Сола были ей под стать. Но с наступлением темноты становился все более возможным фатальный исход, которого никто не желал.

Это была невообразимая ситуация. Вопрос заключался в том, как выйти из нее с честью? И они решили слегка нарушить кодекс круга.

Команда шестовиков ворвалась в круг, обступив соперников:

— Хватит! — орал Сэв. — Баста! Брек! Ничья!

Рок вырвался и стоял в полном недоумении.

— Ужинать! — крикнул ему Сэв. — Спать! Женщины!

Это подействовало:

— О'кей!

Сол подумал, принимая в расчет сгущающиеся сумерки.

— Ладно.

Рок подошел к нему пожал руку:

— А ты ничего, малыш! В другой раз начнем утром, о'кей?
Больше дня.

— О'кей! — согласился Сол, и все засмеялись.

Ночью Сола натерла ему руки, ноги и спину мазью, уложила для хорошего отдыха часов на двенадцать. Рок удовлетворился одной богатырской порцией и одной ядерной крутобедрой молодкой. От врачевания своих полыхающих ссадин он с презрением отказался.

— Хорошая драка! — сказал он весело.

На следующий день он отправился своей дорогой, не взяв побежденных воинов.

— Только для интереса! — объяснил он. — Хорошо! Хорошо!

Они проводили его взглядом. Он шел вниз по дороге, мыча бессвязный мотив и жонглируя своей булавой.

Глава 10

— Мой год закончился.
— Да... — Сол медлил. — Не хочется тебя отпускать. Ты верно служил.

— В твоём распоряжении теперь пять сотен воинов, избранный круг советников. Я тебе больше не нужен.

— Ты нужен мне. Кроме тебя у меня нет друзей.

Сол поднял глаза, и потрясенный Сос увидел слезы.

Подошла Сола, обхватив руками огромный живот. Скоро ее отправят к ненормальным, чтобы она разрешилась от бремени.

— Возможно, у тебя будет сын... — Сос смутился.

— Возвращайся, когда найдешь то, что ищешь. — Сол, похоже, смирился с неизбежным.

— Вернусь.

Вечером он покинул лагерь. Путь его лежал на восток. С каждым днем местность становилась все более знакомой: он приближался к своему детству.

Сос двигался по самой крошке Больной земли. Какие огромные города стояли некогда там, где теперь царствовала невидимая смерть. Появятся ли когда-нибудь еще такие же гигантские обители людей? Если доверять книгам, в центре этих махин не росло ни былинки, и земля между зданиями была закована в камень и асфальт, гладкий, как поверхность озера, а машины, которыми и сейчас пользовались ненормальные, работали повсюду и могли делать все. Взрыв уничтожил этот мир. Почему?

Сердце заколотилось, когда спустя месяц он очутился у до боли знакомого здания. Прошло лишь полтора года, как он кончил учиться в этой школе и начал жизнь странствующего воина. Но то время казалось теперь чуждым, непонятным, существовавшим как бы отдельно от нынешней его жизни.

Он миновал входную арку и, чувствуя странный трепет, почти боязнь, зашагал по коридору к двери с той сразу узнаваемой табличкой «Директор».

Незнакомая ему девушка сидела за столом, вероятно, недавняя выпускница. Очень миленькая, и совсем еще девчонка.

— Я хотел бы видеть мистера Джоунса.

Сложное имя он выговорил с особым старанием.

— А кто его спрашивает? — она с любопытством смотрела на Глупыша, важно восседавшего на правом его плече.

— Сос... — он сообразил, что это имя ни о чем не скажет. Бывший ученик. Он знает меня.

Мелодичным голосом девушка произнесла несколько слов по селектору, выслушала ответ.

— Доктор Джоунс ждет Вас, — она улыбнулась. И посмотрела с такой теплотой, словно он и не был варваром, покрытым грязью, с неопрятной, всклокоченной бородой, с пятнистой птицей на плече.

Он был польщен ее вниманием и улыбнулся в ответ, хотя догадывался: эта любезность — лишь профессиональная привычка секретарши.

Директор встал ему навстречу:

— Ну конечно! Помню. Класс 107, потом ты решил заняться... мечом, не правда ли? Так как теперь тебя зовут?

— Сос.

Он не сразу сообразил, что директор, уже знавший его имя, просто давал повод объяснить странную перемену. Мистер Джоунс пришел на помощь:

— Занятная штука, эти трехбуквенные сочетания. Хотел бы я знать, откуда они происходят... Ну, садись, Сос. Расскажи о себе. Где ты раздобыл свою птицу? Если я смыслю что-то в фауне Больной земли, это настоящий воробей-пересмешник, — заботливые, отеческие нотки явственно слышались в его голосе. — Тебя носило по опасной зоне? Ты вернулся, чтобы остаться?

— Я... не знаю, вряд ли... Не знаю, чего мне хотелось бы теперь...

Он словно почувствовал себя мальчиком, ощутив юношескую неуверенность.

— Никак не можешь решить, здоровый ли ты или ненормальный, да? — Джоунс рассмеялся, добродушно и весело. — Выбор не прост. Мне и самому хочется иногда забросить все, взять одно из славных орудий и... Надеюсь, ты никого не убил?

— Нет. — Он вспомнил злополучного насмешника Нора. — Во всяком случае, лично. Да и сражался-то лишь несколько раз, из-за всяких пустяков. Последний раз — за свое имя.

— Ага, и ни за что больше?

— Ну... может быть, за женщину.

— Жизнь в простом мире не всегда проста, верно? Если хочешь поделиться...

И — то ли отеческое внимание Джоунса, то ли просто хотелось выговориться — Соса вдруг прорвало и, вдаваясь в детали, вспоминая то, что, казалось бы, давно ушло из его памяти, он рассказал обо всем, без утайки.

— Здесь действительно есть над чем подумать. — Директор погрузился в размышления, нахмутив лоб и посерьезнев. Затем, словно очнувшись, он коснулся селектора:

— Мисс Смит, будьте любезны. Не отыщите ли вы данные некоего Сола... С-О-Л. Скорее всего год, нет, два года назад, западное побережье. Спасибо.

— А разве он ходил в школу? — Такая мысль не приходила Сосу в голову.

— Не в эту, конечно. Но у нас есть и другие подготовительные школы. А судя по твоему рассказу, мне кажется, он где-то обучался. Сейчас мисс Смит проверит на компьютере. Возможно, что-то о нем и найдем.

Прошло несколько минут. Пожалуй, ему следовало помыться, прежде чем появиться здесь. Он испытывал некоторую неловкость от своего вида. У ненормальных был пунктик в отношении грязи. Не могли долго ходить немытыми. Возможно потому, что они предпочитали находиться в зданиях, в машинах. А там запахи не рассеиваются.

— Эта девушка, — он спросил лишь, чтобы заполнить паузу, мисс Смит... Это ваша ученица?

Джоунс снисходительно улыбнулся.

— Уже нет. Я думаю, она старше тебя на год. Где-то на год, точно сказать трудно, ее подобрали много лет назад возле радиоактивной зоны, совершенно одичавшую. Определить ее происхождение мы так и не смогли. Она воспитывалась в другом заведении, но перемены в ее, э-э... манерах — очевидны. Где-то в глубине она еще, я бы сказал, диковата, но с работой справляется, и очень неплохо.

Эта история перекликалась с собственной биографией Со-са, хотя ему бы и в голову не пришло, что такое создание родилось в лесу.

— Неужели всех своих людей вы берете...

— Из реального мира? Да, как правило. Я ведь и сам лет тридцать тому назад входил в круг с мечом...

— С мечом? Вы!?

— Принимаю твое удивление, как комплимент. Да, я дрался в круге. Видишь ли...

— Доктор Джоунс, я нашла, — прозвучало из селектора. — С. О.Л. Хотите, я прочитаю?

— Да-да, пожалуйста.

— Сол: присвоенное имя — код для мутированного найден-ныша, трансплантация яичек, инсулиновая терапия, развивающее физическое обучение. Выпущен из приюта в Сан-Франциско Б/107. Вам нужна более детальная информация, доктор Джоунс?

— Нет, благодарю. Этого вполне достаточно, мисс Смит. — Он повернулся к Сосу. — Похоже, твой друг был сиротой. Я помню, лет пятнадцать назад на западном побережье были какие-то беспорядки... Мы разбирались с послед-

ствиями. Семьи были уничтожены, дети искалечены — такое время от времени встречается среди примитивных племен. Твоего друга кастрировали в пятилетнем возрасте, он был один из тех, кому повезло, их обнаружили вовремя, иначе бы он истек кровью... Трансплантацию произвели ради тестостерона, а инсулиновая шокотерапия помогла устранить травмирующие воспоминания. Все, что смогли для него сделать. Видимо, он не был предрасположен к умственному развитию, как ты, и взамен получил физическое. Как видно из твоего рассказа, оно было исключительно эффективным, он, кажется, хорошо приспособился.

Теперь Сосу кое-что стало более понятным; то, что раньше в общении с Солом ставило в тупик, получило свое объяснение. Осиротев — из-за диких законов племени — в нежном возрасте, он естественно всеми силами стремился защитить себя, устранить любого человека, любое племя, если они могли представлять для него личную угрозу. Вырос в приюте и, — не зная, как опознать ее и что с ней делать, — искал дружбы. И нуждался в собственной семье, которую защищал бы фанатически. И какой драгоценностью должен был стать для него ребенок — для мужчины, который сам не мог быть отцом!

Смесь всех этих обстоятельств с физической универсальностью и упорством, достойным гения, — вот он, Сол.

— Зачем вы все это делаете? — Сос словно другими глазами стал смотреть на мир. — Я имею ввиду стоянки: вы строите их, наполняете... Обучаете детей, отмечаете границы Больной земли, выпускаете телепрограммы. И за все это — никакой благодарности! Знаете, как вас называют?

— Те, кто жаждут бессмысленных приключений, славы — пусть остаются при своем. Это, в конце концов, вопрос темперамента, а он с возрастом меняется. Многие все же предпочитают жить спокойно и с пользой.

— Но ведь все это могло принадлежать только вам! Ведь оставьте воинов без еды, без одежды... Они погибли бы!

— Что ж... Весьма разумная причина для наших услуг, тебе не кажется?

Сос тряхнул головой:

— Вы уходите от вопроса.

— Я не могу тебе ответить. Придет время, и ты ответишь сам. И тогда, быть может, присоединишься к «ненормальным». А пока... Мы всегда готовы помочь, все что в наших силах...

— И чем вы можете помочь человеку, который нуждается в оружии и не имеет на него права. Который любит женщину, а она принадлежит другому?

— Извини, мой друг, — Джоунс улыбнулся снова. — Но

посмотри на свои проблемы объективно. И ты увидишь: они преходящи. Они решаются, и очень просто.

— Вы говорите о других женщинах? Вы зовете вашу секретаршу «мисс», я знаю, это значит, что она ищет мужа. Но я не нахожу в себе того, что отвечало бы этому желанию. Я всегда хотел честно сойтись с девушкой, отдав ей браслет, так же как с мужчинами — сходилась в честном поединке. И вышла так, что я предпочитаю одну — всем. И она любит меня.

— Что ж... — Джоунс вздохнул. — Такова природа любви. Но, как я понимаю, она может уйти к тебе, выполнив обязательства перед Солом...

— Она не может просто «уйти» ко мне! Ей нужно громкое имя, а я лишен даже оружия.

— Но она же признает высоту твоего положения в племени. Обрести воинскую репутацию... Ты уверен, что это ее желание, не твое собственное?

Сос молчал. Убеждения, высказанные вслух, вдруг стали терять свой смысл.

— Стало быть, все сводится к оружию. Но ведь ты не отрেকся от всех его видов — только от шести стандартных...

— А разве это не одно и то же?

— Ни в коем случае. В земной истории были сотни видов оружия. Мы ограничились шестью для удобства. Но могли бы предложить и другие, и даже — если б они понравились — наладить массовое производство. Ты, к примеру, пользовался прямым мечом с витой рукоятью. Он сделан по средневековому образцу, хотя, конечно, наш более высокого качества. Но ведь есть еще сабли с кривым клинком, рапиры для фехтования. Рапира с виду поскромней меча, но это более смертоносное оружие, в таком ограниченном пространстве, как ваш боевой круг...

— Я отказался от меча в любых его видах и не собираюсь ловчить, выворачиваться со всякими названиями... — Да... Я догадывался, что ты так ответишь. Значит, ты отвергаешь любой вид клинка, булавы или шеста?

— Да.

— А мы исключаем пистолеты, духовые ружья и бумеранги — все, что поражает на расстоянии или действует вне прямой зависимости от физической силы. Лук и стрелы мы допускаем для охоты, но в круге — что от них за польза?

— Ну вот. Весь запас исчерпан.

— Да нет же, Сос. С чего ты взял? Человек куда изобретательней. А если уж дело касается средств разрушения!.. Возьми, к примеру, кнут. Обычно полагают, что это инструмент наказания. Но чем и не оружие? Длинная прочная плеть на короткой рукояти, — одно движение кисти, и можно сорвать с человека одежду. Или, захлестнув руку, дернуть,

свалить с ног. Или выбить глаз... Страшная штука, если в опытной руке.

— А как им защищаться от булавы?

— Да так же, как кинжальщики: держаться подальше.

— Защита мне нужна не меньше, чем нападение.

Но Сос уже чувствовал: подходящее оружие может быть найдено. Он и не подозревал, что Джоунс столько знает о практической жизни, просто чудо, что ноги принесли его к школе!

— Давай поимпровизируем. — Джоунс сжал пальцами обрывок шнура. — Сеть хороша для защиты, но... Ну конечно, почему бы и нет!

— Шнур?

— Гаррота. Вережка, которой душили. Средство верное, не сомневайся.

— Но пока я буду подбираться к кинжальщику, он выпустит мне кишки. А против меча или булавы...

— Длинная веревка остановит. Что-нибудь похожее на цепь: гибкое, достаточно прочное, чтобы выдержать удар клинка, но и тяжелое, чтобы сбить булаву. Металлическая веревка. Годится и для нападения, и для защиты.

— Вережка... — Сосу не хватало воображения, чтобы представить ее в виде оружия.

— Или бола. По-испански. Ею ловили скот... — Джоунс был увлечен ходом собственной мысли. — Разумеется, если ты не будешь метать ее полностью. Сталь, утяжеленные концы... Пойдем-ка в мастерскую, глянем, что имеется в нашем распоряжении.

При выходе мисс Смит снова улыбнулась ему, но он сделал вид, что не заметил. И улыбка была чудесная, и волосы лежали красивыми легкими волнами, но...

Через пять месяцев, почувствовав уверенность в себе, он снова вышел на дорогу. Мисс Смит ничего не сказала при расставании, Джоунс был грустен.

— Если вдруг у тебя не заладится, Сос...

— Не знаю. Не могу пока обещать.

И Глупыш на его плече чиркнул.

Глава 11

Как и два года назад, Сос отправился на поиски своей судьбы. Тогда он назвал себя Сол-Меченосец, не подозревая неожиданного результата выбора столь звучного имени. Сол-Меченосец входил в круг ради развлечения, для поддержки репутации или просто слегка повздорив. Сос-Вережка хотел добиться вершин. Тогда он брал любую женщину, теперь мечтал лишь об одной.

Была, правда, эта маленькая мисс Смит. При других обстоятельствах он, пожалуй, мог бы и увлечься. Образованная — это достоинство редко встретишь в первобытном мире. И она оставила бы мир ненормальных, если бы он позвал. Но он не позвал... Не было ли в этом ошибки? Но Сола!..

Где теперь вождь со своим племенем? Оставалось собирать по дороге случайные сведения и идти по следу, совершенствуя заодно и свое мастерство. Странное оружие должно было принести счастье.

Почки только-только проклюнулись на деревьях, была еще ранняя весна. Воины приводили свои семьи на стоянки, боясь оставлять их в палатках в столь переменчивую погоду. Появлялись здесь и незамужние девушки для особых своих состязаний. Сос вливался в это тесное товарищество, спал часто на полу, отказываясь делить койку с женщинами, и заводил непринужденные беседы. Племя Сола? Никто не знал, хотя и слышали. Большое племя, тысяча воинов. Лучше спросить кого-нибудь из вождей, они всегда в курсе...

Уже на второй день он вступил в круг с паличником. Тот, пожав плечами, с сомнением произнес:

— Разве веревка — оружие?

И Сос, вполне по-дружески, предложил испытать ее в боевом споре.

Любопытные свидетели столпились у круга. Сос чувствовал, насколько он окреп, насколько стал сильнее за эти два года. Он мужал, все больше и больше обрастал мускулами. Он превратился уже в плотного крепкого мужчину, от которого веяло уверенностью и мощью. Не проявилось ли в этом действие радиации? — Этот вопрос нет-нет да и приходил ему в голову.

Физически он был готов к схватке, но сколько времени прошло с того, последнего, рокового поединка! Ладони его вспотели, он-вдруг почувствовал себя чужим в этом кольце, где правила сила.

Тонкая металлическая веревка — пяти футов длиной, с грузилами на обоих концах — весила несколько фунтов. Он носил ее на плече, свернув в кольцо. Когда, стоя лицом к сопернику, Сос отмотал несколько футов и сделал скользящую петлю, Глупыш спешно ретировался на ближайшее дерево.

Сос пошел в атаку, и в ответ сверкнули палицы: правая над его головой, левая — в месте защиты. Сос отпрыгнул и скачками подался к дальней черте круга. Внутренняя неловкость уже покинула его. Противник приблизился, и веревка, стрелой метнувшаяся из руки, охлестнула запястье паличника. Рывок — и воин, спотыкаясь, понуждаемый силой троса — потянулся за ней.

Рассчитанным резким движением Сос освободил противника, и веревка пружиной вернулась в его протянутую руку. Воин, боясь попасться снова, атаковал, ограждая себя быстрыми, мелькающими ударами палиц. Сос метнул петлю ему на шею, нырнул под рукой и опять отскочил к дальней черте. Петля, схватив за горло, душила, беспомощное тело попятилось назад.

Еще рывок — и снова воин свободен. Сос мог закончить схватку немедленно. Но хотелось доказать и себе, и другим, что его оружие способно побеждать самыми разными способами. И еще была мысль: узнать слабые места своего оружия, пока не случилось серьезного столкновения.

Паличник приблизился с опаской, высоко подняв руку, чтобы отразить коварную петлю. Внезапно он прыгнул, намереваясь внезапным ударом переломить ход поединка, — и Сос влепил ему в лоб массивным грузилом.

Воин покачнулся. Отступая неверными шагами, он уже чувствовал свое поражение. Красный рубец вздулся над глазом, слезы катились градом, палицы бестолково мелькали в воздухе. Ударь Сос чуть ниже — и дело могло кончиться увечьем.

Сос расслабился. Хотелось выбрать щадящий конец. И вдруг палица — точным ударом — попала в висок. Сос растерялся, и удары немедленно посыпались на голову и плечи.

Он едва увернулся. Давно, давно он не был в кругу! Атаку нельзя было ослаблять. Еще повезло, противник бил без расчета, куда попало.

Оторвавшись на безопасную дистанцию, он решил кончить бой. Вережка схватила щиколотку соперника, стреножив его. Рывок — и он тяжело рухнул. Сос склонился над паличником, ссутулившись, чтобы смягчить беспорядочные удары, стянул его руки второй петлей, схватился обеими руками за узлы и, раскрутив поверженного соперника, выпустил, как метательный снаряд. Вылетев из круга, тело упало на лужайке за полосой гравия.

Последующие поединки — в продолжение нескольких недель — укрепили репутацию Соса. Вышколенная веревка четко подсекала руку с мечом или булавой, петля-удавка охлаждала пыл проворных кинжальщиков. Только шест был опасен. Стоило метнуть, и несгибаемая жердь тотчас рушила траекторию троса. Но шест был орудием защиты, что позволяло обнаружить брешь в действиях соперника и получить перевес. И все же с шестом лучше было не связываться.

О племени Сола по-прежнему не было достоверных сведений, словно оно внезапно исчезло. И он отправился искать ближайшее большое племя. Таким оказалось племя Пита, воины которого сражались в парах.

Он не был уверен, что вождь поделится сведениями с незнакомцем, а партнера для парной схватки за информацию у него не было. Он внутренне подобрался и зашагал к лагерю Пита, надеясь найти решение после.

Через три дня он столкнулся с булавишкой-гигантом. Тот приближался не спеша, поигрывая своим орудием и мыча бессвязный мотив. Сос замер от удивления: вот так встреча! Рок, неутомимый громила, из чистой радости драки дубасивший Сола добрую половину дня.

— Рок!

Гигант остановился, не узнав его.

— Кто? — гаркнул он, поставив свою булаву.

— Мы встречались, помнишь свой прерванный бой?

— А! Хорошая драка! — осклабил Рок, вспомнив Сола.

— Не хочешь пойти со мной? — Сос сразу подумал о парах Пита. Если иметь такого напарника!.. — Я ищу Сола. Может, нам вместе удастся его найти? Еще одна хорошая драка...

— О'кей! — согласился Рок. — Идем со мной..

— Я хотел навести справку у Пита. А ты идешь другой дорогой.

Рок не внял доводу.

— Моя дорога, — он поднял тяжелую булаву.

Был лишь один способ повернуть великана, опасный способ.

— Я сражусь с тобой. Моя победа — идем со мной. О'кей?

— О'кей! — согласился Рок с устрашающим воодушевлением. Возможность драки его всегда подогревала.

Пришлось проделать двухчасовой переход обратно до ближайшего круга. Было уже далеко за полдень, но великан рвался в бой.

— Ладно, закончим до темноты.

— О'кей!

Они вступили в круг, и зрители тотчас сбежались со всех сторон. Кто-то уже видел, как дерется Рок, многие слышали о нем. Другие — испробовали веревку Соса. Исход столь редкого поединка вызывал азартные споры. И в большинстве, спорили лишь о времени, которое понадобится Року, чтобы одолеть.

Все худшие опасения Соса оправдались. Рок запустил по орбите свою булаву, презирая любые помехи. Сос нырял, увиливал и отступал, чувствуя себя совершенно открытым без тяжелого оружия. Рано или поздно — и его достанет сокрушительный удар. Рок словно не осознавал, каково его соперникам от этих ударов, для него драка была лишь развлечением.

Сос увернулся, зааркавив его руку. Рок продолжал моло-

тить по-прежнему, таща за собой и веревку, и Соса. Невероятная сила! Сос перебросил удавку через голову и захлестнул на необъятной шее. Рок молотил как ни в чем не бывало, напрягши мускулы так, что петля расползлась.

Зрители издали потрясенный вздох. Сос даже заметил: кое-кто из них ощупывает собственную шею с восхищенно-недоверчивым выражением в глазах. Он оставил затею с удавкой, сосредоточился на ногах. При любой возможности — обхватывал их с резким рывком. Великан высился, как скала: расставив ноги, он поддерживал равновесие боковыми замахами, и затем с такой яростью лупил по веревке, что конец ее рвался из рук, обжигая ладони.

Пока Сосу удавалось избегать мощных ударов, хотя булава иногда и задевала, и это было весьма чувствительно. Нужно было выбирать: или выйти из круга, или вылететь из него с увечьем.

Но он не должен сдаваться! Рок был нужен, да и хотелось надеяться, что веревка справляется не только с середнячками. И он решился на отчаянный прием.

Веревка вылетела и захлестнула не руку, но саму булаву, чуть выше рукояти.

Не стягивая кольцо, Сос позволил ему скользнуть и, уходя от ударов, дергал веревку на весу. Бросив остаток мотка на-земь, он встал на него, навалившись всем телом.

Когда булава завершила очередной круг, веревка рванулась. Сос слетел с места, но и булава, к удивлению Рока, вдруг стала крылатой. Она вывернувшись из его руки и, сделав тяжеловесное сальто, бухнулась за чертой круга.

Рок уставился на своеоравное орудие с отвислой челюстью. Он ничего не понимал. Сос встал на ноги и подобрал веревку. Признает ли великан свое поражение?

Рок пошел за булавой, и остановился у края. До него вдруг дошло, что выход из круга будет засчитан за поражение. Он обескураженно обернулся.

— Ничья! — закричал Сос в порыве вдохновения. — Квиты! Еда! Дружба!

— О'кей! — автоматически согласился Рок. И пока он опомнился, Сос, дружески похлопывая по спине, уже вывел его из круга.

— Это была ничья. Как с Солом, — объяснил Сос. — Никто не победил, никто не проиграл. Мы оказались равны. Значит придется сразиться в другой раз вместе. В паре.

Рок подумал и ухмыльнулся:

— О'кей! — стройная логика доводов делала его сговорчивым малым.

В эту ночь для браслета не нашлось женщин. Рок осмот-

релся в стоянке, подавленно заглянул в душевой отсек и, в конце концов, уселся перед телевизором. До ночи он погрузился в созерцание-немых фигур, которые странно жестикулировали на экране, и расплылся в улыбке, когда начались мультики. Сос впервые видел человека, смотревшего телевизор так самозабвенно.

Через два дня они подошли к племени Пита. Два советника-близнеца выступили навстречу. Подозрения Соса подтвердились: вождь не станет даже разговаривать.

— Очень хорошо. Я вызываю вождя на схватку.

— Ты, — сухо сказал советник, стоявший слева, — а еще кто?

— Вот, Рок-Булава.

— Как угодно. Сначала вы встретитесь с парой низшего ранга.

— Один, два, три сразу! — воодушевился Рок. — Хорошо, хорошо!

— Мой партнер хочет сказать, — мягко объяснил Сос, — что мы встретимся с вашими первой, второй и третьей парами по порядку. Затем мы продадим их назад вашему мастеру за кое-какую информацию. Они будут в таком состоянии, что все равно не смогут с нами идти.

— Посмотрим, — прохладно произнес советник.

В первой паре были меченосцы. Оба одного роста и сходного сложения, вероятно, братья. Казалось, они знали позицию друг друга не глядя. Это была отлично пригнанная пара, меченосцы — по всему — сражались плечо к плечу много лет. Крайне опасная команда — лучше любой, обученной на Больной земле... А они с Роком никогда не были в паре. Рок и вовсе не понимал, что к чему.

Но был свой расчет: веревка — орудие необычное, а Рок — это Рок.

— А теперь запомни, — предупредил Сос, — я на твоей стороне. Меня не бей.

— О'кей! — с легким сомнением согласился Рок. Для него, когда он входил в круг, все было честной игрой, а в особых условиях предстоящей схватки он не слишком разбирался.

Координация меченосцев восхищала. Это были первоклассные бойцы. Когда первый атаковал, второй парировал, когда второй переходил в наступление, первый — оборонялся. И вдруг, без какого-либо очевидного сигнала, они бросались на прорыв вместе, клинки-близнецы разили с синхронной точностью на расстоянии каких-то дюймов друг от друга.

Так это выглядело во время их короткой разминки. Когда же они вошли в круг, все изменилось.

Рок, которому круг возвращал самого себя, ринулся на

обоих. Сос сзади раскручивал конец веревки и наблюдал, лишь напоминая Року, когда тот слишком увлекался, на чьей он стороне. Безудержная булава расшвыряла меченосцев по разные стороны и, к полному их ужасу, поднималась снова, чтобы завершить разгром. Они растерялись, не веря своим глазам.

Но собрались они быстро. Воины разделились: один спереди взял на себя Рока, второй — обошел сбоку, чтобы пресечь возможную атаку Соса.

И теперь веревка зазмеилась в воздухе, обхватив запястье нападавшего. Она лишь один раз побывала в деле, и этого оказалось достаточно. Рок вышиб меченосцев с противоположных сторон круга, и Сос оказался прав: оба были не в состоянии куда-либо идти.

Вторая команда, из двух булаващиков, говорила о стратегической смекалке Пита. Неплохая была идея, хотя и не самая лучшая — Рок отдубасил обоих, предоставив Сосу отдыхать в сторонке. И в третьей паре хитрый вождь выставил шестовика и сетника.

Сос понял: беды не миновать. Он сам узнал о нестандартных видах оружия лишь недавно, от директора Джоунса. У воина была сеть, и он умел ею пользоваться. Значит, он обучался у ненормальных, и это тревожило.

Не успела четверка вступить в круг, как сеть взметнулась — и Рок безнадежно попался. Он попытался взмахнуть булавой, но эластичные нейлоновые нити держали в тесноте, не давая простора действий. Сбить, сорвать с себя эту сеть он тоже не мог. А сетник уже подтягивал легкий и на редкость прочный невод все ближе к себе, пока Рок не грохнулся оземь, как гигантский кокон.

Сос яростно пытался прорваться к напарнику, но шестовик держал его в западне. Он лишь блокировал Соса, и это было лучшее, что он мог сделать. Уверенный в партнере, он ни разу не оглянулся, и Сосу не удалось его поймать.

Первый воин окончательно упаковал Рока в сеть и принялся выкатывать верзилу из круга. Сос предвидел дальнейшее: сетник, оставшись без оружия, станет нарываться на веревку, невзирая на боль, стараясь ее схватить. После он начнет тащить ее на себя, а шест пойдет в атаку.

— Катись, Рок! Катись! — кричал Сос. — Назад, в круг. Катись!

Впервые в жизни Рок понял все сразу. Его опутанное тело стало изгибаться, как чудовищная личинка. Такую громадину против желания сдвинуть с места было невозможно. Рок кричал, шестовик оглянулся — и в этом была его ошибка.

Веревка захлестнула шею и сбросила его, задыхающегося,

наземь. По рядам зрителей пронесся стон. Сос перемахнул через скорчившееся тело и оказался за спиной у пыхтевшего от натуги сетника. Его он сгреб руками, поднял и швырнул на шестовика. Быстрая серия витков, и оба воина были накрепко связаны с шестом, нелепо торчавшим наперевес между ними. Они могли еще маневрировать вместе, могли схватить его и «повиснуть». И склонившись над сетью, он принялся распутывать узлы и выдергивать сеть из-под Рока.

— Лежи смирно! — заорал он в самое ухо, когда кокон стал снова изгибаться. — Это я! Сос!

Оставшись без присмотра, пара Пита быстро вырвалась. Сос просчитался во времени. Лишь ноги Рока были свободны от сложных узлов и прочнейших пут, а у противника были и шест, и веревка.

— Катись, Рок, катись! — мощным пинком он послал напарника в нужном направлении. Рок дрыгал ногами, желая распутаться, но страшно неуклюже. Два соперника легко перескочили через него — и были схвачены на уровне талии стремительным оружием Соса. Все четверо, опутанные веревкой и сетью, свалились в кучу-малу. Но через секунду веревка вновь была свободна. Сос мгновенно обернул ее вокруг троих воинов и надежно увязал барахтающуюся кашу тел. Обнаружив сетника рядом, Рок радостно ухмыльнулся сквозь ячейки и навалился на него всей своей массой.

Сос вытащил шест, нацелив его тупой конец на голову шестовика.

— Стой! — закричал советник Пита. — Мы сдаемся! Сдаемся!

Сос улыбнулся. Он вовсе не собирался наносить такой бесчестный удар.

— Завтра Пит поговорит с тобой, — сказал советник, уже не чинясь. Он наблюдал, как тройца выбирается из невольных взаимных объятий. — А сегодня вечером — наш прием.

Плотно поужинав, Сос и Рок удалились на ближайшую стоянку, которую люди Пита специально освободили для них. Появились две миловидные девушки.

— Мне не нужно, — сказал Сос, вспомнив о Соле, — без обид.

— Я беру обеих! — воскликнул Рок.

Утром Сос узнал причину странностей Пита, почему он сам таился, почему воины его дрались в парах. Пит оказался сиамским близнецом: двух мужчин соединяла мягкая прослойка плоти на уровне пояса. Оба владели мечом, и Сос не сомневался, что в сражении эта пара была великолепна.

— Да, у нас есть сведения о племени Сола, — сказал Пит-левый.

— О племенах, скорее. Два месяца назад он разделил людей на десять групп, по сотне воинов в каждой. Они бродят всюду и снова расширяются. Одна из групп скоро будет здесь и сразится с нами.

— Вот как? А кто в ней главный?

— Тор-меченосец. Говорят, очень способный командир.

— Не сомневаюсь.

— Какое у тебя дело к Солу? Если хочешь присоединиться к какому-либо племени, у нас вам с напарником будут предложены лучшие условия.

— Мое дело личного свойства, — Сос старался быть предельно вежливым. — Но я уверен: Рок с удовольствием задержится, чтобы поразмяться с вашими людьми. Пока ему хватит ваших воинов, женщин и еды...

Глава 12

— Это племя Сола-Всех-Орудий?

Он не стал дожидаться Тора в лагере Пита, не желая вклиниться в поединок между хитростью и находчивостью двух стратегов. Скорей всего этот поединок зайдет в тупик.

Тора он встретил по дороге и получил точные сведения и указания. Но теперь трудно было поверить, что он нашел то, что искал.

Воины тренировались повсюду, но лица были все незнакомые. Единственная большая группа на этой территории, ошибка была маловероятна. Неужели он целый месяц потратил на поиски победителя Сола? Что-то неуловимое его настораживало.

— Поговори с Витом-Меченосцем, — сказал один из воинов.

Сос отыскал центральную палатку, спросил Вита.

— А кто ты такой? — шагнул навстречу страж, смуглый кинжальщик, и уставился на Глупыша.

— Войди в круг, и я покажу тебе, кто я такой! — раздраженно ответил Сос. Ему уже надоели все эти формальности.

Страж свистнул, и к нему тотчас явился воин, прервав занятия.

— Этот незванный гость желает показать себя в круге, — кинжальщик говорил с издевкой. — Предоставь ему эту возможность.

Воин обернулся.

— Мок-«Утренняя Звезда»! — воскликнул Сос.

Мок вздрогнул.

— Сос! Ты вернулся, и Глупыш с тобой! Я даже не узнал, ты стал такой огромный!

— Ты знаешь этого человека? — спросил страж.

— Знаю ли я! Это ж Сос — человек, который создал это племя! Друг Сола!

Страж безразлично пожал плечами.

— Пусть докажет это в кругу.

— Ты что, спятил? У него же... — Мок запнулся. — Или уже есть?

Свернутая веревка висела на плече Соса, но воин не понял, что это было оружие.

— Да, есть. Пойдем, я покажу его в действии.

— А может тебе лучше сразиться с шестом или палицей? — дипломатически предложил Мок. — Мое оружие все-таки...

— Опасное? Похоже, ты не слишком веришь в мои способности.

— Нет, что ты, — неискренне возразил Мок. — Но ты знаешь, что такое «звезда». Простая случайность и...

Сос засмеялся.

— Ты просто заставляешь меня предоставить доказательства. Пойдем, я развею все твои сомнения.

Колеблясь, Мок подошел к кругу.

— Если что-нибудь случится...

— Вот мое оружие, — Сос снял с плеча связку. — Если тебе оно внушает страх, выставь другого воина, получше.

Стоявшие рядом загоготали, и Моку пришлось вступить в круг. Насмешка, быть может, была излишней. Сос был даже отчасти тронут заботой Мока избавить его от возможного увечья. То, что Мок до сих пор не выбыл из племени, говорило и о его мастерстве. Но важно было доказать, что веревка — настоящее оружие, иначе ни Мок, ни те, кто наблюдал за ними, не поверят его новому воинскому статусу.

В кругу дружба заканчивается. Мок поднял свою «Утреннюю звезду» и запустил колющий шар по орбите над головой. Оружие его не предназначалось для защиты, и он вынужден был атаковать. И Сос, еще не встречавшийся ни с одной «звездой», почуял, насколько это зловещее орудие. Даже свист воздуха между мелькающими шипами был жуток.

Сос отступил, проявив к несущемуся шару почтение, и метнул веревку. Она захлестнула цепь и запутала ее. И затем шар, цепь, рукоять — все вылетело из руки Мока. Он застыл в том же изумлении, как Рок до него. Зрители засмеялись.

— Если кто-нибудь считает, что у него получится лучше, пусть войдет, — пригласил Сос.

Вызов немедленно принял паличник, и так же мгновенно упал с петель на горле. На этот раз смеялся Мок.

— Пойдем, теперь ты должен поговорить с Витом!

Спиной своей Сос чувствовал взгляды воинов и до него донеслось несколько восторженных восклицаний. Такого зрелища здесь еще не видывали.

— Я рад, что ты вернулся, — они шли с Моком к палатке, приближаясь к стану. — Здесь у нас все изменилось.

На этот раз Сос прошел без лишних проволочек и предстал перед командиром.

— Слушаю.

Ну конечно, как он не вспомнил ранее по имени! Вит, тот самый меченосец, который выглядел дураком в поединке с Дэлом. Да, времена меняются!

— Я Сос-Вережка. Пришел поговорить с Солом.

— По какому праву?

Мок начал объяснять, но терпение Соса лопнуло. Он видел, что Вит узнал его и намеренно создает препятствия.

— По праву моего оружия! Войди со мной в круг, а потом уже пытайся преградить мне дорогу!

Приятно было вновь ощутить свою силу. Оружие решало все. И даже понимание опрометчивости своего выпада не умаляло радости.

Вит окинул его взглядом.

— Так ты и есть тот воин с веревкой, который обезоружил булавщика Рока пять недель назад?

— Да, это я и есть. — Он начинал понимать, почему Вит так быстро добрался до верхних ступенек власти. Он полностью контролировал эмоции и знал свое дело. Превосходство в круге, надо полагать, больше не было условием лидерства.

— Сол встретится с тобой завтра.

— Завтра?

— Сегодня он в отлучке по делам. А тебе этой ночью — наш прием.

Сол ушел по делам? Что-то здесь было нечисто. Ходить за новобранцами, с его-то десятью племенами, ядром будущей империи!? Не мог он отправиться и на проверку своих племен, ближайшее находилось не менее, чем в неделе пути.

Из здания стоянки вышла женщина и медленно направилась к ним. Ее тело облегалo умопомрачительное сари, на которое струились пряди очень длинных, очень черных волос.

Сос рванулся навстречу, но Вит встал на пути.

— Не смотри на эту женщину, она принадлежит вождю!

Сола подняла взгляд...

— Сос. — но тут же она взяла себя в руки. — Я знаю этого человека, — сухо сказала она Виту. — Я поговорю с ним.

— Вы не будете разговаривать, — грубо оборвал Вит, стоя между ними.

Сос, взбешенный, схватился за веревку, но Сола отступила и удалилась в свое жилище. Мок снял его руку, и Сос, опомнившись, развернулся и зашагал прочь. Что-то было неладно. Но что? Было неразумно обнаруживать прежнюю связь с Солой.

— Да, лучших-то ребят с нами уже нет, — сокрушался Мок, когда они остались одни. — Тил, Тор, Сэв, Тан... Никого из тех, кто начинал с нами на Большой земле.

— Что у вас тут случилось?

Сос знал ответ, но хотелось услышать хоть что-нибудь новое. Чем больше он находился в этом племени, тем меньше оно ему нравилось..

— Они командуют другими племенами. Сол не доверяет никому, кто не прошел через твои руки. Ты нам нужен, Сос. Иногда мне хочется на Большую землю, чтобы все было, как прежде.

— Сол, кажется, доверяет Виту.

— Но не в вопросах управления. Это личное племя Сола. Ей ни с кем не дозволено видеться в его отсутствие. Сол прикончит Вита, если... Короче, все изменилось.

Сос кивнул, глубоко встревоженный. Лагерь был хорошо отлажен, но так редко встречались здесь знакомые лица. Среди сотни воинов он узнал не более полудюжины. Странно; ближайшим другом, которого он мог найти в племени Сола, оказался Мок, с кем раньше они не перекинулись и двумя словами. Конечно, это уже не было племя, это был военный лагерь. Именно того образца, о котором он знал из книг: с военачальником во главе. Дух товарищества, выпестованный им, исчез.

На окраине ему предоставили маленькую палатку на одного. Сос был встревожен. Но сначала нужно было во всем разобраться. Вит вышел в начальники, видимо, потому, что при своем угрюмом характере выполнял все приказы буквально, без лишних фантазий, и в этом смысле был абсолютно надежен. Но какая в том нужда? Случилось нечто катастрофическое. И не потому, что он отсутствовал. Племя Тора выглядело совершенно иначе. Что могло укротить неистовый дух Сола на пути к империи?

У палатки бесшумно возникла женщина. В сумерках лицо ее было неразличимо.

— Браслет? — голос ее был приглушен.

— Нет! — рывкнул он, отводя глаза от точеной фигуры. Силуэт ее вырисовывался на фоне далеких вечерних костров.

Она расстегнула настежь полок и опустила на колени.

— Ты хочешь опозорить меня, Сос?

— Я не просил женщину. — Он не глядел на нее. — Без обид.

— Зеленые рукава, — прошептала она, не двигаясь.

Он вскинул голову:

— Сола!

— У тебя раньше не было привычки держать меня так долго снаружи, — сказала она с язвительной укоризной. — Впусти, пока никто не увидел.

Она забралась внутрь и задернула полог.

— Я обменялась местом с девушкой, которая мне прислуживает, так что теперь мы в безопасности, хотя...

— Что ты здесь делаешь? Я думал, тебя...

Она сбросила одежду, забираясь к нему в постель.

— Тебе, наверное, пришлось здорово помучиться!

— Нисколько.

— Рассказывай! Я в жизни не прикасалась к таким мускулам!

— Я имею в виду, что мы больше не любовники. Если ты не можешь встречаться со мною днем, я не могу видаться с тобой ночью.

— Зачем же ты пришел? — она прижалась к нему своим роскошным телом. Прошлогодня беременность только придала ее фигуре больше совершенства.

— Я пришел, чтобы взять тебя честно.

— Так бери меня! С тех пор, как мы встретились, ни один мужчина не прикасался ко мне.

— Завтра. Вернешь ему браслет и возьмешь мой, при всех.

— Конечно. А теперь...

— Нет!

Она отстранилась, пытаясь разглядеть его лицо.

— Но почему?

— Я люблю тебя. Я пришел за тобой. Но я хочу получить тебя честно.

— Честь — не такая простая вещь, Сос, — вздохнула она, но все же поднялась и стала одеваться.

— Скажи, что у вас тут произошло? Где Сол? Почему ты прячешься от людей?

— Ты оставил нас, Сос. Вот что случилось. Ты был нашим сердцем, душой, жизнью — всем!

— Все это ни к чему. Я должен был уйти. Ты носила ребенка. Его сына.

— Нет.

— Это была плата за тебя. Но я не хочу платить снова. Теперь это будет мой сын, зачатый от моего браслета..

— Ты ничего не понимаешь! — воскликнула она в отчаянии.

Он замолчал.

— Ребенок... умер?

— Нет! О, глупая, глупая твоя голова! Булава на плечах, ты... — она, не совладав с собой, зарыдала.

Он не поддался. «Стала искусней, чем была!» — он дал ей разрядиться, не сдвинувшись с места.

Наконец она отерла лицо и на четвереньках выбралась из палатки. Он остался один.

Глава 13

Сол осунулся, посерьезнел, но в каждом его движении сквозила та же редкая точность и грация.

— Ты вернулся! — с волнением он пожал Сосу руку.

Сос чуть смешался:

— Да... вчера. Твой Вит не дал мне даже поговорить с твоей женой...

Он замолчал, боясь наговорить лишнего.

— Она могла бы к тебе прийти. Вит не знает наших отношений. — Сол задумался. — Мы с ней не живем вместе...

Значит, Сол заботился о ней ради будущего наследника, но теперь больше не утруждал себя приличиями. И зачем же он содержит ее как пленницу? Сол ведь никогда не был столь эгоистичен.

— Теперь у меня есть оружие... — под пристальным взглядом Сола он уточнил. — Веревка.

— Я рад за тебя.

Встреча их, как и прощание, оказалась неловкой.

— Пойдем, — резко сказал Сол. — Я покажу ее тебе.

Сос шел за ним к главной палатке и терзался от недовольства самим собой. Надо было все-таки признаться, что он разговаривал с Солой. Ситуация могла показаться двусмысленной. Он явился разрешить вопрос чести, а повел себя как лжец. Все выходило не так, как ранее представлялось, но причины были едва различимы. Смутное ощущение неправильности опутывало его, словно он стал жертвой искусного сетника.

Они остановились у самодельной кровати в отдельном отсеке. Сол склонился над ней и взял в руки веселого лепечущего ребенка.

- Это моя дочь. Шесть месяцев на этой неделе.

Сос застыл на месте, вцепившись в веревку и немо уставившись на черноволосого младенца. Дочь! Никогда не приходило в голову, что может быть дочь!

Будет такой же красавицей, как ее мать, — гордо произнес Сол. — Смотри, как улыбается.

— О, да, — Сос чувствовал себя глупым, вспомнив Солу, вчерашний вечер. Даже Глупыш был умнее!

— Пойдем, ей надо погулять.

Сол усадил ребенка на плечо и направился к выходу. Сос тупо следовал за ним, поняв уже, что это и есть та самая она, кого Сол хотел показать.

Сола столкнулась с ними в дверях:

— Я тоже пойду.

— Хорошо, — Сол явно был недоволен. — Иди, женщина. Мы только прогуляемся.

Они покинули лагерь и направились к лесу. Как в старые времена, когда шли к Больной земле, — и все-таки иначе. Какие невероятные последствия из случайного совпадения их имен! Все было как-то не так. Он пришел заявить права на любимую женщину, сразиться за нее в круге — и не находил нужных слов. Она любила его, и муж — формальный ее муж! — признавал, что брак ее с ним — лишь видимость. И при всем этом Сос чувствовал себя подлым захватчиком.

Глупыш полетел вперед, довольный, что можно покружить среди лесных теней и подкрепиться.

Пора было говорить о главном.

— Я пришел за Солой.

— Бери ее, — Сол ни секунды не колебался, словно рядом женщины не было.

— Мой браслет на ее руке, — Сос сомневался, что понят. — Мои дети от нее. И звать ее будут Соса.

— Разумеется.

Это было что-то немыслимое.

— У тебя нет никаких условий?

— Только твоя дружба.

— Эти дела не касаются дружбы!

— Почему нет? Я берег ее только для тебя.

— Ты... — Значит, ее так опекали ради него, Соса?! Но зачем?

— Я не хотел, чтобы она носила менее славное имя.

А ведь правда! Почему нет? Для дружеского обмена не было препятствий... Но снова все не так. Была еще какая-то загвоздка, он ее чувствовал и не мог определить.

— Дай мне ребенка, — сказала Сола.

Сол передал ей девочку. Она расстегнула верх платья и, поднесла Соли к груди.

Вот оно! Ребенок!

— Можно ли отрывать ее от матери? — воскликнул Сос.

— Нет, — ответила Сола.

— Ты не возьмешь мою дочь, — Сол впервые повысил голос.

— Нет. Конечно, нет. Пока ей необходимо материнское молоко.

— Никаких «пока», — отрезала Сола. — Это и моя дочь. Она останется со мной.

— Соли моя! — Сол был непреклонен. — Ты, женщина, можешь остаться или уйти, носить чей угодно браслет, но Соли — моя.

Девочка открыла глаза и залилась плачем. Сол взял ее у матери, прижал к груди, и она удовлетворенно замолкла. Сола сдвинула брови, но промолчала.

— Я не посягаю на твою дочь, — осторожно продолжал Сос, но ее нельзя оставлять без матери...

Сол подошел к сваленному бурей дереву, опустил на ствол, усадил на колени Соли.

— С твоим уходом в лагере стало так тоскливо. Ты вернулся, у тебя есть оружие. Управляй моим племенем, моей империей как прежде. Будь снова моей правой рукой!

— Но я пришел, чтобы увести Солу с собой! Она не сможет оставаться здесь, если сменит браслет. Это позор для нас обоих.

— Почему?

— Соса, которая нянчит ребенка Сола?

Сол задумался.

— Пусть тогда продолжает носить мой браслет. Но будет твоей.

— А ты готов носить рога?!

Укачивая дочку, Сол стал тихо мычать что-то и, войдя в тональность, запел приятным чистым тенором:

Говорят, ты уйдешь на рассвете

Будут все по тебе тосковать

Говорят, ты свободен, как ветер.

Ну, а ветер ничем не сдержать.

Не спеши, ведь тебя...

Сос нервно прервал:

— Ты понимаешь, о чем я говорю!

— Я понимаю, кто был настоящим другом, когда я валялся в лихорадке и не мог даже шевельнуться, чтобы защитить себя, я понимаю, кто выволок меня, полуживого, на своей

спине из опасного места. И если я должен носить рога, то это те рога, которые я готов носить, пусть все видят.

— Нет! — Сос был потрясен.

— Оставь мне только мою дочь; все остальное — твое.

— Но не за счет бесчестия! Я не приму бесчестия, ни твоего, ни моего.

— И я тоже, — вымолвила Сола.

— Какое бесчестие может быть между нами? — запальчиво выкрикнул Сол. — Есть только дружба.

Они замолчали. Глядели друг на друга, пытаясь найти решение. Остаться и вступить в позорную связь, которая обнаружится, сделает его недостойным оружия и власти? Уйти, забыть свои мечты о любимой, оставить ее с мужем, который равнодушен к ней? Или... сразиться. За женщину, за честь. Все или ничего.

Сол нашел его взгляд. Он сам пришел к тому же.

— Сделай круг.

— Нет! — Сола сразу поняла, чем это грозит. — Это неправильно!

— Именно поэтому рассудит круг, — грустно ответил Сос. — Ты и твоя дочь должны быть вместе.

— Я отказываюсь от Соли, — выдавила она. — Только не делайте этого.

Сол все сидел с дочкой на коленях, так не похожий на вождя империи.

— Нет... Оставить ребенка без матери — это хуже, чем вождю отказаться от племени. Я не думал об этом, но теперь понимаю.

— Но ты не взял оружия, — ей хотелось хоть как-нибудь помешать.

Сол даже не удостоил ее вниманием.

— Я не убью тебя. Ты можешь служить мне, если хочешь, делать все что угодно, но больше никогда не подымеешь против меня оружия.

— Я тоже не убью тебя. Владей оружием, империей. Но мать с ребенком уйдут со мной.

Выигравший получал то, что желал, проигравший — что оставалось. А оставалось — они не позволяли себе думать сейчас об этом — только одно: Гора. Сос не войдет в племя, чтобы обесчестить браслет вождя, и не вернется в колонию ненормальных. Сол с первым же поражением поставит крест на империи — это всегда было ясно. Никому поединок не принесет полной радости. Но таков суд чести.

— Сделай круг, — повторил Сол.

— Но твое оружие...

Им действительно не хотелось драться. Но был ли другой выход?

Сол передал дочурку матери, посмотрелся в чашу. Отошел, сломал подходящее деревце и руками очистил от веток и листьев. Видя его решимость, Сос приступил к расчистке места на земле. Круг вышел неровный, слегка бугристый, шест тоже не блистал изяществом. Но это был не тот случай, когда хотелось бы сразаться на виду всего племени.

Они подошли к самодельной арене, стали друг против друга. Сола застыла рядом в тревожном предчувствии. «Почти как тогда, — подумал Сос. — Ребенка только не было.» Теперь он превосходил соперника в весе, владел оружием, которого Сол никогда не видел. Но неказистое оружие его было шестом, единственным, перед которым пасовала веревка. Будь здесь тачка, он, быть может, выбрал меч или булаву, но здесь он взял то, что предоставила природа, и, вместе с этим, неосознанно — победу.

— После этого мы будем друзьями, — сказал Сол.

— Мы будем друзьями.

И почему-то это было важнее всего остального.

Они вступили в круг.

Ребенок заплакал.

Глава 14

Лето было в разгаре. Он стоял у подножия Горы — странного нагромождения лавы и шлаков, которое высилось над пересеченным ландшафтом. Монументальный памятник Взрыва был чист от радиации. Кустарник и чахлые деревца росли у самого основания, вверх по склонам тянулись — с длинными проплешинами — мхи да лишайники. Ветер зловеще завывал между острыми уступами, обдувая Гору. Небо затянулось желтоватыми облаками.

Гора Смерти!

Сос запрокинул голову, но вершины разглядеть не мог. На высоте нескольких сот ярдов смутно виднелись огромные металлические выступы, асимметричные и безобразные. А над головой, в ожидании добычи, кружили в тумане хищные птицы.

Он прикоснулся пальцами к плечу и снял Глупыша. С грустью смотрел он на пятнистые — будто взъерошенные — коричневые перья, и нелепая, бестолковая окраска показалась ему до боли родной.

— Ну вот, дружок, дальше тебе дороги нет. Я поднимаюсь

на Гору, чтобы никогда не спуститься. Но ты здесь ни при чем. Эти стервятники не по твою душу.

Он подбросил птицу. Глупыш расправил крылья, покружил и, вернувшись, снова сел на плечо.

Сос развел руками.

— Я даю тебе свободу, а ты... Глупыш.

Это ничего не меняло, но он был тронут. Откуда птица могла знать, что готовило будущее?

И кто вообще может знать это? Сколько человеческой верности и любви выросло из простого неведения своей судьбы?

С ним была веревка, но уже не как оружие. Он сломал жалкое деревце, очистив ствол, как некогда делал это Сол, соорудил грубую палку и, поудобней приладив поклажу, двинулся вверх.

Выступы действительно были металлическими — огромной величины балки и плоскости, оплавленные по краям и углам, с расщелинами, забитыми камнями и грязью. Будто тысячи человек свалили все это в кучу и подожгли — если предположить, что металл может гореть. А может, они облили его спиртом? Разумеется, нет: Гора была творением Взрыва.

И на этом предельном изломе своей жизни Сос не утратил любопытства ко всему, что касалось прошлого. Взрыв... Как мог он породить такие противоречивые явления: невидимую опасность Большой земли и зримый ужас Горы Смерти? И если, как уверяли ненормальные, во всем были повинны сами люди, почему они сделали такой выбор?

Здесь таилась загадка всего сущего. Современный мир начался со Взрыва; что происходило до него — об этом можно было только гадать. Ненормальные рассказывали о прошлом; то общество жило по совсем иным законам — мир невероятных машин, роскоши и знания, от которого мало что сохранилось. Но если одной половиной рассудка он верил им и книгам, — свидетельства были столь убедительны! — то вторая, практическая половина видела бездоказательность этих сведений. Другим-то он описывал древнюю историю, как факт, но иногда и ему казалось, что и сами книги, и люди, и природа — все было создано Взрывом из пустоты, в одну секунду.

Приладив палку между спиной и поклажей, он захлестнул одну из балок веревкой и подтянулся. Существовал, вероятно, и более легкий путь вверх, у многочисленных его предшественников не было ни веревки, ни навыков обращения с нею, — но ему не хотелось искать того, что легче. Глупыш слетел с плеча и, усевшись на балку, смотрел на него сверху.

Единственный настоящий друг! Он никогда не выражал недовольства, не мешал; когда Сос дрался в круге, он лишь пережидал в безопасном месте, по ночам улетал охотиться — и всегда возвращался.

Сос вскарабкался на балку и освободил веревку. Глупыш тотчас вспорхнул к нему, мягко задев правое ухо кончиком крыла. Всегда на правое плечо, ни разу на левое! Но он не засиделся — этот выступ был лишь первым из множества: вертикальных, горизонтальных и наклонных, больших, малых и средних, прямых, закругленных, изломанных. Путь предстоял тяжкий, изнурительный.

К вечеру он вынул из поклажи теплую одежду и съел большой кусок хлеба, который прихватил с ближайшей стоянки. Странная забота со стороны ненормальных: обеспечить источником жизни тех, кто обрек себя на смерть!

На той стоянке, зная, что она последняя, он не обошел вниманием ни одной вещи... даже телевизор. На экране, по обыкновению, шла немая, бессмысленная пантомима: мужчины и женщины, одетые вычурно, как ненормальные, дрались и целовались бесстыдно и напоказ, никогда не доходя до настоящей схватки и настоящей любви. В некоторых эпизодах можно было разобрать подобие истории — но всякий раз, как появлялся хоть какой-то смысл, сцена менялась и возникали новые персонажи, которые поднимали стаканы с пенящейся жидкостью или совали в рот тонкие цилиндрические палочки и поджигали их. Что ж удивляться, — никто этого не смотрел! Однажды он спросил Джоунса о телевидении, но директор лишь усмехнулся и сказал, что этот вид техники не входит в ведение его департамента, но в любом случае, все это древние записи, сделанные до Взрыва.

Сос недолго занимался ерундой. У него были куда более важные заботы. Очень тщательно собрал он снаряжение, понимая, что без должных приготовлений человек может погибнуть где угодно. Гора — особый вид смерти. Ее нельзя опошлить обычным голодом или жаждой.

Запасная бутыл с водой была уже на четверть пуста, но выше начнутся снега, они заменят воду. И от недоедания он не умрет.

Откуда придет смерть? Никто не смог бы ответить: это была дорога в один конец, и книги тоже хранили странное молчание. Похоже, всякая книжность вообще прекратилась еще до Взрыва, а после — о чем свидетельствовали даты — ненормальные выпускали только справочники и руководства. Книги и телевидение были осколками того сложного, мистического и мифического мира, в существовании которого он

был уверен сегодня и сомневался завтра. Гора могла оказаться еще одной его частью.

И раз ему не удастся отключиться от подобных размышлений, то вот способ найти истину: добраться до вершины и увидеть все самому. Смерть, в конце концов, не бывает ложной.

Глупыш носился вокруг, выискивая летучих насекомых, но тех, похоже, было не слишком-то много.

— Возвращайся вниз, дурачок, — советовал Сос. — Здесь тебе не место.

Птица будто послушалась и скрылась из виду, а Сос отдал себя на произвол тревожного полубреда: телевизор, железные балки, печальное лицо Сола и туманные догадки о природе небытия, которого он искал. С холодным расчетом он очнулся. Глупыш уже вертелся на его плече.

Второй день восхождения был легче, Сос преодолел вдвое большее расстояние. Нагромождения металла сменились завалами каменных глыб попеременно с разным мусором: огромными кучами оплывшей резины, металлическими осколками величиной в несколько дюймов, клочками древней обуви, черепками обожженной глины, пластмассовыми чашками, сотнями бронзовых и серебряных монет. Загадкой дышали эти материальные свидетельства древней цивилизации; он не мог представить, чему служили эти чудовищные резиновые пышки, все же остальное походило на инструменты и оснастку стоянок. Монеты же были вехой особого статуса: иметь много монет тогда — все равно, что теперь побеждать в круге.

Ближе к вечеру пошел дождь. Сос вырыл из земли одну из чашек, вышиб из нее спрессованную грязь и поднял вверх, чтобы набрать дождевой воды. Он хотел пить, а снег оказался дальше, чем он ожидал. Глупыш сидел на его плече, нахохлившись, содрогаясь от холодных ручейков; Сос, наконец, поднял клапан своего заплечного мешка и накрыл бедную птицу.

Зато вечером насекомых стало больше, словно дождь пробудил их к жизни. Сос обрызгал себя жидкостью от комаров, а Глупыш с жизнерадостным криком стал набивать свой зоб, отъедаясь за голодный день.

Гора уже как будто утратила новизну. Он отвлекся от главного — восхождения, вспомнив первую встречу с Солом, когда оба они только начинали. В тот вечер игра закончилась для них обоих, бесповоротно они вступили на путь своих судеб, которые привели одного — к власти, другого — к Горе.

Он вспомнил Солу, тогда еще неопытную девушку, ее обольстительную свежесть и жажду самоутверждения через

браслет. И она это сделала, но не с тем браслетом, который носила на своей руке. Это — в большей мере, чем все остальное — привело его сюда.

Странно, что им суждено было встретиться втроем. Будь эта встреча только двух мужчин, идея империи соединяла бы их и сейчас; и пояись девушка раньше или позже, он, возможно, взял бы ее на одну ночь, а потом ни разу о ней и не вспомнил. Но у них возник тройственный союз; в пространство империи, задуманной мужчинами, упали семена разрушительного женского начала и дали свои всходы. Дело даже было не в самой Соле, а в том, что она появилась у самого истока. Не раньше и не позже!

Он закрыл глаза и увидел боевой шест. Мелькая с ошеломляющей быстротой, он бьет, отражает, предупреждая каждое его движение, — орудие не защиты, но беспощадной атаки. Удар за ударом — по груди, лицу... веревка запутана... сражаться нечем...

И теперь — единственный достойный выход. Он проиграл сильнейшему.

Но уснул он с мыслью, что и победа ничего не решила бы. Он чувствовал свою неправоту — не во всем, но во многом.

На третий день подступили снега. Он обмотался остатками защитного обмундирования и продолжал идти. Прижавшись к нему, Глупыш не испытывал пока особых неудобств. Сос зачерпывал пригоршнями сухой снег и набивал им рот, чтобы утолить жажду. Белый порошок лишь обмораживал язык, щеки и таял, превращаясь в нечто почти неощутимое. К вечеру он добрался до снежных наметов глубиной в несколько дюймов, и ему пришлось ступать осторожно, чтобы не угодить в каверзные провалы, невидимые под ровной поверхностью.

Укрыться было негде. Он лег набок, отвернувшись от ветра, и в своей защитной экипировке чувствовал себя вполне уютно. Глупыш, весь дрожа, примостился у его лица. И вдруг он понял, что здесь, в этом снегу, птице больше нечего есть. Насекомых уже не будет.

Он вытащил из мешка кусок хлеба, раскрошил его и поднес на ладони к клюву Глупыша. Тот и не шелохнулся.

— Ты же умрешь с голоду, — встревожился Сос, не зная, что предпринять. Глядя на вздрагивающие перья, он снял с левой руки перчатку и спрятал птицу в обнаженной теплой горсти, которую прикрыл с тыла второй, защищенной рукой. Только бы случайно не повернуться, не сместить руки во сне: птичье тельце было таким хрупким.

Порывистый ветер швырял снег в лицо, за воротник, несколько раз он просыпался, но левая рука оставалась на месте.

Птица время от времени вздрагивала, Сос прижимал ее ближе к груди и тут же отстранял, боясь, что он, со своей массой...

Утром он еще раз попытался уговорить Глупыша.

— Лети вниз. Вниз. Там тепло. Насекомые.

Сос бросал крохотное тельце в сторону, вниз по склону. Тщетно. Глупыш расправлял крылья — даже окраска его выглядела здесь странной — и, храбро сражаясь с холодным, сквозным ветром, снова взлетал, не желая покидать его.

Была ли эта преданность таким же сумасбродством, как непреклонное желание Сола быть отцом чужой дочери? Дочери! А его собственная приверженность законам чести, которые были им уже столько раз попорчены? Люди — существа нелогичные, так чего же ждать от птицы? И коль расставание, так тяжело, то смерть они встретят вместе.

Вьюга обрушилась на четвертые сутки. Сос продолжал взбираться, лицо его немело под обжигающим ветром. Глаза были защищены темными очками, но щеки, губы и нос оставались открытыми. Ощупав лицо рукою, он обнаружил ледяную бороду, выросшую поверх настоящей. Сос даже не стал ломать ее — все равно нарастет новая.

Сделав неверный шаг, он споткнулся, взмахнул руками — и Глупыш выпорхнул из руки. Сос указал птице на плечо, где было побезопасней. Еще один такой промах — и он раздавит Глупыша, если будет нести в руке.

Кинжальные порывы продували одежду насквозь. До того он потел под обременительной тяжестью экипировки; теперь эта влага превратилась в корку льда. Нужно было следить за одеждой, за нагрузками, и не слишком потеть: влага уже не могла испаряться. Поздно усвоил он этот урок.

Вот, стало быть, чем убьет его Гора. Заморозит, заметет снегом у самой вершины или сбросит в скрытую расщелину... Он не отрывал глаз от заснеженной поверхности, он уже несколько раз оступался и падал, и лишь по случайности с ним не случилось худшего. Холод пробирался сквозь одежду, вытягивал жизненные силы, итог был уже окончательно ясен. Если верить преданиям, еще ни один человек не возвращался с Горы, и никто — живым или мертвым — не был найден. Не удивительно!

Однако все это мало походило на горы, о которых он когда-либо слышал. После металлических завалов у основания — сколько же дней назад? — значительных препятствий больше не было: никаких зубчатых уступов, отвесных скал или бесполезных ледяных мостов. Когда небо прояснялось, он всматривался, но не находил здесь других троп или проходов. Склон этой горы, похожий на поверхность перевернутой чаши, тянулся вверх довольно ровно и вполне над-

ежно. Только холод представлял постоянную опасность. Но тем, кто захотел бы вернуться, ничто не препятствовало. Не все, и даже не большинство, но некоторые-то должны были отказываться от Горы и спускаться на равнину, либо выбирая менее мучительный способ, либо и вовсе отказываясь умирать. Да и сам он мог еще вернуться...

Он снял примолкшую птицу с плеча, с трудом оторвав коготки. — Как ты на это смотришь, Глупыш? Может, хватит с нас?

Ответа не последовало. Птица лежала неподвижно.

Он поднес ее к лицу, отказываясь верить. Затем расправил пальцами крыло, но оно было уже мертвым. Глупыш предпочел скорее умереть, чем оставить товарища, а Сос даже не заметил, когда это произошло.

С комком в горле, он положил окоченевшее тельце на снег и присыпал сверху.

— Прости, дружок... Человек, похоже, умирает дольше, чем птица.

Ничего более осмысленного не приходило ему в голову, да и это было лишним.

Он повернулся лицом к вершине и зашагал вперед.

Мир опустел. Глупыш на плече — это было нечто само собой разумеющееся. Его внезапный, тихий уход ошеломил Сосу. В груди саднило. Он убил преданного друга, и теперь оставалось только шагать и шагать вперед.

Это был не первый раз, когда его безрассудство причиняло боль другим. Все, о чем просил его Сол, была дружба, а он, вместо того, чтобы благодарно согласиться, настоял на поединке. Почему с такой непреклонностью он отверг последнее, отчаянное предложение Сола? Неужели только потому, что это ограниченное понимание достоинства помогало ему без пощады относиться ко всем, кто стоял на пути. Эгоизм! Жестокий, ненужный... А когда все закончилось провалом, зачем он загубил последнее, что еще можно было спасти?

Он снова подумал о Глупыше, безропотно умершем не его плече, и больше ни о чем себя не спрашивал.

Подъем становился все круче. Буря усилилась. «Давай! Давай! — думал он. — Для этого я и пришел.»

Он уже не мог разобрать — день или ночь. Его очки обросли льдом. И вокруг была лишь взвихренная белизна. Он задыхался, легкие горели, не хватало воздуха. Снежная круча перед ним стремилась вверх и вверх, и не было ей конца.

О том, что упал, он догадался лишь, когда не смог продолжить сквозь снег. Он попытался встать, но тело отказывалось подчиняться. «Иди!» — звучал над ним голос Сола, и он вслу-

шивался в него, хотя и понимал, что это иллюзия. Собрав остаток сил, он поднялся и пошел на четвереньках.

Затем он полз на животе, не чувствуя ничего, кроме боли в сердце. И — приятное изнеможение заглушило все.

Глава 15

— Ну-ка, пошевелись. Тебе нужно встать и походить немного, чтобы организм заработал.

Сос нехотя приходил в себя. Он попытался открыть глаза, но темнота не рассеивалась.

— Э, нет! Оставь повязку в покое! Может, ты и не ослеп, но наверняка обморожен. Лучше берись...

Опершись о руку незнакомца, Сос поднялся.

— Я умер?

— Да, в некотором роде. Ты больше никогда не выйдешь на поверхность.

— А Глупыш?

— Кто?

— Моя птица, Глупыш. Он тоже здесь?

Ответ последовал не сразу.

— Или я чего-то не понимаю, или у тебя, парень, мозги набекрень.

Сос стиснул пальцы незнакомца, и тот вскрикнул от боли. Повязку он тоже не стал терпеть, сорвав ее свободной рукой. Острая боль пронзила зрачки, но теперь он снова видел: знакомое помещение стоянки; рядом — обычная койка, только странные предметы вокруг... Из всей одежды на нем были лишь короткие брюки. Худошавый мужчина в белом женском халате сморщился, пытаясь освободиться от рукопожатия. Сос отпустил его, ошаривая взглядом комнату в поисках выхода.

Нет, это не стоянка. Привычная мебель ввела его в заблуждение, комната была квадратной. Во всяком случае, ему еще не встречались стоянки такой формы.

— Такого случая в моей практике еще не было, — мужчина потирал руку и все еще морщился. Он был средних лет, со скудной шевелюрой и бледной кожей — видно давно разлучился с солнцем и кругом.

— Ты из ненормальных?

— Большинство людей в твоём положении спрашивают «где я?» или что-нибудь в этом роде. А ты, конечно, оригинал.

— Я пришел на Гору не для того, чтобы надо мной издевались, — Сос снова приблизился к нему.

Мужчина нажал кнопку на стене:

— У нас тут ожил один.

— Вижу, вижу, — раздался из пустоты женский голос.

«Селектор, — догадался Сос. — Значит, действительно ненормальные.»

— Направь его в адаптационную, я им займусь.

Мужчина нажал вторую кнопку. Справа бесшумно раздвинулись двери.

— Прямо и до конца. Там тебе на все ответят.

Сосмигом выскочил из комнаты, желая выбраться отсюда, а не задавать вопросы. Но из коридора не было выхода, он тянулся нескончаемо, лишь сбивая с толку шеренгами закрытых дверей. Конечно, это не стоянка. И не школа, которой управляют ненормальные, — здание слишком велико.

Он толкнулся в дверь, но безрезультатно. Вышибить? Это займет слишком много времени. Болела голова, мышцы были вялы, словно оцепнели, подводило живот. Он чувствовал себя совершенно разбитым и хотел поскорее сбежать, пока снова не пристали.

Последняя дверь оказалась открыта. Он вошел в просторное помещение. И опять странные предметы: перекладина, вертикальные штанги, огромные кубы, сооруженные из обычных шестов, связанных вместе. Разбираться, что все это значит, не было сил.

Чья-то рука коснулась его плеча. Он вздрогнул, схватился за свою веревку и резко повернулся лицом к врагу.

Веревки, разумеется, на плече не было, а врагом оказалась девушка: маленькая, — она могла бы свободно пройти у него под рукой, — в мешковатом комбинезоне, босая, с гладко зачесанными назад волосами, что делало ее похожей на мальчика.

Сос разглядывал ее и постепенно приходил в себя. Но в висках еще ломило, и давила замкнутость пространства. С какой радостью он забрался бы сейчас в лесную чащу!..

— Дай-ка мне это, — сказала малышка. Ее невесомые, словно пух, пальцы скользнули по его руке, и не успел он опомниться, как браслет оказался у нее.

— Ты что делаешь?! — Сос попытался выхватить его, но девушка проворно отскочила.

Она надела золотой браслет на запястье:

— Очень мило. Я давно хотела такую штуку, — она насмешливо приподняла бровь. — Как тебя зовут?

— Сос-Вереv... — он вспомнил о поражении, из-за которого вновь стал безоружным. — В общем, Сос.

Он потянулся за браслетом, и снова шустрая малышка увильнула.

— Этого я тебе не отдам! — заорал Сос.

— Ну тогда на, заberi, — она протянула тонкую, но крепкую руку.

«Сколько же ей лет? — Сос был озадачен. — Уж наверное, не так много, чтобы затевать подобные игры со взрослым мужчиной.»

Он бросился к ней — и поймал воздух.

— Женщина, ты меня бесишь!

— Если ты также быстро злишься, как двигаешься, то мне нечего бояться, чудовище.

В гневе он рванулся, и снова упустил ее.

— Ну давай, малыш, — подзуживала она, размахивая поднятой рукой, на которой приманкой сверкал браслет. — Ты, кажется, не любишь, когда над тобой издеваются, так неужели ты позволишь это женщине? Поймай меня!

Он знал, что нельзя идти на поводу у женщины. Однако головная боль и физическая слабость притупили чувство опасности, в ярости он погнался.

Стремительно, словно белка, она мелькала вдоль стен, оборачиваясь к нему с хохотом. Когда он настигал, она ловко уворачивалась и шныряла за вертикальную штангу, на которую он налетал и валился на пол.

— Хорошо, что ты не в круге! — заливалась она. — Ведь ты на ногах не держишься!

Она извивалась и скользила между штанг, словно в замысловатом и полном особого значения танце. Сос бежал, хватаясь за препятствия, с радостью замечая, что к нему возвращаются прежние силы. Он разогнал кровь в жилах и сбросил оцепенение ледяного сна Горы. Сос рванулся — и снова эта девчонка его удивила.

Она пружинисто подпрыгнула, схватилась за последнюю перекладину лестницы, свисавшей с высокого потолка. Сделав в воздухе сальто, зацепилась за перекладину ногами и молниеносно взметнулась вверх, словно ее сдуло ветром. Добраться до нее стало еще труднее.

Лестница покачнулась и, поймав планку, Сос обнаружил, что она сделана из гибкого, растяжимого пластика. Он подергал, испытывая прочность. Мелкие волны побежали по веревкам, всколыхнув девушку. По веревкам? Он улыбнулся и дернул сильнее, заставив ее крепче вцепиться в перекладины. Уже предвкушая радость реванша, он еще ниже растянул лестницу и повис.

— «Выдержит!» — решил Сос и взобрался на нижнюю перекладину. Препятствие было непривычным, но вполне преодолимым; он умел обращаться с веревками.

Девушка испуганно оглядывалась, а он медленно взби-

рался, не сводя с нее глаз. Еще чуть-чуть, и он схватит ее за лодыжку и стащит на пол.

Она перебросила ноги через верхнюю перекладину, повисла вниз головой, извиваясь всем телом. Комбинезон распахнулся. Девушка высвободила из него руки, и, вернувшись в нормальное положение, стащила его совсем. На ней оказалась облегающий раздельный купальник, — скорее насмешливая дань приличию, чем одежда, — и Сос с удивлением увидел, что это вполне сформировавшаяся женщина.

Она наградила его презрительной ухмылкой, расправила комбинезон и, выпустив из своих пальчиков, точно накрыла его голову.

Выругавшись, Сос схватился за мешковатую ткань, едва не свалившись с лестницы. Девушка раскачивала ее, вероятно, надеясь сбросить его, а затем больно ударила по костяшкам сжатых пальцев.

Пока он балансировал на лестнице и стаскивал с головы грубую, но тонко пахнущую ткань, девушка уже оказалась на полу и весело дразнилась:

— Тебе больше не нужен браслет, растяпа?

Как же она ухитрилась так незаметно прошмыгнуть? Сос поспешил спуститься и прыгнуть на пол, но она была уже далеко. На этот раз она забралась внутрь кубического снаряда и, словно летучая змейка, извивалась вокруг его ребер и углов. Сос ринулся к ней, но что толку было метаться в этом кубе, набивая себе синяки, если она чувствовала себя здесь, как рыба в воде?

— Ну ладно, — сказал он раздраженно, но уже без злости, поневоле восхищаясь ее гибким, развитым телом. — Забирай его себе.

Несколько летящих витков — и она уже рядом:

— Сдавайся!

— Нет! — Неотразимым, натренированным веревкой движением, Сос выбросил руку и схватил ее пониже локтя.

Хватка была жесткой, но девушка и не поморщилась. Она ударила его в живот, угодив сжатыми пальцами под ребра.

Сильный, внезапный удар ошеломил его, однако он не ослабил хватки и продолжал сжимать, пока под упругими мускулами не ощутил твердость кости.

Но и теперь она не дернулась, не закричала. Удар ладони по горлу отозвался взрывом невероятной боли. Содержимое желудка моментально заполнило рот, не давая ни вдохнуть, ни крикнуть. Давясь и задыхаясь, Сос разжал пальцы.

Когда в голове прояснилось, он обнаружил себя сидящим на полу; руки девушки лежали на его плечах, а сама она, оседлав его ноги, стояла перед ним на коленях.

— Я не хотела, Сос. Ты сам виноват.

Он тупо уставился на нее, начиная понимать, что недооценил ее способностей: женщина — и какая сила удара!

— Я хочу вернуть твой браслет, Сос. Я понимаю, что это значит.

Он помолчал, вспомнив, как беспечно Сол отдал свой браслет тогда чужой ему женщине. Это не способствовало свободе их отношений, и без того достаточно странных... И что теперь? Расстаться со своим браслетом еще неосторожней, потому лишь, что этого хочет женщина? Он попытался заговорить, но стиснутая гортань не выдавала ни звука.

Она протянула руку, на которой сверкала его эмблема. Он медленно дотянулся до нее и мягко охватил пальцами. Вот как вышло: он сражался за Солу и проиграл, а эта женщина отняла его браслет в два счета.

А может, так и должно было случиться? Ведь подумывал он отдать его мисс Смит, зная, что она этого хочет. Да и Сола просто вынудила его ответить на свою любовь. С этой стороны он не слишком себе нравился, но, в конце концов, нужно когда-то посмотреть правде в глаза.

Он легонько стиснул браслет и убрал руку.

— Сос, милый, — пробормотала она и, порывисто склонившись, поцеловала его в шею.

Глава 16

Он снова проснулся. Происшедшее вспоминалось как нелепый, фантастический сон, похожий на немую бессмыслицу телепрограмм. Но браслет действительно исчез, и на его месте выделялась бледная полоска кожи.

Он был один в квадратной комнате, чувствовал себя нормально. Похоже, после гибели Глупыша кто-то забрал его с Горы, выходил и оставил у себя. Кому и зачем это нужно?

Рядом с койкой он обнаружил свою подновленную одежду. «Если это и смерть, то от жизни она ничем не отличается», — он встал и оделся.

В комнате не было ни съестных припасов, ни пирамиды с оружием. Распахнув дверь, он надеялся увидеть лес, долину или хотя бы подножие Горы, — но взгляд его уперся в глухую белую стену.

— Сейчас я приду, Сос.

Это был голос той самой малышки, которая отдала его по всем статьям.

Воспоминание отозвалось в горле саднящей болью. Он снова бросил взгляд на опустевшее запястье.

Она уже семенила по коридору. На сей раз — в более привлекательном наряде.

— Ну как, Сос, тебе уже лучше? — она тряхнула каштановыми кудряшками и мило улыбнулась. Браслет на ее руке словно ожил: искрился и сверкал; начищенная полоска золота почти вдвое свернулась на тонком запястье. У Соса браслет не сходил на добрую четверть — и откуда у малышки такие силы!

— Мы, конечно, вчера порядком тебя помучили, но доктор говорит, что физическая нагрузка лучше всего насыщает организм. Мне и пришлось этим заняться.

Сос недоуменно смотрел на нее.

— Ах, ну да... Ты ведь ничего не знаешь о наших порядках. — Она ободряюще подмигнула и взяла его за руку. — Ты чуть не замерз в сугробе, и нам пришлось поторопиться. Мы забрали тебя сюда, пока не случилось необратимых изменений. Иногда на полный курс уходит несколько недель, но ты выглядел таким крепким, что тебе сразу же дали энергизатор. Я не очень-то разбираюсь в этих лекарствах; оно как-то восстанавливает поврежденные ткани, но если, правда, проникнет всюду, в каждую клеточку, до кончиков пальцев на руках и на ногах. А мое дело — заставлять больного поэнергичней двигаться, и тогда препарат легко расходуется по всему телу. А потом человек спит, и просыпается уже здоровым.

— Я не очень помню...

— Я усыпила тебя. Поцелуем. Все очень просто: достаточно нажать нужные точки. Если хочешь, я могу...

— Не надо!

Неужели она сама втащила его в эту комнату? Вероятно, ей все же помогал мужчина. Но это наверняка ее руки раздевали его и чистили одежду — то, что когда-то делала Сола. Слишком тревожные совпадения.

— Все в порядке, Сос. У меня твой браслет, помнишь? Этой ночью я не осталась с тобой, тебе было не до того. Но теперь я всегда буду рядом. — Она в нерешительности помолчала. — Если ты не передумал, конечно.

Она была такой крохотной — как куколка. Его трогала ее забота, но рядом с ним она казалась ребенком. Знает ли она, что это — быть женой?

— Ах, вот в чем дело! — вспыхнув, воскликнула она, хотя он не проронил ни слова. — Ну давай, вернемся в комнату, и я докажу тебе, что умею не только скакать по лестницам.

Сос улыбнулся ее горячности.

— Ладно, оставь. Кажется, ты знаешь, что говоришь.

Ему начинал нравиться этот напор. Она повела его по угловатому лабиринту коридоров, освещенных трубками люминисцентных ламп. Ему казалось, что у этого странного замкнутого мира нет ни начала, ни конца. А так хотелось выйти на свежий воздух, к ветру, к солнцу!

Она открыла дверь, за которой оказалась еще одна большая комната.

— Это наша столовая. Мы как раз вовремя, к обеду.

Он увидел длинную стойку, заставленную тарелками с едой: тонкими ломтиками ветчины, дымящимся омлетом, вареными яйцами, колбасой, гренками и еще множеством незнакомых блюд. Продолжали этот ряд стаканы с фруктовым соком, молоком, горячими напитками и розетки с разнообразными джемами, желе. Будто кто-то выволок на стол весь запас стоянки, чтобы устроить пир горой. Но чтобы все это съесть, нужен был нечеловеческий аппетит.

— Какой ты смешной. Просто выбери, что хочешь, и поставь на поднос, — сказала она. — Вот, возьми.

Она потянула с края стойки пластиковый поднос, передала ему, и, вооружившись таким же, двинулась вперед по проходу, выбирая блюда. Он пошел за ней следом — брал всего по одной порции — и скоро заполнил весь поднос.

— Ну надо же! — засмеялась она. — Ладно, ставь на мой.

Стойка закончилась, в дверном проеме он увидел просторное помещение. Квадратные столики, с белыми скатертями, тянулись в ряд. Кое-где сидели люди, заканчивая десерт: и мужчины, и женщины были в комбинезонах или в халатах, вроде тех, что он уже видел. Хотя на нем была вполне нормальная одежда, ему стало не по себе. Увидев его замешательство, Соса кивнула на свободный столик и помогла освободить поднос.

— Я бы могла представить тебя, но у нас не принято беспокоить других во время еды. Если кому-то нужна компания, он просто оставляет свободные стулья на месте, а если хочет побыть в одиночестве, тогда вот так, смотри. — Она прислонила спинки свободных стульев к столу. — Теперь нас никто не потревожит.

Она окинула взглядом скопище его тарелок:

— Только учти, Сос, у нас ничего не должно пропадать. Тебе придется съесть все, что ты взял.

— Разумеется, — кивнул он, набрасываясь на еду.

Она, быстро покончив с обедом, продолжила:

— Мы называем этот мир подземельем, хотя мы не преступники и ни от кого не скрываемся. — Последовала пауза, но Сос не понял, что она имела в виду, и промолчал. — А в

общем, все мы здесь смертники. То есть, мы погибли бы, если бы попытались вернуться. Если бы отступили. Год назад я пошла на Гору — и оказалась здесь. Почти каждую неделю у нас появляется новичок. Из тех, кто пошел на Гору и не отступил. Как ты.

Сос оторвался от своей тарелки и прекратил жевать.

— А что, разве кто-то пытается вернуться?

— Да, большинство. Когда устанут или вдруг передумают, или еще что-нибудь. Начинают спускаться.

— Но ведь с Горы никто не возвращается!

— Да, это верно, — сказала она, опустив глаза.

Он не стал расспрашивать дальше, в этой загадке стоило покопаться.

— И все же мы действительно мертвецы, ни один из нас никогда больше не выйдет на поверхность. Но мы не сидим сложа руки. Мы много работаем — все, без исключения. Я покажу тебе, когда доешь.

После обеда она повела его на кухню, где потные повара без передышки сновали между котлами и плитами, а рабочие чистили, загружали тарелки и подносы в моечные машины; потом — показала помещения, в которых люди кропотливо трудились над сложными расчетами. До него не сразу дошел смысл этого занятия здесь, в подземелье. Разве что оно служило какому-то строительству, производству или распределению. В племени Сола ему тоже приходилось вести расчеты, но в этом мире проблемы были куда сложнее.

Наконец она завела его в отсек наблюдения. Здесь у светящихся телеэкранов сидели люди и прислушивались к странным звукам. Изображения на экранах не были похожи на обычные немые пантомимы, и это сразу его заинтересовало.

— Это Сос, — обратилась она к начальнику. — Он прибыл сорок восемь часов назад. Я... я взяла его под свою опеку.

— Все ясно... Соса, — мужчина взглянул на браслет и протянул руку. — Меня зовут Том. Рад познакомиться. Вообще-то я тебя уже знаю — сам тебя вел. Ну знаешь, заставил ты меня повозиться!

— Что значит вел? — Человек с необычным именем вызывал в нем смутную неприязнь, несмотря на располагающую легкость обращения.

— Иди, покажу. — Том подошел к темному экрану. — Это система кругового обзора, покрывающая восточный склон Геликона, снизу и до линии снега.

Он включил экран, и Сос узнал вздыбленную, искореженную поверхность склона, по которому взбирался с помощью

веревки. Ему еще не приходилось видеть изображение реального мира в телевизоре. Картина его заворожала.

— Геликон — это Гора? — спросил он, пытаясь вспомнить, где встречал это название. — Место, где живут... музы?

Том обернулся, и снова странная тень мелькнула в его взгляде.

— Интересно, откуда ты это узнал? Да, мы знаем кое-что о древнем мире и называли Гору... — Он уловил знак одного из операторов и быстро повернулся к экрану. — Ну вот, еще один беглец. Сейчас я его поймаю.

Сос насторожился. Сосы рядом не было; она отвлеклась от их беседы и демонстрировала любопытным свой браслет.

— А что происходит с теми, кто спускается? — спросил он начальника.

— Думаю, это ты сейчас и увидишь, хотя тебе может не понравиться, — Том уперся в него холодным и пристальным взглядом. Сос постарался сдержать раздражение; эти люди наверняка не дрались в кругу, но у них были свои методы расправы.

Том поймал картинку и сфокусировал изображение человека. Это был шестовик средних лет и далеко не в лучшей форме.

— Проиграл, видать, свою женщину молодому и решил напоследок характер проявить, — съязвил Том. — Что-то много таких развелось. Чуть только любовная неудача — сразу на Гору.

У Соса похолодело в груди, но начальник на него не смотрел. — Добрался до снежной линии, замерз, — продолжил он, и на попятную. Если он сейчас снова не передумает...

— А такое бывает?

— Сколько хочешь. Некоторые так и мечутся туда-сюда. Но Гора есть Гора. Только издали смерть здесь кажется красивой, тяжесть восхождения, ветер и холод многих заставляют в этом усомниться. Если человек не всерьез настроен на смерть, он начинает думать: а может, все было не так скверно, как казалось, может, стоит вернуться и начать все сначала? Слабак начинает дергаться, а нам размазни не нужны. На самом деле это просто естественный отбор, хотя тебе, конечно, это ни о чем не говорит.

Сос не поддался на снисходительность тона и подозрения в невежестве. Интуиция подсказывала: чем глубже спрячешь знания, тем верней придут они на помощь в трудную минуту.

— Человек, идущий в своей решимости до конца, стоит того, чтобы его спасти. — Картинка, подчиняясь прикосновению пальцев Тома к рычагам, неотступно держала в фокусе шестовика. — Мы должны убедиться, что это действительно

его последняя схватка с жизнью, что он не сбежит при первой же возможности. Испытание Горой все ставит на свои места. Твой пример показателен — ты ни разу не свернул и даже не засомневался. Ты и твоя птица... жаль, ее мы не могли спасти, хотя у нас ей было бы невесело. Мы видели, как ты пытался прогнать ее и как после она замерзла. Я даже подумал: теперь ты сдашься. Но ты выдержал. Мне понравилось, как ты это перенес.

Значит, весь его мучительный путь к смерти прошел как на ладони перед этим циничным согладатаем? Сос почувствовал себя одураченным и, заставив себя собраться, снова стал следить за шестовиком, который уже подбирался к верхней границе металлических нагромождений. Попозже он найдет случай отплатить за эту насмешку.

— А как вы меня подобрали?

— Затолкали в спальный мешок и подтащили к ближайшему люку. Одно только твое снаряжение волокли втроем. Силища же у тебя, я скажу! А потом — ты и сам помнишь, надо полагать, как тебя ставили на ноги. Я вел тебя, пока ты не свалился окончательно. Бывает, в последнюю минуту пытаются сбежать. Тех, кто сделал хоть несколько шагов назад, мы уже не забираем: пусть замерзают. Нам нужны только те, кто идет до конца. Ты, между прочим, добрался почти до самой вершины. Учитывая, что ты неопытный скалолаз, это кое о чем говорит.

— А почему вы были уверены, что я не покончу с собой, когда проснусь?

— Ну, на все сто мы никогда не уверены. Но вообще говоря, человек из породы самоубийц не пойдет на Гору. Странно, но факт. Покончить с собой может всякий. Однако лишь на Горе смерть проявляется во всей полноте. Если ты взошел на Геликон, ты уже никогда не вернешься. Никто не найдет твоего тела. Как будто ты ушел в мир иной — возможно, лучший. Ты не сдаешься от бессилия, ты благородно уходишь. Так, во всяком случае, я это вижу. Трус накладывает на себя руки; храбрый, волевой — идет на Гору.

Многое прозвучало вполне убедительно, и все же Сос не спешил соглашаться.

— Но ведь ты сказал, что некоторые пытаются отступить.

— Конечно, и даже большинство. Те, что идут сюда для бравады, или из-за ерунды, или просто идиоты. Такой мусор здесь не нужен.

— А что же будет с шестовиком? Если вы его не заберете, куда он денется?

Том нахмурился.

— Да, боюсь, это уже безнадежный случай. — Он повысил голос. — Ты согласен, Билл?

— Вроде того, — отозвался один из операторов. — Пора с ним кончать, там внизу еще один на подходе. Незачем ему это видеть.

— Не самое приятное занятие, — Том прищурил глаза, и в них отразилось если не удовольствие, то его предвкушение. — Чтобы легенда тебе служила, ее нужно кормить...

Он включил еще одну систему. На экране появился тонкий колеблющийся крестик. Он медленно заскользил по экрану и остановился на груди человека. Том потянул на себя красный рычаг.

Столб огня вырвался непонятно откуда и поглотил фигуру пестовика. Сос подскочил к экрану, отказываясь верить собственным глазам. Яростное пламя бушевало еще минуту; затем Том поднял рычаг, и все кончилось. Осталась лишь заметная кучка пепла.

— Огнемет, — любезно объяснил Том.

Сосу доводилось видеть смерть, но сейчас он был ошеломлен. Убийство противоречило всем понятиям о чести: ни предупреждения, ни схватки, ни тени сочувствия. — Значит, если бы я...

Том обернулся. Свечение экрана отражалось и покачивалось в его глазах, как две маленькие лодочки. Он ждал именно этого вопроса.

— Да.

Соса тянула его за рукав.

— Хватит. Пойдем, Сос. Мы должны были тебе это показать. На самом деле, все это не так уж плохо.

— А что если я захочу уйти отсюда? — Подлое, рассчитанное убийство довело его до тошноты.

Она одернула его.

— Не говори так. Прошу тебя.

Вот, значит, куда он попал... Они не шутили, когда называли свое подземелье страной мертвецов. Мертвые души! Но чего он ожидал, когда отправлялся на Гору? Веселья и удовольствий?

— А где ваши женщины? — спросил он, снова шагая с ней по длинным коридорам.

— Их не очень много. Женщины редко идут на Гору. А тех, что имеются, делят между собой мужчины.

— Почему же ты взяла мой браслет?

Она ускорила шаг.

— Я скажу тебе, Сос. правда скажу, но только не сейчас, ладно?

Они вошли в мастерскую чудовищных размеров. Соса

всегда впечатляли рабочие помещения ненормальных, но на этом пространстве их могло бы поместиться сотни. За бесконечными рядами механизмов стояли рабочие, штампуя и отшлифовывая какие-то металлические предметы.

— Как! — воскликнул Сос. — Да это же наше оружие!

— Конечно. Кто-то ведь должен его делать. Ты думал, оно с неба валится?

— Но ненормальные всегда говорили...

— Знаю. А теперь послушай, что я тебе скажу. Часть металла мы добываем сами, часть переплавляем из отходов — и производим оружие. Ненормальные распределяют его, а взамен посылают нам продукты. Но когда я тебе показывала наших инженеров, ты, наверное, и сам догадался, зачем они здесь? И еще мы обмениваемся информацией. Вообще, всех людей можно разделить по сферам: ненормальные — сфера услуг, мы — сфера производства. А воины — сфера потребления. Как видишь, все отлично уравновешено.

— Но зачем? — вырвался у него вопрос, который не давал покоя с самого детства.

— На этот вопрос каждому приходится отвечать без подсказок.

— Знакомые слова. Ты говоришь совсем как Джоунс.

— Джоунс?

— Да, мой наставник из ненормальных. Он научил меня читать.

Она замерла на месте.

— Сос! Ты умеешь читать?!

— Ну, мне всегда хотелось побольше всего узнать. — Он не собирался откровенничать, но теперь решил, что все равно не смог бы долго утаивать собственные знания.

— А ты не покажешь, как это делается? У нас здесь столько книг!..

— Это не так просто. На обучение уходят годы.

— Ну, впереди у нас еще много лет, Сос. пойдем, мне хочется начать сейчас же. — Несмотря на свою крохотность, она играючи потащила его в новом направлении.

Библиотеку он узнал сразу. Во многих отношениях подземелье напоминало дома и учреждения ненормальных.

— Джим, это Сос. Он умеет читать!

Мужчина в очках вскочил и расплылся в улыбке.

— Великолепно! — Затем, осмотрев его с головы до пят, с легким сомнением добавил: — Ты больше похож на воина, чем на грамотея. Без обид.

— А что, разве воинам запрещено читать?

Джим снял с полки книгу.

— Не сердись, Сос, но, может быть, ты прочтешь что-нибудь отсюда? Какой-нибудь небольшой отрывок.

Сос взял пухлый том и раскрыл наугад:

«Брут. Не слишком ли кровав наш путь, Кай Кассий, — снять голову, потом рубить все члены? В смертоубийстве гнев, а после злоба. Антоний — лишь часть Цезарева тела. — Мы — жертв заклатели, не мясники. Мы против духа Цезаря восстали. А в духе человеческого нет крови. О, если бы...»

— Хватит! Хватит! — замахал руками Джим. — Умеешь читать, умеешь. Ты просто обязан работать в библиотеке! Здесь нужно столько...

— А еще ты можешь давать уроки чтения! — нетерпеливо перебила его Соса. — Мы все хотим учиться, но среди нас так мало...

— Я сейчас свяжусь с Бобом. Какая находка! — библиотекарь потянулся к селектору.

— Пойдем отсюда, — Сос был смущен такой суматохой. До сих пор его знаниями интересовались только в школе, после он считал их исключительно личным делом, и эти восторги раздражали.

В искусственном мире подземелья день показался ему необычайно долгим, и он был рад, когда наконец-то все разошлись на покой. Да, здесь было много любопытного и необычного, но провести под Горой всю оставшуюся жизнь...

— Да нет же, Сос, здесь вовсе не так плохо, как тебе кажется, — сказала она. — Со временем ты привыкнешь. То, чем мы занимаемся, очень важно. Мы обеспечиваем целый континент: все виды оружия, все основное оборудование стоянок, каркасы зданий, электронная техника...

— Зачем ты взяла мой браслет?

Она осеклась.

— Хорошо, я отвечу. У нас немного женщин. Существует расписание, по которому каждый мужчина раз в неделю... с одной из них проводит ночь. Конечно, долгие отношения не складываются. С другой стороны — большое разнообразие. Система отлажена и хорошо работает.

Пустить браслет по кругу. Да, он мог представить, что некоторым это нравится, хотя здесь, как он заметил, немногие носили золотые эмблемы.

— Почему же я не включен в эту систему?

— Пожалуйста, если хочешь. Просто я подумала...

— Да нет, я ничего не имею против. Я только хочу знать, почему я стал вдруг твоим постоянным партнером, если женщин у вас и так не хватает?

Губы ее задрожали.

— Ты... ты хочешь забрать его? — Она прикоснулась к браслету.

Слабую, безвольную, он крепко обнял Сосу, уложил на кушетку. Что толку требовать ума от женщины? С жаром она ответила на его поцелуй.

— Нет, я не хочу его забрать. Я... да сними же, наконец, этот халат!

Она живо сбросила с себя все, но затем, как это принято у женщин, отстранилась, будто передумав.

— Сос...

— Ну что еще?

— Я бесплодна.

Он молча заглянул ей в лицо.

— У меня было много... браслетов. Мне пришлось провериться у ненормальных. У меня никогда не будет ребенка, Сос. Поэтому я и пошла на Гору... но здесь дети еще нужнее. Так что...

— Так что ты набрасываешься на всех мужчин, которых стаскивают сюда с Горы?

— Нет, Сос. Раньше меня тоже включали в расписание, но знаешь, когда нет никакой любви и никакой надежды... Некоторые стали жаловаться, что я холодна, я и в самом деле уже ни в чем не видела смысла. Потому Боб перевел меня в приемную команду, где есть возможность общаться с новыми людьми. Понимаешь, когда новичок с Горы попадает на мое дежурство, я чувствую... Нужно все объяснить, показать и пристроить к подходящему делу, — ты уже знаешь. До тебя через мои руки прошло девятнадцать человек — семнадцать мужчин и две женщины. Были старые, злые, сердитые. Ты первый, кто действительно... Ладно, хватит, это уже лишнее!

«Конечно, — подумал он, — молодой, сильный, покладистый. Мечта одинокой женщины! А почему бы и нет? Все лучше, чем получать женщин по списку. И потом, приятней быть с человеком, который способен тебя понять.»

— А если мне захочется иметь настоящую семью, с женой и детьми?

— Тогда... забереешь браслет.

Она сидела рядом, маленькая, очень женственная, прикрываясь скомканным халатом, словно боялась обнажиться полностью, пока не выяснились их отношения. Он подумал о том, как вообще переживается бездетность, и теперь только начал понимать, какие чувства двигали Солом.

— Я пошел на Гору потому, что не смог завоевать женщину, которую люблю. Я знаю, теперь все это в прошлом, но ведь сердцу забыть не прикажешь. Я могу предложить тебе только дружбу.

— Я согласна, — прошептала она, роняя калат.

Он медленно склонил ее на постель и обнял так бережно, словно она была хрупкой птицей, которой он боялся сломать крылья. Он держал ее в объятиях, думая, что на этом все и кончится. И в мыслях был рядом с Солой.

Глава 17

Боб, высокий, напористый мужчина, был признанным лидером подземелья.

— Как я понял, ты умеешь читать, — заявил он без предисловий. — Где научился?

Сос рассказал о школе.

— Жаль... Жаль, что это именно ты. Твои способности могли бы здесь очень пригодиться.

Сос молчал. Все это походило на схватку с владельцем неизвестного оружия. В глазах Боба не было той отвратительной хищности, которой поразил его Том, но и его имя звучало странно, и во всем облике сквозила жесткая непреклонность. Многие из «мертвецов» производили подобное впечатление. И здесь нечему было удивляться: по собственному опыту он знал, насколько точно характер лидера отражает подчиненная ему группа людей. Сос строил империю Сола в духе дружеского единения, где был и юмор, и воины могли разрядиться в единоборстве за очки, совершенствуя необходимые навыки. А когда суровый Тил занял его место, все скрепила жесткая дисциплина, в лагерях уже не было места для шуток и удалства. Странно, только сейчас он все это осознал!

— Для тебя мы приготовили совершенно особое задание, — продолжал Боб. — Единственное в своем роде.

Видя, что Сос не торопится вступать в разговор, Боб снизошел до разъяснений.

— Ты думаешь, мы ничего не знаем о том, что делается наверху?.. Информация, конечно, из вторых рук — наши системы обозрения не выходят далеко за окрестности Геликона. Но видим мы гораздо дальше, чем вы, дикари. И лучше. Там, наверху, сейчас возникает империя. Мы должны этот процесс остановить. Немедленно.

Да, при всей своей дальнорзоркости, они так и не разглядели место самого Соса в этом процессе. Теперь стало окончательно ясно, что ему нельзя открывать своего прошлого. Наверняка их огнемет уже дожидался создателя империи, тогда как безвестный, хотя и грамотный дикарь был в безопасности.

— Какая еще империя? — Вопрос дикаря мог рассеять самые основательные подозрения.

— Ты ничего о ней не слышал? — не без презрения, пусть и неосознанного, бросил Боб. Впрочем, он и не мог допустить, что новичок может знать больше, чем он. — Ей правит некий Сол. За год она разрослась невероятно, есть сообщения даже из Южной Америки. Слишком далеко это зашло.

— Из Южной Америки? — Сос читал когда-то о древних континентах: Америке, Азии, Африке, но не подозревал, что до сих пор какой-либо из них может существовать.

— А ты думал, что в мире одно только подземелье? На каждом из континентов есть хоть один свой Геликон. У нас общая система связи, и время от времени, несмотря на языковой барьер, мы обмениваемся персоналом. Южная Америка превосходит нас в развитии; во время войны она не так сильно пострадала. Один из наших операторов владеет испанским, а у них трое говорят по-английски, так что с языками все в порядке. Расстояние между нами большое, и уж если там завелась империя, то пора что-то предпринимать.

— Зачем?

— А как ты думаешь, во что превратится мир, если дикари начнут сами себя обеспечивать? Производить для себя пищу, оружие? Они выйдут из-под контроля!

— Но почему именно я?

— Крепче и сильнее нам еще не попадались. Ты быстрее всех оправился после Горы. Для нас — самая удачная кандидатура.

Да, Боб давненько не занимался дипломатией, если вообще был с ней знаком.

— Кандидатура для чего?

— Вернешься в жизнь и завладеешь империей.

Вернуться в жизнь! Вернуться назад!..

— Я вам не подхожу. Я поклялся не брать в руки оружия.

Это не вполне соответствовало истине, но если они собирались столкнуть его с Солом, то в этом случае он не врал. Он поклялся не выходить с оружием против Сола, и, как бы ни складывались обстоятельства, не собирался нарушать условий их последней схватки, для него это был вопрос чести.

— Ты так серьезно относишься к этим клятвам? — Ухмылка Боба растаяла, когда Сос посмотрел ему в глаза. — Ну хорошо, а если мы научим тебя драться без оружия?

— Без оружия — в круге?!

— Ну да, голыми руками. Как это умеет делать твоя малышка. И драгоценных клятв своих не нарушишь. Подумай, у тебя будет целая империя! —

Сос был разъярен и этим тоном, и грубым подкупом. Но

возмутиться вслух значило выдать себя. Только выдержка. И терпение.

— А если я откажусь? Я пришел на Гору, чтобы умереть.

— Я думаю, ты уже понял: здесь не бывает отказов. Если принуждением, болью тебя не взять, то найдутся и другие средства. Но я уверен, мы найдем общий язык. Представь хорошенько...

— В жизнь?! — Соса не верила своим ушам. — Но отсюда никто никогда не возвращается.

— Я буду первым, хотя там-то меня никто не узнает.

— Зачем же ты пошел на Гору, если хочешь вернуться?

— Я не хочу вернуться... Я должен.

— Но... — от волнения она не находила слов. — Боб угрожал? Он угрожал? Ты не должен был..

— У меня не было выбора.

Она нахмурилась.

— Ты решил умереть, чтобы отомстить ей? Той?..

— Да... может быть.

— Значит, ты вернешься и снова будешь с ней!

После отсека обозрения ему казалось: здесь видят каждый его шаг и слышат каждое слово. И потому и Сосе он не мог сказать больше того, что знал уже Боб.

— Наверху возникает империя. Я должен свергнуть вождя. Но я уйду не раньше, чем через год. Мне нужно время на подготовку. Нужно многому научиться.

Боб полагал, власть над империей должна склонить Сосу к согласию. И никогда он не узнает истинной причины. Если кто-то и должен бросить вызов Солу, то лучше, если это будет друг...

— Можно я буду носить твой браслет, пока ты здесь?

— Носи его всегда, Соса. К тому же — ты будешь моим учителем.

— Вот как? — Она горестно покачала головой. — Значит, наша встреча не была случайностью. Боб заранее рассчитал. Он знал уже, как тебя использовать.

— Возможно.

— Он все подстроил! Гадина! — она заплакала. — Как это больно! Как больно!

— Для него это, похоже, обычное дело. Он вычислил самый удобный способ, а мы оказались самыми подходящими инструментами. Прости.

— И это ты просишь прощения! — Она улыбнулась, пытаясь успокоиться. — Да, теперь мы, во всяком случае, знаем свое место.

Сос даже не мог представить, на какие уловки пришлось пуститься Бобу, чтобы уговорить Сосу раскрыть

свои секреты мужчине. Он перенимал удары и захваты, которые она еще девочкой отработала в племени. Их мужчины презирали безоружную технику, но женщин, которых легко взять, презирали еще больше. И матери передавали дочерям секреты борьбы, поднимавшей их достоинство.

Она показала, как бить рукой, чтобы деревянные бруски разлетались в щепы; как раскалывать их голой ступней, головой, локтем. Она показала уязвимые точки на теле, один удар — и человек обездвижен, искалечен, убит. Он налетал на нее, словно в ярости, и она снова и снова сбрасывала его на пол одним неуловимым движением.

— А теперь попробуй задушить меня! — смеялась она. И потом ему было больно и стыдно, ему, чьи мизинцы были сильнее ее рук. Она показала умиротворяющие захваты, которые проводила одной рукой, сжимая так болезненно, что он не мог ни вырваться, ни сопротивляться. Она приводила в действие природные инструменты человека, за своей простотой почти им забытые: зубы, ногти, пальцы, лоб и даже голос.

Когда он овладел этим, научился избегать и блокировать удары, разбивать и снимать захваты и мгновенно разгадывать обманные ходы, она научила его драться, если выведена из строя рука, нога, обе руки, ноги, глаза. Он преследовал ее с завязанными глазами, стреноженный, утяжеленный грузом, под действием снотворного. Он взбирался по подвесным лестницам в смиренной рубашке; привязав руку к ступне, прорывался сквозь густой частокол штанг. Удары, которые в первый раз сбили его с ног, теперь он переносил с легкостью, почти незаметно смещаясь, чтобы сделать их неосязаемыми.

А затем он отдался на волю скальпеля и иглы. Под кожу живота и поясницы хирург вживил ему гибкие пластиковые щиты, способные выдержать рубящий удар меча или кинжала. На шею наложил съемный воротник, укрепил металлическими прутами полые кости рук и ног, пах закрыл металлической сеткой. Переделал и лицо Соса, заменив носовые хрящи более надежным материалом и прошив щеки нейлоновым волокном. Укрепил зубы, надел на них коронки. Спилвил вглубь часть лобной кости, заменил ее выпуклой металлической формой.

Когда чужеродные предметы прижились и позволили двигаться, в нем нельзя было узнать прежнего Соса. Ходил он тяжело, в неуклюже, преодолевая боль уродливого перерождения.

Он снова вернулся в комнату со снарядами, более привычными, чем новое тело. Снова взбирался по лестницам, вращался на перекладинах и поднимал тяжести. Гуляя по кори-

дoram, он старался прямо держать внезапно потяжелевшее туловище, постепенно ускоряя шаг, пока не исчезли приступы боли. Подживающие кисти и ступни тренировал, круша деревянные бруски, и нарастил чудовищно прочные мозоли. Когда Соса изо всех сил обрушивалась с шестом на его живот, шею или голову, он стоял, как вкопанный, уже ни на дюйм не сдвигаясь, и только смеялся.

Однажды он выхватил шест из ее не привыкших к оружию рук и одним усилием дубиноподобных пальцев скрутил его в спираль. Затем, двумя пальцами сжав обе кисти Сосы, с улыбкой оторвал ее от пола.

Соса сложилась вдвое и уперлась пятками в его выступающий подбородок

— Ух ты! Просто скала!

Он ухмыльнулся. Без церемоний забросив ее на правое плечо, принялся взбираться по лестнице. Она извернулась и ребром ладони резко ударила его по левой ключице. Но он и глазом не повел.

— Ах ты, горилла эдакая! Все точки в каких-то наростах!

— Нейлон. — Голос у него был хриплым: воротник, сжимавший горло, не способствовал благозвучию. — А Гориллу я в бараний рог сверну.

— И все равно ты огромный страшный зверь! — не сдавалась она и, вцепившись зубами в ухо, принялась его жевать.

— Страшный, как черт, — согласился он, поворачивая голову. Ей стало больно тянуться, и она разжала зубы.

— Ужасный вкус, — она скривилась. — Я люблю тебя.

Он снова повернулся, и она осыпала его лицо звонкими поцелуями. — Отнеси меня в нашу комнату, Сос. Ты ведь хочешь меня, правда?

Он подчинился. Но все получилось не так хорошо, как им хотелось.

— Ты все думаешь о ней, — упрекнула Соса. — Даже когда мы...

— Все это прошло, — ответил он, но голосу его не хватало твердости.

— Не прошло! Ты до сих пор любишь — и скоро возвращаешься...

— Это задание. Ты прекрасно знаешь.

— Она — это не задание. Ты уйдешь, и я тебя больше никогда не увижу, а тебе даже трудно сказать, что ты меня любишь.

— Я люблю тебя.

— Но не так, как ее.

— Да она не идет с тобой ни в какое сравнение. Ты ис-

кренняя, горячая, а она... Я буду думать только о тебе. А ты носи мой браслет. Ну как тебя еще убедить?

Она блаженно улыбнулась и положила голову ему на грудь.

— Конечно, Сос. Я просто безмозглая ревнивая дура. Но мне очень тяжело. Как буду жить без тебя — не представляю.

— Может, я пошлю тебе замену, — неудачно пошутил он.

• Она подняла голову и озорно посмотрела ему в глаза.

— Давай еще раз, Сос. Дорога каждая минута.

— Остынь, женщина! Не такой уж я гигант!

— Такой, такой! — засмеялась она. И снова оказалась права.

Глава 18

Безымянный и безоружный, он снова ступал по земле. Была весна. Почти два года прошло с того дня, когда, с горечью поражения в душе, он отправился на Гору. Соса больше не было: гора мышц и металла вместо тела, уродливая маска вместо лица, сдавленный хрип вместо голоса. Ледяной взгляд сквозь защитные линзы и волосы, обесцвеченные до смертельной белизны.

Соса больше не было, но оставались потаенные воспоминания. Они неудержимо рвались наружу: безымянный подошел к знакомым местам. Лишившись имени, он не утратил чувств. Он шагал, глядя по сторонам, и ему казалось, что все осталось прежним, и даже маленькая птичка сидит на его плече. Как хотелось бы ему забыть, что он вернулся не человеком, а разрушительным механизмом! Снова бродить по лесам и ночевать в уюте стоянок, как четыре года назад. Четыре года, длиною в жизнь и смерть!

Он остановился у круга, того самого, в котором Сол-Меченосец сразился с Солом-Всех-Орудий за имя, оружие, и как потом оказалось, за женщину. Не будь той схватки — насколько иным был бы сейчас этот мир!

Он вошел в здание стоянки, мимоходом отметив, какие вещи в ней из подземелья и какие от ненормальных. До чего изменился ход его мыслей! Раньше его никогда не интересовало, откуда что берется; он, как и другие дикари, принимал все как должное. Наивность, граничащая с безрассудством.

Он забрался в буфет и, вытащив половину запасов, принялся неторопливо с ними расправляться. Чтобы поддерживать свою гигантскую массу, приходилось поглощать горы еды, и без всякого удовольствия. Чувством вкуса тоже при-

шлось пожертвовать ради обладания нечеловеческой силой. Хотел бы он знать, удавалось ли древним хирургам совершать свои чудеса, не затрагивая органы чувств? Или вместо воинов у них были машины?

Вечером его одиночество нарушила молоденькая и довольно привлекательная девушка, но, взглянув на запястье и не обнаружив браслета, она не стала его беспокоить. Стоянки всегда были превосходным местом для охоты за браслетами. Интересно, знают ли ненормальные о таком особом использовании их услуг?

Он улегся на кушетку. Девушка, проявив должное почтение, заняла соседнюю, хотя прекрасно могла бы уединиться где-нибудь за колонной. Долго лежали молча, когда же до нее дошло, что он один, она начала вертеться и вздыхать. Ему приходилось читать, что в древности женщины остерегались мужчин и редко отваживались спать в присутствии незнакомцев. Хотя с трудом верилось, что в более развитой цивилизации бытовали столь дикие нравы. Немыслимо, чтобы мужчина вдруг посягнул на то, что ему не давалось по доброй воле, или чтобы женщина ни с того ни с сего, по чистому капризу, стала обходить мужчин стороной. Правда, Соса рассказывала о своем племени, где к женщинам относились совсем иначе, — выходит, не все зло исчезло в пламени Взрыва.

Девушка, наконец, решила на первый шаг:

— Простите, конечно, но где ваша женщина?

Он думал о Сосе, озорной малышке Сосе, с виду такой слабенькой для настоящего тяжелого браслета, но такой неожиданно сильной телом и душой. Он тосковал по ней.

— В стране мертвых.

— Простите, — она, конечно, истолковала его ответ по-своему. На это он и рассчитывал. Если мужчина любил свою жену, он хоронил ее вместе с браслетом и не заводил другого, пока не истекал срок траура.

Девушка села в постели, прижав руки к груди в жесте сочувствия:

— Мне не нужно было спрашивать.

— Это мне нужно было объясниться сразу, — великодушно возвратил он извинения, подумав, каким уродом должен казаться он этой девчушке.

— Если вы все же...

— Без обид. — Тон его не допускал возражений.

— Ладно, — она натянула на голову одеяло.

Сможет ли эта простая, милая, безыскусная девушка, делившая с ним кров, но не постель, — сможет ли она когда-нибудь вызвать такой накал страстей и отчаянья, который довелось пережить ему? Протянет ли ей завтра свой браслет

какой-нибудь большой и глупый воин, для того чтобы через год, потеряв ее, пойти на Гору?

А почему бы и нет? Такой во все времена была несокрушимая сила любви. «Но запомни навек поцелуй над Долиною Красной реки...» И любой человек, мужчина ли, женщина ли, хранил в душе своей способность отдаваться ей без остатка. Ради этого чуда и стоило жить.

Утром она приготовила завтрак — еще одна любезность с ее стороны, говорившая о хорошем воспитании. И когда он выходил из душа, она поспешила отвести взгляд. Затем они без лишних слов простились и разошлись. А ведь кто знает, встретиться она года четыре назад...

Путь, который когда-то прошли двое мужчин и женщина, занял у него всего одну неделю. На всех стоянках он держался особняком, и его не беспокоили. Немного удивило отсутствие перемен в людях, но это и радовало — теперь, когда он мог сравнить их простые нравы с опытом жестокости и коварства.

Но перемены все же были. Исчезла граница. Вероятно ненормальные, приняв во внимание его рассказ мистеру Джонсу, пришли сюда со своими шелкунчиками (сделанными, вспомнил он, в электронных цехах подземелья) и заново проверили зону.

То и дело попадались следы и тропы животных. Вероятно, исчезли и мотыльки с землеройками. Или ужились с новым окружением?

И — вот чудо! — старый лагерь, к которому он так часто возвращался в мыслях, сохранился и жил! В его боевых кругах все так же упражнялись воины, и даже большая палатка осталась на прежнем месте у реки. Защитный ров, напротив, был наполовину засыпан, его края округлились и заросли травой. Значит, землеройки здесь больше не появлялись. Им пришлось уступить место более сильному — человеку.

А почему, собственно, он так удивился, увидев здесь людей? Ведь знал он: так и будет. Четыре года назад для этого он сюда и пришел. Это место — колыбель империи.

Он подошел к лагерю и его окликнули.

— Стой! Из какого ты племени? — гаркнул приземистый шестовик, разглядывая его необычный наряд и пытаясь определить оружие.

— Я сам по себе. Проведи меня к вашему командиру.

— Как тебя зовут?

— У меня нет имени. Проведи меня к командиру!

Шестовик нахмурился.

— Я вижу, тебя стоит поучить хорошим манерам, приятель.

Сос молча протянул правую руку, схватил шест и начал поднимать.

— Эй, что ты!.. — Воин не мог его пересилить и не хотел отпускать своего оружия. Сцена была уморительна: один едва касался носками земли, вцепившись в шест, а другой тянул орудие к небесам одной лишь рукою.

Презрительно улыбаясь, Сос раскачал шест. Воин болтался, как маятник.

— Если ты не проведешь меня к вождю, я сам тебя к нему отнесу. — Он резко опустил орудие, шестовик грохнулся оземь, так и не расцепив пальцев.

У круга уже собрались зрители, представление следовало завершить. Обеими руками он взялся за конец шеста, — воин дурачки завис в воздухе, — раскрутил его, словно метательный снаряд, и запустил подальше.

После этого он скоро предстал перед командиром, едва заметно усмехнувшись, когда увидел знакомое лицо.

— Что привело тебя к нам, силач? — спросил Сэв, не узнавая изуродованного лица Соса. — Мы заняты очень важными делами, но если ты хочешь присоединиться...

— Нет. — Впервые он порадовался тому, как бесцветно и хрипло звучит его голос. — Все, что от вас и лично от тебя требуется, это перейти ко мне, под мое начало.

Сэв от души рассмеялся.

— Я Сэв-Шестовик, занимаюсь тренировкой новобранцев вождя империи. И, разумеется, я никуда не перейду, если это не приказ самого Сола.

— Сол ничего не приказывал. Я пришел свергнуть его и стать вождем.

— Вот даже как! Что ж, господин безымянный, можешь начать прямо здесь. Я выставлю против тебя своего человека, и ты либо возьмешь его, либо вступишь в наше племя. Какое у тебя оружие?

— Никакого, кроме собственных рук.

Сэв с интересом изучал его.

— Постой, дай сообразить. У тебя нет ни имени, ни племени, ни оружия — и ты собираешься захватить этот лагерь?

— Да.

— Хм. Видать, плохо я сегодня соображаю, но никак не пойму, каким образом ты думаешь это сделать.

— Я побью тебя в круге.

Сэв расхохотался:

— Без оружия?

— Ты боишься драться со мной?

— Уважаемый, я не стал бы драться с тобой, даже будь у

тебя оружие. Вот если б у тебя было племя величиной с наше... Ты что, не знаешь правил?

— Я просто не хочу попусту тратить время.

Сэв присмотрелся внимательней.

— Кого-то мне ты напоминаешь? Не то, чтобы лицо. Или голос. Но такой же...

— Назначь человека для схватки, я побью его и всех остальных по очереди, пока племя не станет моим.

Сэв смотрел на него с сожалением.

— И ты хочешь драться с мастером-шестовиком? Голыми руками?... Не слишком мне это нравится, ну да ладно. — Он подозвал одного из воинов и взглядом указал на главный круг.

Шестовик недоуменно уставился на Соса.

— Но у него же нет оружия!

— Да ты только стукни его пару раз, — посоветовал Сэв. — Ему очень этого хочется.

Стали собираться зрители. По лагерю уже пронесся слух о диковинном происшествии с дозорным.

Сос снял тунику и остался в коротких штанах и босой.

Зрители оцепенели. Туника закрывала его от подбородка до колен, а руки — до локтей, пряча почти все его тело. И воины, обманутые белизной волос и глубокими морщинами, поначалу приняли его за довольно пожилого, одряхлевшего человека. Похвальба его показалась скорей чудачеством, чем реальной угрозой.

— Вот это бицепсы! — раздался возглас. — Как две булавы!

— А посмотри на шею!

Сос больше не носил стальной воротник. Его шея превратилась в одну огромную, покрытую шрамами, ороговевшую мозоль.

Шестовик, выставленный для схватки, глазел на него с отвисшей челюстью.

Сэв отозвал его.

— Гом, иди ты, — приказал он, отрывисто выкрикивая слова.

Вперед выступил воин, более внушительный, покрытый следами бесчисленных сражений. Он держал свое оружие наготове и без колебаний вступил в круг.

Сос тоже переступил черту и встал, уперев руки в бедра.

Гом не долго церемонился. Сделав несколько пробных выпадов, проверив реакцию безымянного сильнейшим ударом он поразил его в шею.

Сос не шелохнулся.

Шестовик оглядел озабоченно свое оружие, ударил снова.

Простояв минуту, Сос, наконец, сдвинулся. Он подошел

к сопернику и, небрежно взявшись за шест, вывернул его одним резким движением кисти.

Сос и пальцем не тронул самого воина, но тот, пытаясь удержать оружие, переломал пальцы. Оружие оказалось далеко за кругом.

— Есть первый воин! — объявил Сос. — Но сейчас он не в состоянии драться снова, поэтому со следующим я буду сражаться за двоих.

Потрясенный, Сэв выставил второго воина, назначив третьего запасным. Не долго думая, Сос поймал его шест за оба конца и держал, пока воин тщетно пытался вырвать его обратно. Затем он проделал свою излюбленный прием и невозмутимо отошел в сторону.

Шестовик ошалело уставился на свой инструмент, скрученный в бараний рог. Сосу оставалось только ткнуть его пальцем, чтобы тот, спотыкаясь, попятился из круга.

— Итак, четыре воина вместе со мной. Теперь я буду драться за четверых.

У круга уже столпился весь лагерь.

— Ты добился своего, — сказал Сэв. — Я сам буду с тобой драться.

— Ты и все твоё племя против моей жалкой кучки? — издевательски ухмыльнулся Сос.

— Моя сила против твоей силы, — ответил Сэв, словно не заметив насмешки. — Моя команда — против твоей службы и полных сведений о себе. Кто ты такой, откуда пришел, где научился таким приемам и кто тебя послал.

— Мою службу ты получишь, если выиграешь. Об остальном я поклялся молчать до конца жизни. Назови другие условия.

Сэв взялся за шест:

— Боишься драться со мной?

В толпе послышались смешки. Сэв ловко повернул против Соса его же собственные слова. Кто кого высмеивал?

— Я не могу делать ставкой сведения о себе. Не имею права.

— Ты уже показал нам свою силу. А мы любопытны. Требуешь от меня сдать целый лагерь, а сам даже не желаешь рассказать о себе. Что-то мне не верится, что ты действительно хочешь драться, чужак.

Толпа, живо следившая за словесным поединком, дружно поддержала его.

Сос отдал должное качествам лидера, которых раньше в Сэве не замечал. Сэв понимал, что эта схватка не принесет ему победы, но, боясь позора, не мог на ней настаивать. Поэтому он вынуждал отступать Соса. В самом деле: не пов-

редив своей репутации, Сэв просто откажется драться, пока не будут приняты его условия, и слух об этом быстро разнесется по всем остальным племенам Сола. Это был очень ловкий тактический ход.

Сосу пришлось уступить.

— Хорошо. Но я расскажу только тебе. Больше никому.

— А я расскажу, кому захочу! — нашелся Сэв.

Дальше упираться было бессмысленно. Если по несчастной случайности он проиграет, то побеседовав с Сэвом с глазу на глаз, можно было надеяться убедить его сохранять тайну. Сэв всегда был парнем отзывчивым и благоразумным, и можно было не сомневаться, что прежде чем действовать, он все внимательно выслушает.

Скверно только, что этот улыбчивый шестовик должен пострадать от руки своего друга.

Сэв вступил в круг. Он превратился в настоящего мастера: его ослепительно сверкавший шест не знал ни усталости, ни промаха. Наблюдая за двумя предыдущими схватками, он кое-что для себя отметил; его оружие не медлило ни секунды, чтобы не угодить в огромные лапы захватчика.

Не стал он тратить и на бесполезные удары по роговой броне. Вместо этого он старался попасть в лицо, чтобы ослепить врага, и осыпал ударами его локти, кисти и ступни. И все время бегал, заставляя двигаться и Сосу, — это, по его расчетам, должно было быстро утомить великана.

Но все его попытки ни к чему не привели. Чтобы не слишком позорить командира перед людьми, пару минут Сос делал вид, что отбивается, а затем вырвал летящий шест и схватил Сэва за кисть. Дернув его на себя, второй рукой он ухватился за локоть.

Раздался треск.

Он разжал пальцы и вытолкнул Сэва из круга. Два острых обломка кости торчали из отверстой дыры. Воины подхватили падающего командира и сделали все, что было в их силах: соединили обломки и плотно обвязали ужасную рану. Сос наблюдал за ними из круга немигающим взглядом.

Особой необходимости в этом не было. Победить он вполне мог бы и бескровно. Но победа ему требовалась убедительная, не оставляющая никаких сомнений. Если б он просто вышиб Сэва из круга одним внезапным ударом, не причинив вреда, воины сразу усомнились бы в его решимости и желании драться, настаивая на продолжении поединков. Теперь же новых доказательств не требовалось. Воины поняли: не стоит связываться с тем, кто смог искалечить их командира.

И это не было ни предательством, ни трусостью. Зная выносливость бывшего друга, Сос причинил ему жуткую

боль, но помог сохранить нечто более важное: достоинство побежденного.

— Назначь своего заместителя командовать лагерем, — жестко бросил он Сэву. — Завтра утром пойдешь со мной.

Глава 19

На рассвете они вышли. Потеря крови и боль в сломанной руке Сэва мешали им идти быстро и без передышек, и ночь было решено провести на стоянке, благо, никем не занятой.

— Почему? — вдруг спросил Сэв за ужином.

— Ты насчет руки?

— Нет. Это я понимаю. Почему ты?

— Захватить империю Сола — задание, которое я получил. Пока я не свергну всех его командиров, вряд ли он лично станет со мной драться.

Придерживая руку, Сэв отклонился на спинку стула.

— Я не об этом. Почему — ты, Сос?

Он был ошеломлен вопросом. Второй только день — и вот, пожалуйста... Чем он себя выдал?

— Ты можешь довериться мне, — продолжал Сэв. — Я никому не говорил о том, что у тебя было с Солой, хотя ничем не был связан и ничего тебе не обещал. И сейчас я никому не скажу. Я имел бы на это право, если бы выиграл...

— Как ты догадался?

— Но мы ведь с тобой порядком пожили вместе, помнишь? Я успел изучить тебя, и не только внешне. Я помню твой характер и даже запах. А прошлой ночью я долго не спал, рука болела, — и бродил вокруг твоей палатки.

— Ну и что?

— Я узнал твой храп.

— Храп?... — Сос даже не подозревал, что храпит.

— Да, к тому же я заметил еще кое-что. Например, как ты смотрел на то место, где стояла наша маленькая палатка. И я прекрасно понял, что думал ты совсем не обо мне! И сегодня, когда мы шли, ты всю дорогу хрипел себе под нос «Долину», точно так же, как Сола вечно напевала «Рукава». Представь себе, я узнал мелодию, хотя и раньше ты ее перевирал. И кто бы еще позаботился о том, чтобы я проиграл, как мужчина? Разве это входит в твоё задание? Хотя на самом деле ты просто отплатил услугой за услугу.

— За какую услугу?

— А кто всю зиму отпугивал девочек от твоей палатки?

Потом мне самому приходилось их ублажать. Кто послал за Солом, когда пришла пора? Да и все такое.

Значит, Сол не возвращался, пока Сола не понесла от него!

— Про Сола ты все знал?

— Я, наверное, от природы догадлив. Но умею держать язык за зубами.

— Это я уже понял. — Сос помолчал, приспособливаясь к новому повороту событий. Парень оказался намного умней и скрытней, чем он предполагал. — Ну хорошо, Сэв. Я расскажу тебе все. А ты посоветуешь, как лучше держаться, чтобы больше меня не раскусили.

— Идет! Кроме...

— Никаких кроме. Больше обо мне никто не должен знать.

— Кроме двоих, которые все поймут, хочешь ты этого или нет. Ты будешь в ста шагах от Сола — и он тебя узнает. Его не проведешь. И Солу ты не сможешь обмануть. С другими, конечно, все просто. Тор, например, проглотит любую байку.

Наверное, Сэв прав. Но это Соса почему-то не слишком беспокоило. Он честно старался выдать себя за другого, и если был признан ближайшим другом, то вряд ли мог винить себя. Все равно слухов не будет.

— Ты спросил, почему я? Конечно, они меня заставили, но ничего бы у них не вышло, не будь у меня собственных сомнений. Почему я? Да потому что я создал эту империю, хотя они этого не знали. Я все продумал и устроил, я обучал людей и оставил после себя тех, кто мог продолжить мое дело. Если все это было ошибкой, то я просто обязан исправить ее сам, и только я могу сделать это без суматохи и кровопролития. Я единственный, кто знает природу империи и тех людей, которые в ней правят. И единственный, кто может победить Сола.

— Может, ты лучше начнешь с самого начала? Ты ушел, потом, я слышал, вернулся с веревкой, дрался с Солом, проиграл и пошел на Гору...

Начал брезжить рассвет, когда история подошла к концу.

Племя Тила оказалось намного больше того, которым еще день назад командовал Сэв. В отличие от лагеря новобранцев, это было одно из основных племен и насчитывало около пятисот воинов. На этот раз со входом не было никаких проволочек: будучи приближенным самого вождя, Сэв говорил тоном, в котором при общей мягкости явственно слышались металлические нотки приказа. Они вошли в лагерь и через десять минут были приняты самим Тилом.

— Что за дело привело тебя, соратник, — осторожно начал Тил, обойдя молчаньем забинтованную и подвязанную

руку. Он выглядел постаревшим, но все таким же уверенным в себе. Все время рассказа Сэва, Тил разглядывал тунику безымянного, пытаясь определить, что под ней скрывается.

— Ну что ж, бывший соратник, вызов принят. Но мое племя намного сильнее твоего. Так что сначала ему придется показать себя с кем-нибудь ниже рангом.

— Конечно. Выставь своего третьего — это будет соответствовать моему первому. Если он побьет, дело будет за тобой. Сегодня посмотришь его в поединке, завтра — сразишься сам.

— Я гляжу, ты в нем уверен больше, чем в себе...

Сэв обернулся к Сосу:

— Вождь, не могли бы вы снять свою одежду...

Сос кивнул. Парень был прирожденным советником и дипломатом.

Тилу оказалось достаточно одного взгляда. От потрясения он даже привстал.

— Ясно. А какое у тебя оружие?

— Я иду в круг с пустыми руками.

— Ясно, — повторил Тил и задумался.

В тот же день одним пудовым ударом кулака Сос повалил на землю третьего меченосца. Бил правой, а левой — чтобы не мешал меч — схватил его прямо за лезвие. На роговом панцире ладони, под которым пружинилась проволоочная подкладка, появился небольшой порез. К лезвию он подбирался осмотрительно, но зрители остались в полной уверенности, что он остановил его голой рукой на самом полном ходу.

Тил умел учиться, он держался на расстоянии и орудовал мечом так, словно пальцы Безымянного были лезвиями кинжалов, а голова — тяжелым шаром булавы. Мелькающий клинок обеспечил хорошую защиту, Тил долго не сдавал позиций.

Но он не учел одного: и ноги Безымянного были опасны, — не только руки и голова. Один резкий удар в колено — и на мгновение Тил утратил способность двигаться, пронзенный нестерпимой болью. Он был уверен, что это конец, но, презирав опасность, продолжал драться: любая задержка была губельна. Подкошенный вторым ударом в колено, Тил принял отчаянную атаку. Клинок вонзился в плечо. Сос взметнул руку и свалил Тила, ударив сжатыми пальцами у основания шеи.

Он вырвал из плеча меч и сам перевязал рану. Металлическое укрепление внутри кости остановило острие.

Когда Тил снова обрел способность двигаться, они направились к следующему племени, все ближе подбираясь к лагерю самого Сола. Тил взял и семью, Безымянный не обещал

быстрого возвращения. Дети во все глаза смотрели на чудовище, победившее их отца.

В откровенные беседы не пускались, Тил не узнал Соса, а случайные и опасные реплики Сэв ловко отводил.

Через три недели они добрались до лагеря Тора. Чтобы заставить Сола войти в круг, нужно было укрепить свою свиту еще одним командиром. Он властвовал уже над шестью сотнями воинов, но оставалось еще восемь племен, и некоторые — довольно большие. Сол мог удержать империю, отказавшись от личного поединка и дав приказ другим не принимать вызов. Захват третьего племени сделал бы отвалившийся кусок слишком большим, чтоб так просто им можно было поступиться.

Племя Тора было меньшим, чем у Тила, но все же достаточно грозным формированием. В нескольких кругах упражнялись парные команды: похоже, сражение с Питом прошло успешно.

Конечно, его уже ждали. Тор встретил его и немедленно увел к себе для личных переговоров. Сэв и Тил остались у входа.

— Я вижу, у тебя семья... — начал Тор.

Сос пошевелил обнаженным запястьем:

— У меня когда-то была семья.

— Ясно... — Тор не ожидал такого промаха и никак теперь не мог найти у противника слабое место. — Ты, говорят, пришел неизвестно откуда,ходишь в круг безоружным, победил Сэва и Тила и собираешься отвоевать у Сола всю империю...

— Да.

— Было бы глупо мне драться, я слабее Тила...

Сос молчал.

— Но не в моих привычках уклоняться от вызова. Сделаем так: я ставлю свое племя против твоих, если ты сразишься с моим представителем.

— С одним из твоих воинов? Неужели ты думаешь, я выставлю шестьсот человек против одного твоего племени? — Сос изобразил возмущение, в тайне беспокоясь лишь об одном: узнал его Тор или нет?

— Я сказал — с моим представителем. Он не принадлежит моему племени. Если он победит — ты освободишь всех людей и пойдешь своей дорогой, Сол со временем вернет их себе. Если победишь — я сдам свое племя, но сам останусь на службе Сола. Не хотелось бы служить другому вождю, по крайней мере, сейчас...

— Хм, интересный случай. — Сос чуял подвох, Тор всегда отличался хитростью.

— Дружище, — возразил Тор, — это ты — интересный случай!

Сос размышлял. Нет, вроде ничего подозрительного. Условия нахальные, но какая ему разница, с кем драться сейчас. Главная цель — добраться до вождя империи. И Тор, похоже, не узнал его. Он, наверное, даже слишком переживал по этому поводу.

— Хорошо. Давай своего представителя.

— Он будет через пару дней, я уже послал гонца. А пока — наш прием.

Сос поднялся и направился к выходу.

— Да, кстати... Кто этот воин?

— Его зовут Рок. Рок-Булава.

Угораздило же поверить этой хитрой лисе! Рок! Рок, которого не смог одолеть даже Сол! И как ловко придумано! Рок всегда был безразличен к власти, дрался из чистой радости действия. Гонцу стоит только шепнуть: «Отличная драка!» — и тот как ребенок, готов следовать куда угодно.

Выбор был безупречен и в другом смысле: Сос не знал более выносливого и по-настоящему неуязвимого человека. Другие пытались одолеть его мастерством — и ничего не добились. У Рока мастерства не было и в помине, зато была неистощимая сила.

Рок объявился через три дня, все такой же огромный и сияющий. За два года он ни капельки не изменился. Хотелось броситься к нему, пожать гигантскую ладонь, и снова услышать радостное «О'кей!» — но... Он должен был остаться безымянным.

Начало смеркаться, и Тор уговорил Рока отложить поединок на утро.

— Сильный воин, большая драка, — объяснил он. — Нужен целый день.

Рок расплылся в улыбке:

— О'кей!

Сос наблюдал, как великан, нагнувшись за троих, с наслаждением облизывал жирные губы, как подлетела стайка хорошеньких девушек, облепила его и принялась разглядывать и щупать браслет. Сос затосковал по прошлому. Вот человек, владевший формулой вечного счастья: невероятная сила, фантастический аппетит и никаких забот о будущем. Как здорово было бы странствовать с ним, купаясь в отраженных лучах его счастья! Действительность могла волновать кого угодно, но не Рока.

Утром, как только рассеялась мгла, они направились к кругу. Воины столпились на подступах такими плотными рядами, что Тору пришлось расчищать дорогу. Об условиях

знали все, кроме, пожалуй, Рока, которому было все равно. Однако самой интересной оставалась, конечно, сама схватка. Только дважды, как гласили предания, Рок был остановлен: один раз наступлением ночи, другой — стремлением его булавы полетать. Но по-настоящему его не побеждал никто. Но говорили также, что он никогда не связывался с неизвестным оружием, например, сетью...

Рок вскочил в круг, залихватски вертя своей булавой, пока соперник раздевался. Аккуратно сложив свою тунуку, Сос остался в одних штанах и, расправив плечи, поигрывал мускулами. Зрители смотрели на них, затаив дыхание.

— Да они же совершенно равны! — потрясенно выкрикнул кто-то.

Сос невольно оглянулся. Неужели он не уступает этому гиганту? Не может быть!

Однако, в самом деле, Рок был выше и шире в плечах, но Сос превосходил его в мощи сложения. Инъекции в операционной подземелья, ускорявшие рост мышц, и защитные материалы, вживленные в тело, намного увеличили его вес, хотя при всей его массе в Сосе не было ни грамма лишнего жира. Весил он, вероятно, вдвое больше, чем в тот день, когда впервые вышел на поиски приключений.

Плечи и руки обоих покрывали шары немыслимой величины, а шею — загорбелая кожа, испещренная шрамами. Но если фигура Рока сужалась книзу, переходя в небольшие бедра и относительно стройные ноги, то по всему телу Соса, делая его похожим на столб, выпирали защитные мускулы. Теперь он не нуждался в оружии: он сам был оружием.

Сос вступил в круг.

Рок начал как обычно, атакуя без приглядки и расчета. Сос нырял и делал все, чтобы не попасть под булаву. Для пушного эффекта он мог спокойно выстоять против любого удара шестом, но с булавой шутки плохи: удар по голове, от души вплеженный Роком, мог запросто лишить его чувств. Сам металлический череп, возможно, и не пострадал бы, но его содержимое превратилось бы в бесформенное желе. Возможно, не пострадают при ударе укрепленные кости рук и ног, но его великолепные мускулы превратятся в кровавую кашу. Рок был в состоянии отдубасить его по первому разряду.

Уильнув от набиравшей обороты булавы, Сос выбросил руку, поймал идущую на подъем рукоять и всадил в живот Року свой поистине железный кулак. Тот покачнулся, но выстоял. Рывком освободив оружие, он обрушил его на бедро Соса, восстановил нарушенное равновесие и снова перешел в атаку. Удара он не ощутил.

Сос закружил у самого края, расхаживая ушибленное бед-

ро и начал лихорадочно соображать. В живот Рока не взять: он выдержал такой удар, от которого у другого все кишки вылезли бы наружу. В том, как он перехватывал булаву, занося ее слева, была своя легкость и даже изящество — качества, которых никто за ним почему-то не замечал. И потом, движения Рока были вовсе не такими уж неосмысленными. Он постоянно менял углы поворота, вкладывая в каждую дугу точную порцию силы. Ни меч, ни шест, не говоря уже о более легком оружии, не могли прорваться сквозь непрестанное мелькание его булавы. Теперь стало ясно, что манера его нападения была и таким же превосходным способом защиты.

Странно, что он не замечал этого раньше. Да и был ли Рок на самом деле таким воплощением тупой силы, каким его привыкли считать? Может быть, все заблуждались, думая, что при своей огромности и мощи он непременно должен быть идиотом? А может быть, подобно Солу, Рок был прирожденным воином, которого вело к победе безошибочное, звериное чутье? И все же у него должны быть слабые места.

Не успев до конца рассчитать движение, Сос рванулся и нанес удар в колено, получив ответ по ноге, будто случайный, но весьма ощутимый. Он снова отразил булаву рукой, сбив ее с пути, и в прыжке по-медвежьи навалился на Рока, сцепив руки за его спиной. Рок шумно выдохнул, высоко занес булаву — и не успей Сос отскочить, поединок бы закончился.

Да, Рок умел защищаться.

Предприняв очередной бросок, Сос поймал его руку и, схватив с двух сторон, попытался сломать, — Рок напряг мускулы и снова оказался неуязвим. Он перекинул булаву в левую ладонь, нацелив смертельную дугу на спину Соса, и тому опять пришлось отступить. Еще один удар ниже локтя Сос провел костяшками сжатых пальцев, стараясь попасть в нервный узел, но, не успев достигнуть цели, был вынужден ретироваться, боясь угодить под булаву. Этим ударом он мог бы сильно ослабить Рока, приблизив свою победу, но в то же время сам оказывался опасно открыт, и один полновесный подзатыльник сделал бы эту победу весьма сомнительной.

Простыми средствами здесь ничего не добьешься. Оставаясь в сознании, Рок будет драться до конца, а свалить его с ног было не так-то просто. Прямой удар в основание черепа? Но от черепа Рока пострадают, скорее, собственные пальцы.

Однако оставались самые коварные приемы: удары в пах, в глаза, в ухо были способны лишить великана чувств.

Сос продолжал нырять и парировать, рукой отбивая руку. Он сомневался. Всякая ли необходимость стоила того, чтобы навсегда превратить друга в калеку? Времени на размышления не было, и он решил драться, как делал всегда: честно.

Тем более, что в подобной тактике не было большого смысла. Рока, не знавшего поражений, вряд ли смогла бы остановить обыкновенная боль. Схватку надо закончить быстро и решительно — и значит, нужно подставиться хоть под один прямой, полный удар. Не рисковать уже невозможно.

Сос подошел вплотную и, нырнув, нацелился головой на подбородок Рока. Булава опустилась на его бедро, сильно задев мышцы, пихнув в сторону; но его удар пришелся на лоб Рока, отбросив голову великана назад с силой, удвоенной сокрушительным падением его собственной булавы. Сос даже не рассчитывал, что прием окажется таким опасным.

Он опустился на корточки и, переместившись, чтобы опереться на здоровую ногу, прыгнул, ребром ладони поразив шею Рока. Непобедимый Рок покачнулся — и рухнул на землю.

Сос замер, не сразу сообразив, что произошло. И поняв — похолодел. Смещение удара, сделавшее его сильнее; инерция, с которой тело Рока следовало за булавой; эффект отдачи от удара по ноге; сама мускулатура, делавшая неподвижной его шею, — все вместе, соединившись, привело к страшному итогу, которого он так хотел избежать!

Шея Рока была сломана.

Он не был мертв. Но даже если он выживет, он уже не сможет двигаться. Никогда больше Рок не войдет в круг.

Сос поднял голову, только сейчас ощутив присутствие людей, о которых совершенно забыл, и его взгляд встретился с глазами Тора. Тот мрачно кивнул.

Подняв с земли осиротевшую булаву, Сос замахнулся ею и изо всей силы обрушил на голову Рока.

Глава 20

— Пойдем со мной, — сказал Сэв.

Сос поплелся за ним к лесу, ничего вокруг не замечая. Он был подавлен и растерян, как тогда, на Горе, после смерти Глупыша. И вот огромный, слегка глуповатый, но славный, веселый малый — убит. Кто бы мог подумать, что неуязвимого великана постигнет столь страшный конец? Он любил Рока, вечно счастливого человека, с которым когда-то бок о бок сражался в круге. По всем воинским понятиям Рок был его другом.

Будь на то его воля, он мог бы прикончить булавщика множеством способов. Он не хотел — и все его старания не причинить Року серьезного вреда лишь затянули схватку.

Хотя, наверное, другого выхода просто не было: победить Рока можно было только убив его. Рано или поздно груз этой вины должен был лечь на его плечи.

Впрочем, он мог утешиться, Рок принял от его руки смерть, какую, возможно, сам для себя желал: один быстрый, беспощадный удар булавой.

Слабое утешение...

Сэв жестом приказал остановиться. Перед ними открылась лесная поляна, в центре которой возвышался небольшой круглый холм из нетесанных глыб, — место погребения и молитвы для тех воинов, кого друзья не желали отдавать ненормальным для кремации.

— А там, в этом подземелье, его могли бы спасти?

— Да, пожалуй... Но только они сожгли бы нас огнеметами раньше, чем мы смогли бы добраться до входа. Честно говоря, я боюсь туда возвращаться.

— Ладно. Что теперь говорить...

Они стояли, глядя на холм, под которым скоро должен был успокоиться Рок.

— Сол время от времени приходит к этому кургану... один... — отрывисто произнес Сэв. — Я думаю, тебе нужно это знать.

Незаметно пролетел месяц, пока Сос, продолжая странствовать, залечивал свои раны. Он вернулся на печальную поляну — и увидел Сола, который на коленях стоял перед холмом, обратив неподвижный взгляд к его вершине.

Сос подошел к нему и тоже опустил на колени. Так, в полном молчании, они стояли рядом.

— У меня был друг, — наконец сказал Сос. — Однажды мне пришлось сразиться с ним, хотя я этого не хотел. Теперь он похоронен здесь.

— И у меня был друг, — отозвался Сол. — Он пошел на Гору.

— А теперь я должен завладеть империей, которая мне не нужна, и ради этого, возможно, снова убить. Хотя все, чего я хочу, — это только дружба.

— Сегодня я целый день молился о дружбе. — Сол сказал так, словно перед ним высились все курганы мира и все времена сошлись в одно. — Когда он снова вернулся в мой лагерь, я подумал, что мои молитвы услышаны, но он потребовал от меня то, что я не мог ему отдать... — он помолчал. — А сейчас бы я мог отказаться от своей империи, если бы это вернуло моего друга.

— Послушай, может, нам с тобой уйти отсюда, куда глаза глядят, и больше никогда и ни за что не вступать в круг?

— Я возьму с собой только дочь, — Сол повернулся к

нему. Увидел ли он под личиной безымянного захватчика кого-то другого, удивился ли словам, столь странным в устах врага? — А ее мать я оставлю тебе, если ты свободен.

— Я приму ее. Во имя дружбы.

— Во имя дружбы.

Они поднялись и крепко пожали друг другу руки. Большей откровенности они себе не позволили.

Лагерь поражал своими размерами. Пять оставшихся племен, готовясь встретить захватчика, пришли сюда, чтобы объединиться вокруг вождя. В ожидании этой встречи две тысячи воинов со своими семьями расположились в лесу и на равнине, проводя ночи в общих палатках и питаясь из общих котлов. Грамотные воины следили за распределением продовольствия, каждый день давая новичкам уроки счета и письма. Руководствуясь сведениями из книг, спецбригады отправлялись в горы, добывали руду. Другие — обрабатывали землю, чтобы вырастить овощи и пшеницу. Женщины, собираясь в группы, учились прясть, вязать, работать на самодельном ткацком станке, пока единственном на весь лагерь. Империя были уже слишком большой, чтобы кормить себя запасами окрестных стоянок, и слишком самостоятельной, чтобы зависеть от внешних источников оружия и одежды.

— Это Соса, — вождь представил ему высокую цветущую женщину и обратился к ней. — Я отдаю тебя этому безымянному. Он могучий воин, хотя и не носит оружия.

— Как хочешь, — она пожала плечами и окинула Сосу равнодушным взглядом. — А где его браслет? Как меня будут звать?

— Можешь носить мой браслет. Я возьму себе новый.

— Можешь носить свое имя. Я не могу предложить тебе другого.

— Ненормальные, — ответила она сразу обоим.

В шатер вбежала маленькая девочка.

— А вот и Соли, — вождь подхватил ее и высоко поднял над головой. Она сжимала в руках игрушечный шест и размахивала им, как настоящим.

— Я амазонка! — она ткнула палкой Сосу. — Я буду драться с тобой в кругу!

Они вышли из шатра и направились к месту, где собрались военачальники: Сэв, Тил, Тор, Тан, Нек и еще трое, незнакомых Сосу. Увидев вождей, они поднялись с земли и выстроились полукругом.

— Мы достигли предварительного соглашения об условиях, — доложил Сэв. — Разумеется, последнее слово за вами.

— А условия такие, — оборвал Сол. — Империя распускается. Каждый из вас будет владеть племенем, которым уп-

равляет от моего имени под началом нового вождя. Но вы дадите клятву никогда не вступать в круг друг против друга.

Они усталились на него, силясь понять, что произошло.

— Вы уже сразились? — спросил Тан.

— Я навсегда покончил с кругом.

— Тогда мы должны служить безымянному.

— Я тоже покончил с кругом, — заявил Сос.

— Но империя развалится на части, если ни один из вас не будет вождем.

Сол повернулся к ним спиной.

— Я все сказал. Так что разбираем вещи и расходимся.

— Минуточку! — воскликнул Тил. — Вам не кажется, что нужно объясниться?

Сол пожал плечами. Сос вдруг заговорил:

— Четыре года назад вы все принадлежали маленьким племенам или странствовали в одиночку. Ночевали в стоянках или собственных палатках и, живя на всем готовом, ни в чем не нуждались. Вы могли идти куда угодно и делать что угодно. Теперь вы принадлежите большим племенам и сражаетесь по приказу. Вы пашете землю и работаете на ней не меньше ненормальных, поскольку вас стало слишком много и нужда заставляет самим заботиться о своем питании. Вы добываете металлы, так как не доверяете уже оружию ненормальных, хотя оно всегда верно служило. Вы изучаете книги — хотите получить все, что может дать цивилизация. Но путь этот ложен. Цивилизация рушит воинские понятия и ценности. Она заставляет бороться за обладание вещами, которые вам не нужны. Пройдет время, и вы переполните землю, став ее погибелью, как землеройки, которые напрочь опустошают свои пастбища. Все свидетельства говорят о том, что итог империи — Взрыв. Этого вы хотите?

Все, кроме Сэва, смотрели на него с недоверием.

— Ты утверждаешь, — неторопливо произнес Тор, — что если мы перестанем быть необразованными, наивными дикарями, если мы перестанем зависеть от ненормальных, то это приведет ко второму Взрыву?

— Да. В свое время. Так было уже однажды. И этого не должно произойти снова.

— И ты считаешь — действительно считаешь? — что единственный способ — это оставить здесь все как было?

— Да.

— Значит, в круге снова будут гибнуть люди, как погиб Рок?

Сос замолк. А прав ли он? На самом-то деле?

— Лучше так, чем всем погибнуть во Взрыве, — неужи-

данно вмешался Сол. — Теперь нас не так много, чтобы все возродить заново.

Не желая, он подкосил аргумент Соса, ведь именно перенаселение было главной бедой империи.

— Но как же так! — разозлился Нек. — Вы хотите сохранить круг, а сами от него отказываетесь!

Наконец, понимавший обе стороны, заговорил Сэв:

— Иногда приходится отказываться от того, что ты любишь и ценишь для того, чтобы ничего не разрушить. Мне думается, это вполне разумно.

— А мне думается, это обыкновенная трусость! — взорвался Тил.

Оба вождя одновременно рванулись в его сторону. Тот не сдвинулся с места.

— Вы оба победили меня в круге. И я готов служить любому из вас. Но если вы боитесь схватки между собой, я должен назвать вас своими именами.

— Ты создал империю и не имеешь права вот так запросто ее бросить, — заявил Тор. — Как вождь, ты за нее отвечаешь.

— И вообще, откуда ты, Безымянный, взял эту историю? — съязвил Нек. — С какой стати мы должны ей верить?

— До империи мы лишь играли в детские игры, — перебил Тан. — А теперь поняли, что такое настоящая жизнь!

Сол, презрительно скривившись, повернулся к Сосу:

— Пусть говорят. Все равно они не смогут нас заставить.

Сос колебался. Весь этот разговор и волновал, и обескураживал. Ведь на самом деле — где доказательства, что вождь подземелья говорил правду? Преимущества цивилизации очевидны, и Взрыву предшествовали многие тысячелетия. Сама ли цивилизация повинна в собственной гибели, или на то были иные, неведомые ему причины? Причины, которых теперь могло уже и не быть?

Незаметно откуда подбежала к ним малышка Соли:

— Ты сейчас будешь драться, папа?

Тил успел перехватить ее: опустил на корточки, медленно согнув еще не вполне зажившие ноги.

— А что бы ты сделала, Соли, если бы папа не захотел драться?

Ее глаза округлились:

— Не захотел драться?

Все молчали.

— Если бы он сказал, что больше никогда не войдет в круг, — продолжил Тил. — Если бы он ушел от нас и перестал быть воином?

Губы Соли задрожали, и она разревелась. Захлебываясь, она подбежала к Солу:

— Ты ведь будешь драться, папа? Покажи им!

Растерянным взглядом Сол обводил лица своих командиров.

— Я буду сражаться... Ради дочери.

Как страшное откровение поразила Соса мысль, что не имя, не женщина, не империя были причиной их поединков. Ребенок! Вот этот ребенок, эта резвая девчонка Соли, которая присутствовала в каждой схватке; круг должен был определить, кто же из них может назвать себя ее отцом.

Сол уже не мог отступить, но не мог отступить и Сос. В подземелье ему слишком ясно объяснили, что произойдет, если он не разрушит эту империю.

— Значит, завтра. — Сос больше не возражал.

— Да, завтра... друг.

— И победитель становится вождем империи, всех племен! — выкрикнул Тил.

— Всех племен! — подхватили другие, и что-то волчье мелькнуло в их оскале.

Они поужинали вчетвером: два вождя, Сола и малыш.

— Позаботишься о моей дочери, — сказал Сол. Теперь это было единственным его условием. Сос молча кивнул.

Сола тоже была немногословна:

— Хочешь меня этой ночью?

Неужели это была та самая женщина, из-за которой он так долго страдал? Сос смотрел на нее, отмечая все ту же пышность фигуры и по-прежнему красивые черты. Она его не узнала, он был в этом уверен. Она ничуть не изменилась, но теперь он видел в ней какую-то скучную, раздражающую обыкновенность.

— Когда-то она любила другого, — сказал Сол. — А теперь кроме власти ее ничто не волнует. Но это не ее вина.

— Я до сих пор люблю его, — отозвалась она. — Его нет на земле, но он жив в моей памяти. А кто будет владеть моим телом, мне безразлично.

Сос смотрел на нее, а видел очертания малышки Сосы, девушки из подземелья, носившей его браслет. Девушки, которую Боб грозился послать вместо него, откажись он от этого задания. И ей пришлось бы пробраться в лагерь Сола под видом чьей-либо жены и — уколоть его и себя отравленной иглой, оставив вождя империи мертвым и обесчещенным. И сейчас ее могут послать, если он потерпит поражение.

Вначале он был обеспокоен судьбою Сола. Знал бы об этом Боб! Лишь согласившись на задание, он мог отвести от него смертельную опасность. Но со временем, с каждой новой тренировкой, угроза, нависшая над Сосой, переживалась еще мучительней.

Сол и Соса: два человека, никогда не видевших друг друга, держат судьбу его в своих руках. И он должен уберечь обоих, не смея ни с кем объясниться.

— Во имя дружбы, возьми ее! — воскликнул Сол. — Мне нечего больше предложить.

— Во имя дружбы, — прохрипел Сос, зная, что человек, которого в мыслях своих обнимет Сола, будет тот, который некогда ушел на Гору. И правды она, быть может, так и не узнает. А женщиной, которую обнимет он, будет Соса. И она тоже никогда не узнает правды. До разлуки он и не подозревал, что так любит ее.

Схватка должна была начаться в полдень. Третья их схватка. Победа Сола будет означать его смерть — таков был приговор подземелья. Дважды он стремился к победе — и проигрывал. Сейчас, искренне желая себе поражения, обязан был победить. Унижение одного лучше, чем смерть двоих.

Сол выбрал кинжалы. Он стоял, лоснясь в солнечном блеске, красавец, силач. Сос с грустью подумал, во что превратиться это тело в жутких объятиях чудовища.

Зрители уже толпились вокруг и шумели, предчувствуя редкий поединок.

Они одновременно вступили в круг и на секунду замерли, отдавая должное легендарным способностям соперника. Как наивны были они, полагая, что схватки удастся избежать! В их власти находились тысячи людей, и — как ни смешно — власть сейчас они уступили им.

Сос сделал первый рывок. Он прыгнул, оказавшись около Сола, целясь железным кулаком в живот. С невероятной быстротой Сол шагнул в сторону — и неглубокий порез рассек руку нападавшего вниз от локтя. Кулак промахнулся, клинок не причинил серьезного вреда. Прикидка сил была окончена.

Сос выжидал момент для второго удара — атаки соперника. Но Сол не спешил пускать в ход кинжалы, зная, что кажущаяся беззащитность рук безымянного — опасная ловушка, что большинство простых приемов — бесполезны или самоубийственны; требовался тонкий, осмотрительный подход.

Они кружили, наблюдая больше за положением ступней и наклоном туловищ, чем за лицом или руками. Выражение лица может обмануть, реакция же тела — никогда; и рукой, не нарушая равновесия, проще сделать обманный прием. Не просчитав всех возможных реакций, они не могли пойти на более решительные действия. И Сол держал кинжалы, словно вовсе забыв о них, а Сос едва касался их своим вниманием.

Сол бросился, замахнувшись клинками сверху-снизу. Сос был наготове и тотчас, как только острия уперлись в подкож-

ные щиты плеча и живота, его пальцы сомкнулись на обоих запястьях. Сол попался. Сос медленно усиливал зажим, подозревая, что до конца еще далеко.

Сол был силач, но куда ему было тягаться с мощью безымянного! Постепенно, поддаваясь болезненному давлению, его кисти стали опускаться. Еще немного — и кинжалы выпадут из безвольных пальцев. И вдруг Сол быстро повернул обе руки, — и... они завертелись внутри захвата! Кожа его блестела потому, что он натерся маслом!

Кинжалы — будто сами собой — резали тыльную сторону ладони. Острые, как иглы, лезвия вонзались в кожу, намереваясь поразить в сухожилия.

Броня кожи могла вынести лишь рубящие удары, она не могла сдержать натиск колющих орудий. Сос освободил одно запястье; второе, рассчитывая сломать, резко дернул на себя, выбросив ногу к внутренней стороне бедра противника. Но свободный клинок Сола не медлил и безошибочно вонзился в предплечье Соса, ступня которого ко всему попала не в мышцы бедра, а в прочную тазовую кость. Разойтись с ним оказалось даже сложнее, чем взять в захват.

И вторая попытка закончилась. Один вышел с белыми метками от сокрушительных тисков, второй — с точками уколов, с кровью, струившейся из руки. Опытные зрители обменивались взглядами, кивали. Даже если безымянный сможет схватить кинжальщика, то не сумеет его удержать. Один сильнее, другой — поворотливее, и пока преимущество было на стороне старого вождя.

Тело Сола покрылось кровоподтеками, на Сосе полыхали бесчисленные порезы, поединок превратился в состязание на выносливость. Так могло продолжаться долго, а этого никто не хотел. Ставка была слишком серьезной, чтоб затягивать развязку. В круге должен был остаться лишь один вождь. И по обоюдному молчаливому согласию они прекратили осторожный обмен ударами.

Сол бросился на землю, как некогда Сос в первом их поединке. Он целил не в торс, почти неуязвимый, а в поверхностные мускулы и сухожилия ног. В одно мгновение он мог превратить соперника в калеку. Сос отскочил в сторону, но два клинка устремились за ним, переброшенные — извернувшись змеей — Солом. Он лежал уже на спине с поднятыми ногами, готовыми отшвырнуть противника. Сос больше не сомневался, столь умелое сочетание атаки с защитой говорило само за себя: этот воин хотя бы отчасти был знаком с приемами борьбы без оружия. Не отсюда ли его легендарная непобедимость?

Единственным преимуществом Соса была грубая сила. И

он использовал его. Ссутулив плечи, он навалился на Сола, прижав к Земле весом всего тела и сцепив пальцы обеих рук на его горле. Ослабленные, но свободные клинки взметнулись и с двух сторон вонзились в роговой панцирь на шее. Сила каждого удара была невелика, но их было много. Снова и снова клинки протыкали шею, уже показались на ней зияющие раны... Столь долгой атаки не могла выдержать даже эта, наиболее защищенная часть его тела.

Сос приподнялся и, не размыкая жестокого кольца, стал швырять Сола из стороны в сторону. Но когда кинжал попал в нерв, когда голова его зашлась огнем, — понял, что проигрывает: клинки свалят раньше, чем Сол лишится чувств от удушья. Щадящего завершения схватки уже быть не могло.

Схватив Сола за волосы, он рванул его голову назад и всадил сокрушительный кулак в дыхательное горло.

От адской боли, от невозможности дышать Сол забился в конвульсиях. Горло было разожжено. И все же смертельные острия продолжали колоть лицо Соса, добиваясь если не победы, то обоюдного поражения.

Один клинок он поймал рукой, зная, что лезвие, увязнув в жестких мышцах ладони, не сможет легко из них выскользнуть. Второй рукой он опять схватился за волосы и встал, потянув Сола за собой. Мгновение — и соперник лежал за чертою.

Но Сос не стал наслаждаться победой. Он ринулся к упавшему другу. Тот с выпученными глазами распластался на земле, схватившись за горло оцепеневшими пальцами. Сос разжал их и принялся сильными движениями массировать шею. Его собственная кровь капала на поверженного вождя.

— Хватит! — раздался чей-то вопль. — Ты уже победил его! Остановись!

Сос не остановился. Он подобрал с земли один из кинжалов и вонзил в незащитное горло — так ловко, словно занимался этим всю жизнь.

Кто-то навалился сзади и был отброшен движением гигантской руки. Он продолжал поворачивать лезвие, пока в горле не появилось маленькое отверстие, к которому он прильнул своим ртом.

Теперь навалились уже несколько человек, стаскивая за руки, за ноги, но он держался крепко. Он сделал мощный выдох, поток воздуха хлынул в легкие Сола, и тот снова начал дышать.

— Сэв! Это я, Сэв! — раздался рев над его головой. — Красная река! Отпусти! Я заменю!

Только теперь Сос оторвал свои окровавленные губы — и потерял сознание.

Он очнулся от боли, — она пульсировала в шее, — руками нашупал повязку. Сола заботливо склонялась над ним, отирая мягкой губкой пот, который градом катился со лба.

— Я знаю тебя, — прошептала она, увидев, что он открыл глаза. — И я никогда не брошу тебя... безымянный.

Сос попытался ответить, но не смог выдать из себя даже хрипа.

— Ты спас его. Снова. Он больше не может говорить, но его состояние лучше, чем у тебя. Хотя ты и победил. — Она склонилась еще ближе и легонько поцеловала его.

Сос поднялся. Огненная боль пронзила шею, голову невозможно было повернуть. Он держался и терпел. Отдельное помещение в главной палатке, где они находились, принадлежало, по-видимому, Соле. Перебирая ногами, он огляделся. Кроме них здесь никого не было.

Сола нежно взяла его за руку.

— Я разбудю тебя перед его уходом. Обещаю. А теперь ложись и спи, не то ты убьешь себя — снова.

Будто все повторялось. Вот так же когда-то она отирала его лоб, и он полюбил ее, еще не понимая этого.

— Пора, — Сола разбудила его поцелуем. Она нарядилась в лучшее платье и снова поразила его своей красотой. Рано он попытался отречься от первой любви.

Сол с дочерью стоял у палатки — с повязкой на горле, бледный. Но в остальном он был собран и здоров. Он улыбнулся, увидев Сосу, подошел пожать ему руку. Слова были излишни. Затем он вложил в его руку маленькую ладошку Соли и повернулся, чтобы идти.

В молчании воины провожали взглядами Сола. Он отправился в путь безоружным, взяв лишь походное снаряжение.

— Папа! — закричала Соли. Она вырвалась из рук Соса и бросилась за ним.

Одним прыжком Сэв настиг ее.

— Он идет на Гору, — ласково объяснил он. — Ты должна остаться с мамой и новым папой.

Соли вырвалась опять и догнала Сола:

— Папа!

Сол обернулся, присел и, поцеловав ее, повернул к себе спиной. Потом быстро встал и зашагал дальше. Сос вспомнил, как сам он пытался прогнать Глупыша вниз, к жизни.

— Папа! — она кричала, отказываясь расставаться. — Я с тобой! — И, чтобы показать, что все понимает. — Я умру с тобой!

Сол снова обернулся и окинул толпу воинов умоляющим взглядом.

Никто не шелохнулся.

Наконец, он взял Соли на руки и решительно направился за пределы лагеря.

Сола уткнулась в плечо нового мужа, беззвучно зарыдала.

— Это его дочь, — наконец промолвила она. — Больше, чем наша.

Провожая взглядом фигуры, Сос уже видел, как с дочкой на руках Сол взойдет на Гору. Угроза ледяной смерти не заставит его повернуть назад, он будет идти, пока мороз и выюга не возьмут свое, и тогда он упадет головой к вершине, прикрывая дочь окоченевшим телом. Он видел, кто откроет свои объятия для сильного мужчины и чудного ребенка. В тренировочной комнате снова будет погоня и, возможно, специальные упражнения для Соли. Это будет, ведь Сол уходил не один, а Соса... разве устоит она перед возможностью иметь, наконец, ребенка?

«Возьми ее! — подумал он. — Возьми ее — во имя любви.»

И он, Сос, останется, чтобы исподволь разрушать империю, не будучи до конца уверенным, что поступает правильно. Он создал ее для другого, и теперь уничтожит, исполняя волю жестоких и трусливых людей, тех, что бояться рождения новой цивилизации, новой силы...

Отчего все главные повороты в его судьбе происходили не его волею? Как и в любви — женщины полностью брали над ним власть... Сол дал ему первое имя и первое задание, доктор Джоунс дал новое оружие, Сол послал на Гору, а Боб вернул назад. Военачальники Сола заставили его встать во главе империи, не зная, что он и есть ее главный враг.

Настанет когда-либо время собственных решений? Опасность, которой раньше подвергался Сол, обернулась и против него: если он не разрушит империю, кто-нибудь придет убить его. Кто-то незнакомый. А там, в подземелье, погибли трое заложников, один из которых — ребенок...

Он взглянул на Солу, прелестную в печали, думая, что женщина, которую он любил неизмеримо больше, будет принадлежать ее бывшему мужу. Ничего не изменилось. Соса, малышка, любимая...

Он повернулся лицом к воинам своей империи. Она, казалась, раскинулась до самого горизонта. Они считали его своим вождем. Но кем же он был? Хозяином — или рабом?

СОДЕРЖАНИЕ

М.Муркок Берега смерти	<i>пер. Л.Ворошиловой</i>	5
Р.Желязны Джек из тени	<i>пер. В.Курганова</i>	117
П.Энтони Сос по прозвищу Вережка	<i>пер. Г.Палагуты</i>	243

**Б 35 Берега смерти Пер. с английского —
М.: РИПОЛ, Джокер, 1992. —
384 с. (Сборник фантастических романов)**

ISBN 5-87012-022-8

***Ответственный за выпуск
Чепурных О.В.***

Подписано в печать 10.01.93 г. Формат 84×108/32. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Физ. п. л. 12. Усл. п. л. 20,16. Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 54. Переплет 7Б
Цена договорная

**Издательства РИПОЛ, "Джокер"
123000 Москва, а/я 21**

Арендное предприятие республиканская ордена «Знак Почета» типография им. П. Ф. Анохина, 185005, г. Петрозаводск, ул. «Правды», 4.

Под одной обложкой собрались три очень знаменитых, но очень разных автора: блестящий сюжетчик Майкл Муркок, великий выдумщик Роджер Желязны и тонкий психолог и юморист Пирс Энтони. Объединяет их главное: неисчерпаемая фантазия и умение увлечь читателя с первых же строчек своих произведений

БЕРЕГА СМЕРТИ

